

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

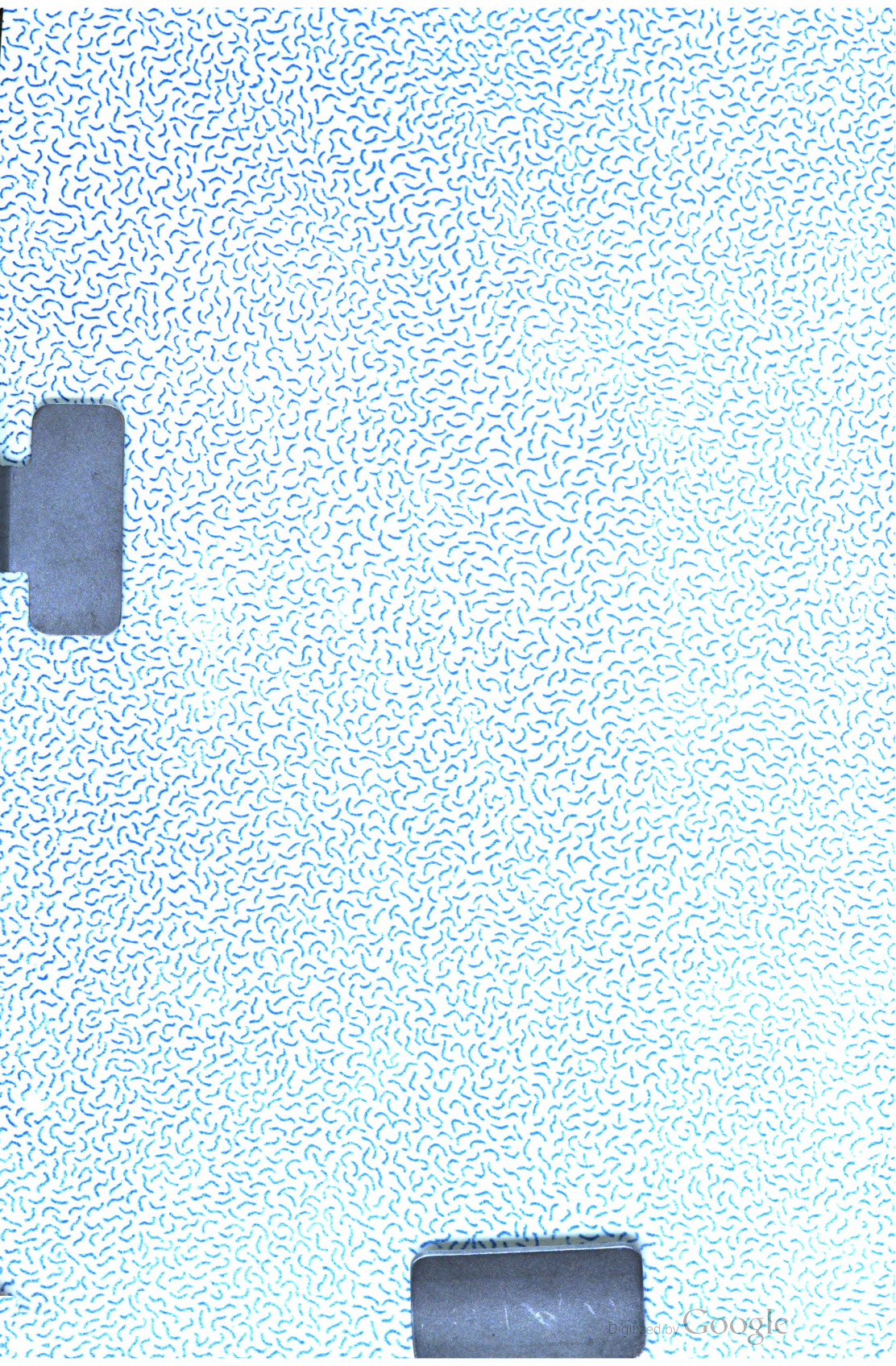
Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

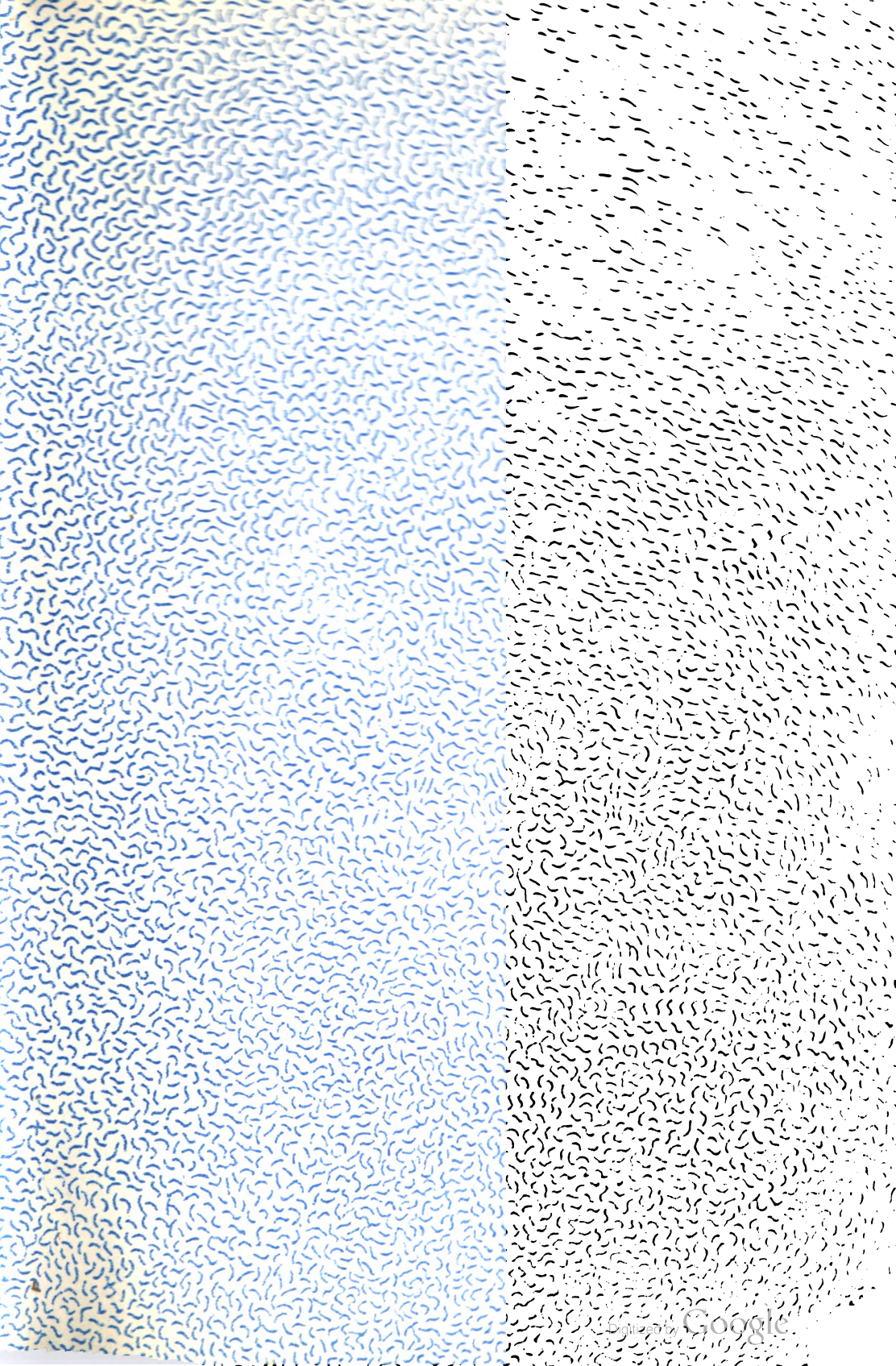

1001011502

М.Н.
Семезовиѣ

Семейство
МОНСОВЪ

AK

Wernicke's Enigma
1891.

11541

СЕМЕЙСТВО
МОНСОВЪ

1913

1913

СЕМЕЙСТВО

МОНСОВЪ

1688—1724

ОЧЕРКЪ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРИИ

М. Н. Семевскаго

ПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФИИ ВАУАРДА ПРАЦА

1862

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 11 іюля 1862 года.

Ценсоръ *Ө. Веселого*

(Оттиски изъ журнала «Время» 1862, №№ II, III, IV, V и VI)

СЕМЕЙСТВО МОНСОВЪ

1688—1724

(ОЧЕРКЪ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРИИ)

I

А Н Н А М О Н С Ъ

1692—1703

Въ 1698 году въ послѣднихъ числахъ августа, Москва тревожно ждала государя изъ его долговременнаго, заграницаго путешествія. Чувство тревоги и страха волновало всѣхъ отъ великаго боярина и «генералиссимуса» Шейна до послѣдняго стрѣльца, томившагося въ колодахъ за извѣстное дѣло подъ воскресенскимъ монастыремъ... Въ толпахъ «сѣраго» народа бродили разные слухи и толки; тѣ и другіе были вызываемы нелюбовью къ Петру и его нововведеніямъ, тѣ и другіе были поддерживаемы полуторагодной отлучкой монарха. «Царя Петра Алексѣевича не стало за моремъ!» таинственно говорили тетки и сестры государя и вслѣдъ за ними вѣсть эту разносили горожанки, стрѣльцы и стрѣльчихи повторяли и вѣрили ей, даже бояре-правители, охваченные, по выраженію государя: «бабьимъ страхомъ». «У насъ на верху (т. е. во дворцѣ) позамялось, шептала одна изъ враждебныхъ Петру царевень своей постельницѣ, хотѣли было бояре государя-царевича улушить...» Государь, передавала стрѣльчихамъ одна изъ боярскихъ боярынь, государь невѣдомо живъ, невѣдомо мертвъ... И въ то число, какъ было бояре хотѣли государя-царевича улушить, его подмѣнили и платье его на другаго надѣли, и царица узнала, что не царевичъ; а царевича сыскали въ иной комнатѣ.

Толки эти, начавшіеся чуть не со времени отъезда Петра, приняли громадные размѣры и были искрой, брошенной въ народъ. «Нынѣ вамъ худо, писала Софья стрѣльцамъ, а впредь будетъ еще хуже. Идите къ Москвѣ. Что вы стали ?..» И стрѣльцы откликнулись на призывъ : «въ Москву, въ Москву ! перебьемъ бояръ, разоримъ Кукуй (нѣмецкую слободу), перерѣжемъ нѣмцевъ !..»

Нѣмцы остались цѣлы ; уцѣлѣлъ и ненавистный народу Кукуй городокъ : стойкость Горюха и цурки Де-Граге спасли кукуйцевъ отъ народной мести ; стрѣльцы были смяты, разбиты, перехвачены и 2 июля 140 обlixованы кнутомъ, а 130 человекъ, по указу Шейна и бояръ-правителей, вздернуты на висѣлицы.

Но розыскъ и казни были слишкомъ поспѣшны, милосерды и необстоятельны для столь важнаго дѣла, такъ по крайней мѣрѣ казалось Петру ; «съ печалью и досадою отъ болѣзни сердца» слалъ онъ еще изъ Амстердама горькія укоризны кесарю Ромодановскому за послабленіе мятежникамъ ; и вотъ съ твердымъ намѣреніемъ «вырвать сѣмя Милославскаго, угасить огонь мятежа» спѣшилъ государь въ столицу : «Сей ради причины, писалъ онъ Ромодановскому, будемъ къ вамъ такъ, какъ вы и начинаете.»

Бояре однако чаяли и чаяли для себя грозную сиверку.

Во вторникъ, 25 августа, въ 6 часовъ пополудни, только-что прозвонили отъ вечерни, въ боярскихъ палатахъ, дворцовыхъ теремахъ, затѣмъ по всей Москвѣ пролетѣла вѣсть : государь пріѣхалъ ! Петръ съ Лефортомъ и Головинымъ возвратился въ столицу. Проводивъ великихъ пословъ до ихъ жилищъ, навѣстивъ нѣсколько боярскихъ семействъ, царь спѣшилъ насладиться радостями любви въ семействѣ виноторговца, одного изъ жителей Кукуй-городка, Ивана Монса. Анна Монсъ, младшая дочь виноторговца, нѣсколько лѣтъ тому назадъ успѣла приковать къ себѣ сердце суроваго монарха. Казалось разсѣянія заграничной жизни, долговременность разлуки должны были погасить любовь Петра къ Аннѣ Ивановнѣ ; это тѣмъ болѣе казалось вѣроятнымъ, что во все время съ марта 1697 года по августъ 1698 года т. е. во время путешествія своего, государь ни разу не вспомнилъ объ Аннѣ, по крайней мѣрѣ этого не видно изъ многочисленной переписки съ его нѣмецкими и русскими слугами. Но видъ Кукуй-городка должно быть воскресилъ въ памяти Петра тѣ пріятные часы, которые онъ проводилъ въ семействѣ Монсъ, и вотъ онъ спѣшитъ обнять одну изъ красавицъ нѣмецкой слободы... «Крайне удивительно, писалъ австрійскій посолъ Гварьенцъ, крайне удивительно, что царь противъ всякаго ожиданія, послѣ столь долговременнаго отсутствія еще одержимъ

прежнюю страстью; онъ тотчасъ по прїѣздѣ посѣтилъ нѣмку Монс^ю.⁽¹⁾

Но любовь любовью, а дѣло дѣломъ. Ночь проведена была въ деревянномъ домикѣ въ Преображенскомъ.⁽²⁾ На слѣдующіе же дни Петръ успѣшилъ принять всѣхъ и каждаго въ комъ только былъ нужда; впрочемъ ни изъ его разговоровъ, ни изъ его поступковъ нельзя еще было замѣтить какіе уроки вынесены государемъ изъ его поѣздки, какія важныя нововведенія должна ждать отъ него Россія. Въ первые дни онъ только и дѣлалъ, что хваталъ своихъ бояръ за бороды и ловко ихъ отхватывалъ ножами, «это были первые — восклицаетъ г. Устряловъ — и самыя трудныя шаги къ перерожденію Россіи!» Затѣмъ изъ впечатлѣній, вынесенныхъ царемъ изъ за границы, стриженные сановники слышали похвалы венеціанскому послу. Петръ очень хвалилъ его за вкусныя блюда и вкуснѣйшіе напитки. Кромѣ посла-гастронома изъ заграничныхъ знакомыхъ Петръ очень сблизился съ королемъ польскимъ. Четырехдневныя попойки и ширшества (на обратномъ пути къ Москвѣ) до такой степени сдружили Петра I съ Августомъ II, что они обмѣнялись кастанами. «Я люблю Августа, говорилъ царь боярамъ, щеголяя предъ ними въ платьѣ новаго пріятеля, люблю его больше всѣхъ васъ; люблю не потому, что онъ польскій король, а потому что мнѣ нравится его личность.»

Такъ говорилъ Петръ въ бесѣдахъ съ сподвижниками и слугами; но заявляя предъ ними прїязнь къ Августу, онъ снѣшилъ однако отпраздновать радость встрѣчи съ московскими друзьями. Устроить пиръ самый роскошный и разгульный было дѣломъ веселаго Леопольда. 2 сентября къ нему собралось до 500 человѣкъ гостей; на пирушку, по указу царя, были созваны всѣ нѣмецкія дамы, находившіяся въ Москвѣ. Разумѣется смѣло можно предположить, что не забыли пригласить и Анну Монс^ю, настоящую *царицу* празднества. Заздравные тосты, клякки пирующихъ, музыка, пальба изъ 25 орудій, залпами встрѣчали каждый тостъ, и самая горячая пляска не переставала до поздняго утра... Но оставимте танцующихъ, поищемъ государя... Вотъ онъ сидитъ за столомъ въ облакахъ табачнаго дыма за бутылками и ковшами; Петръ окруженъ друзьями и слугами, шумна бесѣда «кумпаніи»; хмѣль развязалъ языки, и генералисимусъ, бояринъ Шейнъ, неосторожно пробалты-

(1) Guarient. Дешени его къ имп. Леопольду I, 1698 г. въ X приложеніи ист. Петра. соч. Устрялова. Т. III. стр. 621.

(2) Преображенское лежитъ на лѣвомъ берегу Яузы, за сокольничьимъ полемъ, въ 7 верстахъ отъ Кремля. Нынѣ 2-ой кварталъ покровской части.

вается о разныхъ производствахъ и отличіяхъ, за деньги и въ бодышомъ числѣ сдѣланныхъ имъ въ своемъ отрядѣ. Царь вспыхиваетъ. Выскочивъ изъ за стола, онъ спрашиваетъ о слышанномъ солдаты, стоявшихъ на караулѣ... Отвѣты солдатъ увеличиваютъ его негодованіе; съ страшнымъ гнѣвомъ государь выхватываетъ шпагу и бьетъ ею по столу: «какъ колочу я теперь по столу, кричать Петръ, такъ разобью я весь твой отрядъ, а съ тебя, генералисимусъ, сдеру шкуру!»

Еслибы можно было перенестись въ это общество, созданное по указу царя веселить его и самимъ веселиться, еслибы можно было взглянуть на лица разставцовавшихся нѣмокъ-красавицъ и нѣмцевъ-кукуйцевъ, мы бы увидѣли какой испугъ овладѣлъ ими при звукахъ громоваго голоса Петра; какой ужасъ оледѣнилъ общее веселье, когда увидѣли зловѣщіе размахъ сабли въ рукахъ гнѣвнаго властелина. Генералисимусу грозила явная опасность; одинъ шагъ и — если не шкура, то голова его легко могло бы скатиться подъ столъ; Петръ, какъ мы уже знаемъ, былъ вообще недоволенъ послѣдними распоряженіями Шейна относительно стрѣльцовъ. Князь-кесарь Ромодановскій и князь-папа Зотонъ дерзнули удерживать государя. Тотъ не унимался; нѣсколько разъ хватилъ по головѣ князь-папу, и на половину отрубилъ пальцы князь-кесарю; два удара, направленные въ Шейна, пали на Лефорта, удары были чувствительны, но несмертельны... «Всѣ, такъ повѣствуетъ очевидецъ, были въ величайшемъ страхѣ»; ⁽¹⁾ каждый изъ русскихъ страшился попасть на глаза государю, да едва ли были храбрѣе нѣмцы и нѣмки, особенно послѣдніе. Анна Ивановна (если только она была на балѣ) не дерзнула смягчить гнѣвъ властелина: за это опасное дѣло взялся молодой фаворитъ ⁽²⁾ и взялся успѣшно (*dilato haud dubie in aliud tempus furore*): голова Шейна, а также остальные пальцы его неудачнаго защитника Ромодановскаго остались цѣлы. Въ молодомъ фаворитѣ мы узнаемъ Алекашку; того самаго Алекашку, который нѣсколько недѣль спустя заявилъ особенную ловкость въ отрубаніи стрѣleckихъ головъ... ⁽³⁾ Этотъ фаворитъ, укрощающій гнѣвъ самодержца, этотъ юноша-палачъ съ выразительнымъ личикомъ и огненными глазами, — знаменитый Меньшиковъ...

⁽¹⁾ Guarient. 622, 625, 626. *Партовъ*, если не очевидецъ, то современникъ Петра, передаетъ подробности пира довольно сходно съ рассказомъ Guarient. Смотр. въ Москвит. 1842 г. № 4 стр. 458—460.

⁽²⁾ Слова: «der junge Favorit aber» Guarient пишетъ цифирью.

⁽³⁾ Возстаніе и казни стрѣльцовъ въ 1698 году. «Отеч. Зап.» 1861 г. № 5 стр. 120.

Въ то время , когда пируетъ и извольтъ гнѣваться его царское величество , когда безвѣстная нѣмка съ бойкимъ фаворитомъ раздѣляютъ его вниманіе и ласки , что же дѣлаетъ злополучная , забытая царица ?

Извѣстно , что еще въ бытность свою въ чужихъ краяхъ Петръ приказывалъ довѣреннѣйшимъ изъ бояръ , убѣдить царицу « во свободѣ » удалиться въ монастырь ⁽¹⁾. Царица не соглашалась ; надо думать , что духовникъ и патріархъ , лица , на которыхъ собственно и легло щекотливое порученіе убѣждать Авдотью Федоровну , дѣйствовали съ недостаточнымъ усердіемъ. Петръ взялся самъ за это дѣло и не далѣе какъ на шестой день по пріѣздѣ , четыре часа провелъ въ секретной бесѣдѣ съ женой. Видно *лаконическая* рѣчь Петра не могла склонить бѣдную женщину къ насильному постригу и къ вѣчной разлукѣ съ единственнымъ сыномъ ; по крайней мѣрѣ Петръ былъ очень гнѣвенъ и незамедлилъ вымѣстить гнѣвъ на духовныхъ совѣтникахъ царицы : въ теченіи двухъ часовъ патріархъ молилъ о помилованіи его за то , что онъ не исполнилъ царскаго указа запереть царицу въ монастырь ; оробѣвшій архипастырь винилъ бояръ и нѣкоторыхъ духовныхъ лицъ , которые многими доводами не допустили его до этаго. Оправданіе патріарха еще больше разгнѣвало царя ; три духовныя лица были немедленно , по его указу , посажены въ преображенскія тюрьмы. Что же до патріарха , то онъ едва успѣлъ откупиться большими деньгами ⁽²⁾...

На другой день послѣ описаннаго вами бала приступлено къ рѣшительной мѣрѣ относительно царицы : любимѣйшая сестра Петра , царевна Наталья , оторвала отъ матери ея родное дѣтище ; царевичъ Алексѣй отвезенъ былъ въ Преображенское. Мать строго допрашивали : почему ты не исполнила нѣсколько разъ присланныхъ изъ Амстердама повелѣній идти въ монастырь ? кто тебя отъ этого удерживалъ ? — Царица смиренно отвѣтила , что только долготѣ матери дѣлалъ ее ослушницей царскихъ повелѣній ; она не знала на кого оставить единственнаго сына. — « Затѣмъ , пишетъ Guarient , — ей оказали милость : дозволили выбрать одинъ изъ двухъ названныхъ монастырей для постриженія и оставили за ней право носить свѣтское платье. Царицу увезли въ Суздаль , въ Покровскій дѣвичій монастырь ⁽³⁾.

Что было причиной развода Петра съ женой ? — Извѣстно , что

⁽¹⁾ Царица Авдотья Лопухина. Очеркъ изъ Русской исторіи. «Русскій Вѣстникъ». 1859 г. № 9.

⁽²⁾ Guarient. с. 623.

⁽³⁾ Покровскій дѣвичій монастырь въ городѣ Суздаль — мѣсто заточенія А. О. Лопухиной , ст. въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1860 г. № 12.

г. Устряловъ оставилъ этотъ вопросъ, — вопросъ безразличный и довольно важный для характеристики Петра, першественнымъ. Почтенный историкъ довольно произвольно навязываетъ Петру сомнѣнія въ томъ, не была ли царица Авдотья въ заговорѣ съ Софиею; съ неменьшимъ же произволомъ онъ набрасываетъ на нее тѣны подозрѣнія: не участвовала ли де она въ замыслахъ Соковнина; и за всѣмъ тѣмъ все-таки сознается, «что чѣмъ провинилась царица предъ мужемъ — остается тайной». Намъ кажется, что не зачѣмъ и доискиваться разъясненія этихъ тайнъ догадками объ участіи Авдотьи въ какихъ-то замыслахъ и заговорахъ; не только сочувствовать имъ, но даже и знать о нихъ — царица не могла. Не надо забывать, что она была матерью двухъ сыновей, прижитыхъ отъ своего «лапушки Петруши», не надо забывать, что она горячо любила мужа — о чемъ свидѣлствуютъ ея письма и ея ревность къ государю; малѣйшаго же участія царицы въ какихъ бы то ни было заговорахъ было бы достаточно для строгой казни; будь это участіе и Петръ не сталъ бы церемониться, тратить время на убѣжденія жены удалиться «въ свободѣ», на личныя объясненія съ нею, не сталъ бы и дѣлать ей послабленій даже и на первое время, какъ-то: разрѣшеніе носить свѣтское платье въ монастырѣ и проч. — Нѣтъ, натура Петра въ такихъ случаяхъ не сдерживалась ничѣмъ, никакими связями родства, никакими приличіями... доказательства этого всѣмъ извѣстны. И такъ не въ мнимомъ и ничѣмъ не доказанномъ сочувствіи царицы Авдотьи къ дѣлу противниковъ своего державнаго супруга, надо искать причину ея ссылки и заточенья: причина заключалась въ томъ, что Авдотья Федоровна ни мало не соответствовала идеалу Петра; они — не сошлись характерами. Мы представляемъ ея Авдотью Федоровну идеаломъ такъ называемыхъ до петровскихъ женщинъ, образцомъ царицъ московскихъ XVII вѣка. Въ самомъ дѣлѣ, скромная, тихая, весьма набожная, она обывкала съ терпимымъ заточеніемъ; она нянчилась съ малютками, читаетъ церковныя книги, бесѣдуетъ съ толпой служанокъ, боярынь и боярышень, затѣмъ сѣтуетъ и печалится на вѣтренность мужа. Жгучей, страстной, порывистой натурѣ Петра была нужна не такая женщина, — ему нужна была не безмолвная, величій цѣломудренная царица, одна изъ тѣхъ царицъ, къ которымъ, по словамъ Котошихина, не допускали иноземныхъ пословъ, изъ боязни, что государыня царица не сказала бы какой-нибудь глупости, «и отъ того пришло бы самому царю въ стыдъ» (1)...

(1) Московскаго Государства, говорить Котошихинъ, женской полъ грамотъ неученые, и не обычайному есть, а природнымъ разумомъ простоваты, и на отго-

«Она тупа!» говорилъ Петръ о первой супругѣ (*), слѣдовательно онъ прямо считалъ ее такой царицей, «отъ которой пришло бы ему въ стыдъ»; и такъ — ему нужна была женщина, взросшая не въ русскихъ понятіяхъ. Ему нужна была такая подруга, которая бы умѣла не плакаться, не жаловаться, а звонкимъ смѣхомъ, нѣжной лаской, шутливымъ словомъ кстатѣ отогнать отъ него черную думу, смягчить гнѣвъ, разогнать досаду; такая, которая бы не только не чуждалась его пирушекъ, но сама бы страстно ихъ любила; плясала бы до упаду, ловко и бойко осушала бы бокалы. Статная, видная, ловкая, крѣпкая мышцами, высоко-трудная, съ страстными огненными глазами, находчивая, вѣчно веселая словомъ женщина не только по характеру, но даже и въ физическомъ отношеніи не сходная съ царицей Авдотьей, — вотъ что было идеаломъ Петра: его подруга должна была умѣть утѣшить его и пляской и красивымъ иноземнымъ нарядомъ, и любезной ему, нѣмецкой или голландской рѣчью съ какимъ-нибудь посломъ ли иноземнымъ, съ купцомъ ли заморскимъ или иноземцемъ-ремесленникомъ... Понятно, что такая женщина не могла встрѣтиться Петру въ семействахъ бояръ; въ концѣ XVII столѣтія, въ Россіи онъ ее могъ только найти въ нѣмецкой слободѣ... Анна Монсъ, какъ ему показалось, подошла къ его идеалу, она-то и слѣдилась послѣднимъ поводомъ къ заточенью царицы (**). И мы убѣждены, вопреки г. Устрялову, что ни какихъ больше *важныхъ побужденій*, кромѣ названныхъ нами, не было со стороны Петра; но и ихъ было достаточно для Петра и — онъ отринулъ отъ своего ложа жену, даровавшую ему наслѣдника престола.

Какъ бы то ни было, но фактъ, къ великому соблазну народа, совершился: царь развелся съ женой, — и затѣмъ съ необыкновенной энергіей началъ «гасить огонь мятежный». — Кремлевскія стѣны покрываются трупами; московскія площади обливаются кровью стрѣльцовъ, возставшихъ противъ «иноземческаго» царя, противъ нѣмцевъ и нѣмецкихъ нововведеній; почти всѣ стрѣльцы героями

вооружены и стыдливы: понеже отъ младенческихъ лѣтъ до замужества своего у отцовъ своихъ живутъ въ тайныхъ покояхъ, и опричь самыхъ ближнихъ родственниковъ, чужіе люди никто ихъ, и они людей видѣти не могутъ — и потому mocno дознатца, отъ чего бы имъ быть гораздо разумнымъ и смѣлымъ: такъ же какъ и замужъ выдутъ, и ихъ потому жъ люди видають мало. И толкъъ царь въ то время учинилъ такъ, что... посломъ велѣлъ бы быть у царицы своей на посольствѣ, а она бы выслушавъ посольства, собою отвѣту не учинила бы никакого, и отъ того пришло бы самому царю въ стыдъ. *Котошихинъ*, стр. 46.

(*) *Нартовъ* въ Москвит. 1842 г. № 11 стр. 140.

(**) Тоже думаетъ *Щербатовъ* въ соч. «О погрѣжд. нравовъ» стр. 29.

умирають за старую Русь, погребаемую Петромъ ; не даромъ же и доселѣ народъ поетъ про стрѣleckіе казни :

Изъ Кремля, Кремля крѣпка города,
Отъ дворца, дворца государева,
Что до самой ли Красной площади,
Пролежала тутъ широкая дорожка;
Что по той по широкой, по дороженькѣ,
Какъ ведутъ казнить тутъ добра молодца,
Добра молодца большого боярина,
Что большого боярина, атамана стрѣleckаго,
За измѣну противъ царскаго величества.
Онъ идетъ ли молодецъ — не оступаетъ,
Что быстро на всѣхъ людей — озирается,
Что и тутъ царю не покоряется.
Предъ нимъ идетъ грозенъ палачъ;
Во рукахъ несетъ остеръ топоръ ;
А за нимъ идетъ отецъ и мать,
Отецъ и мать, молода жена;
Они плачутъ, что рѣка льется,
Возрыдаютъ, какъ ручьи шумятъ,
Въ возрыданьи выговариваютъ :
« Ты, дитя ли наше милое,
Покорися ты самому царю,
Принеси свою повинную,
Авось тебя государь-царь пожалуетъ,
Оставитъ буйну голову на могучихъ плечахъ ».
Каменѣетъ сердце молодецкое,
Онъ противится царю, упрямяствуется;
Отца, матери не слушаетъ,
Надъ молодой женой не сжалится,
О дѣтяхъ своихъ не болѣзнуетъ.
Привели его на красную площадь,
Отрубили буйну голову,
Что по самы могучи плечи.

Въ продолженіи одного октября мѣсяца, въ разные дни, восемь длиннѣйшихъ процесій стрѣльцовъ протянулись по улицамъ столицы : ихъ везли и вели на кровавое побоище ; Москва приобывалась къ подобнымъ картинамъ :

Какъ изъ славнаго села Преображенскаго,
Что изъ того приказу государева,
Что вели казнить добраго молодца,
Что казнить его, — повѣсить;
Его бѣлы руки и ноги скованы,

По правую руку идетъ страшень палачъ,
По лѣвую идетъ его мать родная...

Но не легки еще были подобныя картины для русскаго народа, не легко было в самому виновнику страшныхъ зрѣлищъ — царю Петру Алексѣевичу: «отъ мысли о бунтовавшихъ стрѣльцахъ, говаривалъ онъ въ это время, гилръ отечества, всѣ уды во мнѣ трепещутъ; помысля о томъ, заснуть не могу. Такова сія кровожадная саранча!» ⁽¹⁾

По свидѣльству одного изъ близкихъ къ нему людей, Петра дергали тогда по ночамъ такія конвульсіи во всемъ тѣлѣ, что онъ клалъ съ собой въ постель одного изъ деньщиковъ и только держась за его плечи, могъ заснуть; судорожное подергиванье головы, шеи и личныхъ мускуловъ въ Петрѣ усилились со времени избіенія стрѣльцовъ ⁽²⁾. «Юный фаворитъ» былъ съ нимъ неразлученъ; Петръ сильно привязался къ нему; онъ видѣлъ въ Алексашкѣ будущаго надежнѣйшаго и преданнѣйшаго изъ своихъ слугъ, ничѣмъ не связанныаго съ ненавистной для него стариной; въ Меньшиковѣ для Петра выростало поколѣніе его ставленниковъ, его птенцовъ...

— Къ Алексашкѣ Меньшикову, говорилъ между прочимъ московскій гость Романовъ одному изъ своихъ знакомыхъ, государева милость такова, что никому таковой нѣтъ.

— Што-жъ, отвѣчалъ знакомый, молитва о томъ Алексашки къ Богу, что государь къ нему милостивъ.

— Тутъ Бога и небыло; чортъ его съ нимъ снесъ
. что вольно ему, что чорту въ своемъ озерѣ возиться, желаетъ, что хочетъ ⁽³⁾...

Въ то время, какъ Петръ скасовываетъ стрѣльцовъ, а въ народѣ бродятъ истолкованія чувствъ и симпатій Петра, обратимся къ той, въ обществѣ которой отдыхалъ Петръ въ это полное крови и ужаса время. Постараемся прослѣдить съ какого времени и при какихъ обстоятельствахъ возникло расположеніе Петра къ Аннѣ Монсъ, какова была эта женщина, окончательно остудившая его къ царицѣ, и ускорившая рѣшеніемъ ея горькой участи; что это за женщина которой, по свидѣтельству иноземцевъ, отдавъ сердце, Петръ не-

⁽¹⁾ Нартовъ. «Москвитян.» 1842 г.

⁽²⁾ Нартовъ «Москвитян.» 1842 г. № 4 стр. 466—467.

⁽³⁾ Изъ дѣлъ преображ. приказа: дѣло гостя Романова, по извѣту тягльца Золотаря. 30 августа 1698 г. Розыскъ тянулся годъ; богатый гость послалъ Александру Меньшикову боченокъ съ 1000 рублями, царь замѣтилъ посланнаго и деньги отправлены въ преображенскій приказъ. Алексашкѣ однако удалось удержать у себя 200 рублей; но заступничество его опоздало: Романовъ умеръ въ тюрьмѣ. Будущій птенецъ Петра съ юныхъ лѣтъ обывался принимать взятки.

премѣнно раздѣлитъ бы съ ней и корону всея Россіи (1), еслибы только на его любовь красавица отвѣтила такою же страстью? Нечего и говорить, что вслѣдствіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ Анна Ивановна выступаетъ изъ ряда людинахъ любовницъ великихъ персонъ и заслуживаетъ нѣсколькихъ страничекъ въ очеркахъ частной жизни Петра-великаго.

На правомъ берегу Яузы, изстари, еще со временъ Ивана Грознаго особою слободою поселены были иноземцы разныхъ вѣръ и націй; нѣмецкая слобода была какбы особый городокъ, рѣзко выдѣлявшійся, какъ по своему виѣшнему виду, такъ и по образу жизни своихъ обитателей. Разоренный и уничтоженный «въ нужное и прискорбное время» т. е. вначалѣ XVII вѣка «Кукуй-городокъ» (2) снова возникъ при царѣ Алексѣѣ (3).

Шотландцы, голландцы, англичане, французы и другіе иноземцы, доселѣ раскинутые по всей Москвѣ, водворены были теперь въ Новоиноземческой слободѣ. Отведенные подъ нее пустыри быстро покрылись прекрасными домиками, огородами и садами; надъ слободой возвысились иноземскія кирки и жизнь совершенно особая потекла на Кукуй. Тутъ были люди всѣхъ націй, разныхъ вѣроисповѣданій, языковъ, «художествъ и ремеслъ». Подлѣ дома генерала подымалось жилище и нѣмецкаго гостя; близъ доктора жилъ какой-нибудь виноторговецъ, даже золотыхъ дѣлъ мастеръ, плотникъ и другіе ремесленники; генералы и полковники иноземцы большею частью жили въ слободѣ; изъ негоціантовъ здѣсь были замѣтнѣе другихъ дома Кельдермана «московскаго государства повѣреннаго и чести достойнаго» Даніэля Гартмана, Яна Любса, золотыхъ дѣлъ мастера Монса и др. Тутъ-же жили семейства покойныхъ служилыхъ иноземцевъ, какъ напр. генерала Гамильтона и другихъ (4). Несмотря на сословныя отличія и разность занятій, иноземцы, говоря вообще, жили не замкнуто въ своихъ семьяхъ, или въ небольшихъ кружкахъ. Жизнь общественная при первыхъ благопріятныхъ для иноземцевъ обстоятельствахъ получила въ Кукуй-городкѣ широкое развитіе, особенно тогда, когда московское правительство въ лицѣ Петра, стало имъ покровительствовать.

(1) *Helbig* Russische Günstlinge, стр. 110—112.

(2) Такъ прозывалась слобода отъ близъ протекавшаго ручья Кукуй.

(3) П. с. з. т. I № 85.

(4) О Гамильтонѣ въ статьѣ: «Фрейлина Гамильтонъ». Отеч. Зап. 1860 г. № IX.

Почти всѣхъ хорошихъ дамъ и дѣвицъ, — а красавицами изобилдовала слобода, — можно было встрѣтить на любой вечеринкѣ у какого-нибудь негоціанта. Вечернія сходки были непрерывны; на нихъ обыкновенно старики и важные иноземцы собирались въ отдѣльномъ покоѣ, дымили трубками, да осушали стаканы, а молодежь безъ устали танцевала въ сосѣднихъ покояхъ; тутъ были и безконечный польскій, и грось-фатеръ, и какой-то танецъ съ подѣлуями; пляски — зачастую начатыя въ 5 часовъ пополудни — оканчивались къ 2 часамъ утра; устали и церемоній не знали; простота и свобода доходила до грубости; ссоры, драки между подгулявшими кукуйцами были ежедневно... Тѣмъ не менѣе, люди пріѣзжіе невольно дивились тому, какъ весело проводили время жители иноземческой слободы; непроходило почти ни одного вечера, чтобъ они не сходились другъ къ другу съ женами, дочерьми, племянницами... Въ то время, когда русская боярыня или боярышня отвѣшивала цоклоны за торжественными обѣдами московской знати, либо церемонно лобызалась съ почетными гостями, по волѣ хозяина дома, въ то время, когда отъ этихъ теремныхъ красавицъ трудно было добиться другихъ отвѣтовъ кромѣ «да», «нѣтъ», «не знаю», въ это время на другомъ берегу Яузы, въ семействахъ и общихъ собраніяхъ иноземцевъ царилла относительная свобода, веселье и простота. Мудрено ли послѣ этого, что пылкій Петръ, никакъ немогши примириться съ обрядностью и торжественностью русскаго быта тогдашнихъ бояръ, всей душой полюбилъ частную и общественную жизнь иноземцевъ.

Мы не станемъ, вслѣдъ за г. Устряловымъ, увѣрять, что молодого монарха съ первыхъ же годовъ тянула на Кукуй городокъ жажда получить отъ иноземцевъ «образование для себя и для своего народа»; кто знаетъ молодость Петра (а г. Устрялову она извѣстна лучше чѣмъ кому-нибудь другому), тотъ хорошо знаетъ и то, что государь, по крайней мѣрѣ въ первое время, ласково протянулъ руку чужеземнымъ пришельцамъ вовсе не съ такою высокою цѣлью, а просто ради веселаго и пріятнаго препровожденія времени. Но дѣйствительно эти веселыя пирушки на Кукуѣ сдѣлались школою для Петра, и притомъ такой школой, изъ которой вынесенное далеко и далеко не все было доброе; здѣсь то Петръ, по выраженію народа, излишне «почалъ вѣровати въ нѣмцевъ», не даромъ же народъ съ такой ненавистью и озлобленіемъ относился къ кукуйцамъ ⁽¹⁾.

Впрочемъ Петръ мало интересовался симпатіей или антипатіей

(1) *Адвунгъ о Мейербергѣ* изд. 1827 г. стр. 207—209; *Олсарій, Берхгольцъ, А. Гордонъ, Устряловъ* и др.

народа; вѣмецкая слобода довольно рано сдѣлалась для него отраднѣйшимъ уголкумъ въ Москвѣ; здѣсь онъ заломго еще до заграничной потѣзки переходилъ отъ одной потѣхи къ другой, здѣсь слагались у него планы смѣлыхъ походовъ его на берега Чернаго моря (1), здѣсь за чарами пива и волки выслушивалъ онъ длинные, безъ сомнѣнiя, хвастливые рассказы иноземцевъ о красотахъ заморской жизни; здѣсь наконецъ Петръ вкусилъ радости любви...

Іоаннъ Монсъ, уроженецъ города Миндена, что на Везерѣ (2) по извѣстіямъ Корба (3), былъ золотыхъ дѣлъ мастеръ; по словамъ другихъ писателей, между прочимъ Гваріента, Монсъ былъ инноторговецъ. Быть-можетъ оба ремесла служили средствомъ существованiя этого семейства. Оно прибыло въ Россію во второй половинѣ XVII столѣтія; Монсъ пріѣхалъ изъ города Миндена съ двумя атестатами отъ городскихъ властей о его способностяхъ и ученiи, съ женой, весьма заботливой хозяйкой и съ нѣсколькими дѣтьми. Рассказы и письма кукуйцевъ, прежнихъ выходцевъ изъ заграницы, родственныя связи и наконецъ, что самое важное, надежды на обогащеніе привлекли Монса въ отдаленную Московію. Въ грамотахъ, привезенныхъ имъ съ собой, сказано было, что Іоанъ въ имперскомъ вольномъ городѣ Вормсѣ два года обучался съ большимъ успѣхомъ «бочарному мастерству» (4); безъ сомнѣ-

(1) «По указу государеву» нынѣ (въ 1697 году) намъ гостямъ, говорили недовольные купцы, указано устроить корабли на Воронежѣ; а чортъ ли его государя несесть подъ Царь-городъ, жаль силы что пропадетъ; а онъ государь хоть бы и пропалъ мало горя! (Дѣл. преобр. приказа 1698 г.) Подобные толки показываютъ, какъ неохотно принималъ народъ даже тѣ повѣленія нелюбезнаго ему государя, которые явно клонились къ пользѣ и величію Россіи.

(2) *Helbig* Russische «Günstlinge» говорить, что *Mons de la Croix* былъ родомъ изъ Франціи, сынъ содержателя таверны (Weinschenke), отецъ его поселился сначала въ Ригѣ, а оттуда перешолъ въ Москву. По словамъ другихъ Монсъ былъ по происхожденію фламандецъ. Нужно однако замѣтить, что прибавленіе къ его фамиліи de la Croix встрѣчается гораздо позже и только въ письмахъ, относившихся къ его второму сыну, знаменитому Виллиму Ивановичу.

(3) *Diarium itineris in Moscoviam*. Viennae. 1700 стр. 106. Въ своемъ дневникѣ 1698 и 1699 годовъ. Корбъ часто упоминаетъ о *domicella Mons*.

(4) Двѣ грамоты, привезенныя Монсомъ были: а) свидѣтельство отъ бургомистра и совѣта гражданъ Миндена въ томъ, что почтенный и уважаемый Іоаннъ Георгій Монстъ, законнорожденный сынъ бывшаго оберъ-вахмистра кавалеріи Тилемана Монста и Маргариты Монстъ, урожден. Роббенъ, можетъ быть принятъ во всѣ цехи, гильдіи, общества и коллегіи; въ чемъ и выдано ему Іоанну-Георгу Монсту это метрическое свидѣтельство. Городъ Минденъ, 7-го августа, 1657 года. Второй документъ выданъ Монсту: б) отъ Ганса Леонгардта-Бендта, гражданина имперск. вольн. города Вормса, мастера изъ бочарнаго цеха. Бендтъ выданною изъ цеха грамотою свидѣтельствовалъ, что «Іоаннъ-Георгій Мунстъ изъ Миндена, сынъ Тильмана Мунста», бывшаго вахмистра короля шведскаго,

ніа, это же ремесло, а затѣмъ болѣе выгодная спекуляція виноторговля и дали средство Монсу къ безбѣдному существованію. У него было три сына; изъ нихъ намъ извѣстны: Филимонъ и Виллиамъ, и двѣ дочери Модеста, въ русскомъ переводѣ Матрена и Анна. Съ домоу старика Монса хорошо былъ знакомъ съ самимъ пріѣздомъ своего въ Россію (1676 г.) знаменитый Лефортъ; гуляка, поклонникъ женской красоты, онъ часто бывалъ у виноторговца и ухаживалъ за хорошенькими дочерьми; изъ нихъ старшая скоро вышла замужъ за иноземца Оедора Балка. Если вѣрить Гваріенту, а не вѣрить ему нѣтъ основанія, младшая изъ сестеръ Монсъ сдѣлалась любовницей ловкаго женевца. «Монсы, по словамъ Гюйсена, принимали Лефорта очень гостепріимно. Потомъ, когда при стрѣльцкомъ возстаніи Лефортъ выказалъ свою приверженность царю и былъ за то награжденъ высокими государственными званіями, тогда онъ изъ похвального великодушія (слова Гюйсена) остался признательнымъ къ Монсамъ, возвышалъ ихъ и вообще старался сдѣлать эту фамилію соучастницею своего счастья».

Такъ объясняется причину возвышенія Монсовъ Гюйсенъ, извѣстный воспитатель царевича Алексѣя и авторъ хвалебныхъ брошюръ о Петрѣ I. Дѣло, какъ кажется, было проще; ни о какомъ похвальномъ великодушіи рѣчи небыло; Лефортъ всегда старался потѣшать своего державнаго питомца, доставлялъ ему всякаго рода развлечения и, разумѣется, какъ на веселую и пріятную утѣху указалъ на красавицу Монсъ... Анна Ивановна, по словамъ болѣе правдиваго Гваріента, сдѣлалась фавориткою обоихъ друзей ⁽¹⁾.

Почти одновременно съ любовью къ Монсъ около 1692 года начинается охлажденіе Петра къ его законной супругѣ; онъ неохотно съ ней переписывается, не отвѣчаетъ на ея письма, не обращаетъ вниманія на ея упреки; въ 1693 году государь бьетъ ея брата Аврама Допухина, бьетъ по щекамъ за ссору его съ Лефортомъ; вскорѣ царица съ глубокой скорбью пишетъ къ мужу: «Только я бѣдная, на свѣтѣ безчастная, что не пожалуешь, не пишешь о зловрови своемъ. Не презри, свѣтъ мой, моего прошенія...» Но свѣтъ

въ 1657 году отданъ былъ мнѣ на два года для обученія его бочарному ремеслу. Впродолженіе всего этого времени Мунстъ былъ усерденъ въ ученіи, благоправенъ въ поведеніи и совершенно изучилъ бочарное ремесло 1659 г.» Оба свидѣтельства писаны на пергаментѣ съ приложеніемъ черныхъ восковыхъ печатей, налитыхъ въ деревянную оправу и привѣшанныхъ на шолковыхъ лентахъ. Этотъ Іоаннъ Монстъ, Мунстъ или Монсъ — (одно и тоже лицо) живъ былъ еще въ 1703 году, что видно изъ сохранившейся долговой его росписки генералъ-фурьеру Іоанну Гольцу — въ 100 рейхсталерахъ — 1703 года; онъ умеръ не позже 1705 года.

(1) Устряловъ истор. Петра I, т. III, прилож. X стр. 621.

не внемлетъ ея пѣснямъ, и между поѣздками на Бѣлое море, между великими потѣхами въ окрестностяхъ Москвы, ищетъ отдыха не у нея «безчастной», а въ обществѣ Лефорта и своихъ друзей, въ домѣ красавицы Кукуй-городка. Можно представить себѣ послѣ этого, съ какимъ негодованіемъ смотрѣла цар. Авдотья на нѣмецкую слободу; и ставемъ ли мы винить ее вслѣдъ за г. Устряловымъ за то, что она считала кукуйцевъ за нехристей и развратниковъ: вѣдь слободская нѣмка оторвала отъ ея ложа «лапушку свѣтъ Петрушеньку». Между тѣмъ государь два раза слеталъ подъ Азовъ:

Подъ тотъ ли подъ славной подъ Азовъ городъ,
Что подъ тѣ ли стѣны бѣлокаменные,
Ахъ подъ тѣ ли подъ раскаты, подъ высокіе...

А тутъ путешествіе заграницу; Петръ оставляетъ жену подъ надзоромъ бояръ и духовныхъ, имъ и поручаетъ удалить ее въ монастырь; что же до Анны Монсъ, то ее осыпаетъ подарками и въ знакъ благоволенія беретъ съ собой ея старшаго брата Филимона⁽¹⁾. Народъ незамедлилъ подымѣть разрывъ царя съ царицей и глухо заговорилъ о томъ, будто бы бояре быютъ уже государыню по щекамъ...

Таковы были отношенія Петра къ двумъ женщинамъ, когда вѣсть о стрѣльцкомъ возстаніи заставила его преждевременно возвратиться въ Москву. Мы видѣли, какъ съ перваго же вечера вспыхнула въ немъ прежняя страсть къ Аннѣ Ивановнѣ. Отсюда значеніе ея все болѣе и болѣе растетъ. На сколько же заслуживала безвѣстная нѣмка любовь Петра?

Иностранцы и преимущественно нѣмцы отзываются о ней съ большими похвалами; Helbig напримѣръ сводитъ отзывы *всѣхъ* объ Аннѣ Монсъ и на основаніи этого свода выходитъ, что «эта особа служила образцомъ женскихъ совершенствъ: съ необыкновенной красотой она соединяла самый плѣнительный характеръ; была чувствительна, не прикидывалась страдальцей; имѣла самый обворожительный нравъ, невозмущаемый капризами, не знала кокетства, плѣняла мужчинъ, сама того не желая, была умна и въ высшей степени добросердечна»⁽²⁾. Кромѣ этихъ отмѣнныхъ качествъ, по увѣреніямъ тѣхъ же нѣмцевъ, Анна была до такой степени цѣло-

(1) «Филимонъ Монсовъ» въ «Спискѣ всякихъ чиновъ людямъ, которые нынѣ въ посольствѣ 1697 г.» значитъ пажомъ при первомъ послѣ, т. е. при генералъ-адмиралѣ Францѣ Яковлевичѣ Лефортѣ. *Устряловъ*, III, стр. 572.

(2) «Russische Günstlinge»: Кейзерлингъ, урожденная Монсъ де ла Круа, стр. 110—112.

мудренна, яте на любовныя предложенія Петра отвѣчала рѣшительными отказомъ.

Эти восторженные отзывы нѣмцевъ, вызванные желаніемъ возбудить сочувствіе къ судьбѣ своей единовозмки, разлетаются при перифр. знакомствѣ съ подлинными документами и съ рассказами безпристрастныхъ современниковъ. Такъ цѣломудріе было не въ характерѣ Анны Ивановны: съ легкой руки Лефорта она всецѣло отдалась Петру; объ этомъ заговорили вездѣ: въ домахъ иноземцевъ, въ избахъ простолюдиновъ, въ колодничьихъ палатахъ.

— Отнесишь я венгерскую шубу къ иноземкѣ, къ дѣвицѣ Аннѣ Монсовой, говорилъ между прочимъ нѣмецъ, портной Фланкъ аптекаршѣ Якимовой, и видѣлъ въ спальнѣ ея кровать, а занавѣски на ней золотыя...

— Это не та кровать ты видѣлъ, прервала аптекарша: — а вотъ есть другая; въ другой спальнѣ, въ которой бываетъ государь; закъ-то онъ и опочиваетъ...

Затѣмъ аптекарша пустилась въ «неудобъ-сказываемыя» подробности.

Какой онъ государь, говоритъ о Петрѣ колодникъ Ванька Бурягу въ кавенкѣ преображенскаго приказа одному изъ своихъ товарищей-колодниковъ, какой онъ государь! Бусурманъ! въ орелу и латинцу ѣсть мясо и лагушки... царицу свою сослалъ въ ссылку, и живетъ съ иноземкою Анной Монсовой...⁽¹⁾

Петръ рѣшительно сталъ смотрѣть на нее какъ на будущую свою супругу-царицу; смерть Лефорта, лишивъ его любимѣйшаго друга, въ тоже время избавила царя отъ совмѣстника и вывела изъ нелюдскаго положенія «елркую» ему Анну (такъ она подписывала свои письма). Въ концѣ апрѣля 1699 года государь отпраздновалъ послѣдній походъ подъ Азовъ и его субъ-супруга поспѣшила завязать съ нимъ важную переписку; къ сожалѣнію, изъ нея уцѣлѣло только пять писемъ Анны Монсъ⁽²⁾, но ихъ довольно, чтобы судить о характерѣ корреспонденціи и о характерѣ писавшей; что до отвѣтовъ Петра, то они не дошли до насъ: ихъ, какъ кажется, уничтожили въ годъ разрыва государя съ его фавориткой. Уцѣлѣвшія письма Анны къ государю писаны порусски, за исключеніемъ подписей и маленькихъ приписокъ ея руки частью на нѣмецкомъ, частью на голландскомъ языкахъ, но такъ какъ Анна порусски писать не умѣла, то русскій текстъ писанъ рукой секретаря⁽³⁾.

(1) Столбцы преображ. приказа ¹²⁵⁰/₄₈ — ¹²⁴³/₈₈.

(2) Онѣ напечатаны нами въ «Русск. Вѣстн.» 1860 г. № 17 въ приложеніи, къ ст. «Наталья Федоровна Лопухина».

(3) Едва ли не Адамомъ Вейде; по крайней мѣрѣ онъ отсылалъ и даже при-

Въ этихъ письмахъ ⁽¹⁾ мы находимъ обычныя пожеланія: «милостивѣйшему государю Петру Алексѣевичу» желаю «многолѣтнаго здравія и счастливаго пребыванія», затѣмъ убѣдительноѣшая просьба: «дай государь милостиво вѣдати о своемъ государскомъ многолѣтнемъ здравіи, чтобъ мнѣ бѣдной, о такомъ великомъ здравіи всеѣмъ сердцемъ обрадоваться»; впрочемъ подобныя просьбы расточать кажется доводилось немного, такъ какъ въ пяти письмахъ Анны мы находимъ двѣ ея благодарности государю за его отвѣты: «челомъ бью милостивому государю за премногую милость твою, что пожаловалъ обрадовалъ и далъ милостиво вѣдати о своемъ многолѣтнемъ здравіи чрезъ милостивое твое писаніе, объ которомъ я всеѣмъ сердцемъ обрадовалась, и молю Господа-Бога» и проч. «и дай-богъ, чтобъ намъ вскорѣ видѣть милостивое пришествіе твое»; изъ этихъ церемонныхъ, официальныхъ фразъ можно думать, что Петръ не доводилъ еще Анну до излишней съ нимъ короткости; но однако тутъ же мы находимъ знаки нѣжныхъ заботъ «Аннушки» о своемъ героѣ. Она хлопочетъ, по его просьбѣ, достать нѣсколько склянецъ какой-то «цедреоли»; «вельми печалится», что не удается ее достать, жалѣетъ, что у нее «убогой крыльевъ нѣтъ», а «еслибы у меня убогой, пишетъ Монсъ, крылья были и я бы тебѣ милостивому государю сама принесла» (цедреоль).

Въ ожиданіи, пока вырастутъ крылья или по крайней мѣрѣ добудетъ заветный напитокъ «вѣрнѣйшая до своей смерти» Анна Ивановна (sein getreue dinnerin bet in mein dot) посылаетъ «четыре цитрона и четыре апельсина», чтобъ государь «кушалъ на здоровье», а наконецъ посылаетъ и цедрооли двѣнадцать склянницъ, причемъ проситъ не гнѣваться: «больше бѣ прислала, да не могла достать.»

Съ такими нѣжными заботами относительно государя, казалось бы Анна Ивановна рѣшительно должна была приковать къ себѣ эту пылкую натуру: такъ и случилось, но не надолго. Красавица, ангелоподобное существо, какой изображаютъ ее чувствительные нѣмцы, не любила Петра; она и отдалась-то ему только изъ корысти, ради собственной прибыли и возвышенія своей фамиліи. Еще не успѣвъ заявить ничѣмъ, кромѣ посылкою апельсинъ, цитроновъ и цедрооли, никакими болѣе важными подвигами преданность сво-

писывалъ отъ себя въ письмахъ Анны Ивановны къ государю. Интересные анекдоты о немъ у Helbig'a, стр. 98—102.

(1) Отъ 28 мая, 8 іюня, безъ числа, 28 іюля и отъ 11 сентября; на двухъ изъ нихъ означенъ адресъ: «Asoff» An Myn heer groot commandeur Peter Alekewitz; на одномъ обозначенъ Anno 1699 г., но по общему характеру писемъ можно догадываться, что онѣ все принадлежатъ къ одному 1699 году.

ему благодѣтелю, Анна уже торопилась вмѣшаться въ разныя тяжбы и ходатайствовать предъ государемъ въ дѣлахъ, которыя вовсе до нее не касались. Много ли уцѣлѣло ея писемъ къ Петру; а въ двухъ изъ нихъ она проситъ за вдову Петра Салтыкова въ дѣлѣ ея съ Лобановымъ, молить о перенесеніи этого дѣла изъ одного приказа въ другой и о томъ, чтобъ не чинить правожъ людямъ Салтыковой ⁽¹⁾; впрочемъ на первые разы Монсъ проситъ осторожно съ оговорками: «пожалуй государь не прогнѣвайся, что объ *дѣлахъ* докучаю милости твоей.» И между тѣмъ продолжала докучать не только о чужихъ дѣлахъ, но спѣшила позаботиться о составленіи собственнаго достатка: «благочестивый великій государь, царь Петръ Алексѣевичъ, писалъ секретарь подъ диктовку Монсъ: многолѣтно здравствуй! о чемъ государь и милости у тебя государя просила, и ты государь поволѣлъ приказать Ѳедору Алексѣвичу (Головину) выписать изъ дворцовыхъ сель волость; и Ѳедоръ Алексѣевичъ по твоему государеву указу, выписавъ, послалъ къ тебѣ, государю, чрезъ почту; и о томъ твоего государева указу никакого не учинено. Умилостивися государь царь Петръ Алексѣевичъ для своего многолѣтняго здравія и *для многолѣтняго здравія царевича Алексѣя Петровича* свой государевъ милостивый указъ учини...» Не находя еще убѣдительною такой, въ высшей степени странный (въ устахъ виновницы ссылки царицы) аргументъ, какъ подарокъ волости — «для многолѣтняго здравія царевича», Анна Ивановна собственно ручно приписала: «я прошу мой милостивѣйшій государь и отецъ не презри мою нижайшую просьбу, ради-бога, пожалуй меня, твою покорнѣй шею рабу до моей смерти А. М. М.» ⁽²⁾.

Всѣ эти убѣжденія и заклинанія были не болѣе какъ приличіемъ; Анна Ивановна могла обойтись и безъ нихъ: Петръ съ полной готовностью выполнялъ всѣ ея просьбы, и мало этого, несмотря на извѣстную свою бережливость, въ отношеніи къ женщинамъ доходящую до скупости, осыпалъ красавицу щедрыми подарками; довольно упомянуть объ одномъ изъ нихъ, чтобъ судить объ остальныхъ: государь подарилъ ей свой портретъ, осыпанный

⁽¹⁾ Извѣстно, что помѣщики и помѣщицы въ дѣлахъ о собственныхъ своихъ долгахъ выставляли кредиторамъ на правожъ крѣпостныхъ своихъ людей.

⁽²⁾ «Ich versuche mein gnadigste herr und vader seyt mein gnadige bitt nit af um gottes Willen posalu mene sein underdanigste dienerrin bet in mein dot A. M. M. dem 11 September.» Въ подписяхъ Анны два М. быть-можетъ означало: «Монсъ-фонъ-Монстенбергъ» или же другое ее имя Маргарита, но прибавленія *de la Croix* въ ея подписяхъ ни разу намъ не встрѣтилось, равно какъ нѣтъ этого прибавленія ни въ одномъ изъ подлинныхъ писемъ ея матери и старшей сестры.

драгоценными камнями на сумму въ 1000 рублей! Кроме этого, Анна Ивановна получила въсколько имѣній съ разными угодьями и выпросила себѣ ежегодный пенсіонъ ⁽¹⁾; вниманіе къ ней государь распространилъ до того, что на счетъ казны выстроилъ ей въ нѣмецкой слободѣ близъ кирки огромный каменный палаццо.

Недовольствуясь этимъ и увлекаемая частью собственными склонностями къ стяжанію, частью убѣжденіями матери, Анна Ивановна, какъ уже мы видѣли, стала мѣшаться въ разныя тяжбы; она и ея родные не жалѣли своихъ кліентовъ и собирали отъ нихъ много драгоценностей... Подобныя вмѣшательства тѣмъ легче были для Монсъ, что, по свидѣтельству Гюйсенъ, даже въ присутственныхъ мѣстахъ было принято за правило: если *madame* и *mademoiselle* Montzen имѣли дѣло и тяжбы собственныя или друзей своихъ, то о томъ дѣлались особенныя *reflexion salva justitia*, и вообще Монсамъ въ дѣлахъ до ихъ имѣній должно было оказывать всякое содѣйствіе ⁽²⁾. Они этимъ снисхожденіемъ такъ широко воспользовались, продолжаетъ Гюйсенъ, что принялись за ходатайство по дѣламъ внѣшней торговли и употребляли для того нанятыхъ страпичихъ (адвокатовъ и ходатаевъ по дѣламъ).»

Дѣла довольно разнообразнаго свойства обдѣлывались при посредничествѣ Анны Ивановны; расскажем со словъ современника одно изъ такихъ дѣлъ. Въ 1699 г. состоялъ въ Москвѣ на службѣ, артиллерійскій полковникъ — иноземецъ Krage, какъ кажется именно тотъ который пушечными залпами подъ воскресенскою обителью спасъ Кукуй отъ огня и ножа стрѣльцовъ; однажды пьяный гайдукъ Krage въ присутствіи барина избилъ и изуродовалъ минера Серьера. Гайдука наказали кнутомъ; минеръ неудовольствовался этимъ и по выздоровленіи подалъ на полковника счетъ, что стоило ему леченіе; хлопоты свои Серьеръ началъ чрезъ фаворитку царя, *frayen Monsin* и «ея дочь, говоритъ Плейеръ ⁽³⁾; но австрійскому послу два раза удалось защитить полковника: минеръ получалъ отказъ

⁽¹⁾ Она получала въ годъ съ матерью 708 рублей, сумма по тому времени немаловажная.

⁽²⁾ Рассказывая это, Гюйсенъ — такъ наивенъ, что рѣшается увѣрять, будто бы все это дѣлалось потому только, что государь далъ обѣщаніе Лесорту при его смерти покровительствовать Монсамъ. Цитуемое соч. Гюйсена было написано въ 1706 г. противъ брошюры Нейбауера: «Schreiben eines vornehmen deutschen officiers an einen Geheimen Rath eines hohen Potentaten wegen der üblen Handtierung der fremdden officirer so die Moscovitter in jarer Dienste lacken. 1704 г. см. «От. Зап.» 1860 г. № X ст. «Нейбауеръ и его брошюра» и № III: «Баронъ Гюйсенъ».

⁽³⁾ Устр. III прил. XI. дон. Otto Pleyer отъ 10 дек. 1699, ст. 643—645.

въ своей претензіи; но на бѣду случилось, что Кrage какъ-то поссорился съ дѣвицею Монсъ и тѣмъ навлекъ на себя ненависть всего семейства; въ то время, когда Кrage неосторожно ссорился съ Монсъ, противникъ его вызвался у этой госпожи завѣдывать ея дѣлами и хозяйствомъ, и такъ умѣлъ къ ней подбиться, что та, по выраженію Плейера «настоячиво ходатайствовала за него у царя; и Петръ вопреки двукратному отказу въ претензіи минера, приговорилъ Кrage къ штрафу въ 560 рублей.

Государь, подъ вліяніемъ кукуйцевъ, по выраженію народному все болѣе и болѣе «онѣмечивался»; въ этомъ вліяніи разумѣется значительную долю имѣла и обворожительная Анна Ивановна; въ январѣ 1700 года на всѣхъ воротахъ Москвы появились строгія объявленія всѣмъ, мало-мальски зажиточнымъ русскимъ людямъ зимою ходить въ венгерскихъ кафтанахъ или шубахъ, лѣтомъ же въ нѣмецкомъ платьѣ; мало этого отнынѣ ни одна русская дворянка не смѣла явиться предъ царемъ на публичныхъ празднествахъ въ русскомъ платьѣ... (1).

И «все то, заговорилъ народъ, найде намъ скорбь и туга велья цо зависти діавольской и пришельцевъ иновѣрныхъ языковъ; вѣзли окоянніи татски, яко хищницы волцы въ стадо христово!»

Военныя тревоги, страшная борьба съ «сѣвернымъ героемъ» занимавшая молодого государя давали полный просторъ дѣйствовать въ собственную пользу «пришельцамъ иновѣрныхъ языковъ»; этой цѣли вѣрна была все время Анна Ивановна. Обогатившись отъ щедротъ своего благодѣтеля, сластолюбивая нѣмка скоро забыла всѣ благодѣянія государя забыла, что шкапы и гардеробъ ея наполнены ею же выпрошенными драгоцѣнными подарками... она измѣнила ему и отдала свое сердце — саксонскому посланнику Кенигсеку... Эта личность намъ мало извѣстна; знаемъ только, что въ 1702 году онъ поступилъ въ русскую службу и сопровождалъ Петра въ его походахъ; новая связь, была искусно скрыта и недостойная подруга Петра была до такой степени нагла, что ужъ измѣнивши ему, не стыдилась еще выпрашивать и получать отъ него подарки. А подарки были не малоцѣнны. Такъ въ январѣ 1703 г.

(1) Otto Pleyer стр. 648—649. Объ удовольствіяхъ Петра въ нѣмецкой свободѣ, въ 1702 году, см. интересныя записки Корнелія Брунна; выдержки изъ нихъ, съ примѣчаніями довольно странными напечатаны *Семинымъ* въ «От. Зап.» 1829 г. ч. XXXIX с. 346—365. ч. XI с. 46 и 394. Здѣсь помѣщены описанія разныхъ казней въ Москвѣ за 1702 годъ, шутовская свадьба царскаго любимца Филатки съ княжною Шаховскою, свадьба въ которой осмѣивались русскіе свадебныя обычаи и т. п. событія.

Анна Ивановна получила въ свое владѣніе село Дудино въ Козельскомъ уѣздѣ, 295 дворовъ со всѣми угодьями ⁽¹⁾.

Петръ свѣдалъ объ измѣнѣ «вѣрной до смерти» Аннушки, совершенно случайно. Эта случайность рассказывается иноземными писателями и писательницами съ всевозможными романическими прикрасами; благодаря имъ Анна Ивановна дѣлается какой-то страдальницей—героиней, вызывающей сочувствіе. Напомнимъ чувствительнѣйшій изъ подобныхъ рассказовъ; онъ принадлежитъ леди Рондо, писавшей пятнадцать лѣтъ спустя послѣ смерти Анны Монсъ: «Петръ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ съ большою нѣжностью любилъ дочь одного офицера, по имени Мунса и казалось былъ взаимно любимъ ею. Въ одинъ несчастный день онъ пошелъ осматривать крѣпость, строившуюся на морѣ, въ сопровожденіи своихъ и иностранныхъ министровъ; на возвратномъ пути польскій министръ случайно упалъ въ воду съ подъемнаго моста и утонулъ, несмотря на всѣ усилія спасти его. Императоръ приказалъ вынуть всѣ бумаги изъ его кармановъ, запечаталъ ихъ въ присутствіи всѣхъ. При дальнѣйшемъ осмотрѣ выпалъ портретъ; государь поднялъ его и — представьте его удивленіе! Портретъ изображалъ его любезную. Онъ разламываетъ конвертъ, развертываетъ бумаги и находитъ въ нихъ многія письма руки ея къ умершему, написанныя въ самыхъ нѣжныхъ выраженіяхъ; оставивъ общество, государь приказалъ позвать измѣнницу...» за тѣмъ леди передаетъ со словъ какой-то придворной дамы подробности объясненія Петра съ Анною; государь горько укоряетъ невѣрную: та плачетъ, но плачетъ не отъ раскаянія, а отъ глубокой скорби о покойникѣ; Петръ, тронутъ этой страстью, самъ проливаетъ слезы и говоритъ рѣчь, въ которой хотя прерываетъ съ ней связь, но тѣмъ не менѣе великодушно прощаетъ ее, обнадеживаетъ, что она ни въ чемъ не будетъ нуждаться; послѣ того Петръ въ скоромъ времени выдаетъ замужъ свою любезную за одного чиновника, которому даетъ мѣсто въ отдаленной провинціи; «монархъ, заключаетъ раскаянца, заботился объ ихъ счастіи до конца жизни и оказывалъ къ нимъ постоянно свою любовь ⁽²⁾.

Рассказъ этотъ въ своихъ подробностяхъ совершенно опровергается Миллеромъ, ученымъ, какъ извѣстно, занимавшимся русской исторіей по архивнымъ подлиннымъ источникамъ; въ одномъ изъ рукописныхъ примѣчаній своихъ на письма леди Рондо, Миллеръ такъ передаетъ трагическій случай: «при осадѣ Шлюсельбурга

⁽¹⁾ Каб. дѣла пол. II. кн. ХСII. с. 117.

⁽²⁾ *Lettres d'une dame anglaise*. Rotterdam. 1777 г.

въ 1702 году, Петръ узналъ, что обворожительная «*domicella Mons*» ему не вѣрна и что она вела переписку съ саксонскимъ посланникомъ Кенигсекомъ. Кенигсекъ провожалъ государя въ этомъ походѣ и однажды, поздно вечеромъ, проходя по узенькому мостику, переброшенному чрезъ небольшой ручей, оступился и утонулъ. Первая забота государя при извѣстїи о смерти Кенигсека — была осмотрѣть бумаги, бывшія въ карманахъ покойника; въ нихъ государь надѣялся найти извѣстія относительно союза его съ королемъ Августомъ и вмѣсто нихъ нашолъ нѣжныя письма своей фаворитки. *Domicella Mons* слишкомъ ясно выражала свою преступную любовь къ Кенигсеку; сомнѣнія быть не могло. О портретѣ, продолжаетъ Миллеръ, тайная исторія умалчиваетъ. Послѣ этого случая государь не хотѣлъ уже знать невѣрную фаворитку, и она такимъ образомъ лишилась большого счастья, котораго непременно бы достигла, еслибы сумѣла превозмочь неосторожную склонность къ Кенигсеку ⁽¹⁾.

Въ расказѣ Миллера только одно неясно: или годъ смерти Кенигсека выставленъ невѣрно, вмѣсто 1703 г. — 1702 или Петръ I не тотчасъ по смерти саксонско-польскаго посла узналъ о связи его съ Анною Монсъ; такъ по крайней мѣрѣ можно думать по прочтеніи слѣдующаго мѣста въ письмѣ государя къ Ѳ. Апраксину: «Шлюсельбургъ. 15 апрѣля, 1703 года... здѣсь все изрядно милостию божіею, только злыо несчастливый случай учинился за грѣхъ мой: первый, докторъ Леймъ, а потомъ Кенисенъ, который принялъ уже службу нашу, и Петелинъ утонули внезапно, и такъ вмѣсто радости — печаль» ⁽²⁾; трудно допустить, чтобы Петръ изъявлялъ такое сожалѣніе о человѣкѣ, который разбилъ его любовь — къ преемницѣ ц. Авдотьи; явно, что во время отпуска письма, Петръ еще ничего не зналъ о измѣнѣ Монсъ; быть можетъ бумаги покойника сохнули, или были еще запечатаны. Вѣрно однако то, что щеголять великодушїемъ Петръ и не думалъ: Анна Ивановна и ея сестра (вѣроятно способствовавшая интригѣ) были заперты въ собственномъ домѣ и отланы подъ строгой надзоръ князя-кесаря съ запрещенїемъ посѣщать даже кирку. Въ это бѣдственное для себя время, Анна Ивановна всячески старалась вновь возбудить страсть

⁽¹⁾ Примѣчанія Миллера на письма леди Рондо. За сообщеніе этихъ замѣчаний свидѣтельствуемъ нашу признательность В. Ѳ. Ратчу.

⁽²⁾ Голицына XIV с. 62. Фамиліи здѣсь исковерканы — неизвѣстно Петромъ ли, или издателемъ его писемъ. Кенисенъ, читай Кенигсекъ, Леймъ, читай Клеммъ; лейбъ-медикъ царевича Алексѣя, Готфридъ Клеммъ — утонулъ вначалѣ 1703 года, въ Невѣ, близъ Шлюсельбурга. Смотри, Рихтера; исторію медицины въ Россіи. 1820 ч. III с. 113—114.

къ себѣ государя. Въ бумагахъ семейства Монсъ, мы находимъ разные гадалыныя тетради, рецепты привораживаній, колдовства, списки чародѣйныхъ перстней, и т. п. вещей. Анна Ивановна, женщина въ высшей степени суевѣрная, вмѣстѣ съ матерью, по выраженію современника: «стали пользоваться запрещенными званіями и прибѣгали къ совѣтамъ разныхъ женщинъ, какимъ бы способомъ сохранить къ ихъ семейству милости царскаго величества». Колдовство не помогло, оно вызвало только извѣтъ на Монсъ и слѣдственное о томъ дѣло ⁽¹⁾. «Хотя за подобныя поступки, писалъ въ 1706 году защитникъ и панегиристъ Петра Гюйссенъ, за колдовство и ворожбу въ другихъ государствахъ было бы определено жесточайшее наказаніе, однако его царское величество, по особенному милосердію, хотѣлъ чтобъ этотъ процессъ былъ совершенно прекращенъ, но ex caritate ingratitudeinis отъ Монсовъ отобрали деревни, и каменный палаццо отошолъ впоследствии подѣ анатомическій театръ. Драгоцѣнности же и движимое имущество, очень значительное, были оставлены имъ, за исключеніемъ одного только портрета, украшеннаго брилліантами...» ⁽²⁾.

Опала надъ Анной Ивановной и ея семействомъ продолжалась до 1706 года; указомъ отъ 3 апрѣля сего года изъ С. Петербурга, государь «далъ позволеніе Моншѣ и сестрѣ ея Балкшѣ въ кирху ѣздить». ⁽³⁾ Мужъ Матрены Ивановны, полковникъ Балкъ отправленъ былъ въ Дерптъ комендантомъ, «а остальные члены семейства — писалъ Гюйссенъ въ 1706 году — живутъ свободно, но уже не могутъ рассчитывать и не имѣютъ права, чтобъ оказанныя имъ сначала милости остались при нихъ на вѣчныя времена.»

Подобныя расчеты съ стороны Анны Ивановны были бы большою глупостію: съ 1705 года сердце Петра принадлежало уже новой безвѣстной иноземкѣ, но то была знаменитая впоследствии Екатерина Алексѣевна!

Зато и сердце ея предшественницы въ это время было также не свободно; измѣнивъ живому герою, Анна Ивановна тѣмъ легче забыла умершаго; въ 1706 году за ней ухаживаетъ и объ ней заботится прусскій посланникъ баронъ фонъ-Кейзерлингъ. Его ходатайству Анна Ивановна обязана была полученіемъ высочайшаго разрѣшенія посѣщать кирхи, затѣмъ по усиленнымъ просьбамъ

⁽¹⁾ Мы его не нашли въ современныхъ бумагахъ.

⁽²⁾ Если дѣло идетъ о портретѣ государя, то и онъ небылъ отнятъ; по крайней мѣрѣ онъ значится еще въ спискѣ драгоцѣнностей Анны Монсъ за 1712 и 1714 года.

⁽³⁾ Голиковъ, XIV, с. 270 и 381.

того же влюбеннаго барона, Монсъ была совершенно освобождена. Въ комъ же находилъ Кейзерлингъ оппозицію своимъ стараніямъ, кто не могъ допустить мысли объ освобожденіи прежней царской фаворитки? самъ ли Петръ, или его окружающіе? Разумѣется частью самъ государь, столь неохотно забывавшій какія бы то небыло прегрѣшенія своихъ подданныхъ но болѣе всего дѣйствовалъ противъ освобожденія Монсъ знакомый уже намъ «Александръ». Меньшиковъ изъ рѣзвago, милостиваго юноши обратился теперь въ статнаго мужчину; наивность, съ которой онъ бралъ сотнншки рублей, замѣнилась взяточничествомъ въ болѣе широкнхъ размѣрахъ, ловкость, съ какой онъ отрубалъ головы стрѣльцовъ, выѣстилась необыкновеннымъ искусствомъ вести придворныя интриги и поддерживать свое значеніе. Онъ приблизилъ къ Петру Екатерину, онъ навсегда могъ разсчитывать на нее какъ на самую ревностную свою защитницу, и повятно, все, что могло ослабить интимныя нѣжныя отношенія Петра къ Екатеринѣ, то всячески было устраниаемо Меньшиковымъ. Онъ встревожился, узнавъ объ усиліяхъ барона освободить красавицу «Кукуя»; въ ней любимѣйшій пленецъ Петра видѣлъ еще опасную соперницу Екатерину; такъ что Кейзерлингъ въ 1707 году въ Варшавѣ, по извѣстію Миллера, имѣлъ по этому поводу непріятности съ Меньшиковымъ, и государь встрѣтилъ хлопоты Кейзерлинга съ большимъ неудовольствіемъ ⁽¹⁾, и только впоследствии позволилъ себѣ смягчиться. Забытая Анна Ивановна была освобождена, но вслѣдствіе тѣхъ же препятствій только въ 1711 году сочеталась она первымъ законнымъ бракомъ: счастливымъ обладателемъ ея руки сдѣлался фонъ-Кейзерлингъ ⁽²⁾.

По увѣреніямъ иностранцевъ, Петръ любилъ Анну Ивановну до самаго брака ея съ Кейзерлингомъ, и притомъ не только не получалъ отвѣта на свою любовь, но даже нашолъ въ ней сильнѣйшій отпоръ, что такъ рѣдко случалось, восклицаетъ Helbig «съ великодушнымъ Liebhaber». «Меньшиковъ и Екатерина — продолжаетъ тотъ же писатель — рисковали потерять все, еслибы красавица уступила.

(1) Объ этомъ неудовольствіи, даже гнѣвѣ, упоминаетъ *Нейбауеръ*; въ 1704 году онъ грозилъ, что «о поступкѣ царя съ дѣвицею Монсъ, съ своей возлюбленной, когда къ ней нѣсколько сталъ близокъ посланникъ Кейзерлингъ, будетъ извѣстно изъ ежедневныхъ газетъ...»

(2) Свадьба была 18 іюня 1711 года; въ бумагахъ, относящихся до фамилиі Монсъ, есть «роспись серебра, которое пишетъ мать Анны, дочь моя Анна-Маргарита Монсъ принесла въ приданое 18 іюня 1711 года». Въ этой росписи обозначено разныхъ серебряныхъ вещей — ложекъ, чайниковъ, бокаловъ, блюдовъ, солоноекъ и т. п., всего 30 фунтовъ серебра.

Меншиковъ употреблялъ весь свой умъ, чтобъ воспрепятствовать намѣреніямъ Петра. Ему вѣроятно пришлось бы отступить предъ пылкой страстью своего властителя, еслибъ самая твердость дѣвушки не помогла желаніямъ Меншикова и Екатерины. Если Екатерина при посредственной любезности сумѣла возвыситься до званія русской императрицы, то болѣе чѣмъ вѣроятно, что прекрасная Монсъ съ своими превосходными (!) качествами гораздо бы скорѣе достигла этой великой цѣли. Но она предпочла судьбу и *geliebten* (возлюбленнаго) т. е. Кейзерлинга. И первая и послѣдній очень и очень превосходили происхожденіе и ожиданія дѣвушки, но все же были къ ней ближе, чѣмъ престолъ и царь: она тайно обручилась съ прусскимъ посланникомъ Кейзерлингомъ. Петръ узналъ объ этомъ, продолжаетъ Helbig, когда только-что соби-
рался отправиться куда-то на балъ, узналъ изъ перехваченнаго письма, въ которомъ Анна жаловалась на неотвязчивость монарха. Это несчастное открытіе превратило любовь его въ гнѣвъ. Государь отправился на балъ, встрѣтилъ красавицу и представилъ ей чувствительное доказательство своего неудовольствія. «Больно видѣть, — восклицаетъ разсказчикъ — что этотъ великій человѣкъ, которому охотно простятъ какую-нибудь опрометчивость, имѣлъ низость потребовать подаренный домъ обратно. Чтобы не подвергнуть ее новымъ непріятностямъ, Кейзерлингъ рѣшился тотчасъ же на ней жениться, но въ это самое время впалъ въ жестокую болѣзнь, которая и свела его въ могилу; впрочемъ онъ, какъ честный человѣкъ, исполнилъ свое обѣщаніе: уже будучи на смертномъ одрѣ, онъ обвинчался съ прекрасной Монсъ, послѣ чего вскорѣ и умеръ. Вдова его осталась въ Москвѣ, гдѣ скончался ея супругъ. Она проводила свои дни вдали отъ двора, съ достоинствомъ, въ тиши домашней жизни, и погруженная въ воспоминанія о своихъ послѣднихъ несчастныхъ обстоятельствахъ, и умерла тамъ же.»

Мы не безъ умысла привели весь этотъ романическій эпизодъ изъ интереснаго сочиненія Helbig'a; дѣло въ томъ, что книга эта въ послѣдніе годы служила однимъ изъ употребительнѣйшихъ источниковъ не только для составителей монографій изъ русской исторіи XVIII вѣка, но даже и для Herrmann'a, автора одной изъ лучшихъ «Geschichte d. russisch. Staats» (1), а между тѣмъ всѣ разсказы автора «Russische Günstlinge» требуютъ лиишокорь тики и нужно пользоваться ими съ крайней осторожностью; тайный совѣтъ

(1) *Herrmanns* называетъ книгу Helbig'a «Russische Günstlinge Tübingen», 1809 г. (въ V части его русской исторіи, с. 109, прим. 79) «сочиненьемъ весьма пригоднымъ для русской исторіи.»

ницѣ при саксонскомъ посольствѣ, акредитованный въ 1787 году въ петербургскому двору, Helbig, конечно имѣлъ случай собрать много интереснаго, но онъ слишкомъ увлекся анекдотической стороной быта прошлыхъ царствованій и здѣсь пользовался изустными разсказами, дошедшими до него зачастую въ совершенно искаженномъ видѣ, какъ легенды или придворныя сплетни. Доказательство отыскать не трудно; въ приведенномъ выше разсказѣ все или искажено, или спутано: о Кенигсекѣ не упомянуто ни слова, Кейзерлингъ сдѣланъ виновникомъ окончательнаго разрыва Петра съ Анной Ивановной; опала надъ ней, вопреки Helbig'у, разразилась надъ Монсѣ гораздо раньше; лекомысленная сластолюбивая нѣмка является у г. тайнаго совѣтника героиней чувствительнаго романа, что опять противорѣчитъ истинѣ; за тѣмъ Кейзерлингъ умеръ вовсе не такъ скоро, и вопреки Helbig'у, скончался не въ Москвѣ, а въ Столпе, на дорогѣ въ Берлинъ 11 декабря 1711 года ⁽¹⁾; за тѣмъ насколько «достоинства» было въ характерѣ Анны Ивановны, и насколько погрузилась она на закатѣ дней своихъ въ «размышленія о послѣднихъ несчастныхъ обстоятельствахъ», мы увидимъ изъ ея собственныхъ писемъ. Эти письма не имѣютъ отношенія къ Петру, но онѣ освѣтятъ намъ ту женщину, которая была окончательной виновницей заточенія законной царицы, и которая впродолженіи почти десяти лѣтъ сама царила въ сердцѣ преобразователя Россіи. ⁽²⁾

Въ концѣ 1711 года семейство Монсѣ было разбросано въ разныхъ мѣстахъ: старуха-мать лѣтъ пятнадцать уже лежала въ постели, въ страданіяхъ отъ какой-то хронической болѣзни; съ ней въ собственномъ деревянномъ домикѣ, въ Нѣмецкой слободѣ, жила

⁽¹⁾ Замѣчанія на письма г-жи Рондо, историка *Миллера* и подл. письма г-жи *Кейзерлингъ*. Тайный совѣтникъ Кейзерлингъ скончался въ г. Столпе, въ квартирѣ доктора Астмаса. Въ томъ же декабрѣ 1711 г. присяжнымъ нотаріусомъ города Столпе составлена была опись вещамъ Кейзерлинга. Изъ нея видно, что при покойникѣ было много драгоценностей, между прочимъ извѣстный уже намъ портретъ Петра-перваго, царскій подарокъ Аннѣ Ивановнѣ, нѣсколько перстней, осыпанныхъ брилліантами, золотые часы, цѣпочка и проч. Гардеробъ тайнаго совѣтника, какъ видно изъ описи, отличался большой роскошью, здѣсь были кафтаны дорогого сукна, обшитые по швамъ позументами, парчевыя жилеты, разныя шелковыя вещи и проч. Съ нимъ же было, вѣроятно для подарковъ, болѣе дюжины дорогихъ собольихъ и другихъ мѣховъ.

⁽²⁾ Что до иностранныхъ писателей, то мы не нашли нужнымъ цитовать изъ нихъ другіе разсказы о романической судьбѣ Монсѣ; разсказъ сходный съ Helbig-овскимъ, см. въ «Voyage en Russie» *Chantreau*. Paris. 1794 t. I с. 67—70.

Анна Ивановна съ двумя малютками (Кейзерлингъми?); тревоги житейскія и дѣйствіе страстей поколебали здоровье молодой женщины; она таяла какъ свѣчка, харкала кровью, и зачастую по нѣскольку мѣсяцевъ лежала въ постели. Старшая сестра ея, съ которой мы еще не разъ встрѣтимся, бойкая, разбитная Матрена Ивановна, была въ это время съ мужемъ въ Эльбингѣ, занятомъ русскими войсками. Балкъ былъ назначенъ туда комендантомъ. Старшій и младшій братья скончались въ 1710—1711 годахъ, а средній братъ Виллимъ Ивановичъ, въ качествѣ генеральскъ-адъютанта, состоялъ при государѣ и былъ безпрестанно командиремъ съ мѣста на мѣсто, съ разными порученіями. Въ 1711—1713 годахъ мы его видимъ въ Курляндіи, въ Дандигѣ, Кенигсбергѣ, Берлинѣ и въ другихъ мѣстахъ; въ подобныхъ же командировкахъ проходила служба племянника его, однолѣтняго съ нимъ Петра Феодоровича Балка.

Вся семья была очень дружна; всѣ заботились о семейныхъ интересахъ, и между ними шла самая оживленная переписка; особенно горячо принимала въ ней участіе мать Монсовъ, старуха, вѣчно жалуемая на судьбу свою, на бѣдность и проч.; въ этой корреспонденціи разумеется интереснѣе всего для насъ письма Анны Ивановны; постараемся собрать изъ нихъ болѣе интересныя черты ⁽¹⁾.

11 декабря 1711 года, въ бытность свою за границей, скончался баронъ Кейзерлингъ. Насколько опечалились Монсы, неизвѣстно, зато извѣстно, какъ сильно встревожились они, узнавъ что на деньги, драгоцѣнныя вещи и остальное движимое и недвижимое имѣніе покойника, находившееся въ Курляндіи и въ Пруссіи, заявилъ претензію старшій братъ покойнаго — ландмаршалъ прусскаго двора; боязнь лишиться богатаго наслѣдства до такой степени встревожила Анну Ивановну, что она даже забыла приличнымъ образомъ оплакать покойника и вся отдалась заботамъ удержать за собой и деньги, и имущество; то и другое составило предметъ ея думъ, о томъ и другомъ плакалась она въ своихъ письмахъ.

«Любезный, писала она къ брату, 14 февраля 1712 года, отъ

(1) «Письма отъ матери Монсовой, также и отъ Анны Монсовой», за этимъ русскимъ заглавіемъ въ сборникѣ подъ заглавіемъ: «уголовное с. дело 1724 г.» переплетены въ большомъ безпорядкѣ между прочими бумагами, къ Монсу относящимися, коллекція нѣмецкихъ писемъ къ нему отъ матери, сестеръ, его друзей и товарищей по нѣмецкой слободѣ. У насъ приведены въ своемъ мѣстѣ частью въ полномъ переводѣ, частью въ экстрактахъ, любопытнѣшіе изъ этихъ документовъ. Писемъ Анны Монсъ къ брату Виллиму не болѣе восьми, отъ матери же болѣе двадцатичетырехъ.

всего сердца любящий братецъ! Желаю, чтобы мое печальное письмо застало тебя въ добромъ здоровьѣ; что до меня съ матушкой, то мы то хвораемъ, то здоровы; мѣтъ конца моей печали на этомъ свѣтѣ; незнаю чѣмъ и утѣшиться» ⁽¹⁾; и затѣмъ однако, должно быть для утѣшенія, просить привезть вещи и деньги ея мужа въ Москву, «потомучто лучше, замѣчаетъ Анна Ивановна, когда онѣ у меня, чѣмъ у чужихъ людей». Главнымъ ходатаемъ ея по дѣламъ съ Кейзерлингомъ—старшимъ былъ нѣкто Лаусонъ; ему расточали Анна Ивановна и ея мать особыя знаки уваженія и вниманія; Виллиму строго предписывалось ничего не предпринимать безъ его совѣта; ему посылались (впрочемъ весьма недорогіе) подарки прямо отъ имени Анны, у него спрашивалось обо всемъ; такъ наприимѣръ, Анна просила брата спросить Лаусона: «отдавать ли ея деверю, Кейзерлингу, портретъ царя, прежде чѣмъ деверь пришлетъ вещи покойника изъ Курляндіи?» Мать даже просила сына «кромѣ себя и Лаусона никому не довѣрять, никого не слушать, со всѣми, кромѣ его, быть осторожнымъ.» Ради интересовъ дочери, старуха убѣдительнѣйше просила сына оказывать камердинеру (покойнаго Кейзерлинга) столько добра, сколько можетъ; помни, что отъ этого человѣка зависитъ сильно помочь или сильно повредить». При всемъ томъ, ни вещи, ни деньги не получались. Къ одному горю другое — Штраленбергъ (камердинеръ покойника) рассказывалъ заграницей, что жена его, оставшаяся въ Москвѣ у г-жи Кейзерлингъ, страдаетъ отъ ея грубаго обращенія. «Прошу тебя, любезный братъ, писала Кейзерлингъ къ Виллиму, не вѣрь этому лгуну Штраленбергу; онъ безпрестанно дѣлаетъ мнѣ новыя непріятности, такъ что я умираю съ досады... Передай ему, что его жена горько плакала, услыжавъ о томъ, какъ безстыдно лжетъ ея мужъ, будтобы я дурно съ ней обращаюсь. Напротивъ, призываю Бога свидѣтелемъ, ей очень хорошо у меня; когда она была больна, я пригласила доктора на свой счетъ, и избавляя ее отъ всякихъ расходовъ, подарила ей черное платье.»

Еще ближе къ сердцу принимала огорченія, наносимыя Аннѣ Ивановнѣ, ея мать; изъ писемъ старухи видно, что она любила Анну, едвали не болѣе всѣхъ остальныхъ дѣтей: «съ чего Штраленбергъ взялъ, восклицала она по поводу его сплетень, какъ онъ смѣетъ увѣрять, будтобы жена его ужасно страдаетъ у твоей сестры? Онъ безсовѣстный лжецъ! пора бѣ ему зажать ротъ; чтобы чортъ побралъ этого мерзавца съ его страстью лгать, сестра твоя отъ него уже и такъ много натерпѣлась... Моя дочь слѣлала для его

(1) Почеркъ Анны Ивановны довольно четкій, красивый; но орфографія слаба. Подпись ея: «вдова: А. М. Кейзерлингъ, урожденная Монсъ».

жены по крайней мѣрѣ столько же , сколько онъ для своего господина». Кромѣ этого неблагодарнаго «много безпокойствъ, какъ жаловалась въ другомъ письмѣ старуха, причинялъ ей дочери какой-то «безбожный» Салтыковъ...»

Съ одной стороны старшій братъ Кейзерлинга, съ другой его камердинеръ, своими поступками сильно заставляли опасаться «печальную» вдову, что многое изъ имущества супруга ускользнетъ изъ ея рукъ; вслѣдствіе этого она нашла нужнымъ самой съѣздить если не за границу, то въ Петербургъ, чтобъ привести это дѣло къ благополучному окончанію; сборамъ этимъ предшествовали собственноручныя ея распоряженія о продажѣ разныхъ вещей покойника. Ни малѣйшей печали, любви и даже уваженія къ покойному не высказывается въ письмахъ Анны Ивановны. Такъ напримѣръ въ одномъ изъ писемъ къ брату, отъ 1 марта 1712 года, сдѣлавъ распоряженіе о продажѣ лошадей за назначенную ею же плату, затѣмъ распорядившись о взятіи кой-какихъ вещей, оставленныхъ ея мужемъ въ Курляндію, она только послѣ всего этого проситъ брата: «напиши мнѣ пожалуйста: привезутъ ли тѣло моего мужа въ Курляндію? Вели чтобъ гробъ обили краснымъ бархатомъ и золотымъ галуномъ», и тутъ же спѣшитъ приписать о дѣлѣ для нея важнѣйшемъ: «ради-бога, побереги шкатулку съ бумагами, чтобы ничего не потерялось, а старшему зятю моему скажи, чтобы онъ прислалъ мнѣ только портретъ его величества съ драгоценными камнями.»

«Мы все больны, плакалась между тѣмъ старуха; твоя сестра (т. е. Анна Ивановна) пять недѣль не вставала съ постели и харкаетъ кровью, что изъ этого будетъ, одинъ Богъ знаетъ! Она хочетъ имѣть здѣсь всѣ свои деньги, постарайся объ этомъ, равно и о томъ, чтобы всѣ ея вещи были привезены сюда... Ради-бога, не вози съ собой негодая камердинера, а то будетъ ему худо. Твоя сестра безутѣшна, помоги ей Богъ!

«Твоя сестра еще больна, писала недѣлю спустя мать Монса; ты вѣроятно слышалъ уже, что ландмаршалъ (братъ Кейзерлинга) хочетъ взять себѣ вещи покойника; не допусти до этого, привези ихъ съ собою, не давай себя уговорить ни въ чемъ, эти Кейзерлинги очень хитры, а камердинеръ (покойника) съ ними заодно». Несмотря на всѣ наставленія, дѣло не подвигалось: «Смотри чтобъ твоя бѣдная сестра не лишилась своей собственности, безпрестанно напоминала старуха... Зачѣмъ ты письмо послалъ въ Ригу, оно три недѣли было въ дорогѣ... и сестра должна была заплатить шесть рублей за письма твои и камердинера!.. Зачѣмъ ты лошадей отправилъ въ Эльбингъ, смотри чтобы онѣ не пропали»...

Не могъ уголить Виллимъ Ивановичъ и сестрѣ своей Аннѣ;

какъ кажется, страдаая чахоткой, она была очень раздражительна и болѣзнь вмѣстѣ съ корыстолюбіемъ, одной изъ рѣзкихъ чертъ ея характера, вызывали съ ея стороны рядъ упрековъ: «отъ твоего письма, писала она брату 8 мая 1712 года, я въ отчаяніи: ты потратилъ много времени попустому. Незнаю, что за причина, что мое дѣло въ такомъ дурномъ положеніи, незнаю по чьему совѣту уѣхалъ ты въ Берлинъ?..» — А тутъ на бѣду Виллимъ Ивановичъ, человѣкъ молодой, щеголь и вѣтренникъ, не могъ удержаться, чтобы не занять нѣсколько сотенъ рейхсталеровъ изъ хранившихся у Лаусона сестринныхъ денегъ. При извѣстіи объ этомъ, Анна Ивановна запыкала негодованіемъ: «я была до крайности поражена, писала она къ нему, при извѣстіи, что ты занялъ уже до 700 рейхсталеровъ!.. Боже мой! неужели это значитъ поступать по братски? Этакъ ты меня совсѣмъ разоришь! Подумалъ ли ты, сколько слезъ я пропроливаю во вдовьемъ своемъ положеніи и сколько у меня расходовъ? Какой же ты послѣ этого оберегатель моихъ интересовъ и моей собственности? Матушка очень огорчена твоимъ поведеніемъ. Напиши, на что тебѣ нужны были деньги? Оканчиваю письмо, слезы мѣшаютъ мнѣ писать. Призываю Бога на помощь, да исправить онъ тебя, быть можетъ ты станешь лучше обо мнѣ заботиться...» Что до матери, то она просто на просто грозила сыну самымъ сильнымъ проклятіемъ, если онъ не перестанетъ тратить деньги своей «несчастной сестры.» — «Прошу тебя, писала съ своей стороны старшая сестра Монсъ, — дѣлай все въ пользу Анны, не упускай время. Одинъ Богъ знаетъ, какъ больно мнѣ слышать упреки матушки, что мы не соблюдаемъ интересовъ нашей сестры...» «Если не лучше будутъ дѣйствовать, говорить въ другомъ письмѣ Матрена Балкъ, въ дѣлѣ любезной нашей сестры, то маршалъ Кейзерлингъ достигнетъ своей цѣли и присвоитъ себѣ вещи. Видно, ты не очень то заботишься о давномъ тебѣ порученіи, за что и будешь отвѣчать предъ нашей сестрой.»

Общія хлопоты привели наконецъ къ болѣе успѣшному результату; этому безъ сомнѣнія способствовало и то, что сама г-жа Кейзерлингъ съ матерью пріѣхали за границу лѣтомъ 1712 года; онѣ прогостили нѣсколько недѣль въ г. Эльбингъ у своего зятя Балка и отсюда имѣли болѣе удобствъ вести свой процессъ; общими стараніями Монсовъ, генераль-адъютантъ, младшій братъ покойнаго Кейзерлинга, уговоренъ былъ протестовать противъ незаконныхъ претензій ландмаршала, своего старшаго брата, и этотъ протестъ много сдѣлалъ по дѣлу Анны Ивановны у короля Прусскаго. Дѣло впрочемъ протянулось съ годъ, такъ что Анна Ивановна по возвратѣ въ Москву, скоро нашла нужнымъ ѣхать въ Спб. «Но я незнаю,

жаловалась мать, что мнѣ дѣлать съ ней; я все бо́льна и никакъ не могу съ ней пуститься въ дорогу.» О поѣздѣ между тѣмъ сильно хлопотала Анна Ивановна; расчетливая до скупости, и въ тоже время съ претензіями на нѣкоторыя права въ качествѣ прежней фаворитки государя, она писала къ вице-адмиралу, а также и къ графу Головкину, чтобы тѣ выхлопотали ей даромъ подводы: люди датскаго посланника, говорила она брату, получали даровыя подводы, отчего же мнѣ не получить?» Поводъ однако не давали; старуха мать почти въ каждомъ изъ своихъ писемъ къ сыну, напоминала, чтобы тотъ похлопоталъ, но Виллимъ Ивановичъ не былъ еще въ той силѣ, въ какой мы увидимъ его въ послѣдствіи, а претенцы Петра не считали нужнымъ оказывать вниманіе забытой красавицѣ. Что до нея самой, то давно вытѣснивъ изъ сердца образъ Петра и оставивъ его въ своей шкатулкѣ, такъ какъ онъ былъ осыпанъ драгоценными камнями, Анна Ивановна забыла и Кейзерлинга: въ 1713—1714 годахъ, она уже не вспоминаетъ о немъ, даже по поводу его имѣнія: она занята плѣннымъ шведскимъ капитаномъ Миллеромъ (1).

Капитанъ, одинъ изъ полтавскихъ плѣнниковъ, проживалъ въ Нѣмецкой слободѣ, познакомился съ Анной Ивановной и имѣлъ счастье быть послѣднимъ въ ряду избранниковъ ея сердца. «Печальная» вдова намѣревалась выйти за него замужъ! а пока осыпала его подарками; видно красота ея сильно поблекла, если она находила нужныхъ прибѣгать къ этому средству, чтобы привязать къ себѣ своего новаго рыцаря. Такъ «въ приносѣ отъ иноземки Анны Монцовой пожитковъ ея къ капитану» были: «камзолъ штофовой, золотомъ и серебромъ шитый; кувшинецъ, да блюдо, что бороды

(1) Всѣ приведенныя свѣдѣнія заимствованы изъ подлинныхъ нѣмецкихъ писемъ *Модесты Монсъ* (матери): 15 февраля, 27 марта, 8 мая, 19 Іюня и 9 нумеровъ неизвѣстныхъ числъ 1712 г. *Анны Кейзерлингъ* урожд. *Монсъ*, письма 14 февраля, 1 марта, 8 мая, 19 Іюня и два неизвѣстныхъ числъ 1712 года; материнскія и дочернія письма, отправляемы были изъ нѣмецкой слободы, особенно нескладно писала старуха; всѣ ея письма необыкновенно неразборчивы и наполнены повтореніями объ одномъ и томъ же, при внимательномъ разборѣ ихъ можно догадываться, что старуха была слаба разсудкомъ и памятью. *Матрены Балка* урожд. *Монсъ* письма изъ Эльбинга отъ 23 іюня, 3, 7, 10 и 14 іюля, и 14 сентября 1712 года. *Петра Балка* письмо изъ Эльбинга отъ 17 сентября 1711 г. Генералъ-адъютанта *Кейзерлинга* письмо изъ Гарца отъ 1 іюля 1712 г. Также смотр. показаніе, данное въ сенатской конторѣ 19 августа, 1715 г. челядникомъ капитана Мюллера (т. е. Миллера), шведа Иванова о пожиткахъ «Монцовой.» Историкъ Миллеръ ошибочно утверждаетъ что Анна Кейзерлингъ вышла замужъ за капитана *Мюллера*, она была только *сговорена* съ *Миллеромъ Берк.* IV 125. Вещи покойнаго Кейзерлинга отправлены были его вдовѣ изъ г. Столпе 7 марта 1714 года: процессъ былъ выигранъ.

брильянты, серебряныя» и другія вещи. Впослѣдствіи послѣ смерти уже сестры, хлопоча отнять ихъ у Миллера, Виллимъ Ивановичъ увѣрялъ: «что тотъ притворствомъ вѣрлся (вкрался?) въ домъ къ сестрѣ моей и въ болѣзни сестры моей, взявъ, ставаясь съ дѣвкою шведкою, которая ходила въ ключѣ у сестры моей, взявъ многія пожитки». Монсъ жаловался, что Миллеръ, пользуясь болѣзнію его матери и излишнею довѣренностью къ нему Анны Ивановны, увѣрилъ ее, будтобы имѣетъ въ Швеціи жалованныя отъ короля маестности; выманивалъ у нея деньги и разные подарки. Обманомъ или другимъ чѣмъ, какбы то нибыло, но Миллеръ дѣйствительно очень сблизился съ Анной Ивановной: они были сговорены и свадьба поимѣшала только смерть невесты. Вдова Кейзерлингъ скончалась въ августѣ 1714 года, въ Нѣмецкой-слободѣ, на рукахъ больной старухи-матери и пастора; въ безпамятствѣ предсмертной агоніи, она пожалѣла только о *нѣкоторой сиротѣ* и о возлюбленномъ; ему завѣщала она часть своего имущества.

«Имущества было довольно. Однихъ алмазовъ, брильянтовъ, золотыхъ и серебряныхъ вещей осталось въ черепаховой шкатулкѣ Анны Ивановны на сумму, по своему времени, громадную а именно на 5,740 рублей; въ спискѣ этихъ вещей были подарки Лесорта, Петра, Кенигсека, фонъ Кейзерлинга, небыло только подарковъ Миллера, потому что «положенникъ шведской» самъ принималъ ихъ отъ Анны. Изъ всѣхъ драгоценностей цѣннѣе всѣхъ былъ подарокъ государя; онъ значится въ спискѣ такъ: «образъ съ разными съ драгоценными камнями, около охваченъ — въ 1000 рублей». Затѣмъ по цѣнности замѣчательны: «умершаго господина фонъ *Келзерлинка* персова въ алмазахъ — 700 руб.» Остальныя вещи были алмазныя: лацъ-кенъ, сердечко съ короной, серьги, крестъ, перстни, пряжки, запонки, булавки, шпажка и зубочистка алмазныя; тутъ же были нитки жемчугу, изъ которыхъ, *четыре нитки* покойница завѣщала *сиротѣ нѣкоторой*; золотые и серебряные часы, табакерки, кольца, все это украшено бриллиантами, изумрудный перстень и т. п. (1) вещи эти

(1) «Роспись алмазнымъ вещамъ, которыя были» въ скринкѣ, черепахоу оклееной. Эта роспись драгоценностямъ Анны Ивановны, дошла до насъ въ шести спискахъ, и всѣ они руки старухи Монсъ. Въ описи ея собственныхъ вещей значится портретъ ея дочери, какъ можно думать — портретъ Анны Ивановны; нельзя не пожалѣть, что онъ не дошелъ до насъ, либо быть-можетъ и уцѣлѣлъ въ какой-нибудь коллекціи, но состоитъ въ отдѣлѣ *неизвестныхъ* портретовъ. Говоря о имуществѣ Анны Ивановны, нельзя не сказать нѣсколько словъ и о ходатаѣ по ея дѣламъ, Лаусонѣ, тѣмъ болѣе, что мы къ нему уже не возвратимся. Мы видѣли съ какимъ довѣріемъ и уваженіемъ и мать и дочь относились къ нему и какъ заискивали въ немъ; такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока Монсы въ немъ нуждались; но вотъ умираетъ Анна Ивановна .. «Я

были достояніем той женщины, которая такъ горько плакалась за растрату братомъ нѣсколькихъ сотенъ рейхсталеровъ...

Какбы то нибыло, но проводивъ въ могилу бранныя останки той женщины, имя которой, благодаря любви Петра, попало въ исторію, скажемъ о ней окончательное мнѣніе: оно вытекаетъ изъ представленныхъ матерьяловъ. Ихъ достаточно, чтобъ видѣть въ Аннѣ Монсъ, страшную эгоистку, нѣмку сластолюбивую, чуть не развратную съ сердцемъ холоднымъ, нѣмку разчетливую до скупости, алчную до корысти, при всемъ этомъ суетѣрную, лишонную всякаго образованія, даже мало грамотную (очемъ свидѣлствуютъ ея подлинныя письма). Кромѣ плѣнительной красоты въ этой авантюристкѣ небыло никакихъ другихъ достоинствъ. Поднятая изъ грязи разврата, она не сумѣла оцѣнить любовь великаго государя, не сумѣла оцѣнить поступка, который тотъ сдѣлалъ ради ея, предавъ жестокой участи свою законную супругу. Страстью къ Аннѣ Монсъ, Петръ показалъ, что и великіе люди неизлѣтны человѣческихъ слабостей, что страсть и имъ слѣпигъ очи, и имъ затемняетъ разумъ. Безвѣстная нѣмка, женщина во всѣхъ отношеніяхъ недостойная, Анна Монсъ, послужила причиной къ совершенію нѣсколькихъ событій, въ высшей степени важныхъ въ исторіи великаго Петра: царица Авдотья Ѳеодоровна ссылается въ заточеніе; наследникъ престола преждевременно лишается материнскаго надзора, а вслѣдствіе этого заатаиваетъ въ душѣ своей ненависть къ отцу, гонителю матери; эта ненависть растетъ, заставляетъ Алексѣя окружать себя сторонниками, столько же непріязненными его отцу, начинается борьба малозамѣтная, въ высшей степени стра-

крайне скорблю, писалъ Лаусонъ къ матери, 1 окт. 1714 г., изъ Кенигсберга, крайне скорблю о кончинѣ высокопочтенной тайной совѣтницы фонъ-Кейзерлингъ и тѣмъ болѣе сочувствую печали матери, что самъ лишился въ вашей любезной дочери своей милостивой и уважаемой покровительницы, но тутъ дѣлать нечего, мы должны только благодарить Бога, что онъ сократилъ ея страданія... Вмѣстѣ съ заявленіями печали и сочувствія, Лаусонъ съ нѣмецкою акуратностью представилъ отчетъ въ приходахъ и расходахъ, довѣренныхъ ему суммъ покойной Кейзерлингъ, при этомъ онъ просилъ позволенія удержать у себя за свои трехлѣтніе труды 200 рехсталеровъ; но теперь Лаусонъ не нуженъ, и вотъ старуха Монсъ сначала ничего не отвѣчаетъ на его просьбу, а потомъ рѣшительно требуетъ чтобъ тотъ прислалъ и эти деньги. Поручая это дѣло сыну, въ апрѣлѣ 1716 года, въ бытность того въ Германіи, мать вопреки вѣщимъ своимъ прежнимъ восхваленіямъ Лаусона, называетъ его теперь воромъ, мошенникомъ, вообще человѣкомъ до такой степени нечестнымъ, что будтобы онъ, Лаусонъ, въ счетахъ всегда выставялъ 10 вмѣсто 5. Всѣ эти обвиненія мать Монсою не подтверждаетъ аятами и топчетъ въ грязь человѣка, такъ недавно превозносимаго, за какіе-нибудь 200 талеровъ! Письмо Модесты Монсъ. М. 12 апр. 1716 года.

дательная со стороны царевича, не важная по ходу, которая бы могла бы принята бы болѣе серьезные размѣры, еслибы докончилась катастрофою 1718 года. Съ другой стороны любовь къ Аннѣ Монсъ заставляетъ Петра обратить вниманіе на ея семейство, а въ немъ между прочимъ и на брата Анны, Виллима. Государь приобщаетъ его къ себѣ, возвышаетъ на высокую степень придворныхъ званій и въ немъ находитъ человѣка, который разбиваетъ его семейное счастье, отравляетъ послѣдніе дни его жизни и — это еще догадка — дѣлается одной изъ причинъ преждевременной кончины Петра-великаго.

II

ГЕНЕРАЛЬСЪ-АДЪЮТАНТЪ

(1708—1716)

Въ то время когда Петръ зачастую посѣщалъ и изводилъ верѣ-ко «копаявати за золочеными занавѣсами» въ каменномъ палаццо Анны Ивановны, въ покояхъ ждланнаго дома рѣзвился четырнадцатилѣтній хорошенькій мальчикъ; это былъ ребенокъ живой, пылкій и весьма чувствительный; послѣднее доказывало, что на мальчика имѣло большое вліяніе то, что онъ съ ранняго дѣтства окруженъ былъ женщинами: обѣ сестры (много его старше) любили и баловали ребенка. Баловень этотъ былъ извѣстный впоследствии Виллиму Ивановичу⁽¹⁾. Старшій братъ его Филимонъ, какъ мы уже знаемъ, взятъ былъ государемъ на службу и несмотря на опалу, постигшую сестеръ Монсъ, Филимонъ служилъ довольно успешно: въ 1711 году онъ былъ капитаномъ. По его слѣдамъ и безъ сомнѣнія по его же предложенію, принять былъ на службу братъ его Виллиму: военная служба вообще представлялась иноземцамъ нѣмецкой слободы въ тогдашнее время надежнѣйшимъ путемъ къ достиженію всякихъ благъ, слѣдовательно желанія другого пути со стороны Виллима и быть не могло. Виллиму принять на службу въ бытность Петра въ Польшѣ, въ мѣстечкѣ Горкахъ⁽²⁾, въ августъ 1708 года. Первоначально принять онъ въ армію въ каче-

(1) Онъ родился въ Россіи въ 1688 году, что видно изъ письма его матери отъ 28 февраля 1717 года.

(2) Горки принадлежали стольнику литовскому графу Сапѣгѣ и были куплены у него Меншиковымъ.

ствъ «валентира». Генераль Боуръ замѣтилъ молодого, красиваго «валентира» и взялъ его къ себѣ въ «флигель-адъютанты». Странная роль выпала на долю нѣнца-генерала Боура: онъ отличался, надо думать, большимъ вкусомъ и былъ поклонникъ красоты во всѣхъ ея проявленіяхъ. Въ самомъ дѣлѣ Боуръ вывелъ Екатерину, Боуръ же выдвигаетъ на путь къ отличіямъ и знаменитаго впоследствии Монса...

Предъ будущимъ фаворитомъ съ этого времени дѣйствительно открывалась карьера несравненно блистательнѣйшая, нежели выпадала на долю какого-нибудь боевого офицера. Монсъ былъ постоянно на виду, на него возлагались кой-какія командировки и малѣйшіе успѣхъ въ ихъ выполненіи, расторопность, бойкость — немедленно награждались. Монсъ былъ на виду въ упорномъ бою полъ Лѣснымъ, въ славной побѣдѣ полтавской; здѣсь и тамъ исправлялъ должность генеральскаго адъютанта, и когда шведы были отброшены къ Переволочнѣ, Монсъ ѣздилъ къ нимъ съ трубачемъ для переговоровъ. Во время движенія русской арміи къ Ригѣ Виллиамъ Ивановичъ командирuemъ былъ во многія партіи съ козаками; между прочимъ на него возложено было порученіе отбить у непріятеля командира козаковъ, князя Лобанова. «Усмотрѣ добрыя поступки» родного брата нѣкогда любимой красавицы, государь въ бытность свою въ Помераніи осенью 1711 года «удостоилъ» его чиномъ лейбъ-гвардіи лейтенанта»; въ новомъ чинѣ Монсъ назначенъ былъ оставаться въ качествѣ «генеральскаго адъютанта отъ кавалеріи» ⁽¹⁾ при государѣ, ѣздилъ курьеромъ къ королю датскому, участвовалъ при атакѣ Фридрихштадтской и вообще, какъ мы уже видали, былъ въ постоянныхъ разъѣздахъ съ разными порученіями отъ государя ⁽²⁾.

Между тѣмъ карманъ Монса находился въ незавидномъ состояніи; адъютантъ перебивался небольшими деньжонками, что можно видѣть изъ записокъ его къ друзьямъ; въ одной изъ нихъ наприимѣръ онъ между прочимъ проситъ возвратить ему девять рейхсталеровъ, въ которыхъ «очень нуждается» ⁽³⁾. Отъ матери и сестеръ,

⁽¹⁾ Такой титулъ значитъ на нѣкоторыхъ письмахъ къ нему за это время отъ сестры и другихъ лицъ.

⁽²⁾ Записка незнакомой руки о службѣ Виллиама Монса, въ его бумагахъ; угод. дѣло 1724 г., л. 423; патентъ его на званіе камергера, и *Голіковъ V*, стр. 116.

⁽³⁾ Письма Монса отъ 30 ноября 1709 г. изъ мѣстечка «Drei Mühlen» и изъ нѣмецкой слободы отъ 14 марта 1711 года. Писалъ Монсъ обыкновенно на нѣмецкомъ языкѣ; на русскомъ онъ изъяснялся довольно бойко, но читать и писать неумѣлъ.

женщины, служить, вѣрно и доверчиво, на бѣдѣ, поддержка была немаловажна; что до братьевъ, то онъ ихъ потерялъ довольно рано. «Находясь теперь здѣсь въ Москвѣ, — писалъ Монсъ къ сестрѣ и зятю своему Балку 14 марта 1711 года, — съ прискорбіемъ извѣщаю васъ, что любезный старшій братъ нашъ скончался; смерть его тѣмъ для меня чувствительнѣе, что я почти одновременно лишился обоихъ братьевъ» ⁽¹⁾. На одномъ изъ нихъ осталось 15 рублей долгу, и средства Валлима Ивановича были такъ плохи, что онъ долженъ былъ уступить за эти деньги лошадь покойника ⁽²⁾. Такимъ образомъ Монсъ начиналъ почти такъ, какъ начинала большая часть его единоземцевъ: бѣздомные, жалкіе бѣдняки, они ждали какого-нибудь «фавора», чтобъ обогатиться, и левкостью, вкрадчивостью умѣли добиться этого фавора.

При Петрѣ, въ особенности непосредственно при немъ служить было нелегко: государь требовалъ самой строгой исполнительности во всемъ; безъ его позволенія никто изъ ближнихъ служащихъ не смѣлъ отлучаться отъ него ни днемъ, ни ночью. Днемъ дѣйствительно и невозможно было урвать ни одному деньщику, но по ночамъ они, какъ рассказываетъ одинъ изъ деньщиковъ, таскались часто по шканамъ и своимъ пріятельницамъ; «его величество, — повѣствуетъ Нартовъ, — свѣдавъ о такомъ распутствѣ, велѣлъ для каждаго деньщика (т. е. для своихъ флигель-адъютантовъ) сдѣлать шкапъ съ постелью, чтобъ въ ночное время ихъ тамъ запирали и тѣмъ укротить ихъ буйство и гулянье.» Однажды въ самую полночь государю понадобилось послать одного изъ флигель-адъютантовъ, бережно запертыхъ по шкапамъ. Государь идетъ съ фонаремъ наверхъ, отпираетъ ключемъ шкапъ за шкапомъ и не находитъ въ нихъ ни одного флигель-адъютанта. «Мои деньщики летаютъ съвозъ замки, но я крылья обстригу имъ завтра дубиной!» Стрижки однако не было; государь всталъ въ хорошемъ расположеніи духа, увидѣвъ флигель-адъютантовъ на мѣстахъ, стоящихъ въ трепетномъ ожиданіи «нежданнаго побѣненія», и это смягчило Петра. «Смотри-те-жъ», сказалъ онъ между прочимъ: — «впредь со двора уходить безъ приказа моего никто да не дерзнетъ, иначе преступника отворочаю такъ дубиной, что забудетъ по ночамъ гулять и забывать свою должность!...»

Съ Монсомъ же, какъ кажется, «отворачиваній дубиной» не случалось. Онъ старательно выполнялъ свою должность, а она

⁽¹⁾ О младшемъ братѣ мы ничего не знаемъ.

⁽²⁾ Письма къ Монсу г. Глемира. Ревель, 1 и 12 марта 1711 г.

оживлялись самыми разнообразными поручениями⁽¹⁾. Такъ между прочимъ доводилось ему вѣдать царскими лошадьми, провожать подводахъ съ закупленнымъ заграницей для Петра венгерскимъ виномъ; Монсу долженъ былъ прикупить новое, всячески беречь драгоценный напитокъ и проч. (2) Такого рода поручения показывали нѣкоторую довѣренность къ Монсу, который между тѣмъ сколачивалъ себѣ fortuna разными средствами; такъ въ 1712 году, въ бытность свою въ Митау генеральскій адъютантъ приобрѣлъ благосклонное вниманіе вдовствующей герцогини курляндской, обзавелся деньгами, и совершенно довольный, шутиливо писалъ къ одному изъ друзей въ нѣмецкую слободу: «Рекомендую себя двинцѣ Труткомъ и ожидаю тебя съ немолбою; я уже привоювилъ карету и шестерикъ лошадей; ей будетъ здѣсь на чемъ кататься (3)»...

И при дворѣ государя онъ уже получалъ нѣкоторое значеніе. Такъ въ 1713 году, заботливая сестрица Матрена писала къ нему: «Прошу васъ пожадуйте, сдѣлайте, чтобъ сынъ мой Петръ (Балкъ) и дядя добрую оказію были; понеже лучше, чтобъ онъ у васъ былъ; и надѣюсь, что онъ вскорѣ у васъ будетъ, понеже мужъ мой пощадитъ его съ дѣлами въ С. Петербургъ.» Матрена Ивановна црссала не объ одномъ сынѣ: волею Петра заброшенная съ старикомъ-мужемъ⁽⁴⁾ въ крѣпость Эльбингъ, на самый театръ войны, она безпокоилась среди опасностей войны и сильно тосковала вдали отъ столичнаго общества, къ которому всегда чувствовала влеченіе. Только осенью 1711 года Матрена Ивановна на нѣсколько времени оживилась: въ это время въ Эльбингъ пріѣхала Екатерина Алексѣевна; «отпустилъ я жену свою въ Эльбингъ, къ вамъ — писалъ государь Федору Балку, — и что ей понадобится денегъ на покурку какой медочи, дайте изъ собранныхъ у васъ денегъ.» Въ бытность здѣсь государыни Матрена Ивановна успѣла заискать ея расположеніе и даже дружбу до такой степени, что самъ Петръ находилъ нужнымъ, быть-можетъ въ угоду жены, оказывать эльбингской комендантшѣ особое вниманіе: «отпиши ко мнѣ — спрашивалъ Петръ Екатерину 14 августа 1712 года — къ которому времени родитъ Матрена, чтобъ мнѣ поспѣть?» Два мѣсяца спустя Петръ распоряди-

(1) Угол. дѣл. 1724 г., л. 180, 232 и друг.

(2) Каб. дѣл. II отд. LXIV кн. л. 48, инструкция Монсу отъ кабинетъ-секретаря Макарова и счетъ издержекъ Монса.

(3) Письма Монса отъ 16 февраля 1712 г., Митава.

(4) Фёдоръ Николаевичъ Балкъ въ 1699 году былъ полковымъ командиромъ, въ 1704 г. назначенъ комендантомъ въ завоеванный городъ Дерптъ, въ 1710 г. въ чинѣ бригадира назначенъ комендантомъ крѣпости Эльбинга, гдѣ и состоялъ до начала 1714 г. — Устр. III с. 347; Голлицы I—344, II—133, 497. IV—122, 433, 528.

жался объ очищеніи Эльбинга, прежде нежели явится подлинный посланный отъ салтана турчанина, и между прочимъ самъ озабочился предписать отправить комендантшу съ обозами впередъ изъ крѣпости. Турчанинъ однако не пришолъ, къ великому прискорбію Балки; государыня уѣхала, а Матрена Ивановна, видѣвъ уже знаки вниманія къ себѣ какъ отъ государыни, такъ и отъ государя, еще болѣе стала желать отъѣзда ко двору. Рядъ писемъ ея за 1718 годъ къ брату исполненъ мольбами, чтобъ тотъ постарался чрезъ Ягужинскаго, кабинетъ-секретаря Макарова или другимъ какимъ путемъ, но только выхлопотать имъ принаказъ о переводѣ ея съ мужемъ въ Россію, или по крайней мѣрѣ хотъ въ г. Або; «здѣсь же — пишетъ она изъ Эльбинга — все очень дорого; мужъ полтора года не получаетъ жалованья, мы проживаемся; ятому же — продолжаетъ Матрена, подбирая предлогъ къ отъѣзду послышать — мой бѣдный мужъ такъ боленъ, что я опасюсь за его жизнь.» ⁽¹⁾

Усиленные просьбы къ Виллиму Ивановичу показываютъ, что генеральсь-адъютантъ имѣлъ уже въ это время значительныя связи съ лицами вліятельными при дворѣ Петра; такимъ образомъ онъ далеко не былъ тѣмъ вѣтреникомъ, беззаботнымъ молодымъ человекомъ, какимъ является въ письмахъ къ нему отъ матери за эти годы. Борчливая и хвора старуха, находя, что сынъ вѣтрень, нерасчетливъ и даже расточителенъ, осыпала его рядомъ упрековъ, даже угрозъ, и зорко слѣдила за образомъ жизни сына и окружающихъ его слугъ и пріятелей. Къ чести Монса надо сказать, онъ съ покорностью переносилъ материнскіе выговоры и невидать, чтобы таготился ея вышательствомъ въ свои дѣла.

Такъ въ 1712 году старуха съ гнѣвомъ выговаривала сыну; ...«Любезный сынъ, изъ письма Лаусона видно, что ты *опять* тронулъ сестрины деньги... Если ты будешь такъ поступать, то скоро растратишь капиталъ твоей *бѣдной* сестры; она поручила тебѣ беречь ея собственность, а ты поступаешь какъ человекъ безразсуд-

⁽¹⁾ Матрены Балки письма отъ 9, 24 марта и четыре письма неизвестныхъ чиселъ 1713 г. Въ «Москвитинѣ» 1852 г. № 16 напечатано двадцать одно письмо Петра I и одно письмо ц. Алексѣя къ О. Балку, «господину брегатеру гварнизона эльбинскаго». Письма относятся ко времени съ 10 ноября 1710 г. по 27 окт. 1712 г. Изъ нихъ видна служебная дѣятельность Балка, обязанности его какъ коменданта взятой крѣпости; инструкція о передачѣ крѣпости полякамъ и проч. Между прочимъ здѣсь есть инструкція Петра, 9 мая 1711 г., какъ вести себя коменданту Эльбинга въ случаѣ атаки непріятелемъ; въ Р. С. указано гварнизону «всѣхъ своихъ женъ и дѣтей отослать тотчасъ въ Ригу», но какъ-видно указъ этотъ былъ потомъ отмененъ.

нѣтъ, чѣмъ же это кончится? Въ четыре мѣсяца даялъ ты 700 рейхс-талеровъ и даже ниразу не написалъ намъ объ этомъ. Миѣ кажется, что Бухъ (камердинеръ Монса), проклатая собака, чтобы чортъ его взялъ, беретъ деньги когда онѣ ему только нужны; мы слышали какъ онъ всевозжъ живетъ. Узнавъ обо всемъ этомъ, я и твоя бѣдная сестра чуть не умерли отъ огорченія. Да простить тебѣ бѣгъ такую безбожную жизнь; еслибъ Бухъ былъ здѣсь, я-бъ его засадила въ такое мѣсто, откуда бъ не надеждъ онъ ни луны, ни солнца! Поэтому еще разъ пишу къ тебѣ: прогони отъ себя этого мерзавца, или я наложу на тебя такое проклетіе, что тебѣ не будетъ помыла на этомъ свѣтѣ! Какъ можешь ты тратить больше того, что въ состояніи заплатить? Откуда ты возьмешь? Вѣдь тебѣ извѣстно, у меня ничего нѣтъ, чѣмъ могла бы я тебѣ помочь... Ты уже изстратилъ до 1000 рейхс-талеровъ изъ денегъ твоей сестры. Неужели предался ты карточной игрѣ и проигралъ эти деньги? Если это правда, то я тебя прокляну. Твоя сестра сильно заболѣла отъ огорченія, которое ты ей причиняешь. Прошу бога, чтобы онъ тебя навелъ на путь истинны...» ⁽¹⁾

Громы проклетія нѣжной матери готовы были разразиться надъ мнимо-вѣтреннымъ сыномъ, но онъ догадался сказаться больнымъ, не отвѣчалъ на родительскіе упреки, а поручилъ это щекотливое дѣло камердинеру. «...Про этого мошенника — отвѣчала мать, продолжая входить во всѣ мелочи домашняго быта своего сына и его служителей — про этого мошенника Буха я опять слышала какъ онъ живетъ: все сидитъ въ винномъ погребу и играетъ въ карты; когда его спросили: откуда у него столько денегъ? онъ отвѣчалъ, что долженъ же ему господинъ давать деньги. Чтѣ ты объ этомъ думаешь? Неужли тутъ не сокрушаться сердцу!.. Итакъ прошу тебя, мое дитя, устрой такъ, чтобы онъ пріѣхалъ въ Эльбингъ (здѣсь гостила въ это время старуха у старшей своей дочери), если ты не хочешь, чтобы твоя мать изъ-за этого мошенника пропадала...»

Жалобы и просьбы не прерывались: «денегъ нѣтъ; ни за квартиру, ни изъ деревни я ничего не получила. ⁽²⁾ Постарайся, чтобы

⁽¹⁾ *Медесста Монсъ* къ сыну, отъ 19 июня 1712 г. Укажемъ на нѣкоторые изъ остальныхъ ея писемъ (изъ Эльбинга и Нѣмецкой слободы); онѣ датируются нами далѣе, въ своемъ мѣстѣ: 1 августа и неизвѣстнаго числа — 1712 г. 1, 5, 14, 16 мая 1713 г., и 19 октября 1715 г. Нѣкоторые письма писаны не ея рукою; за старостью и болѣзнью она не всегда могла писать; подписи ея — «М. М. де М.» Собственноручныя ея письма отличаются, какъ мы уже замѣтили, безсвязностью и повтореніями однихъ и тѣхъ же словъ, что разумѣется опущено въ нашихъ извлеченіяхъ.

⁽²⁾ Упомянутое о деревнѣ (1712 г.) доказываетъ, что вопреки извѣстному ин-

сестра пришла сюда, откуда я еще жив; но я съ каждымъ днемъ слабѣю, и вотъ уже пятнадцать лѣтъ (т. е. съ 1897 года) лежу въ постели; можешь себѣ представить каково мнѣ. Хотѣлось бы видѣть своихъ дѣтей еще разъ вмѣстѣ! Препоручаю тебя всевышнему, да предохранитъ онъ тебя отъ всякой опасности. Маша и Катя тебѣ вѣряются...

Съ успѣхами по службѣ, съ возрастаніемъ значенія Вилхелма Ивановича, смягчалась къ нему и старуха-мать: «меня очень утѣшило твое письмо — отвѣчала она сыну 1 мая 1713 года, въ которомъ ты пишешь, что его величество очень къ тебѣ милостивъ; дай-божь чтобы это всегда такъ было; будь остороженъ! — добавляетъ старуха, много испытывавшая на своемъ вѣку, — будь остороженъ: при дворѣ опасно служить; служи усердно царю и богу, тогда будетъ хорошо. Напрасно думаешь, дитя мое, что я на тебя была сердита; самъ ты знаешь, что этого быть не можетъ... У меня былъ генералъ-адъютантъ, я просила его, чтобы онъ тебѣ не оставилъ...»

Генералъ-адъютантъ, любезно посвящавшій въ нѣмецкой слободѣ въ 1713 году полузабытое семейство — никто другой какъ Павелъ Ивановичъ Ягужинскій. Мы уже имѣли случай познакомиться съ этимъ птенцомъ Петра Великаго (1). Павелъ Ивановичъ былъ очень любимъ государемъ, считался его «правымъ глазомъ», славился примолуіемъ и необыкновенной скоростью и точностью въ исполненіи всѣхъ служебныхъ обязанностей; «правый глазъ» былъ очень зорокъ, прекрасно приглядывая ко всѣмъ свѣтиламъ горизонта дворцовой жизни, умѣлъ отличать эти свѣтила очень рано, когда они только-что начинали мерцать, умѣлъ предугадывать ихъ будущій ростъ и значеніе, и вовремя объявлялъ новаго «фаворита» своею пріязнью и услугами. Этому свойству своего ума Павелъ Ивановичъ обязанъ тѣмъ, что не только спокойно пережилъ три царствованія, но не упалъ и въ четвертое, т. е. въ царствованіе Анны Ивановны. Ягужинскій умеръ на верху почестей и отличій, что едвали могло случиться, еслибы онъ, по увѣренію иностранцевъ,

земцевъ, государь не отнялъ у семейства бывшей фаворитки недвижимое имущество, кромѣ впрочемъ каменнаго палаццо въ нѣмецкой слободѣ.

(1) «Царица Прасковья» («Время» 1861 г. № 4). — Сынъ лютеранскаго органиста, служившаго въ лютеранской церкви въ Москвѣ, Ягужинскій, по свидѣтельству англ. резид. Рондо, обязанъ всѣми своими успѣхами въ жизни своей красивой наружности; какъ красивый мальчикъ онъ былъ взятъ въ пажы Головиннымъ (президентомъ посольской канцеляріи)... а два года спустя по той же причинѣ взятъ государемъ въ камеръ-пажи.... Чтен. общ. истор. 1861, т. II; Вѣписка резид. Рондо, стр. 8—9.

дѣйствовалъ всегда «прямодушно, благородно, съ замѣчательною откровенностью и свободой»...

Виллима Ивановича Монса Павелъ Ивановичъ замѣтилъ рано; въ 1713 году они были короткіе пріятели, ими и остались, поддерживая другъ друга въ тревоженіяхъ дворцовой жизни, до рокового для одного изъ нихъ 1724 года... Но обратимся къ старухѣ Монсъ. Она дѣлалась все болѣе и болѣе довольна сыномъ; посылала къ нему платье, бѣлье и кой-какія бездѣлицы, изъясняла горькое свое желаніе видѣть сына въ «генеральской формѣ» (т. е. въ мундирѣ тогдашняго генеральскаго адъютанта, что соответствовало чину полковника), и въ надеждѣ осуществленія этого пріятнаго ожиданія снабжала сына всякимъ добромъ: такъ однажды было послано къ нему «четыренадцать штукъ мясной колбасы»... Всѣ эти подарки со стороны скупой старухи свидѣлствуютъ, что сынъ росъ и росъ изъ теплы придворныхъ соискателей чиновъ и отличій... Впрочемъ она могла быть довольна и семейными дѣлами, устроившимися въ это время (1713—1714 г.) къ лучшему: такъ много занимавшій ее процессъ съ ландмаршадомъ Кейзерлингомъ кончился въ пользу ея «бѣдной» дочери (1)... Но вотъ 30 сентября 1714 года умираетъ Анна Ивановна, и все семейство, начиная съ матери и кончая Виллимомъ Ивановичемъ, спѣшитъ развлечь свою печаль объ утратѣ «бѣдной» Анны Ивановны тяжбой съ послѣднимъ избранникомъ ея сердца. Какъ старухѣ Монсъ, такъ въ особенности ея достойному сыну и наслѣднику сестринаго достатка, особенно было досадно, что нѣкоторыя изъ дорогихъ вещей Анны попали въ руки шведа Миллера (2).

Достаточно окрѣвши при дворѣ, окруженный благопріятелями, Виллима Ивановичъ смѣло могъ рассчитывать на успѣхъ тяжбы, а она вся была начата чуть не изъ-за одного серебрянаго кувшинца да золотнаго кафтана... Всѣ эти мелочи достаточно обрисовываютъ нашего героя... Оплакать сестру и отнять отъ ея жениха кувшинецъ и тому подобныя вещи, — съ этою цѣлью Монсъ приѣхалъ въ Москву осенью 1714 года (3). Миллеръ былъ взятъ, по его челобитью, въ преобра-

(1) Письма отъ 4 апр. 1712 г. и 7 марта 1714 г. — г. Мекса, камергера прусскаго короля; въ нихъ говорится о производствѣ этого процесса въ Столпе и объ отправкѣ вещей покойнаго Кейзерлинга къ его вдовѣ. Письма *Матрены Балк* о томъ же дѣлѣ, 9 и 16 июня 1712 г. изъ Эльбинга. Родословіе графовъ и дворянъ Кейзерлинговъ помѣщено въ III ч., стр. 143—156. Между прочимъ здѣсь отмѣчено, что «Георгъ-Іоаннъ, прусскій тайный совѣтникъ и посланникъ при Петрѣ-великомъ, ум. 5 сентября 1711 г.; онъ былъ женатъ на Аннѣ Мёнсъ де-ла-Круа.»

(2) Фамилія этого шведа пишется въ документахъ того времени разнo: Миллеръ, Мюллеръ, Мюллерсъ, Мюйллеръ и пр. Первое встрѣчается чаще.

(3) Наслѣдство, полученное Монсомъ послѣ смерти сестры, состояло изъ мно-

именный приказъ — на допросъ къ князю-кесарю; а и суровый князь-кесарь, какъ значится изъ многихъ дѣлъ тайной канцеляріи, вумѣлъ угождать людямъ «въ случаѣ»; по этому ли свойству своего характера, или почему другому, только онъ заставилъ Миллера повиниться, что-де онъ неточно извѣлъ у покойной «блюдо серебряное, что борода брѣютъ, да рукомошникъ», но и другія-де бралъ «вещи немалыя, а Анна Кейзерлингъ, — говорилъ шведъ, — вещами тѣми сама дарила, и тѣ вещи я закладывалъ и продаывалъ, а кому — не помню»⁽¹⁾. Для напаметованія нужна шведка-иолоненка, что ходила у покойной «въ ключъ», и была ея наперсницей въ разныхъ секретныхъ дѣлахъ; но та шведка-дѣвка взята въ услуженіе знакомымъ, уже намъ любителемъ всего изящнаго Боуромъ; Боуръ не отпускастъ дѣвку. Монсъ не задумывается и бьетъ челомъ прямо государынѣ на своего пераго благодѣтеля... Новая черта для обрисовки генеральста-адъютанта. «Генераль Боуръ — жалуется его прежній Флигель-адъютантъ — нѣтъ-то той дѣвки-шведки не отдастъ, но бьетъ при-смѣльного подъячего, который о присылкѣ той дѣвки говорить къ нему посыланъ. И объ немъ шведъ (т. е. о Миллерѣ) великое при-сѣжаніе отовсюду, какъ отъ него Боура, и отъ коменданта, и отъ разныхъ есть. Еще же — продолжаетъ Монсъ — отъ господина Боура ко мнѣ присылки бывають, чтобъ я отдалъ невѣдомо какія той дѣв-ки пожитки, будто ей общала сестра моя; и съ неликимъ мнѣ прѣш-сѣмлемъ присымаеть, въ чемъ мнѣю себѣ немалое опасеніе... Про-шу вашего премилостивой государыни заступленія, дабы я вотчѣе не пребылъ въ своемъ упадкѣ...» Ради этого скромный генеральста-адъютантъ умолялъ принять его «въ матерію ограду» и передать дѣло на розыскъ къ Ф. Ю. Ромодановскому. А чтобъ вещи никимъ образомъ ни по тому розыску, ни по рѣшенію тяжбы въ сенатѣ, не могли бы оветаться за Миллеромъ, Монсъ заявилъ, что-де представ-лѣнное его противникомъ заявщеніе Анны Ивановны вѣрсе несправ-ведливо: оно-де нескрѣплено духовникомъ, да и писано-то — такъ

дѣства драгоценныхъ вещей, денегъ около 12,000 талеровъ и разныхъ громад-ныхъ вещей, какъ-то: кареты, возка и т. п. Письмо *Лаусона* къ Монсу 11 дек 1714 г.

(1) Вещей этихъ, если вѣрить реестру, представленному старухой Монсъ въ приказъ, было довольно много; въ счетъ обозначено около 40 разныхъ пред-метовъ, въ томъ числѣ перстни, образъ, серьги, брошка, кресты, золотые часы, золотой футляръ для зубочистки, золотой поясъ, золотыя: шпага, шпилька, бра-слеты, нитка жемчугу, портретъ покойнаго Кейзерлинга съ брильянтами и пр.; большая часть вещей осыпаны брильянтами. Но этому счету вѣрить нельзя, по-тому что многія изъ вещей, обозначенныхъ здѣсь, одновременно значились на лицо у старухи въ ея другихъ счетахъ.

увѣрялъ Виллима — въ «безпачетствѣ и слѣдовательно притѣсно указамъ и градскимъ правамъ».

Какъ бы то нибыло, но Екатерина еще не замѣтила Момса, а потому не изъ чего ей было ему протектировать. Генеральскъ-адъютантъ долженъ былъ искать и дѣйствительно нашолъ помощь у друзей. «Государь мой Виллимъ Ивановичъ! писалъ къ нему Ягужинскій: — за многія ваши писанія благодарствую и прошу на меня не возмните противности какой, что такъ долго не отвѣтствовалъ. Объ дѣлѣ вашемъ здѣсь царское величество указалъ князю Федору Юрьевичу розыскивать, и ужь обо всемъ при дворѣ извѣстны, какъ Боуръ поступаетъ съ вами. И я ему нынѣ довольно писалъ; чиню, отъ моего письма онъ выразумѣетъ и отстанетъ того дѣла. И ты не ѣзди такъ скоро съ Москвы, и поправляй свое дѣло, я уже дамъ знать, когда время будетъ ѣхать. Слуга вашъ, П. Ягужинскій. 9 января 1715 года (1).»

При такомъ обязательномъ другѣ, нѣтъ ничего мудренаго, что Момсу удалось надолго засадить Миллера въ тюрьму; вещи его были опечатаны, съ него и съ слугъ сняты допросы, и затѣмъ дѣло все-таки затянулось. «... Ты понимаешь, любезный сынъ, — писала къ нему мать 19 октября 1715 года, — каково той, у которой такая тѣжба на шеѣ. Господинъ (т. е. государь) хотя и приказалъ сказать Миллеру, что онъ до тѣхъ поръ не будетъ выпущенъ, пока не заплатитъ все, но прошло уже двадцать три дня и все опять тихо. У меня никого нѣтъ, кто могъ бы вести дѣло, а когда господинъ сердитъ, тогда никто не смѣетъ ему сказать слово. Похлопочи ты пожалуйста, чтобъ пришолъ указъ Миллеру — или выдать ожерелье и большой перстень, или заплатить деньги...» А между тѣмъ въ ожиданіи указа старуха дала взятку одному изъ дѣльцовъ и дала отъ имени своего сына.

Въ январѣ 1716 года сынъ отправился съ государемъ и государыней за границу; какъ ни грустна была старухѣ-матери разлука съ сыномъ, но она ясно видѣла, что чѣмъ ближе будетъ Виллимъ къ высокимъ персонамъ, тѣмъ скорѣе увеличится къ нему «оказія». Старуха печалилась только о томъ, что по хворости своей ей едва ли

(1) Мы не считаемъ нужнымъ сохранять орографію подлинниковъ, такъ какъ орографія того времени извѣстна, но всѣ письма передаемъ отъ слова до слова. Совершенно въ дружескихъ отношеніяхъ съ Виллимомъ Ивановичемъ былъ и братъ Павла Ягужинскаго Иванъ: «Государь мой Виллимъ Ивановичъ! писалъ онъ въ одной изъ пріятельскихъ къ нему записокъ: — объявляю тебѣ, что (я) тѣбѣ твой разграбить, который объяшу въ Петербургѣ возвратить. А особливо прошу: кафтанъ, камзолъ и штаны выбери пожалуй и отдай сестрѣ, за что всегда благодарить не оставляю и остаюсь слуга твой Иванъ Ягужинскій».

доведется еще разъ увилать сына; притомъ смущало ее и то, что съ отъѣздомъ сына некому будетъ поприжать Миллера; полоненникъ шведскій имѣлъ, какъ оказывается, довольно сильныхъ покровителей въ лицѣ князя Я. О. Долгорукова и другихъ. — Пробъживъ однако послѣднія письма старухи Монсъ (!): ими мы закончимъ наше выискиваніе съ семейными дѣлами генеральсь-альтюнтанъ.

... Я болѣе и болѣе ослабѣваю — писала старуха при извѣстіи объ отъѣздѣ сына, — такъ что думаю, что это послѣднее мое письмо и мнѣ остается только пожелать тебѣ всякаго благополучія на этомъ свѣтѣ. Попроси стараго князя (Меншикова), чтобы онъ насъ не оставилъ (въ дѣлѣ съ Миллеромъ, который успѣлъ жениться, былъ на службѣ, хлопоталъ объ откомандировкѣ изъ Москвы, и денегъ за подарки Анны Кейзерлингъ не вносилъ). Еслибы императрица повелѣла, — продолжаетъ старуха, — чтобы Миллеръ заняли, то дѣло было бы сдѣлано, а теперь оно кажется остановилось, — Миллеръ остается: что хочешь. Мнѣ надобно еще получить отъ г. Лаусона 20,070 талеровъ; если ты его увидишь, то скажи ему, что покойная сестра твоя хотѣла ихъ пожертвовать на церковь...»

Эти 20,070 талеровъ — не болѣе какъ грубая описка, что впрочемъ видно изъ другого письма, въ противномъ случаѣ были бы совершенно непонятными какъ безпрестанныя жалобы старухи Монсъ на бѣдность, такъ и настойчивыя вымогательства всего семейства ожерелья, перстня, кушанья и другихъ бездѣлицъ отъ полоненника Миллера; о нихъ упоминается матерью безпрестанно, и къ упоминаемымъ скоро присоединяются мольбы, чтобы Виллисъ для своей же пользы... *позаботился бы о деревнѣ*, т. е. побилъ бы челомъ государю о полученіи нѣсколькихъ крестьянскихъ дворовъ съ сѣдлами: «богъ-виновать, — замѣчаетъ Модеста Монсъ — должно ли мнѣ оставаться еще жить, но я хотѣла бы по крайней мѣрѣ при жизни имѣть деревню (надо бы сказать: «еще деревню») и знать, что послѣ моей смерти у тебя будетъ своя собственность». — Объ этой «собственности» старуха писала къ Макарову, умоляя его порадовать о деревенкѣ ей, матери бывшей фаворитки... Между тѣмъ, несмотря на недуги, Модеста неустанно наставляла сына на его скользкой дорогѣ дворцовой жизни. «Придерживайся Макарова, писала она, — онъ все знаетъ...» «Друзья наши говорятъ, — возбуждаетъ Монсъ сына, — что былъ бы великій срамъ, если бы сынъ, дочь и зять (т. е. Виллисъ, Матрена и О. Балкъ), такъ высоко стоящіе у его величе-

(!) Москва, нѣмецкая слобода, письма отъ 15, 31 января, 2 февраля, неизвестное число, 29 июня, 11-го октября 1716 г. затѣмъ 3, 28 января, 14, 28 февраля и 7 августа 1717 года, — послѣднее письмо писано не ея рукой.

ства, не покончили бы дѣло съ успѣхомъ... Любезный сынъ! не введи насъ въ позоръ и не давай нашимъ врагамъ восторжествовать надъ нами... Прощай, мое дитя, я почти ослѣпла... отъ слезъ!»

Наконецъ съ Миллера требовавы деньги за вещи, полученные имъ отъ покойной Кейзерлингъ, но и тутъ плачется Монсъ: «полученная сумма меньше стоимости вещей... а главное все-таки, любезный сынъ, постарайся насчетъ деревни, дабы ты что-нибудь имѣлъ въ нуждѣ, попроси секретаря (т. е. Макарова): онъ тебѣ поможетъ въ этомъ дѣлѣ...» Старуха еще думала о карысти, о захолопленіи за семьей еще нѣсколькихъ сотъ крестьянскихъ душъ, а между тѣмъ смерть ужъ подступала къ ней: «Любезное дитя, писала Молеста къ сыну въ концѣ 1716 года: — я была очень слаба, такъ что лишилась уже языка и никто не думалъ, чтобъ мнѣ довелось прожить еще день... Теперь я опять немного оправилась и надѣюсь, что богъ умилосердится надъ *бѣдной сироткой* ⁽¹⁾; она такъ горько плакала и такъ умоляла бога, чтобъ онъ не сдѣлалъ ее вновь сиротой, что всѣ удивлялись; она не отходила отъ моей постели; мальчакъ (не сынъ ли Кейзерлинга?) тоже безпрестанно меня дергалъ за руку и такъ жалостно плакалъ, что ужасно было его слушать... Ради-бога, любезный сынъ, не оставь бѣдной дѣвочки, позаботься, чтобъ она пошла въ Данцигъ (къ Балкшѣ), или оставь ее у себя; твоя сестра (Матрена) не будетъ столь жестока, чтобъ не принять ребенка... Когда я спрашиваю у дитяти, у кого она хочетъ быть, если я умру? она горько плачетъ и кричитъ: «не дай-богъ, чтобы *бабушка* умерла, а если умереть, то нехочу быть ни у кого больше, кромѣ Виллима Ивановича.» Она порядочно читаетъ и очень богомольна, какъ большой человекъ...» «Дай-богъ, переходитъ умирающая къ предмету еще болѣе ее интересующему, — дай-богъ, чтобы ты получилъ деревню и что-нибудь такимъ образомъ имѣлъ; *срѣмена вѣдь перемѣнчивы*! Каменный домъ, въ которомъ жила твоя сестра, хотятъ продать; постарайся, чтобы ты его получалъ...»

«Ты хочешь взять отпускъ — пишетъ мать Виллиму въ январѣ 1717 года — и пріѣхать сюда? Это извѣстіе меня очень обрадовало, но будь остороженъ, чтобы не навлечь на себя немилости ихъ величествъ; враговъ у насъ довольно. Еслибы богъ порадовалъ императрицу (т. е. царицу, 1717 года) рожденіемъ принца и тебя бы прислали сюда съ радостнымъ о томъ извѣстіемъ, вотъ было бы хо-

(1) Старуха пишетъ о *нѣкоторой сиротѣ*, которой Анна Ивановна, какъ мы видѣли выше, завѣщала кой-какія драгоцѣнныя вещи. *Нѣкоторая сиротка* не была ли плодомъ любви Петра къ Аннѣ Монсъ?

рошо!..» ⁽¹⁾ И за этимъ «хорошо», — повтореніе сѣтованій и напоминаній сыну, чтобъ тотъ постарался вымолить деревенку; «секретарь, (т. е. Макаровъ) — пишетъ старуха, — общалъ мнѣ все для меня сдѣлать, лишь бы ты ему сказалъ объ этомъ, онъ тебѣ поможетъ; ты слишкомъ застѣнчивъ (!)»...

Съ этими сѣтованіями на печали, мнимую нужду, на небывалую застѣнчивость сына, старуха сошла въ могилу. Она умерла 4 октября 1717 года въ нѣмецкой слободѣ, на 65 году отъ рожденія ⁽²⁾...

Изъ груди ея писемъ мы извлекли только тѣ мѣста, которыя сколько-нибудь могутъ характеризовать семейныя отношенія и домашній бытъ Виллима Ивановича; при скудости матерьяловъ о первомъ періодѣ его жизни и непосредственно до его личности относящихся, понеобходимости надо пользоваться такими документами, каковы письма его матери. Разумѣется въ этихъ письмахъ рисуется несравненно болѣе сама старуха, нежели ея «любезное дитя», но и это не лишнее въ нашемъ разсказѣ; дѣло въ томъ, что мать своими наставленіями, напamатованіями, своимъ примѣромъ имѣла сильное вліяніе на Виллима, и будущій фаворитъ многое усвоилъ себѣ изъ материнскаго характера: ея вѣчное недовольство своимъ недостаткомъ, ненасытная алчность новыхъ и новыхъ благъ, ея попрошайничество, заискиванье у разныхъ сильныхъ лицъ, умѣнье найти благотворительныхъ себѣ особъ, — всѣ эти черты своего характера старуха какбы завѣщала Виллиму Ивановичу. Не все ли однако равно, какимъ характеромъ одаренъ былъ одинъ изъ генеральсъ-адъютантовъ Петра-великаго? Мало ли ихъ было, и стоитъ ли для нихъ отводить такъ много мѣста въ очеркахъ петровскаго времени? Не стоило бы говорить такъ много объ комъ-нибудь другомъ, только не о Монсѣ. Эта личность, какъ мы увидимъ далѣе,

⁽¹⁾ Принцъ дѣйствительно родился, но выжилъ, только три часа и Монсу не довелось скакать съ радостнымъ извѣстіемъ въ Петербургъ.

⁽²⁾ Сохранилась приходъ расходная тетрадь, веденная кѣмъ-то изъ домашнихъ со дня смерти матери Монса; втеченіи почти года вписывались всѣ мельчайшіе расходы; въ графѣ прихода значится декабрь 1717 года: проданъ портретъ (?) — 250 руб.; ожерелье — 100 руб.; февраля 1718 года получено отъ сержанта изъ Преображенскаго для (какого-то) Гришки 7 руб. и проч. Тутъ же подробнѣйшій реестръ расходовъ на потребеніе старухи; разныхъ счетовъ и записокъ, веденныхъ самой старухой при жизни: видно, что она оставила послѣ себя значительное наследство сыну; оно состояло изъ деревяннаго дома въ нѣмецкой слободѣ, жалованной царемъ, деревни, множества золотыхъ и брилліантовыхъ вещей, тща-тельно внесенныхъ самой старухой въ реестры, наконецъ осталось послѣ нея множество разныхъ матерій, платье, мѣха, бѣлье, серебряный сервизъ и проч. Всѣ вещи, приготовлены были самой матерью въ августѣ 1716 года къ переда-чѣ послѣ ея смерти «любезному сыну».

въ послѣдніе годы царствованія Великаго обращаетъ на себя вниманіе всей знати (кромя самого государя); вся аристократія обращается къ нему какъ къ счастливой звѣздѣ, какъ къ своему вѣломочному патрону во всѣхъ ихъ семейныхъ и общественныхъ нуждахъ; вокругъ Монса группируется громадная партія, которая изъ эгоистическихъ цѣлей оберегаетъ его какъ зѣницу ока... Эта партія почти вся состоитъ изъ *главнѣйшихъ птенцовъ* Петра и вѣдая ихъ отношеній къ нему, мы бы многое потеряли для знакомства съ птенчиками преобразователя; ктому же многія важнѣйшія дѣла рѣшаются при посредствѣ Монса, онъ для всѣхъ нуженъ, онъ силенъ не личными достоинствами, онъ силенъ любовью къ нему Екатерины Алексѣевны; Монсъ имѣетъ на нее громадное вліяніе, а та, послушная своему фавориту, дѣйствуетъ на Петра... Итакъ для знакомства съ птенцами Великаго, для обрисовки его замѣчательной супруги, для оживленія предъ нами самого Петра въ послѣдніе годы его царствованія, — вотъ для чего мы группируемъ тѣ мелкія черты, которыя знакомятъ насъ съ такой повидимому ничтожной личностью, какою дѣйствительно окажется (въ нравственномъ отношеніи) фаворитъ Екатерины...

III

МАРТА СКОВРОНСКАЯ

1705—1716

Въ 1705 году двадцати-трехлѣтняя красавица «Екатерина Василевская» ⁽¹⁾ Скворонская, перевезена къ Петру-великому во дворецъ: Марта приняла православіе, ее нарекли Екатериной. 28 декабря 1706 года, новая связь государя закрѣплена рожденіемъ дочери ⁽²⁾. Съ этого времени положеніе плѣнницы упрочивается: Петръ привязывается къ ней и ея значеніе быстро увеличивается. Безпрестанныя отлучки вызывали государя на переписку съ Екатериной, или лучше сказать съ ея приставницами; по этимъ коротенькимъ цидулкамъ Петра лучше всего можно прослѣдить возрастаніе его привязанности къ красавицѣ. Просмотримъ обращенія цидулокъ, они довольно характеристичны. Въ первые годы своей связи Петръ попросту называетъ Екатерину «маткой»; съ 1709 года письма его прямо обращаются къ ней одной, а не обшія съ письмами къ Анисѣ Кириловнѣ Толстой, приставницѣ при Екате-

⁽¹⁾ Такъ называлъ ее Петръ въ 1708 г.

⁽²⁾ Екатерины; она умерла 27 іюня 1708 г.

ринѣ. «Матка, здравствуй!» или «Мудеръ!» эти обращенія смѣняются государемъ на болѣе ласкательныя выраженія въ концѣ 1711 года, то-есть послѣ того какъ въ мартѣ сего года Екатерина объявлена имъ женой... Отнынѣ въ началѣ царскихъ цидулокъ мы читаемъ: «Катеринаушка, другъ мой, здравствуй!» На пакетѣ къ ней прежняя надпись: «Катеринѣ Алексѣевнѣ» замѣнена: «государынѣ царевнѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ». Пять лѣтъ спустя, обращенія на пакетахъ дѣлаются еще торжественнѣе: письма адресуются: «ея величеству пресвѣтѣйшей государынѣ царевнѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ», а самыя письма по однимъ ужь оголовкамъ дѣлаются еще вѣжливѣе; съ 1716 г. Петръ такъ привѣтствуетъ бывшую фаворитку: «Катеринаушка, другъ мой сердешнишкой, здравствуй!»

Итакъ отношенія Петра къ Екатеринѣ, въ 1716 году окончательно закрѣпившіяся вѣжною любовью, начались въ 1705 году. Народъ и солдатство, зорко приглядывавшееся ко всѣмъ «дѣяніямъ» монарха, тотчасъ заявило недовольство на связь государя съ безвѣстной дочерью ливонскаго крестьянина. Недовольство выразилось разумѣется не въ чемъ иномъ, какъ въ «неудобѣ сказаемыхъ» толкахъ, быстро облетавшихъ народныя массы: «неподобаетъ монаху, такъ и ей Катеринѣ на царствѣ быть: ова не природная и не русская: и вѣдася мы,— говорилъ одинъ изъ старыхъ служивыхъ,— какъ она въ полонъ взята (24 авг. 1702 г.) и приведена подъ знамя въ одной рубахѣ, и отдана была подъ караулъ, и караульной нашъ офицеръ надѣлъ на нее кастанъ... Она съ кизземъ Меншиковымъ его величество кореньемъ обвела... и только на ту пору нѣтъ солдатъ, что онъ всѣхъ разослалъ, а то надъ ними (т. е. надъ Меншиковымъ и Екатериней) что-нибудь да было-бъ!»

Екатерина дѣйствительно словно кореньемъ обвела Петра: въ разгарѣ борьбы своей съ Карломъ, пролагая жизнь свою въ опасности, государь не забываетъ ея и назначилъ выдать ей съ дочерью 3,000 руб. Сумма значительная относительно своего времени и извѣстной уже намъ бережливости Петра (1).

При этомъ свойствѣ характера особенно интересно встрѣчать въ его письмахъ къ Екатеринѣ извѣщенія о посылаемыхъ ей подаркахъ и гостинцахъ (2). Нельзя сказать, чтобы «презенты» препровождались часто или чтобы они были цѣнны, но они являли вниманіе и любовь государя къ своей красавицѣ. Такъ посылалъ онъ «матки» «матерію» — по желтой землѣ да кольцо, а маленькой (до-

(1) Записка его 5 янв. 1708 г.

(2) Письма 8 янв. 1707 г. изъ Москвы; 29 янв. 1708 г. изъ Вильно; 14 сент. 1711 г. изъ Карсбада; 2 окт. 1712 г. изъ Берлина; 2 мая 1713 г. изъ Полтавы и проч.

чефи) полосатую», съ желаньемъ «носить на здоровье»; либо похвалъ для нея «часы новой моды, (въ которыхъ были) для пыли внутри стекла (т. е. въ предохраненіе отъ пыли), да печатку, да четъ верной ланушкѣ втраюмъ» (?), съ извиненіемъ, что «больше за скоростью достать немогъ, ибо въ Дрезденѣ только одинъ день былъ»; въ другой разъ часы и печатки замѣнялись «устерсами», которые отправлялись въ томъ числѣ, «сколько могъ сыскать». Но вотъ Екатеринаушка взгрустнулась, о томъ писалъ отъ ея имени секретарю и Петръ спѣшилъ изъ дальней Полтавы препроводить къ ней бутылку венгерскаго, съ убѣдительнѣйшею просьбой: «для-бога, не печалиться, мнѣ тѣмъ наведешь мнѣнѣ. Дай-богъ на здоровье вамъ пить; а мы про ваше здоровье пили», успокоительно писалъ герцогъ Сударь.

Любовь выражалась не въ однихъ посылкахъ устеровъ да бутылку съ венгерскимъ: она высказывалась въ постоянныхъ заботахъ государя о любимой женщинѣ; забывая первенца-сына и его воспитаніе, рѣшительно изгладивъ изъ своей памяти образъ злополучной первой супруги, а за ней и первой метрессы, Петръ какъ зѣницу ока хранилъ вторую и болѣе счастливую фаворитку. Посмотрите, съ какой убѣдительностью пишетъ онъ изъ «Грипсваалда» ⁽¹⁾ Катеринушкѣ: «поѣзжай (съ) тѣмъ тремя баталіонами, которыми велѣно идти въ Анкламъ; только для-бога бережно поѣзжай и отъ баталіоновъ ни на сто сажень не отъѣзжай, ибо непріятельскии судомъ ябло много въ Гафъ и непрестанно выходятъ въ лѣса великимъ числомъ, а вамъ тѣхъ лѣсовъ миновать нельзя»; цѣлыя письма посвящались распоряженіямъ касательно путешествія «сердешинькаго друга», посылались къ ней маршруты, выставались лошади, разсуждалось о погодѣ и о томъ, насколько можетъ она повредить переѣзду «Катеринушки». «Дай-боже, — замѣчалъ вѣжно супругъ, — чтобъ здрава проѣхали ⁽²⁾, въ чемъ опасеніе имѣю о вашей непрязности». Суровый деспотъ, человекъ съ желѣзнымъ характеромъ, спокойно смотрѣвшій на смерть родного сына, Петръ въ своихъ отношеніяхъ къ Екатеринѣ былъ рѣшительно неузнаваемъ: письмо за письмомъ посылалось къ ней, одно другого вѣжливѣе, и каждое полное любви и предупредительной заботливости. Такъ по поводу поѣздки, о которой государь неразъ уже писалъ, два дня спустя послѣ одного изъ подобныхъ писемъ, Петръ вновь пишетъ къ женѣ: «Для-бога, — говоритъ онъ ей между прочимъ, — чтобъ я не желалъ вашей бѣды сюды, чего сама знаешь, что желаю; и лучше бѣхать,

⁽¹⁾ 8 авг. 1712 г.

⁽²⁾ 28 нояб. 1716 г. изъ Бременеера; 1 дек. 1716 г. изъ Липгена; 3 дек. 1716 г. изъ Гора; 2 янв. 1717 г. изъ Амстердама.

не ждала пеналиться. Только не могъ удержаться, чтобъ не написать; а вѣдаю, что не утерпишь, и которую дорогою поѣдѣшь, дай знать.» «Дай-боже, — въ волненіи писалъ Петръ нѣсколько времени спустя, — чтобъ сіе письмо вась уже разрѣшенныхъ (отъ бремени) застало, чего я фтерацинъ (т. е. въ душевномъ безпокойствѣ) своей и радости дожидаясь по вся часы». Вслѣдъ за письмомъ отправленъ «славнѣйшій декаръ»; его сопровождали различныя пожеланія насчетъ беременной Катериноушки.

Государь тосковалъ безъ нея; тоску по ней онъ сталъ заявлять очень рано, — еще въ 1708 году, хотя тогда это высказывалось шуткой, ею и покрывалось желаніе видѣть подлѣ себя «необъявленную» еще подругу: «горазда безъ вась скучаю», писалъ онъ ей изъ Вильно; а потому, что «ошить и обмыть некому»... «спредаю вась въ сохраненіе божіе и желаю вась въ радости видѣть, что лай, дай-боже!» «Для-бога пріѣзжайте скорай», — приглашалъ государь «матку» въ Петербургъ, въ день собственнаго пріѣзда въ возникавшую столицу: «а ежели за чѣмъ невозможно скоро быть, отпишите, понеже не безъ печали мнѣ въ томъ, что ни слышу, ни вижу вась»... «Хочет-ся (мнѣ) съ тобою вилѣться, а тебѣ, чаю, гораздо больше, для того что я въ двадцать семь лѣтъ былъ, а ты въ сорокъ два года не была»... Приглашенія пріѣзжать «скорая», чтобъ не такъ скучно было, сожалѣнія о разлукѣ, желанія добраго здоровья и скорѣйшаго свиданія пестрили чуть не каждую интимную цидулку сорока-двухлѣтняго супруга⁽¹⁾.

Откуда же происходила эта тоска по милой, или лучше-сказать чѣмъ подерживала «Катериноушка» такую страсть въ Петръ, въ челоуѣкъ бывшемъ до этого времени столь непостояннымъ? Что приносила съ собой эта женщина въ семейный бытъ дѣятельнаго государя?

Съ нею являлось веселье; она кстати и ловко умѣла распотѣшить своего супруга — то князь-папой, то всей конклавіей, то бойкой затѣей веселаго пира, въ которомъ не затруднялась принять жидѣйшее участіе. Мы тщательно вглядывались въ живописные портреты атой, по судьбѣ своей, замѣчательной женщины; портреты, эти современны ей и нынѣ украшаютъ Романовскую галерею въ зимнемъ дворцѣ. Черты лица Екатерины неправильны; она вовсе небыла красавицей, но въ полныхъ щекахъ, въ издерзутонъ, въ бархатныхъ, то томныхъ, то горящихъ (на иныхъ портре-

(1) 29 янв. 1708 г. изъ Вильно; 20 марта 1708 г. изъ С. Петербурга; 131 авг. 1709 г. изъ Люблина; 30 сент. 1709 г. изъ Торна; 14-авг. 1712 г. изъ Волгаста; 9 февр. 1716 г. изъ Марингова; 3 июля 1718 г. изъ Гукара при Ольтерѣ; 14 нояб. 1716 г. изъ Габельберга; 18 янв. 1717 г. изъ Амстердама

тахъ) огнемъ глазахъ, въ ея алыхъ губахъ и кругломъ подбородкѣ, вообще во всей физіономіи столько жгучей страсти; въ ея роскошномъ бюстѣ столько изящества формъ, что немудрено понять, какъ такой колоссъ какъ Петръ всецѣло отдался этому «сердешненькому другу». И отъ него вовсе не требовалось глубокаго ума и какой-нибудь образованности: Петръ любилъ «Катерину» сначала какъ простую фаворитку, которая нравится, безъ которой скучно, но которую онъ не затруднился бы и отставить, какъ отставлялъ многоизвѣстныхъ и малоизвѣстныхъ «метрессъ»; но съ теченіемъ времени, онъ полюбилъ ее какъ женщину, тонко освоившуюся съ его характеромъ, ловко примѣнившуюся къ его привычкамъ.

Женщина, не только лишенная всякаго образованія, но даже, какъ всѣмъ извѣстно, безграмотная, она до такой степени умѣла дѣлать предъ мужемъ горе къ его горю, радость къ его радости и вообще интересъ къ его нуждамъ и заботамъ, что Петръ, по свидѣтельству царевича Алексѣя, постоянно находилъ, что «жена его, а моя мачиха — умна!» и не безъ удовольствія дѣлился съ нею разными политическими новостями, замѣтками о происшествіяхъ настоящихъ, предположеніями насчетъ будущихъ. Таковы письма его ⁽¹⁾ къ «Катеринушкѣ» съ извѣстіями о битвахъ съ шведами какъ на сушѣ, такъ и на морѣ; такова просьба его — самой ей пріѣхать для поздравленія его съ полтавской викторіей; въ томъ же родѣ замѣтка по поводу срачи Выборга, о сношеніяхъ съ союзниками или извѣстія о дѣлахъ въ Помераніи. Особенно знаменательна слѣдующая жалоба государя, которая невольно выливается у него предъ «другомъ Катеринушкой»: «мы слава-богу здоровы, только зѣло тяжело жить, ибо лѣвшеею не умѣю владѣть, а въ одной правой рукѣ принужденъ держать шпагу и перо; а помочниковъ сколько, сама знаешь!»

Всѣ эти вѣсти, замѣтки и разсужденія Петра сердешненькой другъ выслушивала съ большимъ тактомъ: въ отвѣтахъ, писанныхъ съ ея словъ секретаремъ вы не найдете никакихъ совѣтовъ, либо пригодныхъ къ дѣлу мнѣній, ни то, ни другое не высказывается, но въ то же время здѣсь въ полшутливомъ и полусерьезномъ тонѣ являются заявленія удовольствія, даже радости, смотря по роду сообщаемыхъ Петромъ извѣстій. Такъ что государь не ждалъ помощи въ дѣлѣ отъ «Катеринушки» — нѣтъ, онъ просто хотѣлъ видѣть, и къ полному своему удовольствію видѣлъ, съ ея стороны

(1) 31 авг. 1708 г. — р. Черная Мяппа; 27 іюня 1709 г. — лагерь подъ Полтавой; 14 іюня 1710 г. — Выборгъ; 14 сент. 1711 г. — Карлсбадъ; 2 авг. 1712 г. — Грицъсвалдъ; 29 іюля 1714 г. — Ангуть; 15 іюля 1716 г. — Борнгольмъ.

сочувствіе, къ его внутреннимъ дѣланіямъ и къ его подвигамъ на ратномъ полѣ. Этого сочувствія было достаточно; Петръ не требовалъ болѣе, что видно даже изъ его порученій жёнѣ; всѣ они ничтожны и состоятъ изъ просьбъ выслотрѣть мѣсто для какого-нибудь завода, прислать кой-какія вещи, съѣстные припасы, а даже всего пива да вина ⁽¹⁾. Нѣкоторыя просьбы трудно было исполнить, но то были шутки: такъ въ одной изъ цидулокъ государь просилъ между прочимъ, чтобы «Катериноушка погодила до середы распростада» (отъ бременя). За всѣмъ тѣмъ Екатерина была вѣрной исполнительницей желаній мужа и угодицей его страстей и принычекъ; тѣ и другія охватили ея собственнымъ существомъ. Такъ съ большою ревностью шлетъ она безпрестанно любимѣйшіе презенты мужа, то-есть пиво, водку и вина. Государю частенько доводилось благодарить за эти хотя и хмѣльные, но вещественные знаки сердечныхъ отношеній ⁽²⁾. Количество подобныхъ подарковъ представлялось Екатериной соразмѣрно обстоятельствамъ, такъ что въ бытность государя на императорскихъ волахъ, онъ получалъ презенты «въ одну бутылочку». «Чаю, что духъ пророческой въ тебѣ есть, — благодарить Петръ за одинъ изъ подобныхъ презентовъ, — что одну бутылку прислала, ибо болѣе одной рюмки его не велать въ день пить; итакъ сего марашина будетъ съ мѣся.»

Но отодвинувъ бутылки съ волкой и вѣномъ, заглянемъ въ тѣ отписки екатерининскихъ секретарей, при которыхъ предлагались хмѣльные презенты. Изъ писемъ Екатерины вошло въ печатное изданіе одиннадцать грамотокъ до 1717 года; первая изъ напечатанныхъ относится къ 17 августу 1713 года. Всѣ онѣ на русскомъ языкѣ; но нами найдено ея письмо 1708 года на нѣмецкомъ языкѣ ⁽³⁾; затѣмъ остальные — на русскомъ; содержаніе ихъ вообще небогато, но полно остротъ и шутокъ, придуманныхъ секретарскимъ ли комеромъ, или высказанныхъ дѣйствительно самой Екатериной, и только облеченныя въ тяжелую форму тогланскихъ писаній. Тутъ поздравленія съ чиномъ генерала, съ счастливымъ окончаніемъ компаніи, тутъ

⁽¹⁾ 2 авг. 1713 г. съ Луткѣръ, недошедъ новой крѣпости; 5 сент. 1714 г. — Кроншлотъ; 9 июля 1715 г. — Ревель; 19 апр. 1716 г. — Экстоль.

⁽²⁾ 25 декабр. 1712 г. — Пампоу; 5 сент. 1714 г. — Кроншлотъ; 30 мая 1716 г. — Пиремондъ; 5 июня 1716 г. — Перамондъ.

⁽³⁾ Приводимъ его въ приложеніи № II. а здѣсь помѣщаемъ переводъ:

«Пресвѣтлѣйшій и милостивѣйшій господинъ дядя! Поздравляю ваше величество съ одержанными побѣдами и желаю, чтобы я вскорѣ имѣла бы милость здѣсь представиться вашему величеству и увѣрить, что я съ глубочайшимъ почтеніемъ навсегда остаюсь, всемилостивѣйшій господинъ дядя, вашего величества всеподданнѣйшая Катерина.»

извѣстія о посылкѣ гостинца, вродѣ напимѣръ пива или свѣже-просольныхъ огурцовъ, и все это пересыпано шутками, нѣжными заявленіями любви, просьбами о скорѣйшемъ прїѣздѣ ⁽¹⁾, расказами о попойкахъ. Чтobъ познакомиться съ тономъ этихъ писемъ, приведемъ нѣсколько выписокъ изъ цидулокъ, невошедшихъ въ изданіе комиссіи:

«Другъ мой сердешной Господинъ Господинъ Контра Адмиралъ здравствуй на множество лѣтъ, доношу вашей милости, что я прїѣхала сюда по писму вашему. У Государя Нашева со многими прошеніемъ просила, чтобъ онъ изволилъ побыть здѣсь до Успеньева дни ⁽²⁾. Но его величество весьма того и слышать не хотѣлъ, объявляя многія свои нужды на Москвѣ. А намѣренъ пакъ сюда прїѣхать къ Сентябрю мѣсяцу, и отсель изволить итти конечно сего мѣся 25 числа. При семъ прошу вашей милости, дабы изволилъ уведомитъ меня своимъ писаніемъ о состояннїи дражайшего своего здравья и счастливомъ вашемъ прибытіи къ Ревелю, что даждь Боже. Засимъ здравіе вашей милости и сохраненіе Божіе предавъ, остаюсь жена твоя Екатерина. Изъ Санктъ-петербуха мая 23. 1714 г.

«Р. S. вчерашняго дня была я въ Шитер Гофе, гдѣ обѣдали со мною 4 ковалера, которые по 290 лѣтъ. А именно Тихон Никитичъ, Король Самояцкой, Іванъ Гавриловичъ Беклемишев, Іванъ Ржевской и для того вашей милости объявляю, чтобъ вы не изволили приревновать.» ⁽³⁾

«При отпуске сего доносителя — писалъ секретарь отъ имени Ека-

⁽¹⁾ Изд. ком. печат. госуд. грам. и договоровъ, состоящую при московск. главн. архивѣ мин. иностр. дѣлъ. М. 1861 г., стр. 151—157.

⁽²⁾ Въ этомъ письмѣ Екатерина, какъ кажется, шутливо жалуется на князя кесаря Ромодановскаго.

⁽³⁾ Каб. д. 2-я пол. т. XXI, л. 1033. Слѣдующее письмо вошло въ изданіе комиссіи (стр. 154.) со списка несовсѣмъ полного. Приводимъ его изъ XXI книги кабинетскихъ дѣлъ, л. 1036: «другъ мой сердешной Господинъ Контра-адмиралъ здравствуй на множество лѣтъ! писаніе вашей милости Іюня отъ 18 дня писанное я получила, в которомъ изволили писать, что ваша милость къ Финляндскимъ берегамъ прибыла благополучно, чему я зело порадовалась. И за оное писаніе вашей милости благодарствую. На сихъ дняхъ получила я писма къ вашей милости писанныя, одно отъ Государя Царевича, другое изъ Санктъ-Петербургъ отъ детей нашихъ, в которомъ писмѣ аннушка приписала имя свое своею ручкою. И оныя писма при семъ посылаю; такожъ посылаю къ вашей милости помаранцовъ и другихъ овощей зъ денщикомъ Клокачевымъ и желаю, дай-боже, вамъ оное на здравіе употреблять. Засимъ здравіе ваше в сохраненіе божіе предавъ, остаюсь жена твоя Екатерина. в 23 ч. Іюля 1714. Ревель. Р. S. Отправленные изъ Санктпетербуха съ правизантомъ (боты?) и другіе морскіе всего 15 судовъ на сихъ дняхъ прибыли сюда благополучно о чемъ уповаю, что и князь василей володимировичъ (Долгоруковъ) къ вашей милости писалъ.»

терины, въ новомъ письмѣ — ко извѣстію вашей милости много не имѣю, токма что здѣсь, за помощью вышняго, благополучно состоить. А я зѣло сожалею, что после первого вашего писания, которое изволил писат от финских берегов, никакой вѣдомости от вашей милости по сие время не имѣю, и того для прошу, дабы изволили меня увѣдомит о состояннн своего дражайшего здравия, чего я от сердца желаю слышать. Посылаю к вашей милости подлива и свѣже-просоленныхъ огурцовъ; дай-боже вам оное употреблят на здравие. Засим здравие вашей милости во всегдашнее божие сохранение предавъ, остав жена твоя Екатерина. От 30 Іюля 1714. Ревель.

«Р. S. против 27 числа сего мѣсяца довольно слышно здѣсь было пушечной стрѣльбы. А гдѣ оная была, у нас ли или гдѣ инде о том мы не извѣстны; того для прошу съ симъ посланнымъ курьеромъ Кнѣжинымъ увѣдомит насъ о семъ, чтоб мы без сомнѣнія были.» (1)

Дня два спустя сомнѣніе разрѣшилось радостнымъ извѣстіемъ «о николи у насъ бывшей викторіи на морѣ, надъ шведскимъ флотомъ». Петръ спѣшилъ предъ женой излить свою радость; та отъчала поздравленіемъ и извѣстіемъ о пиршествѣ, которымъ встрѣтила вѣсть о побѣдѣ (2): «а что ваша милость изволили упомянуть в своемъ письмѣ, чтоб мы здѣсь вашу милость ожидать, а ежели нѣтъ будет время, то ѣхать въ санктъ-питербургъ, и я сердечно желаю счастливаго вашего сюда прибытія. Но вѣдаю, что ваша милость дѣло свое на жену променят не изволите. И намѣрена я отсель пут свой воспріять с помощью божіею в Санктъ-питербургъ сего августа съ 16 числа. Засим здравие вашей милости во всегдашнее божие защищеніе предавъ, остаюсь жена твоя Екатерина. 4 августа. 1714 г. Ревель. Р. S. Прошу должной мой поклон отдать и поздравит от меня нынешнею викторіею Господина Князь-Баса (Ивана Головина); також извольте у него спросит: нынешние найденыши (т. е. отбитые у шведовъ корабли) какъ он пожелуетъ, детьми или Пасынками?

«Тажкож прошу васъ, батюшка мой, ежели не надѣтесъ вскоре к

(1) Каб. II пол. т. XXI л. 1031.

(2) Только начало этого письма напечатано комиссіей (стр. 155); но и тутъ есть, впрочемъ незначительные, варіанты съ виднымъ нами спискомъ (каб. 2-я п. т. XXI, л. 1034). Въ послѣднемъ напр.: «*третью* дня получила»; изд. ком.: «*вчерашняго* числа получила». У насъ: «*вчерашняго* дня воздавали»; ком.: «*сей день* воздавали». Второй половины письма вовсе нѣтъ въ изд. комиссіи; мы ее приводимъ.

нам быть, иному почтѣе ко мнѣ писать, что мнѣ в немалое порадованіе будетъ.» (1)

Безъ всякаго сомнѣнія, во всѣхъ этихъ секретарскихъ грамоткахъ многое, если не все, диктовалось самой Екатериной; разнѣя шутки, доходившія до чрезмѣрной, и по тому времени обыкновенной фамиллярности, прямо показываютъ, что онѣ непременно должны были принадлежать никому другому какъ ей самой, такъ какъ на нихъ не рѣшился бы никто изъ ея приближенныхъ, хотя бы и отъ ея имени (2).

Такъ напр. она намекала мужу еще въ 1709 году о заботахъ... «и того нѣтъ у насъ, — отшучивался Петръ, — понеже мы люди старѣе не таковыскіе»... «Пишешь ты, — говорилъ онъ два года спустя, — якобы для лекарства, чтобъ я нескоро къ тебѣ прїѣзжалъ, а дѣламъ знатно сыскала кого-нибудь вытнѣ (здоровѣ) меня; пожалуй отпиши: изъ нашихъ ли или изъ тарунчанъ? я больше чаю: изъ тарунчанъ, что хочешь отомстить, что я предъ двумя лѣтъ завизѣ. Таки-то вы свиньи дочки дѣлаете надъ стариками!»

Подобныя шутки были вызываемы и поддерживаемы Екатериной; впрочемъ въ ея первыхъ письмахъ, отысканныхъ пока въ незначительномъ числѣ, такого рода шутки встрѣчаются рѣже; зато Петръ и въ эти годы, болѣе и болѣе сближаясь съ «сердешнивымъ другомъ», не упускалъ случая потрунить надъ своей стыростью и ея, она еще мимой, вѣтревостью (3): «хотя ты меня и не любишь, — замѣчалъ онъ, извѣщая о поправленіи своего здоровья, — однакожъ чаю, что тебѣ сія озабоченность не противна, и рюмку выпьешь кунно съ своими столешни».

1716 и 1717 года были особенно богаты письмами Петра къ Екатеринѣ; въ это время государь осыпалъ ее ласками, подарками, безпрестанно заявлялъ желанія скорѣйшаго свиданія, являлъ забот-

(1) Осенью того же года Екатерина вернулась въ столицу и отсюда писала отъ ея имени въ Москву, къ Макарову: «Господинъ секретарь. При отъѣздѣ вашемъ отсель приказывали мы вамъ, чтобъ вы объявили князю Матвѣю Петровичу (Гагарину) о кувшинахъ китайскихъ, также і о сободахъ, о которыхъ Мы прежде писали, чтобъ прислатъ пять паръ і ежели оныя кувшины і соболі еще сюда не отправлены, то велѣте прислатъ к намъ немедленно; впрочемъ пребываемъ в милости склонная царица Екатерина. из Санктъ питербурха. Подбѣра въ 3-ч. 1714.» Каб. 2-ая пол. т. XXI, л. 1032.

(2) 24 сент. 1709 г. — Варшава; 16 окт. 1709 г. — Мариенверденъ; 19 сент. 1711 г. — Карлсбадъ и друг.

(3) 29 янв. 1716 г. — Нарва; 23 мая 1716 г. — Алтенау 5 июня 1716 г. — Перамондѣ; 4 янв. 1717 г. — Амстердамъ. Переписку Екатерины одно время велъ секретарь Александръ Андреяновичъ Яковлевъ. Въ 1723 году онъ былъ посланъ резидентомъ въ Персію.

любовь о дѣтяхъ Екатерины, и зачастую посылалъ свои грамоты къ ней одну за другой, въ разстояніи четырехъ-пяти сутокъ (1).

И вотъ, когда страсть государя къ жемѣ обратилась въ то чувство глубокой привязанности, которая прекращается развѣ съ смертію; въ то время, когда Петръ отъ нѣжной цидулки къ жемѣ переходилъ къ предписанію сыщикамъ ловить нервенца-сына, — въ это-то время Екатерина, гордая побѣдой надъ сердцемъ «старика-батюшки», обращаетъ взоръ исполненный особенной ласки къ своему новому придворному.

IV

КАМЕРЪ-ЮНКЕРЪ

1716—1723

Генеральскъ-адъютантъ Петра, Виллимъ Ивановичъ Мовсъ, принятъ въ началѣ 1716 года камеръ-юнкеромъ ко двору Екатерины.

«Я отъ сердца обрадовалась, — писала къ новому камеръ-юнкеру сестра его, ловкая, догадливая Матрена Ивановна, — отъ сердца обрадовалась, что вы, любезный мой братъ, слава-богу въ добромъ здравіи; Боже помози вамъ и впредѣ! А вы ко мнѣ пишете, что-то въ счастію или несчастію. Боже васъ! сохранить отъ всякаго несчастія.»

Въ чемъ состояли обязанности новаго камеръ-юнкера, каѣмъ достоинству мргинъ поставить Мовса въ частныя сношенія съ Екатериной, и тѣмъ самымъ дающему возможность вызвать ея особенное вниманіе?

Собственно служебныя обязанности камеръ-юнкера не были точно обозначены, но въ его руки мало-помалу перешло многое, что до снхъ поръ было раздѣляемо между разными придворными. Такъ въ рукахъ камеръ-юнкера сосредоточились дѣла по управленію дворъ и деревень, состоявшихъ за государыней; управляющіе и приказчики, а также игумены тѣхъ обителей, которыя находились подъ особыми покровительствомъ царицы, въ скоромъ времени стали

(1) Достоинъ замѣчанія, что въ ста-четырехъ письмахъ Петра къ Екатерину до 1718 года только разъ упоминается о царевичѣ Алексѣ. Такъ по поводу свадьбы Алексѣ съ Шарлотой, Петръ поручаетъ Екатерину объявить всему-тѣйшему князь-папѣ и прочимъ (членамъ его собора), чтобъ пожаловалъ благословеніе подавъ симъ молодымъ, облекшись во вся одежды, купно и со всѣми при васъ будущими. Петръ былъ увѣренъ, что такая шутка понравится Катеринушкѣ.

присылать къ нему отчеты по имѣніямъ, по монастырямъ, по сибирскимъ приходамъ и расходамъ; у него просили доклада о тѣхъ или другихъ распоряженіяхъ предъ государыней. Разсылка ревизоровъ, затѣмъ всѣ постройки, продажи и закупки по имѣніямъ Екатерины пошли чрезъ его руки. Принятіе на службу въ вѣдомство государыни разныхъ лицъ, судъ и расправа не только надъ ними, но даже разборка дразговъ между монахинями и настоятельницами царичьихъ пустынь (например Успенскаго дѣв. монастыря въ Александровой слободѣ, Федоровскаго дѣвичьяго въ Переславлѣ и другіе), назначеніе жалованья, содержанія, наградъ и вспомоствованья, отставка дворцовыхъ чиновниковъ и служителей государыни, — все стало зависѣть отъ Монса. А тутъ легли на него заботы по устройству праздниковъ и гуляній, до которыхъ такая охотница была его госножа, онъ долженъ былъ посидѣвать сборомъ свѣдѣній о разныхъ новостяхъ для доклада ей, долженъ былъ пробѣгать множество челобитень, съ которыми какъ знатныя, такъ и незнатныя лица во множествѣ обращались къ Екатеринѣ; онъ долженъ былъ вести корреспонденцію съ иностранными поставщиками товаровъ государыни и ея семейству, вѣдаться съ ея портными и портнихами по поводу заказовъ платьевъ, завѣдывать ея денежною казною, ея драгоценностями, какъ-то брилліантами и проч.; всѣ *ордеры* Екатерины объявлялись и писались либо самимъ Монсомъ, либо подъ его непосредственнымъ наблюденіемъ. И все это онъ долженъ былъ дѣлать иначе, какъ состоя неотлучно при государынѣ. Камеръ-юнкеръ сопровождалъ ее заграницу, хлопоталъ во время всѣхъ ея переездовъ о удобствахъ въ пути и при остановкахъ по городамъ, распоряжался выдачей проговоровъ ея приближеннымъ, наблюдалъ за экипажами, укладкой, вѣдалъ конюшными государыни, — и между тѣмъ его можно было видѣть близъ государыни вездѣ, на всѣхъ торжественныхъ обѣдахъ, на асамблеяхъ и маскарадахъ ⁽¹⁾. На немъ же, двадцати восьмилѣтнемъ, статномъ, всегда веселомъ и вѣжливымъ камеръ-юнкерѣ, состояла обязанность развлекать Екатерину во время частыхъ и продолжительныхъ ея разлукъ съ «старикомъ-батюшкой». Все это входило въ область *служебныхъ обязанностей* Вадима Ивановича, и все это разумѣется никакъ не могло дѣлать его службу скучною, неблагоприятною, незамѣтною. При деизбѣжныхъ хлопотахъ онъ видѣлъ себя распорядителемъ значительныхъ матерьяльных средствъ; бѣдность замѣнилась не только достаткомъ, но даже роскошью, самолюбіе и тщеславіе было

(1) См. между прочимъ *Берггольца*, I. 110, 207; II. 349; IV. 25 и проч. Книга разныхъ черныхъ отпусковъ, въ карт. XV по дѣлу Монса, л. 169 и проч.

удовлетворяемо вниманьемъ и заискиваньемъ у него множества лицъ разнаго пола, званія и состоянія, нуждавшихся въ немъ, какъ въ посредникѣ при сношеніяхъ съ государыней; наконецъ ея полнѣйшее расположеніе и довѣріе какъ нельзя болѣе должно было льстить счастливцу.

« Не было ли *престепенныхъ* достоинствъ на сторонѣ Монса? вообще говоря — нѣтъ ли данныхъ, по которымъ рѣзче и отчетливѣе обрисовалась бы предъ нами его личность? Данные эти есть, и онѣ сохранились въ его записныхъ тетрадкахъ и письмахъ. Русская грамота ему почти недалась, нѣмецкую онъ зналъ хотя и плохо, впрочемъ пользовался ею довольно свободно, не только въ прозѣ, но и въ стихахъ. Изъ-за домашняго очага бочарнаго ученика Ивана Монса, и его ворчливой, суевѣрной старухи, Виллиамъ вышелъ полный всевозможныхъ предрасудковъ и вѣрованій. Смотрите, съ какою на-примѣръ вѣрою въ непреложныя истины своей гадательной книги онъ вчитывается въ отвѣты «тридцати-шести судей»; отвѣты эти подобраны на вопросы, а тѣ въ свою очередь расположены въ астрологическомъ порядкѣ «по двѣнадцати небеснымъ домамъ».

« Будетъ ли твое счастье постояннымъ или нѣтъ? Хорошо ли, что ты завелъ дружбу съ тою особою? » На этихъ и тому подобныхъ вопросахъ останавливается Монсъ, и въ разнообразныхъ изрѣченіяхъ находитъ совѣты и замѣтки, пригодные въ его положеніи. « Судьи » гласятъ ему на-примѣръ: « чтобъ онъ не вспоминалъ о прошломъ: тамъ онъ увидитъ только страхъ и нужду »; зато въ настоящемъ ему многое благоприятствуетъ. Гадательная книга пророчима: « ты будешь отмѣнный геній, но недолго проживешь; достигнешь великихъ почестей и богатства; будешь имѣть не одну, но нѣсколько жонъ различнаго характера; будешь настоящий волокита и успѣхъ увѣнчаетъ эти волокитства. » Таже гадательная книга вѣщаетъ подобныя премудрости: « когда откроешь свою тайну другому или третьему, то всѣ ее узнаютъ; но впрочемъ добрымъ другомъ ты можешь открыть свои тайны. » « Особа, про которую онъ домысливаетъ астрологію, слишкомъ хитра и коварна; ему вѣрна и любитъ его отъ всего сердца. » И тутъ же: « хотя и любить тебя эта особа, но она хочетъ тебя сперва испытать, будешь ли ты постояннень? » « Нѣтъ, — восклицаетъ семнадцатый судья Орфей: — твои надежды на высокія почести и возвышеніе тщетны » и т. п.

Въ противорѣчивыхъ предсказаніяхъ путается нашъ герой, часто совѣтовавшійся съ гадательницей. Рукопись эта списана его рукой, замаслена и обтерта: по всѣмъ признакамъ, Виллиамъ Ивано-

вичъ не разставался съ ней ⁽¹⁾. Астрологія однако не удовлетворяетъ его; и вотъ суевѣрный камеръ-юнкеръ, неполагаясь ни на нее, ни на красоту свою, ищетъ болѣе надежныхъ средствъ къ удержанію за собой капризной фортуны; онъ жаждетъ успѣховъ по службѣ, богатства, успѣховъ въ прекрасномъ полѣ и прочихъ лавровъ: гдѣ же средства пожать ихъ возможно легче? Это укажетъ ему колдовство, хиромантія. И вотъ онъ ищетъ «нѣкоторую траву, которая растетъ на малой горѣ, красногловая, съ бѣлыми пятнами; а другая съ синими пятнами, которая растетъ на деску.» Еслибы мы могли встрѣтить вѣчно франтоватаго Монса, мы бы замѣтили на его пальцахъ нѣсколько разнообразныхъ перстней; владѣлецъ ихъ разумѣется скрытъ бы отъ насъ таинственное ихъ значеніе, но въ запертыхъ его тетрадкахъ мы находимъ изъясненіе перстней. Оно составлено какимъ-нибудь изъ оракуловъ Монса. Вотъ на примѣръ перстень чистого золота; не безъ основанія не разстается съ нимъ камеръ-юнкеръ: «это есть перстень премудрости; кто такой перстень носить, тотъ можетъ что хочетъ говорить о всѣхъ вольныхъ художествахъ сего свѣта. Всѣ доктора его не преодолеютъ, какъ бы они учены ни были; что онъ ни говоритъ (т. е. владѣлецъ перстня), то всякому пріятно.» Неменьше сажень оловянный перстень. Казалось для чего бы его носить? А это между-прочимъ «перстень сокровища; ежели кто такой перстень носить на рукѣ, то тому достанутся серебро и золото.» Какъ же послѣ этого не имѣть его всегда при себѣ? Тутъ же талисманъ для «побѣжденія всѣхъ противностей; хотя бы то весь свѣтъ одинъ противъ другого возсталъ». Это желѣзный перстень. Не забыть и перстень любви: это мѣдное кольцо. Виллимъ Ивановичъ хорошо знаетъ, что «кто сей перстень имѣетъ, тотъ долженъ употреблять его мудро, понеже можно много зла онымъ учинить; кто женской полѣ онымъ прикоснетъ, та же его полюбитъ и учинитъ то, что онъ желаетъ» ⁽²⁾.

Должно-быть владѣлецъ особенно часто обращался къ этому перстню; Монсъ былъ нѣмецъ пылкій и необыкновенно влюбчивый. «Марсъ, третій судья», изъ гадальной его тетради недаромъ же предсказалъ, «что онъ будетъ настоящимъ волокитой, и успѣхъ участъ его волокитство.» Онъ ухаживалъ разомъ за нѣсколькими красавицами, успѣвая вездѣ, и свои подвиги держалъ въ строгой тайнѣ; то не былъ грубый ловеласъ: чѣмъ, во всѣхъ любовныхъ шагахъ

⁽¹⁾ Книга чернов. отписокъ по дѣлу Монса, л. 296—323. Гадательная тетрадь въ 4 д. листа, безъ начала; на нѣмецкомъ языкѣ. Списана рукою Монса, безъ сомнѣнія съ какой-нибудь старинной гадательной книги.

⁽²⁾ Книга чернов. отписокъ, л. 116.

няхъ Монсъ являлся вѣжливымъ романтикомъ, вѣдцемъ начитавшимся разныхъ сентиментальныхъ стиховъ; въ подражаніе имъ онъ и самъ кропалъ стилюнку.

Еще въ періодъ юности Виллимиъ Ивановичъ проводилъ многіе часы за подборомъ рифмъ, къ какому-нибудь «непагладному купидону», къ «ангелу души», къ какой-нибудь «соловеной» красавицѣ Амаліи. Подойдемъ къ нему, посмотримъ что онъ выводитъ перомъ на лоскуткахъ записной тетради. Какія-то отдѣльные слова, разсѣяныя на нѣмецкомъ языкѣ; это остова будущаго посланія: «Мое сердце ранено... отчего... разъ вечеромъ... о Амалія!.. мое сердце — Амалія... влюблено... до смерти... прощай, мой ангелъ...» Страсть, романскій вѣчеръ, раненое сердце, разлука, — все это матеріалъ къ сентиментальному посланію. Но оно не сразу составляется, ему предшествуютъ отрывочныя строки: «ничего нѣтъ вѣчнаго на свѣтѣ» — но та, которую я люблю, должна быть вѣчна... «Мое сердце съ твоимъ, всегда будетъ едино!.. Моя любовь — мое горе, такъ какъ съ тобой я рѣдко вижуся...» И вотъ слагаются наконецъ нѣмецкіе куплеты: слѣдующаго содержанія (1).

«...Куда исчезла моя свобода? Я самъ не свой, не знаю зачѣмъ стою; не знаю куда иду... Какую силу назначила мнѣ судьба народовъ? Начатое мною заставляетъ надѣяться... Но къ чему послужать мой рѣчи, мои жалобы? Я волнуюсь: то думаю, что сбудется мое желаніе, то вновь сомнѣваюсь... и

«вы, чувства, которыя мнѣ
одно несчастье за другимъ причиняете,
вы указываете, вы мнѣ восхваляете
красоту моего свѣтила!
оно, свѣтило это, мнѣ и улыбнулось,
но вы же, чувства, его затемняете...
но я долженъ думать, что все мое огорченіе
предопредѣлено, — такъ бываетъ въ свѣтѣ!..»

Въ придворной жизни, Монса ждали радостныя улыбки не одною свѣтила: молодой красавецъ камеръ-юнкеръ скоро занялъ видное мѣсто между львами екатерининскихъ камеръ-фрау, фрейлинь и разныхъ ближнихъ аристократокъ; между дамами и дѣвицами тогдашняго двора, даже и на строгій вѣзъ пришлыхъ иностранцевъ, было много красавицъ: тутъ были и княгиня Черкасская, львица петровскаго двора, и княгиня Кантеміръ предметъ временной люб-

(1) Въ приложеніи № III мы привели два образчика стихотвореній Монса; они всѣ въ этомъ родѣ: 1) образчикъ его нѣмецкихъ стиховъ; 2) русскихъ, но писанныхъ нѣмецкими буквами,

ви Петра, и злополучная красавица Марья Даниловна Гамильтонъ, и угодливая Анна Ивановна Крамеръ, — словомъ, отъ высшихъ героинь прекраснаго пола до второстепенныхъ личностей Монсъ во всѣхъ рядахъ могъ находить предметы своего обожанія.

«Кто спутанъ узами любви, — говорилъ вѣчно влюбленный камеръ-юнкеръ, — тотъ не можетъ освободиться, и кто хочетъ противостоятъ любви, тотъ дѣлаетъ оковы свои тягостнѣе.» «И кто хочетъ разумно любить, такъ держи это въ тайнѣ. Любовь можетъ принести огорченіе, если откроется. К чему другимъ знать, что два влюбленныхъ цалуются?»

Съ этимъ взглядомъ на любовь, съ этими правилами Монсъ еще скорѣе могъ рассчитывать на побѣды. Онъ одерживались нерѣдко; вѣжныя цидулки летѣли при посредствѣ сестрицы его Матрены ⁽¹⁾, либо племянника Балка, либо наконецъ «свободскихъ» ирїтелей — доктора Брейтингама и Густава Функа, въ разныхъ семействахъ русскихъ и иноземскихъ ⁽²⁾. Цидулки писались на нѣмецкомъ языкѣ, прозой и стихами; писались онѣ и на русскомъ языкѣ, но нѣмецкимъ шрифтомъ, такъ какъ герой нашъ не зналъ русской грамоты. Вскроемъ интимную переписку Виллима Ивановича; она не безынтересна для знакомства съ тѣмъ временемъ:

«Здравствуй, свѣтъ мой матушка, — пишетъ Монсъ какъ-видно къ русской барынѣ, такъ какъ письмо писано порусски, нѣмецкимъ шрифтомъ, — ласточка дорогая изъ всего свѣта любимѣйшая; виновность свою приношу, для того что съ вами дружны были; да прошу помилуй меня тѣмъ, о чемъ я просилъ.»

«...А я прошу, — говорятъ онъ въ другой цидулкѣ къ той же ласточкѣ, — пожалуй, матушка, въ томъ, да меня не погнѣвайся, что я не писалъ и въ томъ любви вины, заставляя держать въ сердцѣ ⁽³⁾, а я прошу — пожалуй не держи гнѣва на меня...»

«Сердечное мое сокровище и ангелъ, и купидонъ со стрѣлами,

⁽¹⁾ Матрена Ивановна пересылала братцу цидулки его обожательницъ съ такими замаскированными «ремарками»: «посылаю вамъ, братецъ, письмо, о которомъ вы извѣстны отъ кого оное; пожалуйста отдайте (?) и увѣдомьте меня, какой отвѣтъ на оное будетъ...»

⁽²⁾ Пособники въ любовныхъ продѣлкахъ камеръ-юнкера, иной разъ спорились между собой и къ Монсу же обращались съ жалобой: «прошу тебя, любезный братецъ, — писалъ Брейтингамъ Монсу 22 февр. 1719 г. изъ Москвы, — будь такъ добръ, спроси у Балка, въ чемъ я предъ нимъ провинился, что онъ меня въ Петербургѣ во всякомъ хорошемъ обществѣ позоритъ, будтобы мнѣ всѣ знатныя дамы столь доступны, что всякому желающему имѣть любовную связь стоятъ только обратиться ко мнѣ. Такимъ образомъ, по рассказамъ Балка, всѣ дамы, которыя меня принимаютъ, этимъ самымъ терпятъ общее уваженіе.»

⁽³⁾ Мы приводимъ отрывки отъ слова до слова.

желаю веселаго добраго вечера. Я хотѣлъ бы знать, почему не пришла мнѣ послѣднато пощѣлуя? Еслибы я зналъ, что ты невѣрна, то я проклялъ бы тотъ часъ, въ которомъ познакомился съ тобою. А если ты меня хочешь ненавидѣть, то покину жизнь и предамъ себя горькой смерти... Остаюсь, мой ангелъ, вѣрный твой слуга по гробъ.»

Въ самый разгаръ вѣжвой «корешпонденціи» пріятель Густавъ Функъ извѣщаетъ Монса «насчетъ извѣстной особы. Говорятъ, — пишетъ Функъ, — будто ея противники перехватили ея письма, которыя она къ тебѣ писала; правда ли это или нѣтъ, однако постараюсь узнать объ этомъ поподробнѣе, чтобы не ввести и себя и другихъ въ непріятности изъ-за такой бездѣлицы. Извѣсти меня поскорѣе объ этомъ; ты все узнаешь отъ благосклонной къ тебѣ особы.»

Таинственныя извѣщенія друзей напоминаютъ объ осторожности; «de Monso du Crocy» — такъ отнынѣ сталъ подписываться камеръ-юнкеръ — принялъ мѣры; интимнѣйшія цидулки свои сталъ онъ зачастую писать особыми буквами, либо условной формой: отъ лица женщины, либо къ мужчине вмѣсто женщины.

А тутъ вирши — русскіе, въ нѣмецкихъ метрахъ — такъ и выливаются изъ-подъ пера обожателя; онъ шлетъ «къ сердечному купидону» горькую жалобу на свою любовь:

Ахъ, что есть свѣтъ и въ свѣтъ? охъ, все противное!
Не могу жить, ни умереть. Сердце тоскливое,
Долго ты мучилось! Неупокоя сердца,
Купидонъ, воръ проклятый, вельми радуется.

Пробилъ стрѣлою сердце, лежу безъ памяти,
Не могу я очнуться, в очи плакати,
Тоска великая, сердце кровавое,
Рудою запецлося, и все пробитое. (1)

Растерзанное сердце однако зажило, герой сталъ забывать героиню; онъ обратилъ вздохъ и изліянія къ другимъ; та опечалилась, стала ревновать; исторія обыкновенная во все времена, во всѣхъ классахъ общества. Монсу однако отъ этого не легче.

«Не извольте за противное принять, — писалъ онъ къ одному изъ любезныхъ ему друзей, и кажется къ женской персонѣ, — что я не буду къ вамъ ради нѣкоторой причины, какъ вы вчера сами слезы видѣли; она чаеетъ, что я амуръ съ герцогинею курляндскою имѣю, и ежели я къ вамъ приду, а ко двору не поѣду, то она по-

(1) Прилож. № III, 2.

часть, что я для герцогини туда (т. е. къ тебѣ) пришелъ и для того, сіе за противно не приѣмлю.» (1)

Какая-то новая красавица, русская боярыня приковывается къ себѣ сердце влюбчиваго нѣмца; идетъ живой обменъ чувствительныхъ посланій.

«Здравствуй, моя государыня, — такъ отаѣчаетъ на одно изъ нихъ Монсъ: — кланяюсь на письмо и на вѣрномъ сердцѣ вашемъ. И ваша милость меня неизрѣчно обрадовала письмомъ своимъ. И какъ я прочелъ письмо отъ вашей милости присильное (т. е. присланное), (2) то я не могъ удержать слезъ своихъ (отъ) жалости, что ваша милость въ печали пребываешь и такъ сердечно желаешь писъма отъ меня къ себѣ. Ахъ, счастье мое печальное! Радъ бы я радоваться объ сей счастливой фортуны, только не могу, для того что сердце мое стиснуто такъ, что невозможно вытерпѣть и слезъ въ себѣ удержать мужу (не могу?). Я плакалъ о томъ, что ваше сердце рудою обливало такъ, какъ та присильная (присланная) красная лента (облита была слезами). Ахъ, печальны мнѣ эти вѣсти отъ вашей милости, да и печальнѣе всего мнѣ это, что ваша милость не вѣру держишь, и будто мое сердце (въ радости), а не въ тоскѣ по вашей милости, такъ какъ сердце ваше, въ писъмѣ дано знать, тоскливое. И я бы радъ писать повсядневно къ вашей милости, только истинно не могу и не знаю, какъ зачать писать съ великой любви и опаси, чтобы не пронеслась и людямъ бы не дѣть знать это наше тайное обхожденіе. Да прошу и коли желаешь ваша милость, чтобы намъ называть другъ друга «радостью», такъ мы должны другъ друга обрадовать, а не опечалить. Да и мнѣ сердечно жаль, что ваша милость такъ тоскуешь и напрасно изволишь молодость свою поработить. Вѣрь, ваша милость; правда, что я иноземецъ, такъ правда (и то), что я вашей милости рабъ и на семъ свѣтѣ вѣрнымъ тебѣ одной государыни сердечной. А остануся и пока живъ остаюся въ вѣрности и передаю сердце свое. Прими недостойное мое сердце своими бѣлыми руками и подсоби за тревогу вѣрнаго и услужливаго сердца. Прости, радость моя, со всего свѣта любимая!»

Кто это была «государыня» монсова «сердца» — неизвѣстно; извѣстно только то, что всѣ эти излілія производились имъ въ бытности при «дому Екатерины Алексѣевны» и именно тогда, когда лучи сего высокаго «свѣтила» стали сильно согрѣвать его какъ въ вещественномъ, такъ и въ моральномъ отношеніяхъ.

(1) Соврем. переводъ нѣмец. цидулки Монса.

(2) Отвѣтное посланіе Монса писано на *слободскомъ* языкѣ; такъ называли тогда русское письмо нѣмецкими буквами.

Еще въ первый годъ своего камеръ-юнкерства Виллимъ Ивановичъ получалъ довольно скудное жалованье, да въ бытность заграницей около 200 талеровъ въ годъ порціонныхъ; но уже тамъ, за границей же, матерьяльныя его средства настолько улучшились, что онъ имѣлъ возможность, давать деньги въ долгъ ближнимъ къ нему лицамъ; еще гофмаршалъ Матвій Олсуфьевъ предписывалъ Монсу въ начальническомъ тонѣ позаботиться о исполненіи служебныхъ обязанностей, т. е. въ бытность въ г. Везелѣ распорядиться сваркой полпива, выждать когда оно уходится, разлить его затѣмъ по малымъ бутылкамъ, поставить въ холодномъ погребу и т. п., но холодный тонъ начальника нѣсколько мѣсяцевъ спустя измѣнился: тотъ же Олсуфьевъ сталъ звать Виллима Ивановича «государемъ моимъ братцемъ» и писалъ уже къ нему въ почтительныхъ выраженіяхъ. Другой изъ начальниковъ двора Екатерины, Дмитрій Шепелевъ еще скорѣе созналъ необходимость стать съ счастливымъ камеръ-юнкеромъ въ самыя дружескія отношенія. «Въ письмѣ своемъ, — шутило писалъ Шепелевъ новому другу въ г. Везель изъ Шверина въ январѣ 1717 года, — въ письмѣ своемъ изволите упоминать: псовкѣ карлицѣ сказать, чтобъ она себя поберегла до васъ. Воистинно, мой государь, псовка карлица не для васъ, больша для насъ; о чемъ вы сами извѣстны, какая у насъ съ нею любовь. Впредь прошу не изволь еѣ упоминать такъ въ письмахъ своихъ. Прощу у васъ, моего друга, не оставь насъ въ своихъ письмахъ и въ своей любви...» Монсъ въ это время былъ при государынѣ въ г. Везелѣ; его окружали вообще лица, съ которыми онъ находился въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ; такъ государыню виѣстѣ съ нимъ сопровождали Анисья Кириловна (Толстая), Аристовна, Крестьяновна, полковница Кампенгаузенъ, фрейлины Марья Даниловна Гамильтонъ, камеръ-фрау весьма любимая царицей Яганна Петрова, Устинья Петрова, камеръ-юнкеръ поручикъ Балкъ (племянникъ Монса), докторъ Поликола и Лестокъ, и нѣкоторые другія лица ⁽¹⁾. Между всѣми ими первая роль выпадала Виллиму Ивановичу, и вотъ между прочими искателями благосклонности фаворита весьма рано является знаменитый Алексѣй Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ; онъ «униженно благодарствовалъ его благородіе за комплиментъ его» и неменѣе униженно просилъ ходатайства по своимъ дѣламъ ⁽²⁾.

Это заискиванье тѣмъ интереснѣе, что почти одновременно тотъ

(1) Списокъ придворныхъ Екатерины: см. въ статьѣ: «Фрейлина Гамильтонъ», стр. 245, 246. «От. Зап.» 1860, № 9.

(2) Прилож. № IV.

же Бестужевъ писалъ извѣстное «предательское» письмо бѣгдому царевичу, предлагая ему свои услуги; такимъ образомъ будущій правитель Россіи теперь закидывалъ якорь въ оба противные лагерья: на сторону царицы Екатерины и ея ненавистника царевича Алексѣя.

Побѣда однако первой была близко. Истязанія сторонниковъ Алексѣя и затѣмъ его собственная гибель были рядомъ торжествъ партіи Екатерины. Усиленіе значенія ея неминуемо отражалось и на всѣхъ ея приближенныхъ, а изъ нихъ разумѣется прежде всего на Монсѣ. Посмотрите съ какой торопливостью втираются въ дружбу почти къ безвѣстному выходцу нѣмецкой слободы тогдашніе баричи, знаменитѣйшіе если не изъ птенцовъ, то ужъ изъ птенчиковъ петровскаго двора. Вотъ на примѣръ князь *Андрей Вяземскій*, тщательно распрашивающій о здоровьѣ и житьѣ-бытьѣ «государя друга своего» *Виллима Ивановича*; вотъ *Иванъ Шуваловъ*, отецъ будущаго временщика Елисаветы, напоминаетъ «о неоставленіи его и всей фамиліи въ своей милости», причѣмъ увѣряетъ, что они Шуваловы «уповаютъ на его милость, якобы на отца родшего»; князь *Александръ Черкасскій* увѣряетъ «вѣрнаго друга — своею вѣрностью» и «покорно проситъ, чтобъ тотъ его не оставилъ въ своей милостивой и вѣрной дружбѣ, чего съ радостью желаетъ». *Артемій Петровичъ Волинскій*, сѣздившій уже въ Персію посланникомъ, быстро шедшій въ гору въ своихъ честолюбивыхъ стремленіяхъ къ почестямъ, богатству и отличіямъ, и тотъ не замедлилъ протянуть руку *Виллиму Ивановичу*: въ концѣ 1720 года онъ ужъ называетъ его «любезнымъ другомъ и братомъ», и увѣряя, что по болѣзни не можетъ ѣхать въ Астрахань, убѣдительно проситъ Монса: «пожалуй, мой батюшка, донеси премилостивой матери, всемилостивѣйшей царицѣ государынѣ, что(бъ) сотворила со мною рабомъ своимъ милость, — ежели случится къ слову, чтобъ милостиво предстательствовала. Клянуся богомъ, что не имѣю ни малой причины зачѣмъ бы могъ до сего времени здѣсь (въ Москвѣ) медлить.» А для усилія предстательства *Волинскій* дарилъ камеръ-юнкера не одними увѣреніями въ дружбѣ: онъ презентовалъ ему лучшую лошадь изъ своихъ животновъ, и все это только для того, чтобъ тотъ «непремѣнно его въ своей милости и любви содержалъ».

Все это были еще только простыя, такъ-сказать безкорыстныя заискиванья монсовой благосклонности; услуги, которыхъ у него просили, были неважны. Такъ было въ первые годы; затѣмъ, согрѣваемый любовью «премилостивой матери», Монсъ незамедлилъ вмѣшаться въ дѣла болѣе важныя. Мы видѣли на примѣръ выше, что онъ успѣлъ пожать нѣкоторые лавры при дворѣ вдовствующей герцо-

гнии курляндской; съ нею и ея приближенными онъ остался на всю жизнь въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ и митавскій дворъ имѣлъ въ Монсѣ сильнаго ходатая по разнымъ шекотливымъ и секретнымъ дѣламъ; такъ въ 1719 году, когда нѣжный дядюшка герцогини курляндской Василій Федоровичъ Салтыковъ въ бытность свою въ Митавѣ грубо обхотился съ племянницей, когда онъ совершенно бросилъ неразъ избиваемую имъ жену Александру Григорьевну (урожд. кн. Долгорукову), и та пріютилась подъ кровомъ Анны Ивановны (¹), — обѣ женщины сильно нуждались въ помощи Монса; камеръ-юнкеръ своимъ ходатайствомъ у Екатерины сильно противодействовалъ оговорамъ Салтыкова; послѣдній, успѣвъ возбудить противъ племянницы ея мать, царицу Прасковью, не успѣлъ однако по милости Монса поссорить съ Анной государыню; послѣдняя, напротивъ, вошла по этому поводу въ милостивую «кореспонденцію» съ герцогиней, а избитой Александрѣ Григорьевнѣ выпросила у государя позволеніе остаться въ Варшавѣ, при ея отцѣ Григорѣ Федоровичѣ Долгоруковѣ. Старанія Салтыкова вытребовать ненавистную жену къ себѣ въ Петербургъ, безъ сомнѣнія на новыя кулачныя поученія, остались тщетны. Долгоруковъ, обрадованный вниманіемъ государыни, подалъ челобитіе о разводѣ его дочери. Надо, чтобъ челобитная имѣла ходъ, чтобъ о ней кто-нибудь напоминалъ — и вотъ Александра Григорьевна проситъ намъ знакомую Матрену Ивановну: «...извольте ко мнѣ отписать... обо всемъ пространно, которая челобитная послана къ царскому величеству такожъ и всемилостивой государынѣ царицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, извольте освѣдомиться и ко мнѣ отписать, какъ изволить принять? А я въ бѣдахъ своихъ инова предстательства не имѣю кромѣ ея величества, и онѣ ко мнѣ пишутъ, что мужъ мой хочетъ на меня бить челомъ, что будто я его покрала и ушла; я этого не боюсь: известно всѣмъ въ Митавѣ, и много нѣто свидѣтелей сыщу, нетолько нынѣ что будетъ (?) я не имѣла (даже) въ чемъ (къ) батюшкѣ доѣхать, (и) принуждена была себѣ дѣлать (все) до послѣдней рубашки. Онъ увезъ съ собою ту бабу, которая за всѣмъ (у меня) ходила; опа съ нимъ уѣхала. Съ собою ли они забрали (вещи), или у людей оставили, пускай его людей съ той бабою пытаются. Мнѣ (же) было ничего негдѣ брать, я уже была со всѣмъ обрана и отъ него разбита; токмо имѣла при себѣ нѣсколько изъ моихъ алмазовъ, и то у меня послѣднее ограбилъ. Какъ поѣхалъ въ Петербургъ, сказалъ мнѣ: ежели не дамъ, (то) хотѣлъ до смерти убить. Я ему съ великою радостью и то отдала. Только обобралъ и

(¹) Весь этотъ «велий соблазнъ, наслушившій нетокмо Курляндію, но и Польшу», рассказанъ въ ст. «Царица Прасковья», гл. IV: «нѣжный братецъ».

(все-таки) самъ (меня) билъ, на что есть свидѣтели. Впрочемъ остаюсь на милость вашу благонадежна, что по своему обѣщанію меня оставить не изволите.»

«Паче (же) всего — писала она въ другой грамоткѣ къ тому же лицу — васъ прошу, гдѣ возможно упоминать въ милости ее величеству государынѣ царицѣ, въ чемъ на милость вашу безсумѣнную надежду имѣю; такожъ прошу, матушка моя, извольте ко мнѣ писать пространнѣй, что изволите услышать въ дѣлѣ моемъ какое будетъ со мною милосердіе и какую силу будетъ съ противной стороны дѣлать»⁽¹⁾.

Враждующія стороны принадлежали къ именитѣйшимъ фамиліямъ: на сторонѣ Василя Федоровича Салтыкова была царица Прасковья, имѣвшая столь важное значеніе; на его же сторонѣ были родственники Салтыковыхъ — Ромодановскіе и многіе другіе, немнѣе знатныя, немнѣе сильныя по связямъ и значенію аристократическія семейства; притомъ же вся эта сторона была въ столицѣ, при дворѣ: тѣмъ осторожнѣе нужно было дѣйствовать Александрѣ Григорьевнѣ. Матрена Ивановна Балкѣ была для нея только посредницей; собственно письма, къ ней обращаемыя, имѣли въ виду ея брата; тотъ и отвѣчалъ — русскими грамотками, излагая ихъ нѣмецкими буквами; письма эти не подписывались, и мало того, Владимъ Ивановичъ для большой предосторожности писалъ ихъ въ женскомъ родѣ, въ видѣ отвѣтовъ своей сестры: «Здравствуй, матушка Александра Григорьевна... прошу васъ, мою государыню, чтобы я не оставлена была писаньемъ вашимъ, которое принимаю себѣ за великое счастье. Когда я увижу отъ васъ къ себѣ письмо ваше, то Богъ мой свидѣтель, что я (его) съ великой радостью воспринимаю, и трудъ свой столько прилагаю дѣлу вашему, что Богу одному вѣдомо, и стараюсь, чтобы вскорѣ окончить въ добромъ состояніи къ вашему желанію и надѣюсь, что вскорѣ послѣ праздника. Токмо васъ прошу не извольте печалиться и себя безвременно сокрушать объ ономъ дѣлѣ; все Богомъ будетъ исправно, понеже ея величество вельми къ вамъ милостива и нивѣсть какъ сожалѣтъ объ васъ, также же объ родителейъ вашихъ»⁽²⁾... Предосторожность, наблюдаемая въ формѣ и содержаніи писемъ, наблюдалась и при пересылкѣ корреспонденціи; она шла чрезъ гофмаршала митавскаго двора Петра Михайловича Бестужева-Рюмина; положеніе гофмаршала было несомнѣнно прочно; какъ сторонникъ и Анны Ивановны, и Долгорукихъ, онъ имѣлъ сильныхъ противниковъ въ фамиліи Салтыковыхъ съ Ро-

⁽¹⁾ Прилож. № V: 1, 2 и 3.

⁽²⁾ Прилож. № VI.

могавоскини и долженъ былъ прибѣгать къ дружескому заступни-
честву Монса. Вотъ почему отъ распыпанса въ предложеніяхъ
услугъ: «Извольте, государь мой, мнѣ повѣрить, что я зѣло обяжусь
вѣрными ко. услугамъ вашимъ быть при вашей королевской милости.
Извольте оныя письма ко мнѣ при всепріятномъ вашемъ писаніи вра-
судать; я оныя въ надлежащее мѣсто вѣрно и во всякой охранности,
отправлять буду, понеже мнѣ оное извѣстно и весьма секретно воз-
держать буду» (1).

Дѣло однако о разводѣ Александры Салтыковой недовелось окон-
чить въ «добромъ состояніи»; противная партія слишкомъ была
сильна, и Монсу было не вмочь еще побороть ее совершенно; дѣла
оставались разѣхавшимися, но не разведенными... Усиѣице было
ходатайство Виллима Ивановича, одновременно съ этимъ дѣломъ, а
Іоанна-Эрнеста-Бирона; человекъ незнаемый, принадлежавшій къ
«бѣдной фамилии, несмѣвшей къ шляхетскому стану мѣшаться»,
Биронъ въ молодости оставилъ родину и поселился въ Кенигсбергѣ,
для слушанія академическихъ курсовъ; лѣнивый, неспособный, онъ
впадалъ въ распутство и въ 1719 году попалъ въ тюрьму за укрываніе
въ уголовномъ преступленіи; девять мѣсяцевъ томился, китъ въ
тюрьмѣ, послѣ чего былъ выпущенъ съ обязательствомъ или упла-
тить 700 рейхсталеровъ штрафу, или просидѣть три года въ крѣдо-
стѣ. Монсъ еще въ бытность свою въ Кенигсбергѣ, во время хлоп-
потъ по дѣлу сестры своей Анны, познакомился съ молодымъ раз-
вратникомъ. Знакомство это, недѣлавшее чести Виллиму Ивановичу,
было спасительно Іоанну-Эрнесту. Теперь, когда надъ послѣднимъ
грозилъ гроза, Монсъ вспомнилъ о пріятелѣ и чрезъ посредство по-
славника барона Марсфельда исходатайствовалъ ему у короля прус-
скаго прощеніе. Оставивши Кенигсбергъ, Биронъ отправился въ
Россію, въ обѣихъ столицахъ ея встрѣтилъ къ себѣ только прене-
бреженіе, но въ Митавѣ, при дворѣ вдовствующей герцогини ему
улыбнулась фортуна.

Такъ одинъ фаворитъ-нѣмецъ, на зло и продолжительныя бѣд-
ствія своему новому отечеству, спасалъ отъ гибели другого нѣмца.
Можно положительно сказать, что не явись Монсъ заступникомъ, —
Биронъ, разѣ ставши на дорогу безпутства и разврата, сгинулъ бы
въ прусскихъ тюрьмахъ (2).

(1) Прилож. VII, 1.—Виллиамъ Ивановичъ съ сестрою долго еще принимали уча-
стіе въ тяжбѣ Долгорукаго и его дочери съ Салтыковымъ; такъ около 1721 года
Матрена писала къ брату: «объявляю любезному братцу, что отецъ нашего до-
брого друга къ намъ пріѣхалъ и зѣло изрядно принять отъ царя, такожь и отъ
царицы».

(2) Какъ эти, такъ и вышеприведенныя извѣстія мы почерпнули въ подлинныхъ
писмахъ къ Монсу:

Мы бы крайне утомили наших читателей, еслибы повели их за сплнселемъ Бирона во всѣхъ его переѣздахъ при государынѣ Екате-
ринѣ Алексѣевнѣ въ 1721, 1722 и 1723 годахъ; не для чего заходить
намъ и въ ассамблеи, становиться въ маскарадные процесіи, при-
глядываться на пирахъ къ стоящимъ за стульями высокихъ персонъ
камеръ-юнкерамъ и къ деньщикамъ, чтобъ отличить въ ихъ числѣ
снющаго довольствомъ, счастьемъ, красотой — вѣчно-франтоватаго
Монса. Мы не займемъ мѣста ни въ одномъ изъ богато-убранныхъ
бауровъ, длинной лентой вытягивающихся къ Катерингофу: то увесе-
лительная прогулка; будьте увѣрены, что въ ней участвуетъ Монсъ.
Вотъ; вотъ онъ стоитъ на рѣчномъ суднѣ, сзади величественной
своей патроны: полюбуйтесь, какимъ стройнымъ щеголемъ выгля-
дываетъ онъ передъ сутуловатымъ Петромъ, который тутъ же пра-
вить рулемъ. Государь въ своей потертой шкиперской курткѣ; Ека-
терина невольно переноситъ взоръ съ смуглой, обрюзгой, хотя и
энергической фнзіономіи «старика-батюшки» на розовде, молодое,
цвѣтущее красотой лицо своего любимца. Костюмъ довершаетъ
пріятное впечатлѣніе: кафтанъ дорогого бархата съ серебрянными
пуговицами обхватываетъ стройный станъ камеръ-юнкера; каф-
танъ отороченъ позументомъ; серебряная лента замѣняетъ поясъ;
на ногахъ толковые чулки и башмаки съ дорогими пряжками, подъ
кафтаномъ жилетъ блестящей парчи, на головѣ щегольски шаброше-
на пуховая шляпа съ плюмажемъ; все это съ иголки, все это при-
брано со вкусомъ, все это нравится «премилостивой матери»... Рѣч-
ное катаніе смѣняется прогулкой въ «огородѣ». Вотъ близъ рома-
нческаго грота, въ тѣни аллеи лѣтняго сада музыканты маленькаго,
невзрачнаго и вѣчно *веселаго* герцога гоштинскаго улаждаютъ
слухъ высшаго общества; слушаетъ и Екатерина; она милостиво

1716 г. 23 марта, писарь Андрей *Ивановъ* — Гданскъ.

1717 г. 24 января Дмитрій *Щенниковъ* — Шверинъ; 18 марта, Семень *Федоровъ* —
Ростокъ; 3 августа, Алексѣй *Бестужевъ-Рюминъ* — Гамбургъ (Прилож. IV);
16 августа, Матвѣй *Олсуфьевъ* — Амстердамъ.

1718 г. 16 июня, Матвѣй *Олсуфьевъ* — Петергофъ; 25 октября, подорожная дому
царскаго величества поручнику Вилиму Монсу на 12 подводъ отъ Новго-
рода до Спб.

1719 г. 26 марта, Иванъ *Измайловъ*; іюня кн. Александръ *Черкасской*, съ кора-
бля; 17 октября, Александра *Салтыкова*, урожд. Долгорукова — Варша-
ва; она же отъ неизвѣстнаго числа и года (письма эти см. въ Прилож. V;
1, 2). Отвѣтъ ей *В. Монса*, неизв. числа и года (см. въ Прилож. VI); 2
ноября, Петръ *Бестужевъ-Рюминъ* — Митава (см. Прилож. VII, 1).

1720 г. 14 іюня Артемій *Волынский* — Спб.; 30 декабря онъ же — Москва (оба
письма въ Прилож. VIII: 1, 2.)

1721 г. 25 іюля *І. Э. Биронъ* къ Монсу — Митава (письмо это напечатано въ
статьѣ Арсеньева: «Царств. Екат. I», стр. 241).

протягиваетъ руку къ Монсу и кладетъ туда нѣсколько червонцевъ, то награда музыкантамъ. Монсъ несетъ, по ея порученію, кубокъ венгерскаго къ тому или другому изъ гостей; Монсъ доноситъ, ея въ какомъ расположеніи духа государь, гдѣ онъ сидитъ, съ кѣмъ бесѣдуетъ, куда отправляется; волей-неволей Монсъ всегда и дождѣ при «великомъ свѣтилѣ», къ которому онъ, говора его стихотвореніемъ, «воспылалъ любовью, межъ тѣмъ какъ долженъ былъ только его уважать».

Есть ли *фактическія*, документальныя свидѣтельства объ этой любви? Такихъ свидѣтельствъ нѣтъ; но что Монсъ безспорно владѣлъ въ это время сердцемъ Екатерины, объ этомъ можно судить изъ того необыкновеннаго значенія, какое получилъ онъ въ это время. Это значеніе, власть и сила сознавались уже всѣми не только знатными придворными, но даже послѣдними изъ дворцовыхъ служителей и служительницъ; всѣ какъ нельзя лучше видѣли источникъ этой силы: онъ заключался въ любви къ нему Екатерины.

Итакъ не станемъ ловить улыбки ея, расточаемыя на пиррахъ красавцу камеръ-юнкеру, не станемъ подслушивать шушуканья придворныхъ дамъ и фрейлинъ, неменѣе самой патроны склонныхъ къ красавцу, не станемъ вглядываться въ цифры делешъ иноземныхъ пословъ и секретарей при тогдашнемъ дворѣ; переберемъ только вѣрохъ писемъ къ Виллиму Ивановичу за эти годы, и мы въ шумихѣ лстивыхъ завѣреній въ дружбѣ, любви и уваженіи къ Монсу — вѣтолько со стороны птенчиковъ, но уже со стороны крупныхъ птенцовъ Петра — найдемъ несомнѣнное доказательство, что всѣ эти завѣренія, обѣщанія, наконецъ взятки и взятки не могли расточаться обыкновенному любимцу: нѣтъ, то былъ уже настоящій фаворитъ, владѣвшій вѣтолько сердцемъ, но и волей своей обожательницы (!).

(*) Представляемъ перечень лицъ, обращавшихся съ разными письменными просьбами къ Виллиму Монсу съ 1721 по 1723 годъ включительно: *Афонисеевъ*, гвардіи капитанъ *Альбрехтъ*, дворц. служитель *Астафьевъ*, Н. В., писецъ *Булминъ*, конохъ царицы *Большовъ*, фонтъ-дерь-*Буртъ*, гофмаршалъ герцогини Анны Ивановны *Бестужевъ-Рюминъ* (Прилож. № VII. 1, 2.), посолъ въ Гамбургъ Алексѣй *Бестужевъ-Рюминъ*, камеръ-юнкеръ Петръ *Балкъ*, помѣщикъ *Воробьевъ*, кн. Андрей *Вяземскій*, помѣщица-вдова *Васильева*, Артецій *Волыскій*, помѣщикъ *Волковъ*, *Вороновъ*, сынъ сибирскаго губернатора А. *Гагаринъ*, кондитеръ *Гримкенъ*, крестьянинъ *Гордеевъ*, оберъ-полицеймейстеръ московскій *Греневъ*, помѣщикъ *Горскіе*, посолъ въ Берлинъ Михаилъ *Головкинъ*, корабельный мастеръ *Гордлій*, кн. Алексѣй Григорьевичъ *Долгоруковъ*, *Дедюшскій*, ростовскій архіерей *Дашковъ*, капитанъ *Ивантеевъ*, посолъ въ Китай Левъ *Измайловъ*, подводковникъ *Козловъ*, служ. *Кондратьевъ*, иноземецъ *Купертъ*, служ. *Круликовъ*, управляющій *Карцовъ*, Василій *Корчминъ* (любим. оенцеръ Петра I), купецъ-иноземецъ *Гамланъ*, *Лапотниковъ* — житель города Черкаска, *Лесфордъ*, купецъ-иноземецъ *Люневъ*, управляющ. дворц. ижн. *Литвиновъ*, командиръ корабля Степанъ *Лону-*

Общій характеръ почти двухъ съ половиною сотенъ писемъ, полученныхъ Монсомъ за эти три года и дошедшихъ до насъ, это — необыкновенное предъ нимъ униженіе просителей. Униженіе слышно въ тонѣ просьбы, въ подписи, въ обращеніяхъ: истопники, дворцовые конюхи, лакеи, посалскіе люди, торговые гости, иностранцы, фабриканты, помѣщики, помѣщицы, люди служилые, чиновники, двяки, арміи и гвардіи офицеры, священники, архимандриты, архіереи, губернаторы, резиденты и полномочные послы при разныхъ дворахъ, наконецъ высшіе госуларственные чины и представители знатнѣйшихъ русскихъ княжескихъ семействъ, — всѣ эти лица столь различныхъ степеней по происхожденію, богатству и образованію не стыдились (платя дань своему времени) льстить и принижаться предъ любимцемъ. Какіе разнообразныя эпитеты и громкіе титулы прилагались къ имени Монса: отъ словъ: «высокоблагородный патронъ» до «ваше премилосердное высочество!» Такъ Монса называли его кліенты и имѣвшие въ немъ нужду: «его превосходительствомъ», общаются «за него бога молить», признають въ немъ «единаго въ свѣтѣ милостивца», съ нимъ едва «дерзають говорить», слухъ его

рассыл. куп. *Малеженскій*, *Мингаузенъ*, фонъ *Мемде*, знач. придворн. Семенъ Атанасьевичъ *Мааринъ*, Василій и Петръ *Мошковы*, знатные чиновники кабинета ея величества, Семенъ *Нарышкинъ*, кн. Юрій *Одоевскій*, помѣщикъ *Отлевъ*, архимандритъ *Писаревъ*, помѣщ. *Протасевъ*, придворн. *Полозовъ*, поручикъ *Пушкинъ*, Григорій *Назбанъ* — комендантъ и главный управитель имѣніями царцы, *Паруловъ*, — придворный, ювелиръ придворный *Рокентинъ*, дьякъ *Рукинъ*, *Сорокинъ*, *Салтыкова*, *Сухотинъ*, серебр. дѣл. мастеръ *Суриновъ*, купецъ *Стеръ*, *Спицынъ*, поручикъ *Супоневъ*, Петръ *Салтыковъ*, кн. Никита *Трубецкой*, знатный нѣмецъ *Фовтронъ*, Густавъ *Функъ* — родственникъ и другъ Монса, купецъ-иностранецъ *Хозуй*, мѣрякъ *Чаинъ*, придворн. *Черновъ*, Дмитрій *Чернышовъ* — придворн. при царевнахъ, кн. Александръ *Чернаевъ* — морякъ, Дмитрій *Шепелевъ* — «путевой маршалъ» Екатерины, Иванъ *Шуваловъ* — комендантъ города Выборга (одно изъ его писемъ см. въ Прилож. № IX), Владиміръ *Шереметевъ*, жена канцлера *Шифриновъ*, поручикъ *Штовской*, Федоръ *Юшкьевъ*, кн. Сергей *Шуловъ*, наконецъ разные купцы и подрядчики иностранцы. — Всѣ эти письма на русскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ, есть нѣсколько на англійскомъ и голландскомъ; послѣднія отъ купцовъ и подрядчиковъ разныхъ товаровъ двора Екатерины. Большая часть писемъ на русскомъ языкѣ; ихъ читалъ Монсу его секретарь Егоръ Михайловичъ Столѣтовъ. Громадность корреспонденціи Монса вызвала необходимость образовать цѣлую канцеларію, въ которой заправлялъ дѣлами Столѣтовъ. Письма и просьбы на имя Виллима Ивановича приходили съ разныхъ городовъ; изъ Москвы, Гельсингфорса, Выборга, Риги, Ревеля, Митава, Варшавы, изъ внутреннихъ городовъ Россіи, изъ отдаленной Астрахани, Черкасина, Казани, изъ Сибири; наконецъ нѣкоторые письма шли изъ-за границы: изъ Вѣны, Берлина, Гамбурга, Стокгольма, Парижа, Лондона, и изъ Персіи; то были письма отъ лицъ, состоявшихъ при нашихъ посольствахъ, или отъ купцовъ иностранныхъ.

утруждаютъ просьбишкой, простолюдины бьютъ челомъ съ обычными эпитетами: «отецъ ты нашъ батюшка, Виллимиъ Ивановичъ» или: «премилостивый государь, сотвори ты надъ нами наудивительную милость», «не дай, батюшка-свѣтъ, въ конецъ разориться». Помѣщики да чиновники ставили въ оголовкахъ длиннѣйшее обращеніе: «благородному, высокопочтенному господипу, господину капитану, милостивому моему отцу и государю Виллиму Ивановичу»; аристократы писали проще: «добрый пріятель», «сердечный, наивѣрнѣйшій другъ и братъ Виллимиъ Ивановичъ»; наконецъ «высокогравскимъ сіятельствомъ» и «премилосердымъ высочествомъ» имѣновали его нѣкоторые изъ голодныхъ иноземцевъ, пріѣзжавшихъ на разжигу въ гостепріимную Московію.

Въ чемъ состояли эти письма? Тутъ были простыя напamтoвaнiя о себѣ и общаніяхъ Монса похлопотать по разнымъ дѣламъ; тутъ были сообщенія различныхъ политическихъ новостей для сообщенія при случаѣ государынѣ; затѣмъ большая часть писемъ состояла изъ прошеній родителей за своихъ дѣтей, поступавшихъ на службу, причемъ пишущій считалъ нужнымъ сказать: «ежели Богъ очи васъ сподобитъ государя моего видѣть, то почтусь по своей возможности вамъ, государю моему, отслужить!» Множество было прошеній о мѣстѣ, чинѣ, наградѣ, отпускѣ, увольненіи отъ смотра, отъ службы, освобожденіе отъ повинностей, изъ-подъ ареста, перевѣршеніе суднаго дѣла въ той или другой коллегіи, заступничество отъ кредиторовъ, остановка въ исполненіи приговора, просьба о большемъ займѣ изъ суммъ государыни на основаніе фабрики, просьбы о исходатайствованіи прощенія ссыльнымъ или возвращенія описанныхъ имѣній родственникамъ, просьбы о исходатайствованіи губернаторства или нѣсколькихъ сотенъ крестьянскихъ дворовъ со всѣми угодьями, просьбы о заступничествѣ предъ какими-нибудь сильными міра тогдашняго, напримѣръ предъ Никитой Ивановичемъ Рѣпнинымъ, И. И. Бутурлинымъ, П. А. Толстымъ, Дмитріевымъ-Мамоновымъ, Брюсомъ, Нарышкиными, Матвѣевымъ: «они де для вашей просьбы все могутъ сдѣлать; не оставь своей милостью, за что вамъ государю моему рабски служить готовъ вамъ»; просьба закрѣплялась иногда такого рода подписью: «тягловой вашъ крестьянинъ подполковникъ Козловъ падъ до лица земли премного челомъ бую». Просьбы по дѣламъ особенно важнымъ и щекотливымъ высказывалъ словесно податель письма; такъ обыкновенно дѣлали знатнѣйшія какъ «мужскія, такъ и женскія персоны», просьбы которыхъ нерѣдко относились до дѣлъ семейныхъ; нерѣдко также письмо состояло изъ незначительныхъ словъ, но тутъ же прикладывалась цидулка безъ подписи; въ ней

вкратцѣ излагалась просьба и назывался подарокъ за ея исполненіе. Последнія цѣлулы съ изложеніемъ подарковъ были особенно дороги Виллиму Ивановичу; подарки подогрѣвали его ходатайство и рѣдкое прошеніе, подкрѣпленное не только настоящимъ презентомъ, но даже простымъ обѣщаніемъ взятки, оставлено было имъ безъ вниманія. Монсъ, какъ увидимъ, брался хлопотать, въ уваженіе подарковъ, по дѣламъ весьма важнымъ и труднымъ: такъ онъ хлопоталъ, и не безуспѣшно, за освобожденіе разныхъ сосланныхъ аристократовъ по дѣлу царевича Алексѣя; онъ выхлопатывалъ жалованныя грамоты на торговлю, онъ ставилъ даже — трудно повѣрить, а это было такъ — вице-президентовъ и т. п. ! И все то за «преждедкіе презенты».

Но обратимся къ письмамъ и остановимъ вниманье нашихъ читателей на грамоткахъ болѣе интересныхъ ⁽¹⁾.

«Прошу я у тебя, высокопочтенный государь мой Виллимъ Ивандовичъ, — пишетъ камеръ-пажъ Павловъ, молодой человекъ, безпутный, но богатый, дарившій Монса разными подарками, какъ-то: золотыми часами и проч., и потому терпимый на службѣ при государынь: — прошу я тебя, пожалуй не оставь меня въ своей милости, какъ ты, мой государь, началъ меня по своему милосердію жаловать; и больше ни о чемъ не прошу, только пожалуй, мой государь Виллимъ Ивандовичъ, не оставь меня въ своей милости.»

«...Не оставьте меня въ великой моей пуждѣ, — вопіетъ ювелиръ Рокевтинъ, угодившій впоследствии, какъ увидимъ, подъ кнутъ, — ибо я не знаю какъ отдѣлаться отъ притѣсняющихъ меня кредиторовъ. Будьте милосерды и помогите мнѣ, Богъ за это васъ наградитъ!»

«И господинъ полковникъ соизволилъ сказать, — молить арміи поручикъ, — чтобъ я о рангѣ моемъ покорно, слезно просилъ бы васъ, премилосердаго моего государя, и я рабски, всенижайше, покорно, слезно прошу вашего милосердія, покажите надо мною свою высокую милость.»

«Ваше превосходительство всюду приобрѣли славу великодушія, — такъ писали Монсу заѣзжіе нѣмцы, искавшіе теплаго мѣстечка на Руси: — слава вѣщаетъ о томъ великодушіи, съ какимъ вы являете помощь всѣмъ нуждающимся. Поэтому ваше превосходительство не

(1) Рѣдко изъ нихъ мы приводимъ въ текстъ статьи цѣликомъ; мы извлекаемъ только характеристическія строки, а письма интереснѣйшія — по тону имъ, по содержанію, по обстоятельствамъ, изъ-за которыхъ они писались, или наводъ по личности писавшаго, — помѣщаемъ въ Приложеніяхъ. См. №№ 46, VII, VIII, IX и X.

осудите меня, если я дерзую сказать, что вотъ уже семнадцать мѣсяцевъ какъ я живу въ Петербургѣ, не имѣю средствъ къ пропитанію и проч. Не оставьте! Богъ да возблагодаритъ васъ за высокое великодушіе ваше, и проч.»

Съ этими же мольбами представляется въ передней у Монса депутація изъ города Риги; но кромѣ небесной награды, она обнадеживаетъ его въ ближайшей, земной ихъ *благодарности*. Депутація проситъ ходатайствовать по дѣлу компаніи Черныхъ головъ... «И такъ какъ вы — пишутъ они въ челобитъѣ къ Монсу — вѣроятно обременены важнѣйшими дѣлами, то мы, опасаясь, чтобъ наше дѣло не было бы предано забвенію, осмѣливаемся всепокорнѣйше повторить нашу просьбу о представленіи всего дѣла его (?) императорскому величеству, ибо безъ всемилостивѣйшаго покровительства государя наше учрежденіе, существовавшее столько вѣковъ, должно рушиться. Въ надеждѣ, что по вашему ходатайству наша компанія удостоится... и проч. Мы имѣемъ честь увѣрить васъ, что *объщанная нами благодарность будетъ точно исполнена.*»

Подобная *благодарность* заявлялась Виллиму Ивановичу въ самыхъ разнообразныхъ формахъ; такъ напримѣръ нѣкто Иванъ Никитичъ *Хитрово*, видя, что тяжба его съ какимъ-то Дашковымъ о наслѣдствѣ по духовному завѣщанію одной изъ царевенъ вернется къ юстицъ-коллегіи въ пользу его противника, поспѣшилъ обратиться къ Монсу; далъ ему росписку въ пятистахъ рубляхъ, будтобы у него занятыхъ; слѣдствіемъ подобнаго займа было то, что дѣло перенесено сначала въ преображенскій приказъ къ *доброжелательному* къ Монсу — Ремодановскому, а потомъ въ кабинетъ его царскаго величества, въ распоряженіе благопріятеля Монса, *Алексея Васильевича Макарова*; нечего и говорить, что тяжба перевернулась какъ того нужно было *заимодавцу*.

Богатый негоціантъ изъ города Риги нѣсколько разъ былъ требуемъ въ Петербургъ для предъявленія въ бергъ-коллегію состоявшей на немъ и его товарищѣ недоимки; требованія были настоятельны, негоціантъ слезно восплакался предъ камеръ-юнкеромъ, и въ одномъ изъ своихъ писемъ довольно искренно объявилъ: «И когда стараніемъ вашимъ избавленіи буду отъ своей напасти, то прошу покорно вложенную цидулку принять и къ кому изволите оную прислать, готовъ исполнить; токио и паки прошу васъ со слезами, чтобъ (прошенія моего) не забыть» и проч.

Цидулка не сохранилась, но безъ сомнѣнія, то была росписка вродѣ предыдущей, или какой-нибудь переводъ денегъ на другого негоціанта.

Между тѣмъ умираетъ богатый помѣщикъ Мартемьяновъ; онъ

последній въ родѣ, имѣіе его выморочное, онъ заѣмаетъ его дальнему родственнику, школьнику Камынину; провинціалъ-офицеръ протестуетъ, московскій надворный судъ препровождаетъ дѣло съ неблагопріятнымъ для Камынина приговоромъ въ сенатъ; по указамъ, деревни покойника никакъ не попадутъ наслѣднику: онъ поступать въ казну. Къ кому обратиться, чтобъ направить дѣло къ желанному исходу? Разумѣется къ Монсу. И пишутъ мать и отецъ школьника — просятъ, чтобъ переименовали ихъ сына хотя въ Мартемьянова, только чтобъ имѣіе-то ему досталось; предлагаетъ ходатаю разные гостинцы: кошелекъ, кофакъ вышитый, тканый камзолъ, и даже тысячу рублей: «пожалуй, мой батюшка, что мы обѣщали, того изволь съ насъ хотя вдвое (взять)...», только «невозможно-ль, батюшка Виллимъ Ивановичъ, сына нашего взять изъ школы къ дому царицы-государыни, и я къ тебѣ-бъ вручила его за служителя; и прошу милости, чтобъ дѣло (его о наслѣдствѣ) войти въ свой кабинетъ къ секретарю.»

Устарѣлъ и одряхлѣлъ на службѣ при дворѣ одинъ изъ служителей Екатерины, Отяевъ; захотѣлось ему вырваться въ отставку, добылъ онъ мелицнское свидѣтельство, что де «армейскую и гварнизонную службу служить ему трудно», но отставки нѣтъ; хлопочетъ онъ о ней, шлетъ рядъ писемъ къ Монсу, и наконецъ вкладывается въ одно изъ нихъ цидулку безъ подписи: «о поторомъ дѣлѣ до васъ, моего милостиваго государя, покорное прошеніе мое было, и нынѣ чрезъ сіе паки прошу: сотвори со мною милость, изволь доложить прошеніе неумедля, за что обѣщаю въ презентъ сто червонныхъ; во увѣреніе же сего и т. д.»

Левъ Измайловъ, одинъ изъ втенцовъ Великаго, посланъ былъ по указу на границу китайскую; предъ отъѣздомъ въ дальнюю командировку, Измайлову нужно было обдѣлать кой-какія дѣла; между прочимъ добиться указа на деревни сначала отнятыя, потомъ возвращенныя Петру Измайлову, одному изъ его братьевъ. «Надѣясь быть скоро отпращенъ, — пишетъ проситъ къ нашему герою, — со слезами васъ прошу напомнить милостивое наше мнѣ обѣщаніе, чтобъ мнѣ вѣчно не остаться безо всего въ моемъ бѣдномъ несчастіи. Прошу, батюшка, сотворить милость, дать указъ на деревни... а что вамъ обѣщаль (братъ) тысячу рублей, у меня готова и моя тысяча имѣстѣ; пожалуй, отецъ нашъ, но оставь насъ бѣдныхъ, за что весьма останемся рабами.»

И крупная цифра повторяется въ трехъ письмахъ того же Измайлова, обѣщаніе презента повторяется съ тою же наивною, весьма характеристичною относительно своего времени и общества.

Выше мы сказали, что Монсъ не затруднился мѣшаться даже въ

для духовенства являлся усердным ходатаемъ за тѣхъ пастырей и архипастырей, которыхъ постигало какое-либо бѣдствіе, вродѣ неожиданнаго напразнѣнн знакомства съ тайной канцеляріей и т. п.; подобное поступничество иѣмца, нечего и говорить, было далеко не безкорыстное.

Такъ въ апрѣлѣ 1722 года встряхнулась бѣда надъ архимандритомъ троицко-сергіевой обители Тихономъ Писаревымъ. «Былъ де онъ въ прошлыхъ годѣхъ въ домѣ суздальскаго архіерея казначемъ, — такъ доносилъ келейникъ архимандричій, — и въ ту де свою бытность Писаревъ ходилъ въ покровскій дѣвичъ монастырь съ подносами кланяться неоднократно къ бывшей царицѣ Евдокіи. Называлъ ее Писаревъ царицею, писалъ письма къ бывшему ростовскому епископу Досифею, что разстрига Демилъ, и онъ разстрига къ нему Писареву письма отъ себя писывалъ же» (1).

Словомъ, обвиненіе по тому времени было весьма серьезное; дѣло отзывалось пыткой, ссылкой, быть-можетъ равнѣемъ ноздрей и каторгой; все это казалось тѣмъ скорѣе должно было быть, что отецъ архимандритъ не возмощъ исполнѣ опровергнуть своего келейника. Дѣло протянулось съ годъ; въ это время какъ члены синода, судившіе первоначально Писарева, такъ затѣмъ и инквизиторы тайной канцеляріи передопросили разныхъ лицъ, замѣшанныхъ по суздальскому розыску 1718—1722 годовъ, и составили о нихъ выписку. Почти все они дорого заплатились за свое преступленіе; казалось пречестный архимандритъ не будетъ исключеніемъ; онъ и самъ сознался: «въ покровскомъ дѣвичьемъ монастырѣ у бывшей царицы монахини Елены былъ дважды, руку ея цѣловалъ, видѣлъ ее въ ширскомъ платьѣ, царицей признавалъ и въ священнослуженіи, и въ обществѣ, гдѣ имя благовѣрныхъ царицъ воспоминалось: тутъ и ея бывшей царицы имя, по мнѣнію моему, заключалось; а то мнѣніе держалъ я не отъ вымыслу, но съ простоты... Я же для почтенія послалъ къ ней свѣжихъ щукъ да судаковъ пять рыбъ чрезъ ключаря Федора Пустыннаго, да по присылкѣ отъ нея послалъ къ ней два ушата карасей, паловъ ихъ въ архіерейскихъ прудахъ.»

И при всемъ томъ, столь неумолимые судьи, какими мы знаемъ Петра Андреевича Толстого да Андрея Ивановича Ушакова, нашли: отецъ-де архимандритъ истязанію неподлежитъ, и учинить его изподъ караула свободнымъ, понеже онъ *невиненъ*!

Заглянемъ за кулисы, въ канцелярскія отношенія и протоколы, да мы увидимъ ради чего спина отца архимандрита не обагрилась

(1) Д. Т. К., к. VII д. 19.

кровью, ради чего недовелось ему извѣдать каторги или поменьше мѣръ «тѣснаго нужнаго заточенія» въ Соловкахъ.

Отецъ архимандритъ имѣлъ достаточекъ и кой-какія связи; благодаря тому и другому, онъ ударилъ челомъ Виллиму Ивановичу Монсу 1000 рублями, взятыми впрочемъ изъ монастырской казны, и по его вѣроятво совѣту написалъ слезное моленіе о защитѣ къ Василю Петровичу Поспѣлову. Это былъ любимѣйшій денщикъ государя; онъ могъ бы и ходатайствовать по разнымъ дѣламъ, «улуча добрый часть», могъ бы и брать за это немалые «посулы», но онъ этого не дѣлалъ. Причинами подобнаго бездѣйствія въ то время, когда все и вся кругомъ брало и обманывало, былъ личный характеръ Поспѣлова: это былъ не столько честнымъ, сколько беззаботнѣйшій, простодушный малый, записной охотникъ, весельчакъ и велий пьяница⁽¹⁾; онъ былъ счастливъ любовью къ нему государя и рѣдко совался съ разными ходатайствами.

Зато онъ и не мѣшалъ другимъ ходатаямъ. За кружками пива и чарками водки, за своими собаками, съ которыми любилъ на досугѣ возиться, Поспѣловъ не видѣлъ разныхъ своекорыстныхъ происковъ Монса; такъ и въ дѣлѣ о архимандритѣ Писаревѣ, не столько раднѣемъ Поспѣлова, сколько ловкостью Виллима Ивановича, оживленнаго немалымъ презентомъ, приговоръ состоялся совершенно милостивый. Любопытно, что камеръ-юнкеру недовелось воспользоваться архимандричьимъ подносомъ. Деньги были взяты отцомъ Тихономъ изъ монастырской казны; тамъ скоро хватились ихъ, и перепуганный Балкъ, свѣдавъ о томъ, писалъ Виллиму Ивановичу: «Объявляю вамъ, что троцкой у меня былъ, вы знаете кто, и хочетъ, чтобъ ему назадъ было отлавно, для того что большіе у него того спрашиваютъ, кулы онъ то спряталъ, ибо онъ изъ той суммы взялъ. Онъ зѣло боится и можетъ-быть, что онъ скажетъ, и просить на двѣ недѣли сроку, а васъ просить для-бога, чтобъ скорѣе ему отдали, понеже ежели старики свѣдаютъ, то они тотчасъ царю скажутъ. И для того я я васъ прошу. Доношу вамъ, что у него все взято, что онъ имѣетъ (за) душою и тѣломъ, и онъ васъ просить, что ежели вы можете ему вспомоши, то помогите.»

Тотъ не торопился вспомогать: жаль было разстаться съ деньгами, а между тѣмъ «старцы наибольшіе» сильно поприжали отца

(1) Берггольцъ, I. 56, 57; II. 304; III. 78, 127, 135, 220. Въ комнатахъ Петра висѣла картина работы знаменитѣйшаго въ то время живописца Данненгауера, на которой изображенъ былъ Поспѣловъ (человѣкъ весьма невзрачный) во весь ростъ, нагой, въ позѣ фехтующаго. Картина эта, по замѣчанію Берггольца, сдѣлана была потому, что царскій фаворитъ отличался необыкновенно сильнымъ развитіемъ мускуловъ.

Тихонъ заврѣсами недостающихъ денегъ. Положеніе жъ дѣлашаго вѣтку, и принявшихъ было шекотливое: дѣло могло получить огласку, дойдетъ до государя... и въ страхѣ при одной мысли о подобномъ несчастіи, Петръ Балкъ вновь пишетъ къ дядюшкѣ: «Я васъ для-бога прошу, отпишите о деньгахъ, гдѣ мнѣ ихъ взять? А матушка (Матрена Балкъ) уже деньги отдала ⁽¹⁾, только не знаетъ гдѣ на васъ занять, понеже я слышалъ, что они уже ищутъ куда онѣ деньги спрятали, и какъ онъ такъ въ милость пришелъ, что вы за него стоите? И они не что догадываются и хотятъ прямо вѣдать, и хотятъ прямо объявить. Вы вѣдаете, что сіе зѣло худо. Еще есть время, ежели вы ко мнѣ указъ пришлете, гдѣ мнѣ деньги взять? Я васъ прошу для-бога не мѣшайте и сдѣлайте поскорѣе, понеже онъ самъ мнѣ говорилъ, что «ежели де я вскорѣ не получу, то я не знаю, какъ мнѣ отвѣтствовать». И онъ говоритъ, что они его будутъ столько мучить, что онъ принужденъ будетъ правду сказать. И то не добро будетъ. Того ради сдѣлайте поскорѣе для-бога. Не имѣетъ ли Шепелевъ здѣсь денегъ отъ императрицы, то вы пришлите указъ... Прошу не оставьте своимъ письмомъ... какъ-то дѣло происходить? Вы, дядюшка, можете разумѣть, о чемъ я съ вами говорю.»

Дядюшка дѣйствительно выразумѣлъ, что дѣло зѣло не добро, и деньги были возвращены; отецъ архимаваритъ обѣщалъ возаратить ихъ черезъ двѣ недѣли съ 500 руб. прибавки. Выполнилъ ли онъ обѣщаніе — не знаемъ; извѣстно же то, что Монсъ общѣ съ сестрой и племянникомъ брались перевершать и вершить дѣла такія, какія не рѣшался даже чинить сенатъ, «понеже учинило бы то въ городѣ конфузію» ⁽²⁾.

Холатайства государынинаго фаворита до такой степени вызывали довѣріе къ его силѣ со стороны многихъ персонъ высокаго сана, что ростовскій архіерей, членъ святѣйшаго синода, Юрій Дашковъ по смерти Стефана Яворскаго рѣшился обратиться къ Монсу въ слѣдующую въ высшей степени оригинальную просьбою; она написана была въ видѣ письма, но безъ подписи, и дошла до насъ несполнѣнъ:

«Милостивой мой благоворитель — писалъ преосвященный Георгій — Виллѣмъ Ивановичъ! Понеже я вашимъ снисхожденіемъ обремененъ, того ради покорне прошу, не оставьте нашего прошенія въ забвеніи: первое, чтобъ въ синодѣ быть вице-президентомъ...»

(1) То-есть отдала вѣтку, особо полученную ея отъ архимаварита Тихона.

(2) Письма Петра Балка къ Монсу.

... мнѣ въ семь самая нужда на Крутицы... весьма надобно. А что вѣсь такъ трудую, и въ томъ не зарите, повѣсь сими часы готовить въ докладъ, а какъ вы понаволите упередить, то впрелд трудно будетъ дѣлать, ежели кому иному здѣлать. Пожалуйста потрудитесь сими часы.» Письмо отослано на двухъ дорожныхъ чалыхъ лошадакахъ, которыя и оставлены въ видѣ дружескаго презента на конюшнѣ Монса.

Послѣ подобнаго пастырскаго приниженія прелѣ нѣмцемъ «моделей породы» было бы странно удивляться молодымъ приворваннымъ, взрослымъ уже въ тлетворномъ воздухѣ полуевропейскаго, полуазиатскаго двора, — было бы странно, говоримъ мы, удивляться ихъ «забѣжкамъ» и «закискиваніямъ» въ Монсѣ. «Ранги», «жалованья деревни» и разныя «вазлготности» были слишкомъ большимъ соблазномъ для птенцовъ; устоять противъ него было трудно людямъ, усвоившимъ съ пороками отцовъ всю «нечисть», занесенную нѣмцами-проходимицами...

Вотъ прелѣ нами нѣсколько подобныхъ сподвижниковъ.

Князь Андрей Черкасскій, вопреки указамъ, отвиливаетъ отъ службы, хочется ему побарствовать въ своихъ вотчинахъ, и онъ «молить милостиваго патрона подать ему руку помощи». А чтобы руна протянулась охотнѣе, заказываетъ для Монса дорогую бахрму (вѣроятно для кафтановъ), отыскиваетъ и шлетъ въ поларокъ прекраснаго шехоходца съ своими занасами и проч.

Михайлъ Головкинъ, будущій кабинетъ-министръ, въ настоящее время бывшій резидентомъ въ Берлинѣ, дѣлаетъ для Монса разныя закупки, высылаетъ ему нарки и т. п. вещи.

Князь Никита Юрьевичъ Трубецкой, молодой человекъ въ то время, никакъ не проситъ Виллима Ивановича показать къ нему свою милость — испросить у ея величества... «чтобы пожаловать меня въ оберъ-офицеры въ преображенскій полкъ... за что я со всею нашею фамиліею вамъ, государю моему, служить до смерти обязуюсь» (1).

Князь Михайло Блосельскій, морякъ, «не почувствовалъ даже себя съ радости», когда узналъ изъ письма Монса о своемъ произшествіи въ новый чинъ: «и то признаваю, — отвѣчалъ онъ «батюнкѣ» Виллиму Ивановичу, — въ этомъ мѣмъ повышеніи вѣсь одно милостивое ко мнѣ стараніе явилось, безъ котораго бы ни въ два года нежелованъ не былъ бы.»

(1) Это тотъ самый Трубецкой, который впослѣдствіи, въ 1743 году, обще съ Иваноымъ и Лестокомъ приговорилъ родную племянницу Монса, Наталью Лопухину, къ вырзанію языка, колесованію и къ выставкѣ ея трупы на помѣсть.

Съ просьбамъ о чинѣ обращается къ Монсу Владимира. *Шереметевъ*: онъ обижень тѣмъ, что товарищи не хотятъ признавать за нимъ рангъ генералъ-майора безъ балотировки, почему и проситъ, «дабы черезъ васъ внушено было государыни о моей обидѣ, и чтобы ея величество» и проч.

У того же величества просить похлопотать опытный интриганъ Петръ Михайловичъ Бестужевъ-Рюминъ: ему хочется «титулъ тайнаго совѣтника», «за которую вашу, моего государя, милость — писать онъ Монсу — доколѣ живъ, служить во всемъ къ вашему удовольствію буду» ⁽¹⁾.

Просьба честолюбиваго гофмаршала митавскаго двора повторяется въ четырехъ сряду письмахъ! Съ петровскаго времени табель о рангахъ явилась привлекательной лѣстницей, на которую съ горячностью, заслуживающей лучшей цѣли, поползло все служилое сословіе.

Кормить и холить лошадей общаго «патрона» князь Андрей Вяземскій, съ тою цѣлью разумѣется, чтобы патронъ «сохранилъ по своей милости отъ всякаго на него проноса предъ ея величествомъ, такъ какъ у него, князя Вяземскаго, надѣянія болѣе нѣтъ, какъ на его милость Виллима Ивановича.» (Вяземскій вѣдалъ однимъ изъ имѣній государыни).

Но лучшимъ типомъ всѣхъ «снодвижниковъ» Петра, подвизавшихся въ проискахъ и заискиваніяхъ, служитъ Артемій Петровичъ Волынский. Молодой гвардейскій солдатъ въ 1700 годахъ, онъ въ 1745 году въ чинѣ подполковника былъ посланникомъ въ Персію, а въ 1748, на тридцатомъ году отроду, былъ генералъ-адъютантомъ государя и губернаторомъ Астрахани. Волынскій безспорно былъ человѣкъ не изъ людинахъ, способный, энергическій, вполне обвѣанный духомъ новаго времени, а слѣдовательно далеко не дурной интригъ и стремленій выкопать яму ближнему и на его разбитомъ счастьи построить свое собственное ⁽²⁾. Тщеславный, честолюбивый, онъ любилъ интриговать и ужъ съ этого времени сталъ извѣстенъ за «смутника». Честолюбіе было главною пружиною всѣхъ дѣйствій Волынскаго; желаніе выдвинуться впередъ, сдѣлать нечто

(1) Готовность эта осуществлялась на дѣлѣ до того, что Монсъ чрезъ гофмаршала заказывалъ себѣ въ Митавѣ башмаки. Бестужевъ брался наблюдать, чтобы сапожникъ не смѣшалъ колодки, чтобы башмаковъ было сдѣлано неменьше дюжины и проч.

(2) Блестящую и вѣрную характеристику Волынскаго представляетъ *И. Н. Шмидтъ* въ биогр. очеркѣ: «А. П. Волынский», ч. I, стр. 468—469.

было настало блестящую карьеру руководило всеми его и хорошими и дурными поступками. «Надобно, когда счастье идет, не только руками, но и ртомъ хватать и въ себя глотать», говаривалъ Артемій Петровичъ, и вѣрный своей цѣли, все-таки старался имѣть въ сильномъ фаворитѣ государыни «сердечнаго и наивѣрнѣйшаго друга и брата». И немудрено: этотъ «другъ и братъ» спасалъ его отъ разныхъ бѣдъ, выставлялъ его дѣйствія въ лучшемъ свѣтѣ, дѣлалъ «напамятованія» о наградахъ и проч. Вызывалось это радѣніе у корыстнаго нѣмца не одними комплиментами со стороны Артемья Петровича, но и разными услугами и болѣе или менѣе цѣнными подарками; вообще найденныя нами письма Волынскаго къ Монсу — матеріалъ далеко не безынтересный для характеристики типической личности будущаго кабинетъ-министра, любопытнымъ въ тоже время и для знакомства съ фаворитомъ Екатерины (1).

Волынской пріѣхалъ въ Петербургъ въ декабрѣ 1718 года; какъ человѣкъ близко знакомый съ внутреннимъ состояніемъ Персіи и отношеніями какъ ея, такъ и кавказскихъ народовъ къ юговостоку Россіи, Волынской, по мнѣнію Петра, былъ очень пригоденъ на посту астраханскаго губернатора; вотъ почему государь требовалъ скорѣйшаго его отъѣзда. Мы уже видѣли какъ тяжело было Артемью Петровичу разстаться съ дворомъ, среди котораго ему, бойкому, ловкому, красивому и остроумному генералъ-адъютанту, несравненно легче было пожать и чины и награды, нежели въ прикаспійскихъ степяхъ. Надо было однако покориться; прель государемъ отдѣлываться отъ службы, и притомъ человѣку для него «потребному», было трудно, и вотъ, скрѣпя сердце, Волынской пишетъ (изъ Москвы) къ «другу и брату»: «... далъ 7 числа сего мѣсяца (февр. 1721 г.) не буду мѣшкать и бросаю все, поѣду всеконечно... а здѣсь живучи, уже отъ страха сердце надсѣлось... Прости, мой батюшка, другъ мой Виллимъ Ивановичъ, прошу васъ, ежели буду живъ, не оставить, а буде умру, поминать...» Но готовясь принять смерть въ ненавистой ему Астрахани, Волынской проситъ доложить государыня, что онъ подарилъ въ ея можайскіи вотчины для завода «изрядныхъ жеребцовъ».

Въ обѣщанный «терминъ» — 7 февраля — Волынской не выѣхалъ, и еще два дня спустя «доносилъ» Монсу, «только тайно», объ астраханскихъ вѣстяхъ, будто идутъ къ «Терку незваные гости, кото-

(1) Мы помѣщаемъ эти письма въ Приложеніи № VIII: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12 и 13; здѣсь остановимся только на мѣстахъ болѣе характеристичныхъ.

рыхъ хотя не хочется, однакожъ встрѣчать наобно, ибо оставить нельзя, чтобъ не потчивать»; жалуется, что для этого потчиванья въ его распоряженіи будетъ не болѣе 3,000 противъ 30,000; просить похлопотать о присылкѣ ему войска, о поднятіи въ подмогу адимцовъ, но будетъ ли или нѣтъ «ко мнѣ прибавокъ», «но не иттить (мнѣ) невозможно и пойду конечно, хотя пропаду; а то причтутъ, что у меня матушкино сердце, котораго во мнѣ и съ робятскихъ лѣтъ не бывало.»

Съ худо скрытымъ недовольствомъ явился Волинскій въ свой палаткѣ; нѣтъ ничего удивительнаго, что все представилось ему въ самомъ дурномъ видѣ, и быть-можетъ дѣйствительно дурное, — онъ не полѣнился росписать докладчику государыни въ самыхъ черныхъ краскахъ. Судя по его письму (отъ 23 іюня 1721 г.), Астрахань была въ то время пустою и совсѣмъ разоренною; стѣны крѣпости во многихъ мѣстахъ развалились, башни были близки къ паденію; въ пяти полкахъ гарнизона едва набралось 2,000 годныхъ фузей, «драгунскихъ лошадей по табелю только одна, а мушкетровъ какъ на драгунахъ, такъ и на солдатахъ ни на одномъ» и проч. описывалось въ томъ же родѣ. Такого рода описаніе дѣлалось разумѣется не безъ того, чтобъ представить собственные труды затруднительнѣе, а результаты ихъ блестящими: «поистинѣ, — восклицалъ Волинскій, — что ни вижу, все наобно вновь дѣлать! И такая пришла на меня напасть, что не знаю за что приняться...»⁽¹⁾ Горько жаловался Волинскій, что вотъ де непріятель все разорилъ и пограбилъ около Терка и гребенскихъ казаковъ, «о чемъ какъ въ сенатѣ, такъ и въ коллегіи чаю не одну стопу бумаги измарали, но резолюціи ниоткуда нѣтъ». Губернаторъ убѣдительноше просилъ Монса поторопить кого слѣдуетъ высылкой ему подкрѣпленія, безъ чего ему доводится идти противъ непріятеля съ двумя тысячами кой-какъ обмундированныхъ и вооруженныхъ солдатъ да нѣсколькихъ тысячъ калмыковъ.

Письма Волинскаго вызывали со стороны Монса разныя «дружескія» благодѣянія и Артемій Петровичъ благодарилъ государыню арапомъ съ арапкою и съ двумя арапченками, а фаворита ея — лошадью съ серебрянымъ мундштукомъ и турецкимъ сѣломъ. О своемъ «каторжномъ житѣ» Волинскій доносилъ особымъ прошеніемъ къ государынѣ, въ которомъ излагалъ всѣ свои нужды.

(1) «...Прошу, чтобъ опредѣлить ко мнѣ товарища, — писалъ Волинскій къ Монсу, — понеже какъ вижу нынѣ, что у меня больше дураковъ, нежели умныхъ. И тако съ трудомъ дѣла и при мнѣ будутъ, а ежели мнѣ куда отлучиться, то поистиннѣ некому вручить будетъ; того ради вездѣ возможно ль одною головою все сдѣлать?...» См. Прилож. VIII, 13.

«И притомъ васъ, моего государя и друга — писалъ астраханскій губернаторъ, — прошу оное (челобитье) ея величеству наединѣ вручить. А прочесть быг (ей) Алексѣй Васильевичъ (Макаровъ). Того ради извольте излучить, чтобъ онъ тутъ былъ ⁽¹⁾; а васъ чрезъ бога (т. е. ради бога) прошу показать свою дружескую ко мнѣ милость и въ представствѣ къ ея величеству.» Терскія дѣла кончились удачно; отряды Волынскаго «порубили и въ полонъ побрали сколько смогли, и бродили по болотамъ и по степямъ какъ хотѣли, и такъ счастливо сіюначатую на востокъ компанію окончить, — шутить Волынскій, — а шнаги изъ ноженъ не вынималъ». Изъ взятыхъ трофеевъ Артемій Петровичъ побилъ челомъ Монсу «шераднымъ мальчишкой», а Матрену Балкъ полпудомъ кофе; да и было за что дарить: стараніями Виллима Ивановича, въ январѣ 1722 года состоялся указъ ѣхать Волынскому въ Москву. «И не знаю — отвѣчалъ губернаторъ — какое благодареніе могу принисать, понеже сіе выше моего ума дѣло...» лечу... «истокмо руки, но слѣды ногъ ихъ императорскаго величества... радуюся всеподданнѣйше цѣловать!..» Въ ожиданіи чего носылъ онъ отъ «простоты своего усердія» астраханской дичи: драхвъ, фазановъ и кабаньихъ поросятъ. На лету къ вожделѣнной цѣли съ Волынскимъ случилось несчастье: недоѣзжая Царицына онъ провалился было въ полынью (февраль 1722 г.) и едва спасся; замочилъ весь багажъ, но забылъ всѣ бѣды и убытки (такъ увѣрялъ въ письмѣ къ Монсу изъ Царицына) при мысли о скоромъ свиданіи съ ихъ императорскими величествами и съ нимъ, сердечнымъ братомъ. «Паче другаго убытка — приписывалъ Волынскій — зѣло мнѣ жалъ перуковъ, понеже что было все, тутъ же и любимые ваши два никуда негодятся. Перуки всѣ полиняли, только остались черные, и тѣ безъ глянса. Я васъ, моего друга и брата, прошу потрудиться два перука, тупе и около шолдюжины чулковъ (если у васъ цвѣтныхъ нѣтъ) сыскать. Однакожъ я слышу, что и васъ заставила неволя щеголять, и рубашки уже слышу, что начали вы съ манжетами носить, что за великое удивленіе почитаю, и вовсе не буду вѣрить, нежели глазами моими увижу.» Извѣщая о своемъ несчастіи, Волынскій былъ увѣренъ, что оно будетъ доведено до свѣдѣнія государыни и разумѣется увеличить милость ея къ человѣку жертвующему жизнью, чтобъ только скорѣй пасть къ ея стопамъ; съ меньшей обстоятельностью Волынскій просилъ Монса приготовить ему квартиру въ слободѣ нѣмецкой, чтобъ только быть ближе къ Преображенскому (гдѣ жили въ это время государь съ государыней) «и къ вамъ бы быть ближе».

(1) Виллима Ивановичъ, какъ извѣстно, читать порусски не умѣлъ.

Въ 1723 — 1724 годахъ Волынскому довелось оправдываться предъ государемъ въ разныхъ астраханскихъ его противностяхъ; тутъ-то помощь Монса особенно явилась необходимою, и Монсъ хлопоталъ съ обычнымъ усѣхомъ за друга-дарителя... Но особенно сторицею вознаградились Монсу услуги царицы Прасковьи. Читатели наши безъ сомнѣнiя помнятъ, какъ глубоко потрясена была старушка ссылкой ея любимца Василя Алексѣевича Юшкова въ 1723 году; судьба однако въ лицѣ Виллима Ивановича дозволила ей увидѣть Юшкова на свободѣ. Свобода была куплена 2,000 рублями наличныхъ денегъ (изъ нихъ половину далъ Юшковъ); кромѣ ихъ царица подарила Монсу два мѣста подѣ Петербургомъ, близъ Стрѣльны; мѣста эти вытягивались вдоль морского берега по тысячѣ сажень въ длину да по сотнѣ въ ширину, и съ пашнею, лѣсомъ, сѣннымъ покосомъ и всѣми угодами отошли въ вѣчное владѣнiе Виллима Ивановича, а промежъ тѣхъ мѣстъ въ срединѣ стоялъ дворъ, также подаренный ему царицей, и на томъ дворѣ было разное строенiе. Юшковъ кромѣ денегъ поднесъ своему освободителю серебряный сервизъ.

Мы не перечисляемъ всѣхъ поборовъ Монса, такъ какъ къ этой статьѣ его доходовъ еще возвратимся, но замѣтимъ тутъ, что не всѣ имѣвшiе нужду въ Монсѣ рѣшались «утруждать» его просьбами: съ теченiемъ времени и съ возрастанiемъ своей силы, камеръ-юнкеръ дѣлался разборчивѣе, вступался не за всякаго, то-есть льстился не на всякой презентъ, и тогда нуждающiеся въ немъ прибѣгали къ посредству его родственниковъ. Матрена Ивановна Балкъ, ея сынъ Петръ Федоровичъ, ея зять Степанъ Васильевичъ Лопухинъ, товарищи дѣтства Монса—Густавъ Функъ да докторъ Брейтингамъ—всѣ эти лица составляли тѣсный кружокъ довѣреннѣйшихъ лицъ Виллима Ивановича. Кружокъ дѣйствовалъ согласно, преслѣдовалъ общiе интересы; члены его помогали другъ другу совѣтами, указанiями, предостереженiями, деньгами, всѣмъ, что отъ нихъ зависѣло и въ чемъ настояла нужда.

Монсы обставили себя при дворѣ какъ нельзя лучше: такъ напримѣръ Матрена Ивановна, пользуясь большою любовью къ ней государыни, въ то же время дѣйствовала на Екатерину еще чрезъ брата и тѣмъ охотнѣе брала на себя порученiя разныхъ аристократовъ; хлопоты эти оплачивались... Приведемъ два письма ея къ брату; они свидѣтельствуютъ, что Матрена Ивановна никакъ не хотѣла остаться въ сторонѣ отъ разныхъ порученiй: «Любезный братецъ,—писала она къ Монсу,—Петръ Салтыковъ посылаетъ къ тебѣ своего слугу и проситъ ради-бога похлопотать объ его имѣнiи; его туда не пускаютъ; сдѣлай пожалуйста все, что только возможно,

потому что старая императрица (т. е. царица Прасковья) хочет взять имѣніе себѣ и Олсуфьевъ (исполняя ея желаніе) посылалъ уже туда приказчиковъ; чтобъ силой завладѣть имѣніемъ Салтыкова.»

«... Князь Алексѣй Григорьевичъ Долгорукій меня просилъ, — писала Матрена въ другомъ письмѣ, — чтобы я къ тебѣ написала о немъ и просила бы тебя не оставить его и помочь ему въ его дѣлахъ (князю хотѣлось завладѣть однимъ выморочнымъ имѣніемъ; по дружбѣ онъ ужъ успѣлъ подарить Монсу девять лошадей)... Прошу, любезный братецъ, помоги ему; онъ совершенно на тебя полагается...» и т. п. (1).

Подобное участіе къ дѣлу того и другого вельможи со стороны г-жи Балкъ будетъ понятно, если мы скажемъ, что Салтыковъ подарилъ ей возокъ, а князь Алексѣй Долгорукій коляску да шестерикъ лошадей. Неприводи разныхъ просительныхъ писемъ къ Матренѣ, мы укажемъ только на разнообразіе подарковъ, какими ее осыпали: такъ Долгорукіе — князь Федоръ, княгиня Анна, также жена Василия Лукича Долгорукова; затѣмъ княгиня Черкасская, Строгановъ, Шафировъ, княгиня Анна Голицына, дарили ее: кофеемъ, съѣстными припасами, опахаломъ, атласомъ китайскимъ, балберкомъ; Балкша стала брать еще съ 1714 года деньгами за разные ходатайства предъ государыней, съ которою она, какъ мы видѣли, и тогда была довольно близка; и вотъ Грузинцовы, Красносельцовъ, капитанъ Альбрехтъ, Ржевскій, царевны Прасковья Ивановна, Анна Ивановна, сама царица Прасковья дарила ей суммы денегъ отъ 50 рублевъ до 200 червонныхъ.

Подобнымъ же безкорыстнымъ посредникомъ между челобитчиками и Монсомъ, былъ племянникъ его Петръ Федоровичъ Балкъ; онъ началъ службу въ воронежскомъ полку солдатомъ, за участіе въ баталіи подъ Лѣснымъ сдѣланъ лейтенантомъ, а по взятіи Эльбинга пожалованъ въ капитаны. За «добрые поступки» переведенъ въ лейбъ-гвардіи лейтенанты и съ 1715 года, то-есть годомъ раньше своего дяди, «по указу, употребленъ былъ въ дворовой службѣ при ея величествѣ». Государыня постоянно была ласкова къ Балку и этотъ «весьма красивый и пріятный молодой человекъ», былъ одинъ изъ довѣреннѣйшихъ ея приближенныхъ; она его со-

(1) Къ Митренѣ Ивановнѣ обращались съ просьбами о покровительствѣ и заступничествѣ лица разнаго сословія. Такъ художникъ Ведекинъ просилъ ее, о исходатайствованіи ему прогондръ до С.-Петербурга, куда онъ ѣхалъ по приглашенію императрицы, просилъ приготовить квартиру и исходатайствовать ему покровительство императрицы противъ Дангауера и Монса, которые были недовольны призывомъ его въ столицу. (Письмо изъ Ревеля 20 іюля, 1724 г.)

снатила на дочери одного изъ богатыхъ чиновниковъ своего вѣдомства Палибина. Балкъ обручился, но какъ расчетливый нѣмецъ, и на бракъ смотрѣвшій какъ на аферу, Балкъ сталъ торговаться о приданомъ, не сошолся съ отцомъ невѣсты и бросилъ послѣднюю. Палибинъ съ горечью жаловался Виллиму на «неподобный» поступокъ Балка, но Виллимиъ Ивановичъ не помѣшалъ племяннику жениться на какой-то Марьѣ Полевой, послѣдней въ родѣ (¹); Монсъ выхлопоталъ молодымъ приказъ писаться: «Балкъ-Полевы», былъ очень расположенъ къ нимъ и какъ истый дядюшка, зачастую помогалъ деньгами. Зато и Балкъ слѣпо былъ преданъ Виллиму Ивановичу: все что ни говорилось имъ государынѣ и при дворѣ, о чемъ только ни брался онъ хлопотать, все дѣлалось неиначе, какъ по предварительному сношенію съ дядей. Очень часто Петръ Федоровичъ былъ въ долѣ съ нимъ относительно «презентовъ» просителей, такъ какъ принималъ участіе въ хлопотахъ по этимъ прошеніямъ. И въ письмахъ, и просьбахъ разныхъ лицъ къ Монсу мы безпрестанно находимъ глубокіе поклоны, которые просили Монса передать его племяннику и сестрѣ.

Впрочемъ большая доля хлопотъ Балка была устремлена на то, какъ бы побольше выпросить разныхъ «дворовъ и животныхъ» отъ «премилостивой матери государыни Екатерины Алексѣевны». Преслѣдуя эту цѣль, Петръ Федоровичъ являлъ необыкновенную заботливость и рядомъ писемъ штурмовалъ дядю, вызывая того на совѣты о тѣхъ или другихъ деревняхъ.

«... о которыхъ я вамъ, государь дядюшка, деревняхъ писалъ, есть ли надежда, что пожалуетъ ли онѣя деревни намъ государынѣ; да о которомъ дѣлѣ я писалъ до васъ, а именно о Дубровскомъ, не извольте, государь дядюшка, забыть и показать къ нему милость и пр.»

Прилагались росписи деревень; Петръ Федоровичъ рекомендовалъ въ какихъ мѣстахъ просить, обозначалъ числа дворовъ и проч.; «и о тѣхъ деревняхъ васъ государь дядюшка прошу, чтобъ вы изволили постараться, по своей милости, чтобъ онѣя деревни мнѣ достались бы; пожалуй, государь дядюшка, не оставь моего прошенія, да изволь онѣими челобитными не замѣшкать, чтобъ эти деревни у себя не опустить»... такъ какъ онѣ были въ хлѣбородныхъ мѣстахъ и Балкъ уже успѣлъ о состояніи ихъ навести обстоятельнѣйшія справки. Монсъ разумѣется не упускалъ случая побить челомъ о деревняхъ и животныхъ. Такъ просилъ онъ у государя

(¹) Полева была дѣвушка богатая, красивая и знатная по происхожденію; партія была блестящая.

дворцовую волость въ козельскомъ уѣздѣ, состоящую изъ двухъ селъ и семи деревень; а въ нихъ было 423 двора ⁽¹⁾; такъ былъ онъ челомъ объ отдачѣ ему отписной вотчины Петра Шафирова въ пензенскомъ уѣздѣ Ломовскую слободу, на томъ же основаніи, что она никому еще не отдана и т. д.

Подобными же почти основаніями руководствовалась и сестрица его Матрена Ивановна; прослуживъ въ 1717 — 1718 годахъ, «полтретья года», гофмейстершею при дворѣ Екатерины Ивановны, герцогини мекленбургской, Матрена Ивановна увѣрила, что «одолжалась на этой службѣ многими долгами», ради чего, лишь только принялась подъ крыломъ государыни, неумедлила просить о пожалованіи ей въ уѣздѣ кексгольмскомъ — Питерскаго погоста, которымъ владѣлъ князь Василій Федоровичъ Долгорукій; да въ козельскомъ уѣздѣ три села съ приселками и деревнями и со всѣми угодьями, которыми владѣлъ думный дякъ Артамонъ Ивановъ; да въ дерптскомъ уѣздѣ одну мызу, потому де, что сю владѣли нѣкогда коменданты города Дерпта, а мужъ ея былъ въ этомъ городѣ комендантомъ, да нѣсколько деревень въ Украинѣ, оставшихся отъ раздачи разнымъ лицамъ по смерти владѣльца ихъ полковника Перекрестова и проч. ⁽²⁾. Говорить ли о томъ, что просьба «Modest'yi Balck», ея брата «де Мойца», ея сына и проч. имъ подобныя иноземцевъ не оставались втунѣ. Деревни — съ крестьянскими душами и животами — сотнями шли въ раздѣлку между этими исчадіями преобразовательной эпохи ⁽³⁾.

Въ виду подобныхъ порабощеній разными нѣмцами и нѣмцами — православнаго народа, въ виду этого наплыва новой татарщины только не съ востока, а съ запада, не имѣлъ ли права вопіять народъ: «пришельцевъ иновѣрныхъ языковъ щедро и благоутробно за сыновленіе себѣ воспріяли и всѣми благими ихъ наградили, а хри-

⁽¹⁾ Каб., II пол., т. LVIII, л. 18; LXV, л. 163, 253.

⁽²⁾ Каб., II пол., кн. LVIII, л. 528, 529, 306, 368.

⁽³⁾ Панегиристы Петра, вродѣ извѣстнаго Нартова, въ доказательство отличнаго правосудія преобразователя приводятъ между прочимъ то, будтобы онъ отмѣнилъ же стокое «звѣтское обожновеніе» лишать имѣнія тѣхъ наследниковъ, концы отцы учинили измѣну или иную вину противъ государя и тѣмъ заслуживали одни только праведное наказаніе: «Государю зазорно обогащаться, — разсуждалъ Петръ по правосудію и своему великодушію, — зазорно обогащаться стяжаніемъ подданнаго и невиннаго семейства его лишать имущества и пропитанія. Невинность возопіетъ къ Богу.» *Партоевъ*. Москва, 1842 г. № 11. — Но на разсужденіяхъ, какъ кажется, дѣло и останавливалось; никогда такъ не было много конфискацій, какъ при Петрѣ-великомъ; «невинность вопіяла», а доморощенные и заѣзжіе птенцы нещадно клевали и растаскивали изъ-подъ когтей орла — дворы, деревни, села, цѣлыя волости «отписныхъ» имѣній.

стѣна бѣлашъ бычюи на правѣжахъ и съ податей своихъ голодомъ поморили, до основанія всѣхъ разорили и отечество наше пресловущія грады и драгія винограды, рѣкше святыя церкви, опустошили, и что иное рещи и писанія неудобно извести, удобнѣе устною сдоимъ ограду положить, но вельми... сердце болитъ, видя опустошеніе... и людѣ въ бѣдахъ явленъ нестерпимыми язвами...»

Нестерпимо было народу, зато въ веселіи, довольствѣ и счастіи проводили вѣкъ свой баюючи счастія. Такъ въ 1723 году мы видимъ нашего героя владѣльцемъ богатыхъ имѣній, онъ неотлучно при дворѣ, въ домъ его идетъ большая дача изъ дворца всевозможныхъ запасовъ: муки разныхъ сортовъ, крупъ, гороху, соли, солоду, ветчины, овса, сѣна, дровъ, вина бѣлаго и краснаго, водки; богатоубранный домъ его по Мойкѣ полонъ, какъ чаша, всякихъ благъ; на его конюшнѣ стоятъ до тридцати прекрасныхъ аргамаковъ и дорогихъ кобылицъ; въ его покояхъ прислуживаетъ двадцать человѣкъ, и кромѣ того къ его услугамъ всегда готовы конюхи, кучера, повара, приказчики и управляющіе государыни; онъ ни въ чемъ себѣ не отказываетъ: списки его покупокъ весьма длинны, итоги издержекъ по своему времени громадны: онѣ доходили иногда до четырехъ тысячъ рублей, издержанныхъ на бархаты, шолковыя матеріи, пуховыя шляпы, башмаки, позументы, конфеты и т. п. произведенія роскоши (1).

Среди богатства и счастья встрѣтилъ счастливый фаворитъ Екатерины новый 1724 годъ; со стороны его друзей и знакомыхъ раздавались лъстивыя поздравленія да пожеланія, «дабы вышній благословилъ (насъ) сей наступающій годъ и впредь много лѣтъ во здравіи, счастливо препроводить»... Монсъ былъ озабоченъ въ это время приготовленіями къ величайшему торжеству своего «высокаго свѣтила»: Петръ Андреевичъ Толстой чуть не съ каждой почтой писалъ къ Монсу изъ Москвы о своихъ хлопотахъ по устройству предстоящей коронаціи Екатерины, спрашивалъ о тѣхъ или другихъ покупкахъ, просилъ совѣтовъ, приказаній, инструкцій (2); люди Монса уже отирались въ Москву съ его вещами: ему приготовили хоромы въ селѣ Покровскомъ, въ домѣ ея величества; разные лица били ему челомъ о «напоминаніяхъ» государынѣ во время коронаціи, о разныхъ милостяхъ (3), словомъ камеръ-юнкеръ былъ въ апогее

(1) Реестръ годовыхъ припасовъ и питій В. И. де-Монсу; реестръ лошадямъ его; реестръ людямъ Виллима Ивановича и т. п. его бумаги.

(2) Письмо П. А. Толстого къ Монсу (въ прилож. X. 1, 2); письмо Литвинова отъ 27 дек. 1723 г. и проч.

(3) Между прочими просила жена Шафирова: приданое и пожитки ея были описаны по дѣлу мужа и она молила о возвращеніи ихъ.

своего счастья, новый годъ весело улыбался ему, ни одной тучки не было на его горизонтѣ... Оставляя Монса самоуслаждаться счастьемъ и льстить себя сладкими надеждами на предстоящія награды и отличія, обратимся къ источнику его фортуны, къ супругу Петра-великаго.

V

ЕКАТЕРИНА АЛЕКСѢВНА

(1717—1723)

Отношенія Петра къ Екатеринѣ оставались прежнія: вѣжная заботливость, ласка, любовь со стороны Петра, и шутливое выраженіе любви со стороны Екатерины — вотъ общій тонъ переписки ихъ съ 1717 по 1723 годъ ⁽¹⁾. Государь съ самаго начала этого времени, еще въ январѣ 1717 года, жаловался на свою недужность, на обыкновенное безсиліе да чечной; Петръ чувствовалъ, что старѣеть, что нравиться женщинѣ, почти на-половину его моложе — дѣло трудное, и вотъ въ виду этого обстоятельства, едвали для него пріятнаго, онъ чаще и чаще сталъ трунить и надъ своей фигурой, и надъ своими годами: «Благодарствую за присылку: портреты, а не хари; только, жаль, что стара; присланной — кто говорилъ — племянникъ, а то-бъ мочно за сіе слово наказанье учинить; также (благодарю) и за лекарство»... «Сіе письмо посылаю (27 іюня 1719 г.), чтобъ поспѣло позавтрее къ вамъ къ именинамъ вашего старика.» Или: «Сожалѣю, что розна празднуемъ (годовщину полтавской битвы), также и позавтрешній день святыхъ апостолъ, — старика твоего именины и шишечки» (Петра Петровича) и т. д. Скука по-прежнему неминуемо сопровождала у него разлуку съ женой: «...а что ты пишешь ко мнѣ, чтобъ я скорѣе пріѣхалъ, что вамъ зѣло скучно, тому я вѣрю; только шлюсь на доносителя, каково и мнѣ безъ васъ (въ Спа, 1717 г.)... когда отопью воды, того же дня побѣду... дай-богъ въ радости видѣть васъ, что отъ сердца желаю...» Также тоска разлуки томить государя, пять лѣтъ спустя: «дай-боже васъ видѣть въ радости, а безъ васъ скучно очень.» «Я бы желалъ, чтобы и вы... были, — приглашаетъ Петръ Екатерину въ Петергофъ, — ежели вамъ нетрудно (государь уже не приказываетъ, какъ

(1) Переписка имп. Петра I съ государынею Екатериною Алексѣевною, изд. Комиссіею почт. госуд. грамотъ и договоровъ. М. 1861, стр. 60—141 и 157—166.

прежде, а просить); и лучше бы позавтрее туда прямо проѣхали, понеже лучше дорога, нежели отъ Питергофа, которая зѣло трудна; а пустить воду (изъ фонтановъ) безъ васъ нехочется...» «Хотя сдѣла-ва-богу все хорошо здѣсь (близъ Ревеля, іюль 1723 г.), только безъ васъ скучно, и для того на берегу не живу» и проч.

Съ обычнымъ законизмомъ въ письмахъ извѣщаетъ Петръ «сердешнишкаго друга» о впечатлѣніяхъ, выносимыхъ имъ во время непрерывныхъ переѣздовъ своихъ съ мѣста на мѣсто, въ особенности въ бытность свою заграницей. Такъ онъ дѣлится замѣчаніями насчетъ видѣнныхъ садовъ, крѣпостей и гаваней, великой бѣдности «людей подлыхъ» (во Франціи), сообщаетъ разныя реляціи о битвѣ австрійцевъ съ испанцами, о побѣдѣ своего адмирала надъ шведскимъ флотомъ, высказываетъ желанія по поводу воспомина-нія о той или другой побѣдѣ, того или другого событія, словомъ — важное и неважное, дѣло и думы, все сообщается супругѣ. Какъ хозяйкѣ своей, онъ дѣлаетъ порученія прислать то ту, то другую вещь, — портретъ свой, чертежъ корабля, фрукты, разные запасы; въ особенности часто проситъ «крѣпиша», т. е. водки, «армитажа» (вино); поручаетъ озаботиться о починкѣ корабля или сдѣлать постели на новое морское судно (предъ скорымъ свиданьемъ, іюль 1717 г.), съ англійскими матрасами, «и чтобъ не богаты были постели, да чистеньки»; напоминаетъ объ устройствѣ пирушки, ради семейнаго праздника или годовщины викторіи. Недужный «старикъ», Петръ продолжалъ осыпать свою Катериночку подарками, не столько цѣнными, сколько выражавшими его любовь къ ней и вниманіе. То онъ шлетъ попугаевъ, канареекъ, мартишку, разныя деревья; то посылаетъ изъ Брюсселя кружева, съ просьбой прислать образецъ, какіе имена или гербы въ оныхъ дѣлать, — а та, какъ женщина исполненная большого такта, проситъ его въ отвѣтъ заказать на кружевахъ ихъ общій вензель; вслѣдъ за кружевами посланъ изъ Кале другой подарокъ — «карло-французенинъ»: «извольте его въ призерѣніи имѣть, чтобъ нужды не имѣлъ»; изъ ревельскаго дворцоваго сада отправлены Петромъ цвѣты да мята, что сама садила Катериночка. «Слава-богу — замѣчаетъ при этомъ нѣжный старикъ (1719 г.) — все весело здѣсь; только когда на загородный дворъ пріѣдешь, а тебя нѣтъ, то очень скучно... «И у насъ (въ Спб.) гулянья есть довольно — поэтизируетъ въ отвѣтъ Катериночка устами своего секретаря: — огородъ (т. е. садъ) раскинулся изрядно и лучше прошлогоднего; дорога, что отъ полатъ, кленомъ и дубомъ едва не вся закрылась, и когда ни выду, часто сожалею, что не вмѣстѣ съ вами гуляю. Благодарствую, другъ

мой, за презентъ (за цвѣты и мятѹ). Миѣ это не дорого, что сама сѣдила: то миѣ пріятно, что изъ твоихъ ручекъ... Посылаю къ вашей милости здѣшняго огорода «фруктовъ... дай-боже во здорѡвье кушать!»

Неменѣе вѣжными голубками являлись державные супруги при свиданіи. Вотъ зайдите напримѣръ въ палату къ государынѣ. Докторъ Арескинъ показываетъ ей оныя: онъ вытягиваетъ изъ-подъ хрустальнаго колокола воздухъ; подъ колоколомъ трепещется ласточка. — «Полно, не отнимай жизни у твари безвредной! говоритъ государь: она не разбойникъ..» — «Я думаю дѣти по ней въ гнѣзѣхъ плачутъ», добавляетъ «Катеринушка», беретъ ласточку и вынуждаетъ ее въ окно... «Не изъявляетъ ли сіе мягкосердія монаршаго даже до животной птички? восклицаетъ одинъ изъ панегиристовъ: — колыма жъ паче имѣлъ Петръ сожалѣніе о человѣкахъ!..» А между тѣмъ подъ воркованье голубковъ и одновременно съ подвигами мягкосердія державныхъ супруговъ идетъ дѣло царевича Алексѣя, а затѣмъ производятся московскіе и суздальскіе розыски... Воркованье со стороны «сердешнаго друга» сопровождалось гостинцами и пересыпалось обычными шутками; между гостинцами были апельсины, цитроны (ими, какъ мы видѣли, любилъ угощать Петра и первый другъ его сердца), «крепкишъ съ племянникомъ» (волка), причемъ предписывалось пить помалости, ради недужности любезнаго батюшки. «И то правда, — отвѣчалъ Петръ, — всего болѣе пить въ день не пью, а крѣпиша по одной или по двѣ, только не всегда: иное для того, что сіе вино крѣпко, а иное для того, что его рѣдко. Окончиваю, что зѣло скучно, что... не видимся (Спа, 1717 г.). Дай-боже скорѣе! При окончаніи сего (письма) пьемъ по одной про ваше здорѡвье...» «И мы — отвѣчаетъ Екатерина — «Ивашку Хмѣльницкаго не оставимъ», т. е. выпьемъ про ваше здравіе. Хозяйка посылала не всегда одно вино да водку: она посылала клубнику и разные запасы, какъ-то сельди; дарила рубашки, галстуки, шлафроки, камзолъ; общала — ежелибъ былъ при ней хозяинъ, «то бѣ новаго пищеньку здѣлала бы». — «Дай-боже, — восклицалъ въ отвѣтъ тотъ, — чтобъ пророчество твое сбылось!».. «Однакожъ я чаю, — пишетъ Екатерина (апрѣль 1717 г., изъ Амстердама), — что вашей милости не такъ скучно, какъ намъ; ибо вы всегда можете Доминъ понедѣльникъ тамъ (во Франціи) сыскать, а намъ здѣсь трудно сыскивать, понеже изволите сами знать какіе здѣсь люди упрямые...» Достоинно вниманія, что *подобнаго рода* шутки со стороны Екатерины, какъ-то заявленія мнимой ревности и т. п., особенно часто стали повторяться съ 1717 года.

«Хотя и есть, чаю, у васъ новыя портомоа, — пишеть она въ маѣ сего года, — однакожъ и старая не забывается...» — «Другъ мой, ты, чаю, описалась (о портомоѣ), понеже у Шаширова то есть, а не у меня: сама знаешь, что я не таковой, да и старъ...» а «Понеже во время питія водъ — отшучивался между прочимъ государь — домашней забавы доктора употреблять запрещаютъ, того ради и матрису свою отпустилъ къ вамъ...»

«...а я больше мню, что вы оную (матресишку) изволили отпустить за ея болѣзнию, въ которой она и нынѣ пребываетъ, и для леченія изволила поѣхать въ Гагу; и не желала бъ я, отъ чего боже-сохрани, чтобъ и галантъ (любовникъ) той матресишки таковъ здоровъ пріѣхалъ, какова она пріѣхала.»

«Дай-богъ мнѣ, дождавшись, — ласкается Екатерина (въ 1719 г.), — вѣрно дорогимъ называть старикомъ, а нынѣ же дризнаю, и наирасно затѣяно, что старикъ: ибо могу поставить свидѣтелей — старыхъ посестрей; а надѣюсь, что и вновь къ такому дорогому старику съ охотою сыщутся» и проч., въ томъ же родѣ.

Въ какомъ отношеніи интересна дошедшая до насъ переписка Петра съ Екатериной относительно исторіи злополучнаго Алексѣя? Есть ли въ ней какія-нибудь указанія на тѣ злые наговоры мачихи, въ которыхъ винилъ ее самъ страдалецъ-царевичъ? Въ извѣстныхъ до сихъ поръ цидулкахъ Екатерины невиднo подобныхъ козней противъ пасынка, но зато о немъ почти и не упоминаетъ царяца: а ужъ и это знакъ недобрый, являющій если не ненависть ея, то полное нерасположеніе къ царевичу; зато своего «пишечку» Петра Петровича она постоянно называетъ «с. петербургскимъ хозяиномъ», забывая, что въ той же столицѣ есть первенецъ сынъ Петра, за которымъ и должно бы было быть это названіе. Итакъ, если не содержаніе, то тонъ, характеръ переписки Петра съ женой немаловаженъ между прочимъ и для исторіи Алексѣя: въ общемъ тонъ писемъ слышна необыкновенная любовь государя къ женѣ, болѣе и болѣе обхватывающая его мощную душу, любовь, которая вела его на всѣ жертвы ради любимой женщины.

И жертвы, чисто въ духѣ Петра, закладываются съ февраля 1718 года.

Одна-изъ процесій осужденныхъ нѣкогда важнѣйшихъ лицъ петровскаго синклита слѣдуетъ въ Петербургъ гремя цѣлыми и поражаая встрѣчныхъ истерзанными своими фигурами... Впереди идетъ монархъ и плетъ цидулку:

«Екатериனுшка, другъ мой сердешнишкой, здравствуй! Объявляю тебѣ, чтобъ ты тою дорогою, которою я изъ Новагорода ѣхалъ, отиудъ не ѣздила, понеже ледъ худъ, и мы гораздо съ нуждою проѣзжали и одну ночь принуждены ночевать. Для чего я писалъ, двадцать верстъ отъѣхавъ отъ Новагорода, къ коменданту, чтобъ тебѣ велѣлъ подводы ставить старою дорогою. Петръ. Въ 23 д. марта 1718 г.»

Съ одной стороны страшная жестокость, съ трудомъ оправдываемая духомъ времени, современнымъ законодательствомъ, еще труднѣе — государственными цѣлями; съ другой — тотъ же характеръ являетъ черты нѣжности, необыкновенной предупредительности и любви, обратившейся въ глубокую и сильную страсть. Въ виду этого нельзя не признать въ Петрѣ, вслѣдъ за его панегиристами, характеръ полного драматизма, характеръ цѣльный, мощный, заслуживающій вниманія и изученія. И съ какимъ тактомъ примѣняется къ нему «сердешный другъ». Петръ сказалъ сына, скасовалъ и скасовываетъ его сторонниковъ — и вотъ Екатерина отводитъ взоръ его, отуманенный кровью, на картинку семейнаго счастья: «прошу, батюшка мой, обороны отъ Піотрушки (в. кн. Петръ Петровичъ), понеже немалую имѣетъ онъ со мною за васъ ссору, а именно за то, что когда я про васъ помяну ему, что папа уѣхалъ, то не любитъ той рѣчи, что уѣхалъ; но болѣе любитъ то и радуется, — заключаетъ Екатерина (24 іюля 1718 года) — какъ молвишь, что здѣсь папа.» (1)

Папа, бывшій въ это время въ Ревелѣ, послалъ мамѣ стриженые свои волосы, и съ этой «непріятной», какъ онъ выражался, посылкой писалъ, какъ кажется по поводу царевича Алексѣя: «что приказывала съ Макаровымъ, что покойникъ нѣчто открылъ, — когда Богъ изволитъ васъ видѣть: я здѣсь услышалъ такую диковинку про него, что чуть не пуще всего что явно явилось...» Екатерина однако помнитъ слова одного изъ прежнихъ своихъ патროновъ — Меньшикова: «слава-де богу, что оный крыющейся огнь (т. е. партія царевича съ ея мнимыми замыслами) по Его, Сотворшаго насъ, къ вашему величеству челомъколюбивою милости, ясно открылся, который уже пынѣ съ помощію Божіею весьма искоре-

(1) О здоровьѣ Петра Петропича писались родителямъ докладъ отъ доктора Ивана Блюментроста: «... государь-царевичъ слава-богу въ добромъ обрѣтается здравіи и глазку его высочества есть полегче, такожъ и зубокъ на другой сторонѣ внизу оказался. Изволитъ нынѣ далѣе пальчиками щупать: знатно что и коренные хотятъ выходить» (Іюля 14-го, 1718 г., и т. п. Каб II пол., т. III, л. 22.

пить и оное зло запаленіе погашеніемъ истребить возможно.»⁽¹⁾ Екатерина видѣла, что *возможность* осуществлена на дѣлѣ, огонь потушенъ, и ея дѣло — «превысокомудрымъ своимъ разсужденіемъ уничтожить» въ Петрѣ всякое «сумнѣніе». И вотъ она разсѣиваетъ то шутками, то мнимой ревностью, то знаками заботливости и любви, то цидулками о «пишечкѣ»...⁽²⁾ На этомъ пишечкѣ съ любовью и надеждой останавливаются взоры Петра...

«Онѣй дорогой нашъ пишечка часто своего дражайшаго папа упоминаетъ и, при помощи божіей, во свое состояніе прошеходитъ и непрестанно веселится мунштированьемъ солдатъ и пушечною стрѣльбою...» Этихъ заботъ не любилъ запятанный братъ его Алексѣй: вотъ почему Екатерина рисуетъ картинку, какъ теперешній наследникъ престола тѣнится солдатами. Это же она повторяетъ и въ послѣдующихъ письмахъ; подобныя извѣстія нравятся «сердечному дружечку-старикку».

Между тѣмъ, несмотря на всѣ нѣжности и предупредительность Екатерины въ ея письмахъ къ государю, все-таки видно, что съ этого, именно съ этого времени, т. е. около 1718 года, она охлаждаетъ къ старика, *что-то* такое дѣлаетъ ее, женщину съ такимъ тактомъ, даже неосторожною: она напрямикъ не торопится отвѣчать мужу, и Петръ вынужденъ упрекать ее за молчаніе. Впрочемъ самый тонъ упрековъ долженъ былъ ее успокоить насчетъ чувствъ къ ней супруга; упреки были въ такомъ родѣ: «пнятое... письмо пишу къ тебѣ, а отъ тебя только три получилъ, въ чемъ не безъ сумнѣнія о тебѣ, для чего не пишешь. Для-бога пиши чаще»⁽³⁾.

«Уже восемь дней какъ я отъ тебя не получилъ письма, чего-для не безъ сумнѣнія, а наипаче что не отвѣтствуешь на письмо (мое) и поеліку...» и т. д.

(1) Орывокъ изъ письма Меншикова къ Екатеринѣ. См. «Царевичъ Алексѣй Петровичъ, по свидѣтельствамъ вновь открытымъ.» Изд. подъ ред. М. П. Могоданъ. М. 1861, стр. 306.

(2) Въ Петровской галерей зимняго дворца виситъ портретъ его. Вид. кн. Петръ Петровичъ представленъ трехлѣтнимъ мальчикомъ, голый, обхваченный кисеей; онъ стоитъ на лѣвомъ колѣнкѣ и правой рукой натягиваетъ лукъ; его русая курчавая головка озарена сіяніемъ; свѣтъ падаетъ и на корону: она вмѣстѣ съ голубой лентой лежитъ подлѣ него на подушкѣ.

(3) Для собирателей и издателей переписки Екатерины приводимъ счетъ полковницы Кампегаузенши, что она заплатила за письма государыни-царицы, которыя присылались съ почты. Письма эти были отъ слѣдующихъ чиселъ: 1717 г. октября: 10, 13, 17, 18, 20, 25, 28 (два); ноября: 1 (два), 4, 8, 15, 18, 21, 25; декабря: 9 и 16 (два). 1718 г.: февраля: 3, 24; марта: 1, 10, 18 и 23. Сумма за эти письма — 24 руб. 76 коп. Подалъ счетъ Генрихъ Готлибъ.

Но вотъ отправляетъ она къ нему «крепиша, (какихъ-то) колбасекъ, травачки», а то вотъ «яблокъ да орѣховъ свѣжихъ» или «венгерскаго крѣпкаго и сладкаго по полудюжинѣ и дюжину цыпленка, такожъ нѣсколькихъ фруктовъ»; просить его, «батьюшку» своего, чтобы тотъ поберечь себя изволилъ, да почаще о здоровьѣ сведомъ уведомлялъ, «паче же всего — такъ она задвываетъ — самихъ васъ вскорѣ и въ добромъ здоровьѣ видѣть.» И «батьюшка» доволенъ, счастливъ и шуточно отписывается съ корабля своего «Ингерманландъ», отъ Ламеланта; «радъ бы, проси у Бога милости, что-нибудь слышать, да негдѣ и не надѣ кѣмъ (государь воевалъ въ то время, въ 1719 г., на Балтійскомъ морѣ со шведами); ты меня хотя и жалѣешь, однакожъ не такъ, понеже съ 800 верстъ отлучиши, какъ жена господина Тоуба (начальникъ непріятельской аскадры), которая его со всѣмъ шмотомъ такъ спрятала, что не только его видимъ, но мало и слышимъ, ибо въ полторѣ милі только отъ Стокгольма стоитъ за кастелемъ Вакъсгольмомъ и всѣми батареями.» Государь прилагалъ реляцію адмирала Апраксина, пущающаго въ это время берега Швеція; изъ приложенія Екатерина могла узнать, какъ «адмиралъ нашъ едва не всю Швецію растащилъ своимъ великимъ спирономъ» (крѣпомъ).

«Всегокорне прошу вашу милость, — отвѣчала супруга — дабы ..., писаніями своими оставлять меня не изволили, понеже въ нынѣшнее съ вами разлученіе есть не безъ скуки, и только то я радости, что ваши писанія; ибо и въ помянутомъ своемъ (письмѣ) изволите жаловать, что я жалѣю васъ спуста уже 800 верстъ. Это можетъ быть правда! Таково-то мнѣ отъ васъ! Да и я имѣю — шутила ладѣ Екатерина — отъ нѣкоторыхъ вѣдомости, будто королева шведская желаетъ съ вами въ любви быть; въ томъ та не безъ сумнѣній. А ктому-жъ заподлинно признаваемъ, какъ и сами изволили написать о поступкахъ господина адмирала, что онъ надѣ всею Швеціею учивилъ. Этакъ-ста господинъ адмиралъ подѣ такіе уже толь немалые лѣта да какое счастье получилъ, чего изъ молодыхъ лѣтъ небыло! Для-бога прошу вашу милость — одного его сюда не отпущать, а извольте съ собою вмѣстѣ привести.»

Петръ счастливъ, онъ не сердится за молчанье, онъ шлетъ ей взаимно-любезные презенты: «редьку да бутылку венгерскаго», а иногда вина бургонскаго бутылку семь, или краснаго дюжину, и все это разумѣется съ обычнымъ желаньемъ: «дай-боже вамъ здороваго пить»; вино смѣнялось десяткомъ боченковъ сельдей «гораздо хорошихъ и свѣжихъ»; изъ нихъ только одинъ боченокъ государь оставилъ у себя, а девять послалъ женѣ... Въ персидскомъ походѣ

то-же вниманіе: безпрестанно обгоняя ее на обратномъ пути, въ Россію, государь то шлетъ «новины — зѣвно лососи», то проситъ свою государыню императрицу «не подосадовать», что замѣшкалъ присылкой ей конвоя; окружаетъ ее заботами о спокойномъ совершеніи путешествія, указываетъ какою ѣхать дорогою, и все это съ вниманіемъ и нѣжностью; повелительнаго тона неслышно уже ни въ одной строчкѣ: напротивъ, Петръ *проситъ* жену «не досадовать», «не гнѣваться» на него!

Любовь, дошедшая до послѣдней степени, закрѣпляется со стороны государя весьма важными дѣйствіями: такъ въ началѣ 1722 года ⁽¹⁾ обнародованъ имъ уставъ о наследіи престола. Въ этомъ любопытномъ документѣ вспоминалъ Петръ о авесаломской злости царевича Алексѣя, строго порицалъ «старый недобрый обычай» — большому сыну наследство давать, удивлялся изъ-за чего этотъ обычай людьми былъ такъ затвержденъ, между тѣмъ какъ по разсужденію «умныхъ родителей» дѣлались ему частыя отмѣны, что-де видно и изъ священной, и изъ свѣтской исторіи. Государь приводилъ примѣры, утверждалъ, что въ такомъ же разсужденіи въ 1711 году было имъ приказано, чтобъ партикулярныя лица отдавали бы недвижимыя имѣнія одному своему сыну — достойнѣйшему, хотя бы и меньшому; а сдѣлано это было для того, чтобъ «партикулярные дома не приходили отъ недостойныхъ наследниковъ въ разореніе». «Кольми же паче — гласилъ составитель устава — должны мы имѣть попеченіе о цѣлости всего нашего государства!» Это попеченіе выразилось въ уставѣ: отъ воли-де государя зависить опредѣленіе наследства; кому онъ захочетъ, тому и завѣщаетъ престолъ. «Дѣти и потомки» такимъ образомъ, по мнѣнію преобразователя, «не впадутъ въ злость авесаломскую: они будутъ имѣть на себѣ эту узду — уставъ.»

Вся Россія должна была учинить присягу, что не отступится отъ воли монарха; они признають наследникомъ того, кого онъ похочетъ ей дать; кто онъ ей завѣщаетъ. Уставъ былъ ничто иное какъ переходная мѣра къ объявленію «Катерины» преемницей державы: ея «Петрушеньки» небыло уже на свѣтѣ.

Въ церквахъ у присягъ стояли капитаны и разные чины воинскіе, по городамъ разосланы были солдаты. За «благополучнымъ и изряднымъ продолженіемъ присягъ» наблюдалъ ревностнѣйшій изъ птенцовъ Петра, Павелъ Ивановичъ Ягужинскій ⁽²⁾.

(1) П. С. З. т. VI, № 3893.

(2) Письмо его къ А. В. Макарову. Каб. II пол., т. LXI, л. 870 и 871.

Россія присягнула.

Но ни солдаты и капитаны, ни страхъ истязаній и каторги не за жаль рты многимъ изъ тѣхъ, которые не считали вслѣдъ за Петромъ старыхъ обычаевъ недобрыми и вредными.

— Нашъ императоръ живетъ... неподобно... говорилъ народъ: — мы присягали о наслѣдствіи престола всероссійскаго, а именно имъ не объявлено, кого учинить (наслѣдникомъ); а прежніе цари всегда прямо наслѣдниками чинили и всенародно публиковали; а то кому присягаемъ — незнаемъ! Такая присяга по тѣхъ мѣстъ, пока императоръ самъ живъ, и присягаемъ — то мы ему лукавымъ сердцемъ. ⁽¹⁾

Нарушеніе стариннаго обычая, исполненіе котораго всегда служило къ спокойствію страны и хотъ въ выборѣ наслѣдника устраняло произволъ государя, вызвало въ народѣ рѣзкія сужденія; оно усилило общій ропотъ и недовольство.

Народъ и солдатовство видѣли, что государь рѣшительно хочетъ упрочить за своей супругой мѣсто на Россійскомъ престолѣ, и въ полкахъ слышались такого рода укоризны: «Государь царицу нынѣшнюю взялъ не изъ большого шляхетства, а прежнюю царицу богъ-знасть куда дѣвалъ! ⁽²⁾»

Въ эти-то годы, когда царицѣ не изъ высокаго шляхетства раточались государемъ знаки самой пылкой страсти, когда ради ея онъ нарушалъ стариннѣйшіе обычаи, которыхъ не дерзнулъ даже нарушить его прототипъ Иванъ Васильевичъ Грозный, — въ эти годы «Катерина не изъ шляхетства», какъ мы видѣли, дала полную мочь и силу красавцу камеръ-юнкеру. Виллимъ Ивановичъ не встрѣчалъ уже себѣ ни въ чемъ отказу. И немудрено...

Здоровье державнаго супруга Екатерины Алексѣевны было плохо. Какъ видно изъ его же цидулокъ за пять, за шесть дѣтъ до своей смерти, Петръ рѣдко разставался съ лекарствами. Блюментросту, Арескину и другимъ придворнымъ медикамъ была довольно трудная работа съ больнымъ, такъ какъ пациентъ никакъ не могъ выдерживать строгой діеты. Больнымъ возвращался государь и изъ персидскаго похода; птенцы въ заботахъ о его здоровьѣ выслали навстрѣчу барона Бера. «Баронъ обнадеживаетъ весьма, — писалъ Ягужинскій — что его лекарство дѣйствительно будетъ, которое онъ нетокмо на собственную похвалу полагаетъ, но предастъ сверхъ того на экзаминацію медиковъ. Дай всевышній-боже, чтобъ

⁽¹⁾ Д. Т. К., к. XXII, д. 46 (1722—1723 г.).

⁽²⁾ В. Д. Р. Д. Т. К., карт. XI, д. 3 (1723 г.).

онѣй его арканумъ къ содержанію многолѣтнo вашего величества здравія служилъ.» ⁽¹⁾

А подлѣ больного Петра — еще блестяще, еще эффектиѣ наружность полной, высокой, далеко еще не недужной Екатерины. Благодаря современнымъ живописнымъ портретамъ съ 1716 по 1724 голы, она какъ живая подымается въ нашемъ воображеніи. Вотъ она — то въ дорогомъ серебряной матеріи платьѣ, въ атласномъ, въ оранжевомъ, то въ красномъ великолѣпнѣйшемъ костюмѣ, въ томъ самомъ, въ которомъ встрѣчала она день торжества ништаатскаго мира; роскошная черная коса убрана со вкусомъ, на алыхъ полныхъ губахъ играетъ пріятная улыбка, черные глаза блестятъ огнемъ, горятъ страстью; носъ слегка приподнятый, выпуклыя тонко-розоваго цвѣта ноздри, высоко поднятыя брови, полныя щеки, горящія румянцемъ, полный подбородокъ, нѣжная бѣлизна шеи, плечъ, высоко поднятой груди, — все виѣтъ, если это было такъ въ дѣйствительности, какъ изображено на портретахъ; дѣлало изъ Екатерины еще въ 1720-хъ годахъ женщину блестящей наружности ⁽²⁾.

Печалуясь въ цидулкахъ къ мужу на постоянную почти съ нимъ разлуку, Екатерина, какъ мы видѣли, выражала эту печаль въ формѣ шутки, среди разныхъ прибаутокъ и балагурствъ: дѣло въ томъ, что по характеру своему, она небыла способна всецѣло отдаться одному человѣку, тосковать, терзаться, серьезно ревновать его; притомъ и набѣгавшая тоска разсѣивалась интимнымъ другомъ Виллимомъ Монсомъ. Монсомъ съ его фамиліей.

Но неужели не нашлось ни одного голоса, который бы въ ту пору не шепнулъ суровому и ревнивому монарху, что-де одинъ изъ камеръ-юнкеровъ его супруги — необыкновенной властью, своимъ виѣшательствомъ въ важнѣйшія дѣла по разнымъ судебнымъ и правительственнымъ учрежденіямъ, даетъ пищу неблагоприятнымъ толкамъ, бросаетъ тѣнь на его «сердешинькаго друга»? Такой голосъ казалось всего скорѣе долженъ былъ раздаться со стороны птенцовъ государя; но птенцы не только молчали, но ползали предъ фаворитомъ: они нуждались въ немъ, нуждались для ходатайства предъ «премилосердой государыней», короче — имъ было невыгодно открывать глаза «старіку-батюшкѣ». Довольно сказать, что князь Меншиковъ, этотъ сильнѣйшій изъ птенцовъ Петра, держалъ

⁽¹⁾ Письма Ягужинскаго. Каб. II, к. LXI, л. 900, 869 и друг.

⁽²⁾ Портреты Екатерины въ Петровской и Романовской галереяхъ, №№ 1358, 1352 и друг. А вотъ между ними портретъ Екатерины I въ профиль: лицо обрюзглое, багрово-краснаго цвѣта, щеки какъ-то взборожены, подбородокъ отвисъ. Явно, что этотъ портретъ сдѣланъ незадолго до ея смерти.

ся въ это время только заступничествомъ Екатерины, то-есть — Монса. И это онъ понималъ, лучше-сказать объ этомъ онъ радѣлъ безпрестанно. Меньшиковъ въ 1722—1723 годахъ былъ обвиненъ въ разныхъ злоупотребленіяхъ, въ превышеніи своей власти, въ захватѣ частной и казенной собственности и т. под. преступленіяхъ, которые такъ были велики, что ихъ бы не искупили всѣ прежнія заслуги «Алексашки» предъ грознымъ монархомъ. Онъ уже въ немилости, о его неправдахъ наводятъ слѣдствие, ему грозятъ не только опала, — ибѣтъ, даже казнь — и онъ спѣшитъ за помощью къ Монсу и его сестрѣ. Скупой, гордый и тщеславный, князь не стыдился дѣлать имъ подарки: такъ напримѣръ онъ подарилъ Монсу лошадь съ полнымъ уборомъ, — подарки правда не цѣнные, не достаточно приморскіе для того, чтобъ судить о его зрѣлости. Въ 1723 году племянникъ Монса, Петръ Балъ женился на Полевой; свадьба была играна въ Москвѣ и притомъ въ чертогахъ Меньшикова. Князь самъ предлагалъ ихъ къ услугамъ Монсовъ, и мало того: забывая обычную свою скупость, на свой счетъ угощалъ многочисленныхъ гостей своихъ «напромовъ». — Трудъ и издержки не пропали. Видимъ и сестра его поклонялась объ опасномъ предъ «милостивою матерью». Та неоступно просила государя о прощеніи Меньшикова: «Если, Катенька, — сказала Петръ — онъ не исправится, то быть ему безъ годовы. Я для тебя его на первый разъ прощаю.» — «Его императорское величество и ея императорское величество — поспѣшила извѣстить Меньшикова знакомая намъ Матрена Ивановна — царица къ вамъ милостивы, о чемъ царица истинно всесердечною радостью радуюсь и желаю всегда вашей свѣтлости... получить милость отъ вашихъ величествъ» (1).

Петръ ни въ чемъ не можетъ отказать «Катеринушкѣ»; та въ свою очередь не имѣетъ твердости устоять противъ просьбъ, своего камеръ-юнкера. Къ прежнимъ фактамъ приведемъ еще одинъ, впрочемъ не послѣдній.

При Екатеринѣ состоялъ камеръ-пажомъ Павловъ; молодой человекъ гулявивый, дерзкій, онъ только и держался милостью Монса. милостью, какъ мы видѣли, закупленной золотыми часами и т. под. подарками. Однажды Павловъ жестоко избилъ, безъ сомнѣнія въ пьяномъ видѣ, одного изъ придворныхъ чиновниковъ. Избѣнный возмолвился о удовлетвореніи за обиду (2); онъ былъ правъ; гуляка и буянъ

(1) Письмо отъ 3 іюня 1723 г. Бумаги кн. Меньшикова.

(2) «Жаловался я оному Павлову — писалъ челобитчикъ — на человека его въ показанныхъ мнѣ обидахъ... и онъ Павловъ... учалъ меня бранить всякою неподобною бранью, и сталъ меня бить по щекамъ, и ухвата шандаль со стола со

кругомъ виновать; безпутство пажа превзошло терпѣнье Екатерины и по ея просьбѣ, государь приказалъ выписать буяна въ армию въ солдаты. Казалось дѣло на этомъ и кончилось, но Павловъ найпогль спасителя: то былъ могущественный Монсѣ.

«Всенижайше ваше величество прошу — писалъ камеръ-юнкеръ — о всемилостивѣйшемъ прощеніи камеръ-пажа Павлова, понеже увѣдомился я, что ваше величество высокоблагонизволили назначить оного въ солдаты. И ежели оное вашего величества изволеніе не-превратно, покорнѣйше всемилостивѣйшую государыню прошу пожаловать оного сержантомъ отъ двора отпустить. Буде же той милости не изволите съ нимъ учинить, покорнѣйше прошу оное вашего величества изволеніе до благополучнаго прощенія его величества отнѣять. Вторично всемилостивѣйшую государыню прошу, чтобъ для сдѣланнаго прошенія моего изволили учинить съ нимъ милость, въ чемъ на великодушіе вашего величества имѣю надежду.»

Содержаніе просьбы, лучше-сказать поволье, ее вызвавшій, малоуваженъ; но то въ просьбѣ, та увѣренность, которая такъ и слышится въ каждомъ словѣ челобитья, весьма знаменательны. Говорить ли, что просьба была принята, Павловъ не только оставленъ при дворѣ, но даже получилъ награду въ годъ полнѣйшаго торжества Екатерины Алексѣевны и одновременнаго съ нимъ возвеличенія Виллима Монса?

VI

КОРОНАЦІЯ И КАМЕРГЕРСТВО

1724

Въ концѣ 1723 года Петербургъ и Москва были очень заняты толками и приготовленіями двора къ предстоящей коронаціи Екатерины. Одинъ изъ усердѣйшихъ ея сторонниковъ Петръ Андреевичъ Толстой, въ виду новыхъ наградъ и отличій, уже въ достаточномъ числѣ пожалованныхъ за измовненіе, допросы и истязанія

свѣчею бросилъ въ меня и ушибъ меня въ затылокъ. Да въ другой разъ ухватя стулъ, бросилъ въ меня-жъ и ушибъ меня въ голову, и тѣми разами проломилъ мнѣ голову до крови, отъ которыхъ его ударовъ едва не изошелъ кровью. Отчего ненадѣясь себѣ живота и отцемъ духовнымъ исповѣдыванъ; и нынѣ отъ его тазовъ лежу при смерти, и слухъ весь заложило, и великой обморокъшибаетъ... и въ разумъ... едва прихожу... и жена моя отъ такого великаго страху нынѣ лежитъ при смерти. Того ради и проч.

царевича, — этотъ самый Толстой отправленъ въ Москву въ качествѣ главнаго руководителя всѣми приготовленіями. Онъ заказывалъ корону и разные уборы для императрицы, подъ его наблюдениемъ шили ей епанчу съ гербами, обшива дорогими ливреями придворные чины, нажей, гайдуковъ, трубачей, волтеранистовъ, обивали кѣ грановитой и въ столовой палатахъ стѣны, полы, лѣстницы, вышивали вензеля государыни на всѣхъ уборахъ, воздвигались триумфальные ворота, производились закупки разныхъ запасовъ и т. п. По всѣмъ возникавшимъ вопросамъ въ случаяхъ сомнительныхъ онъ обращался къ Монсу, и эта переписка знакомитъ насъ съ приготовленіями къ небывалому торжеству ⁽¹⁾. Между *дѣловой* перепиской о дѣланіи ливрей, о цвѣтѣхъ суконъ для нихъ, о величинѣ гербовъ, собесѣдники обмѣнивались любезностями. Монсъ передавалъ Толстому увѣренность государыни, что тотъ ничего не упуститъ изъ виду: «за такую ея величества высокую милость — отвѣчалъ старѣйшій придворный — всеподданнѣйше благодарствую, и вѣрнѣйшю со всякимъ моимъ придежнымъ попеченіемъ, презря мою болѣзнь, труждаюсь, чтобъ во всемъ изволеніе ея величества исполнить.»

Петръ Андреевичъ «труждался» съ необыкновеннымъ усердіемъ и осмотрительностью; ничего-то онъ не упускалъ изъ виду: онъ не дѣлалъ напримѣръ гербовъ на епанчу Екатерины, либо ливрей на ея музыкантовъ безъ того, чтобы не спросить какой ей нравится фасонъ, цвѣтъ, «сколь богато устроить»; предъявлялъ свое «слабое мнѣніе» о необходимости прислать къ нему выѣсто модели нѣсколькихъ изъ музыкантовъ для обшивки ихъ нарядами, и какъ соизволить гербы шить, и выбирать ли изъ столовой палаты рундуки противъ того, какъ это сдѣлано въ Грановитой? «А Грановитая палата безъ рундуковъ — замѣчалъ Толстой — зѣло лучше и веселѣе стала.» Надписи, и тѣ посылались къ Монсу на предварительное его разсмотрѣніе или докладъ государыни; къ нему шли рапорты о разныхъ помощникахъ Толстого, о свозѣ изъ городовъ въ Москву всякихъ запасовъ для ожидаемаго тамъ двора. «Для господъ-бога — просилъ Толстой Монса — всему вышенисанному опредѣленіе учинить и меня увѣдомить неумедлите о всемъ обстоятельно.»

Въ виду предстоящаго торжества Екатерины, счастливаго камеръ-юнкера ея засыпали просьбами, порученіями, письмами съ «напамятованіями» по дѣламъ, наконецъ цидулками съ извѣщеніями о подаркахъ ⁽²⁾.

⁽¹⁾ Письма Петра Толстого. Москва, 1724 г., января 3, 17, 21, неизв. числа одно, и см. въ Прилож. № X: 1, 2, 3; Ивана Толстого — неизв. числа письмо; Чернышевъ — М. 1724 г., 31 января.

⁽²⁾ Укажемъ на извѣстныя намъ лица, искавшіе къ Монсу или дарившіе его

Такъ Анна Ивановна чрезъ своего гофмаршала Бестужева просила Монса извѣстить ее о «платѣ», какимъ образомъ для свосго выѣзда (въ день коронаванія Екатерины) изволила бы сдѣлать, по-неже ея высочество — писалъ гофмаршалъ — изволила слышать, что при коронаціи... при дворѣ платя будутъ особымъ манеромъ, и вы, мой государь, о томъ увѣдомьте подлинно и съ первою почтою ко мнѣ отпишите.»

Вотъ аристократка и богачка Анна Шереметьева проситъ Монса «предстательствовать» предъ государыней объ освобожденіи изъ тайниковъ преображенскихъ — людей ея: «а тѣ мои люди сидятъ въ исцовыхъ дѣлахъ — пишетъ Шереметьева — и лакеи, и возницы побраны, и многое время уже держатся, въ чемъ я имѣю заключеніе въ домѣ своемъ, что выѣхать мнѣ изъ двора не съ кѣмъ; по-неже ѣздила я къ обѣднѣ до церкви божіей, и въ то время послѣд-

въ 1724 году любезностями, общаніями, а чаще всего всевозможными презентами: Леонтій *Арцыбушевъ*, Семень *Абрамовъ* — состоявшій при дворѣ персидскаго шаха, графъ *Бонде*, Вильгельмъ *Бергъ* — шведъ, Петръ Михайловичъ *Бестужевъ Рюминъ*, князь Михаилъ *Бюловельскій* — офицеръ, Артемій Петровичъ *Волинскій*, Ларіонъ *Головинъ*, Никита *Грузинцовъ* — завѣд. нижегородскими вотчинами Екатерины, фельдмаршалъ князь Мих. Мих. *Голицынъ*, Михаилъ Гавриловичъ *Головкинъ*, негоціантка *Гупманъ*, кн. Алексѣй Григорьевичъ *Долгоруковъ*, с.-петербургскій оберъ-полицеймейстеръ А. М. *Девіеръ*, Иванъ *Дмитріевъ*, дворц. служ. Петръ *Ебленскій*, Андрей *Енгеръ* — агентъ въ Шемахѣ, Данила *Ефремовъ* — старшина въ войскѣ донскомъ, *Юнштейнъ* изъ Риги, *Климовъ* — харьковск. полковой писарь, Ив. *Константиновъ* — ревизоръ по имѣніямъ Екатерины, Александръ *Кайсаровъ* — служ. при ея дворѣ, *Кузьминъ* — тоже, Тимофей *Кутузовъ* — сборщикъ оброковъ въ имѣн. государя, *Корникийъ*, Родіонъ *Космелевъ* — служ. при дворѣ, Сусанна *Люксъ* — негоціантка, Степанъ Васильевичъ *Лопухинъ*, *Марморъ* — управл. имѣн. Екатерины, Алексѣй Васильевичъ *Макаровъ*, *Мелкосаровскій* — служ. по имѣніямъ Екатерины, *Михайловъ* — помѣщикъ, стряпчій Федоръ *Масловъ*, Василій и Петръ *Мошковы*; *Новоселецкій*, *Ярошевскій*, *Малаякинъ* и *Кулонъ* — крестовые дѣяки; Захарій *Мишуковъ* — жорлякъ, Борисъ *Нероновъ* — придворн., Александръ *Нарышкинъ*, Алексѣй *Носовъ* — придворн., баронъ Андрей Ивановичъ *Остерманъ*, Иванъ *Патриклевъ* — придворн., Петръ *Посыловъ* — деньщикъ Петра, Георгій *Полнкола* — госуд. докторъ, камеръ-пажи Никита и Федоръ *Павловы*, главный управляющій имѣніями Екатерины Григорій *Полибинъ*, *Потемкинъ* — кораб. мастеръ, князь Борисъ Ивановичъ *Прозоровскій*, Яковъ *Рыцловъ* — винный погребщикъ, Степанъ *Соболевъ* — придворн., *Салуца* — негоціантъ, придворный факторъ; Ферापонтъ *Суровцевъ* — синбирскій помѣщикъ, Петръ Андреевичъ *Толстой*, Иванъ Петровичъ *Толстой*, Андрей Ивановичъ *Ушаковъ*, кн. Василій *Хованскій*, Дмитрій *Чернышевъ* — придворн., *Челышевъ*, Иванъ *Шуваловъ* — комендантъ Выборга, Анна *Шереметьева*, Федоръ *Шушеринъ* — заводчикъ, капитанъ Иванъ Ивановичъ *Шульцъ*, кн. Николай *Щербатовъ*, и нѣк друг. — Всѣ письма этого года, подобно предыдущимъ, преимущественно на нѣмецкомъ и на русскомъ языкахъ.

ного лакея отъ кареты мой взяла... о семъ прошу вашего милостиваго предстательства.»

О предстательствѣ же просилъ Арцыбушевъ, правитель нотчинной канцеляріи императрицы: рядомъ писемъ въ началѣ 1724 года онъ вымаливалъ у Монса исходатайствовать о дачѣ ему жалованья, «такъ какъ въ санктъ-петербургѣ безъ денегъ и безъ хлѣба житіе трудное»; а въ тоже время убогій правитель щедрою рукою выдавалъ изъ дворцовыхъ амбаровъ въ домъ «милостивца» рожь, крупу, горохъ, снитковъ, овесъ, сѣно — и выдавалось то въ избыткѣ, сверхъ оклада: это была своего рода взятка. А вотъ какъ приглашаетъ къ себѣ Виллима Ивановича нѣкто Иванъ Воронинъ: «уповаю, или могу хотя чрезъ многой трудъ я вашу милость къ себѣ получить, того ради милости у тебя, моего государя, покорно прошу: помилуй, помилуй, не оставь убогаго просьбы... Пріѣзжалъ (я) до вашей милости персонально просить... (но) въ домѣ васъ не получилъ. Въ надѣяніи вашего милосердія униженно кланяюсь.»

Этотъ униженный поклонъ отдавался кажется однимъ изъ свойственниковъ Ворониныхъ, сосланныхъ по суздальскому розыску: грядущее празднество вообще давало надежду родственникамъ опальныхъ по дѣлу царевича на милостивое прощеніе; но для полученія его надобимѣтъ ходатая: его видѣли въ Монсѣ (¹). Такъ Чернышевъ особенно хлопоталъ, при его посредствѣ, о возвращеніи изъ ссылки княгини Троекуровой, столь нещадно избитой батогами въ 1718 году; просилъ о чемъ-то таинственно кн. Николай Щербатовъ, безъ сомнѣнія о своихъ родственникахъ, также пострадавшихъ въ то страдное время; просилъ и Степанъ Лопухинъ... но нѣтъ, у того были свои заботы: писалъ онъ Виллиму Ивановичу, что-де осматриваетъ онъ да холить лошадей его, своего «дядюшки и отца», тѣхъ самыхъ лошадей, которыхъ «присвокупилъ» дядюшка въ бытность свою въ Астрахани въ 1722 году отъ г. Вольнскаго. Хлопочеть Степанъ Васильевичъ о покупкѣ позументовъ и другихъ гардеробныхъ принадлежностей опять-таки для дядюшки. Кажется все заботы такіа невинныя, столь безкорыстныя, но тутъ же въ письмѣ вложена цидулка другого почерка и безъ подписи: «въ московскомъ уѣздѣ селцо Суханово съ деревнями — 25 дворовъ, въ суздаль-

(¹) Впрочемъ по случаю коронаціи Монсъ докладывалъ о прощеніи, о снятіи ареста и о возвращеніи имѣнія многимъ неполитическимъ преступникамъ. Такъ онъ просилъ о бывшемъ комендантѣ Кошкаревѣ, кн. Иванѣ Щербатовѣ, о оберъ-комендантѣ Карповѣ, о стольникѣ Зубовѣ, поручикѣ Рамитинѣ, стольникѣ Беклемішевѣ, комисарѣ Молчановѣ: всѣ эти лица, въ особенности послѣдніе двое, виновны были и осуждены за взятки. Они прославились воровствомъ въ Сибири при князѣ Гагаринѣ и нашли себѣ заступника въ Монсѣ.

скомъ увѣдѣ село Слудово съ деревнями — 300 дворовъ.» Цидулка краснорѣчиво свидѣтельствовала, что и зять камеръ-юнкера не хотѣлъ упустить благопріятнаго случая поживиться отъ щедротъ государыни. Соблазнъ вообще такъ былъ великъ, съ коронаціей соединилось столько надеждъ на милости, что даже честный воинъ, фельдмаршалъ князь Михаилъ Михайловичъ Голицынъ, и тотъ не хотѣлъ остаться вдали отъ мѣста торжества: «увѣдомился я — писалъ князь къ Видлиму Монсу изъ Ахтырки — увѣдомился, якобы ихъ величества въ Москву изволятъ прибыть вскорости: того ради васъ, моего государя, прошу, дабы для такого великаго дѣла, которое между всей Европеею надъ ея величествомъ... прославитца, излуча часть доложить, чтобъ хотя на малое время былъ (я) уволенъ въ Москву... и какой на докладъ изволите получить указъ, прошу приказать меня увѣдомить.»

Подарки между тѣмъ идутъ да идутъ Монсу; у него правило — ничѣмъ не брезгать. Иванъ Толстой прислалъ собаку «для веселія»; сибирскій помѣщикъ Суровцевъ подарилъ нарочно приведенную изъ своей вотчины лошадь и дарить на томъ основаніи, что она «будетъ сходна» съ одной изъ лошадей Монса; Михаилъ Головкинъ, посолъ въ Берлинъ, при посредствѣ канцлера, отца своего, презентовалъ Виллиму Ивановичу цоходца, такъ какъ «его милость до такихъ лошадей охотникъ». Князь Алексѣй Долгоруковъ, какъ мы видѣли, одолжилъ брата и сестру Монсовъ двумя шестьюстами лошадей и козакской (¹). Причина столь щедраго одолженія состояла въ слѣдующемъ; нѣкто иноземецъ Стельсъ владѣлъ по указу государя, нѣсколькими дворцовыми деревнями, приписанными къ пороховнымъ его заводамъ; по смерти Стельса не осталось прямыхъ наследниковъ, тѣмъ менѣе шурина его Марли продалъ деревни ин. Долгорукову; оберъ-фискалъ протестовалъ противъ незаконной продажи, и вотъ покупатель снѣшилъ сдѣлать ее законною щедрыми «посулами»; сенатъ позамѣшкался, рѣшенія не положилъ — и дѣло, стараніями Монса, скоро очутилось въ вотчинной коллегіи. — Повидимому скромнѣе другихъ подарковъ была посылочка изъ Вологды иноземки-негоціантки Гетманъ. Она хлопотала о жалованной грамотѣ на вольную покупку въ Вологдѣ и въ другихъ городахъ пеньки и другого товара, съ тѣмъ чтобы отпускать

(¹) Ловкій придворный, Долгоруковъ какъ кажется не забылъ одарить и зятя Монса, Степана Лопухина. Покрайней-мѣрѣ послѣдній также хлопоталъ о его дѣлѣ: «вамъ самимъ извѣстна — писалъ Степанъ къ Виллиму, убѣждая его продать о дѣлѣ князя — вамъ самимъ извѣстна его любовь ко всемъ намъ, также и къ вамъ; а что же съ моей стороны, истинно никого не имѣю такого себѣ, какъ его.»

его чрезъ архангельскій портъ за границу. Отпускъ товаровъ за границу, въ силу указовъ Петра, долженъ былъ производиться чрезъ петербургскій портъ : вотъ почему просьбу Готманъ трудно было удовлетворить ; зная это, она для лучшаго «старательства» послала къ высокой милости Монса *рыжечковъ мѣленькихъ въ сулепчкѣ*. «Соблаговолите принять — заключила она свою просьбу — и кушать на здоровье, и на сію мою малую посылку подивить не извольте.» Не много нужно догадливости, чтобъ понять, что «мѣленькіе рыжички» были ничто другое какъ голандскіе червонцы.

Они подошли кстаті : среди приготовленій къ коронаціи Ека-
терины Виліимъ Ивановичъ развлекался постройкой обширнаго, богатаго, комфортабельнаго дома — на мѣстѣ дома, купленаго имъ у доктора Поликола, находившагося какъ кажется на Мойкѣ. При-
дворный стряпчій Масловъ принялъ на себя хлопоты о наймѣ и за-
ключеніи контракта съ рабочими, о покупкѣ матерьяловъ, наблюде-
ніи за работами и проч. ⁽¹⁾; изъ вѣдомства кабинета ея величества
на постройку дома камеръ-юнкера отпустили даромъ плитняку (12
куб. сажень), кирпичу (150 тыс.), извести (650 боч.) и прочаго
матерьялу ; оберъ — полиціймейстеръ Девіеръ хлопоталъ между
тѣмъ по дѣлу покупки Монсомъ другого двора, на Васильевскомъ
островѣ, у флотскаго поручика Арсеньева. Государевы указы одна-
ко строго-настрого запрещали — ничьихъ дворовъ на Васильев-
скомъ острову, кромѣ излишнихъ противъ указаго числа, ни подѣ
какимъ видомъ не продавать и не закладывать ⁽²⁾, доколѣ тотъ
островъ «не удовольствуется строеніемъ». Дворъ поручика не былъ
въ числѣ излишнихъ, покупка не состоялась, и извѣщая Монса о
неудачѣ хлопотъ, Девіеръ тутъ же въ письмѣ осторожно вложилъ
безыменную, своей впрочемъ руки, цидулку : «объявляю вашей ми-
лости : имѣю у себя двѣ лошади — коня да рыскачаю лошадь, и еже-

⁽¹⁾ Не безынтересно указать во что обходились въ то время постройки де-
ревянныя въ Петербургѣ. Изъ контракта стряпчаго, повѣреннаго Монса, съ
плотниками (1724 г. мѣсяцъ февраль) видно, что послѣдніе обязывались : «на
приморскаго онаго, господина де Монса, мѣстѣ сдѣлать плотничною, самую де-
брою и гладкою работою, безъ всякіе охужки, кромѣ токарной работы, а именно
балаясъ, — сдѣлать : по обѣ стороны хоромъ галлерей на 20 саж., двое воротъ
рѣшетчатыхъ, погребъ и свѣтлицу на 10 саж. ; между обрубамъ погреба насы-
пать землею ; огъ погреба провести въ прудъ трубу, на 23 саж. ; выстроить ко-
нюшню, сарай, межъ ими ворота ; на пруду сдѣлать плотину въ 200 свай въ
три яруса, сваи трехъ-саженныя ; старую плотину разобрать и землю выбрать ;
въ хоромы сдѣлать двери, наличники, окна и наличники на окна, и выходъ, и
рундуки, и слуховые окна, и землю на потолки насыпать и проч. За всю рабо-
ту плотники должны были получить по контракту 410 рублей.

⁽²⁾ Указы 30 іюня 1719 г., 4 іюля и 10 дек. 1720 г., 14 дек. 1721 г.

ли которая вамъ будетъ угодна, изволь ко мнѣ отписать, куда ее къ вашей милости прислать.» Какъ богатъ былъ въ это время Монсъ отъ всевозможныхъ презентовъ, можно судить по тѣмъ вещамъ, какія наполняли его комнаты: такъ у него была статушка изрядной величины изъ чистаго золота, были часы, одна починка которыхъ стоила 400 рублей, и многіе другіе предметы роскоши ⁽¹⁾. Изъ недвижимыхъ имѣній за нимъ были *благоприобрѣтенные* дворы съ строеніями въ Петербургѣ, домъ материнскій въ Москвѣ, другой домъ тамъ же, купленный для него государыней у Нарышкина, близъ двора Салтыкова ⁽²⁾; дворъ съ строеніемъ, съ землею и угодьями близъ Стрѣльны — подарокъ царицы Прасковьи; земля въ Лифляндіи: какъ досталась ему, неизвѣстно; села съ деревнями, выращенныя въ разное время и въ разныхъ уѣздахъ чрезъ государственію; ему же подарила царица Прасковья за холатайства по ея домовымъ распоряжкамъ, кромѣ другихъ «гостинцовъ», громадный имѣніе — село Оршу съ деревнями и 1500 жителей, обоюго пола, въ пусторжевскомъ уѣздѣ; въ концѣ 1723 года туда уже посланъ отъ Монса одинъ изъ придворныхъ чиновниковъ, который именемъ императрицы долженъ собрать объ имѣніи самыя обстоятельныя свѣдѣнія. Царица вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ сильно нуждалась въ такомъ могучемъ патронѣ, какимъ былъ для нея Монсъ: вотъ почему она такъ щедро его одаривала ⁽³⁾. Къ несчастію Виллима Ивановича встрѣтились какія-то формальности, вслѣдствіе которыхъ онъ не могъ сдѣлаться владѣльцемъ

(1) Письмо Мошкова къ Монсу 30 марта 1724 г. — Въ началѣ 1724 года за Монсомъ утвержденъ былъ сенатомъ «шведскій залогъ Смильтенскаго имѣнія въ Лифляндіи, принадлежавшій Венгартскимъ наследникамъ». «Поспѣшите дальнѣйшими распоряженіями по этому дѣлу, — писалъ Монсу нѣкто Вильгельмъ Бергъ 9 февр. 1724 г., — потомучто въ настоящее время — наилучнѣйшее для принятія (имѣнія), такъ какъ прошлогодніе доходы съ имѣнія находятся еще налицо и не вошли въ раздѣлъ между прежними владѣтелями».

(2) «А тотъ дворъ — описывалъ одинъ изъ слугъ Монса — всемирно хорошъ и на красномъ мѣстѣ стоитъ, съ котораго какъ Москва, такъ и нѣмецкая слобода всѣ видны; лучше красотою двора Василья Федоровича Салтыкова, только что тотъ его дворъ противъ вашего (письмо къ Монсу) очень великъ. И содержится тотъ вашъ дворъ близъ самаго лѣтняго дворца во 120 саженьяхъ, и пришелъ огородамъ къ самой Нузѣ рѣкѣ, и зѣло тотъ дворъ сухъ... и проч. Московскій подарокъ Монсу состоялъ изъ слѣдующихъ построекъ: горница, кухня, сарай, лѣбныхъ амбаровъ, конюшни и двухъ людскихъ избъ. (Письмо Корницкаго 22 сент. 1724 г.)

(3) Быть-можетъ къ тому убѣдилъ ее кабинетъ-секретарь Алексѣй Васильевичъ Макаровъ, задушевный другъ Монса. Съ 1723 года Макарову порученъ былъ отъ государя главный надзоръ за хозяйствомъ царевнѣ Еваторины и Прасковьи.

Орши; тогда Прасковья Ивановна вошла съ нимъ въ сдѣлку: имѣніе осталось за ней, но оброкъ съ крестьянъ предоставлялся въ распоряженіе ея «милостивца, заступника и ходатая» (1).

Въ то время какъ Виллисъ Ивановичъ часы своего досуга отдавалъ пріятностямъ для него хлопотамъ, посмотримъ что дѣлалъ въ это время Петръ съ Екатериной, какъ проходила жизнь всего двора, какія событія разнообразили обычное препровожденіе времени.

Обычное препровожденіе времени Петра состояло въ его занятіяхъ государственными дѣлами, совѣщаніяхъ въ сенатѣ, разъѣздахъ въ Кронштатъ, въ Петергофъ, Ораніенбаумъ, Сарское село; затѣмъ свободныя часы пролетали въ пирушкахъ, въ веселіяхъ и въ «комедіяхъ», въ танцевальныхъ асамблеяхъ, въ маскерадахъ, въ нѣздахъ на дома вельможъ съ «безпокойной братьей», т. е. «исопылившимъ и сумасбродившимъ соборомъ»; наконецъ время проходило въ устройствѣ фейерверковъ и разныхъ шутовскихъ процессій, хотя бы и по поводу погребенія того или другого лица, состоявшаго при дворѣ. Петръ, какъ извѣстно, былъ необыкновенно изобрѣтателемъ на подобныя церемоніи.

Нюлюбуемся на него и на его итенцовъ въ ихъ забавахъ. 1724 годъ. Вотъ государь описываетъ худенькаго, невзрачнаго и больно недлиснаго герцога голштинскаго; описываетъ-то онъ его не въ первый и не въ послѣдній разъ, но въ настоящую пирушку эта сценка производится съ особою цѣлю: Петру почему-то хочется приотрастить герцога къ венгерскому и отучить отъ мозельвейна. Съ пирушекъ и піанственныхъ загуловъ дворъ ѣздитъ въ комедію; спектакли тянулись вяло, скучно, такъ что государь рѣшительно приказалъ, чтобы комедіи имѣли не болѣе трехъ дѣйствій и не заключали бы въ себѣ никакихъ любовныхъ интригъ; но и въ этомъ видѣ онъ все-таки не развлекался государя, такъ что сила въ ложѣ съ семействомъ, Петръ развлекался только шутками надъ своимъ поваромъ. Гораздо интереснѣе была комедія, сочиненная самимъ Петромъ для забавы себя и своего двора. Главнымъ сюжетомъ по-

(1) Чтобы дать понятіе о тогдашнихъ оброкахъ, привожу вѣдомость оброчную: «вотчины боярина Алексѣя Петровича Салтыкова въ рязанскомъ уѣздѣ. Въ жеребьи, въ селѣ Ижевскомъ было у него 50 дворовъ съ 304 д. муж. пола и 310 душ. жен. пола. Всѣхъ обоего пола 614 чел., на каждый дворъ по 12 чел., остатокъ 14. Оброку платили: оброчныхъ денегъ по 100 р. За окладной медъ по 25 р. Свиного мяса по 200 пудъ, гусей по 200 шт.: утокъ по 22; поросатъ по 25; куръ по 50; яицъ по 700; вина по 100 вед.; пшеницы по 25 четвертей; крупъ гречневыхъ по 25 четв.; сукна по 50 арш.; холста по 50 арш.; свѣжей рыбы: шукъ по 500, карасей по 500. А земля въ дачѣ — 350 четвертей, да три озера, да притомъ еще два озера общія. И ежели положить — сказано даче въ вѣдомости — всяку душу по 10 уберъ, и того будетъ 6140 руб., кромѣ земли и озеръ».

тѣхъ былъ трупъ государева карлика (¹); похоронная процессія его была обставлена слѣдующимъ образомъ: впереди шли цонарны тридцать пѣвчихъ, все маленькіе мальчики; за ними слѣдовалъ въ полномъ облаченіи крошечный попъ; затѣмъ шесть крошечныхъ лошадей въ черныхъ попонахъ, ведомыя маленькими пажами, везли сани особаго устройства; на сѣняхъ лежалъ трупъ карлика въ гробу, подъ бархатнымъ покровомъ. Маршалъ съ маршалскимъ жезломъ и множество толстыхъ, безобразныхъ, большоголовыхъ карловъ и карлицъ вытягивались въ длинной процессіи въ траурныхъ костюмахъ, причемъ карлицы, игравшія роли «первыхъ траурныхъ дамъ», были подъ вуалами. Для контраста и большаго эффекта по бокамъ процессіи шли громадѣйшаго роста гренадеры и гайдуки съ факелами. Какъ ни обычны были въ тогдашнее время потѣхи высшихъ персонъ надъ личностью низшаго, но при видѣ этого зрѣлища заѣзжіе нѣмцы невольно говорили: «такой-де странной процессіи слѣдвали гдѣ-нибудь придется увидѣть кромѣ какъ въ Россіи!» Зато здѣсь ихъ было множество. Такъ въ первыхъ числахъ февраля 1724 года в теченіи нѣсколькихъ дней по улицамъ Петербурга прогуливались и разѣзжали голландскіе матросы, индѣйскіе браминны, навіаны, арлекины, французскіе поселане и поселанки и т. п. лица: то были замаскированныя государь, государыня, весь сенатъ, знатнѣйшія дамы и дѣвицы, генеральскіе-адъютанты, девищички и разные придворные чины. Члены разныхъ коллегій и сената въ эти дни officialнаго шутовства нигдѣ, *ни даже на похоронахъ* не смѣли скидывать масокъ и шутовскихъ нарядовъ; въ пикъ они являлись на службу въ сенатъ и въ коллегіи. «Мнѣ кажется это неприличнымъ», — замѣчаетъ по этому случаю современникъ; — тѣмъ болѣе что многія лица наряжены были такъ, какъ вовсе неподобаешь старикамъ, судьямъ и совѣтникамъ. Не покориться-жъ волю государя было несовсѣмъ благоразумно; тому были ежедневныя доказательства, и еще во время февральскихъ потѣхъ 1724 года одинъ поручикъ, состоявшій при дворѣ, былъ жестоко высѣченъ. Преступленіе его состояло въ нарушеніи какого-то маскараднаго постановленія. Героями маскарадныхъ потѣхъ были «всепьяннѣйшіе и сумасброднѣйшіе члены конклавіи князь-папы»; синклитъ его доходилъ до восьмидесяти человекъ и состоялъ изъ князей, бояръ, вообще потомковъ знатнѣйшихъ фамилій; тутъ же были и простолюдины. Кривляньями и забавными выходками они должны были развеселять императора, когда онъ бывалъ не въ духѣ.

(¹) Того самаго карлика, шутовскую свадьбу котораго Петръ устроилъ въ 1710 году. См. статью: «Царица Прасковья».

Въ эти же мѣсяцы дворъ былъ очень занятъ толками о крупномъ воровствѣ одного придворнаго брильянтика Рокентина. Мы встрѣчали его уже въ числѣ искателей милостей Монса, видѣли изъ его челобитья какъ онъ метался, незная куда дѣться отъ тѣснившихъ его кредиторовъ. Защита Монса видно не укрыла его отъ нихъ и онъ наконецъ додумался до средства весьма рискованнаго. Князь Меншиковъ далъ ему, какъ лучшему брильянтику, множество драгоценныхъ камней, цѣною тысячь на сто рублей, для сдѣланія изъ нихъ застѣжки для мантии императрицы. Князь Александръ Даниловичъ хотѣлъ презентовать застѣжку Екатеринѣ при ея коронаціи. Вдругъ Рокентинъ объявляетъ, что какіе-то пять человѣкъ, назвавшись посланными князя Меншикова, обманомъ затащили его за-городъ, отняли драгоценный уборъ, раздѣли его, грозили удавить, если тотъ будетъ кричать, и наконецъ избитаго и связаннаго бросили въ лѣсу. Все это оказалось выдумкою самого ювелира. Скоро заподозрѣнный Рокентинъ былъ арестованъ, и во дворцѣ государя, въ высочайшемъ присутствіи цѣлый часъ болтался на вывороченныхъ назадъ рукахъ; государь, лично занявшись допросомъ, убѣждалъ его сознаться; давалъ слово, что въ случаѣ раскаянія съ нимъ ничего небудетъ дурного и даже, чтобъ лучше вырвать у него признаніе, приказалъ при немъ быть кнутомъ другого преступника. Но и это оригинальное средство привлечь къ раскаянію не достигло своей цѣли, такъ что государь приказалъ дать Рокентину двадцать-пять ударовъ. Но ни въ этотъ разъ, ни на слѣдующей пыткѣ, о которой государь весьма весело и «милостиво» рассказывалъ герцогу голштинскому, ни на третьей вискѣ Рокентинъ ни въ чемъ не сознался. Наконецъ только убѣжденія суперинтендента вызвали вора на откровенность. Онъ повинился, что самъ укралъ брильянты и зарылъ ихъ на дворѣ своего дома въ кучѣ песку. Такъ какъ суперинтендентъ добился признанія только тѣмъ, что обѣщалъ вору прощенье, то Рокентинъ и былъ освобожденъ; но недѣли двѣ спустя опять взятъ въ полицію, допрашиванъ по тому же дѣлу и другими поступившими на него жалобамъ; наконецъ послѣ полнаго признанія онъ былъ жестоко истязанъ кнутомъ, заклеменъ и сосланъ въ Сибирь. «Не будь онъ иностранецъ, его бы казнили смертию»: такъ говорили современники (1).

(1) О причинахъ вторичной арестаціи ювелира ходили тогда въ Петербургѣ разные слухи; между прочимъ увѣрили, что его для того взяли въ полицію, чтобъ смотрѣть за нимъ, погумучто онъ будтобы въ нѣсколько дней страшно распухъ, и подозрѣвали, что его кто-нибудь пытался отравить ядомъ — такъ какъ весьма многіе имѣли съ нимъ разные сдѣлки, и изъ боязни быть имъ оговоренными старались его извести. Любопытно, что 16 января 1724 года, въ

Впрочемъ дворъ не лишонъ былъ и этого рода зрѣлища : утромъ 24 января 1724 года совершены были казни оберъ-фискала Нестерова и его трехъ товарищей-фискаловъ, обвиненныхъ въ страшнѣйшемъ взяточничествѣ. Казни были совершены на Васильевскомъ острову, противъ зданія коллегій. Подъ высокой висѣлицей, на которой такъ недавно еще висѣлъ князь Гагаринъ, устроили знаменъ ; позади его возвышались четыре высокихъ шеста съ колесами, спицы которыхъ на поларшина были обиты желѣзомъ. Шесты эти назначались для взоткнутія головъ преступниковъ, когда тѣла ихъ будутъ привязаны къ колесамъ. Когда декораціи были готовы, стеклась публика: большую часть ея составляли канцелярскіе и приказные чиновники, получившіе приказъ непременно быть при казни; государь съ множествомъ вельможъ смотрѣлъ изъ оконъ ревизіонъ-колегіи. Всѣ три старца-фискала одинъ за другимъ мужественно сложили головы на плахѣ. Мучительнѣе всѣхъ была казнь Нестерова. Его заживо колесовали: раздробили ему сперва одну руку, потомъ ногу, потомъ другую руку и другую ногу. Послѣ того къ нему подошелъ одинъ изъ священниковъ и сталъ его уговаривать, чтобъ онъ сознался въ своей винѣ ; тоже самое, отъ имени императора, сдѣлалъ и майоръ Мамоновъ ; государь обѣщалъ въ такомъ случаѣ оказать милость, т. е. немедленно отрубить голову. Но оберъ-фискалъ свободно отвѣчалъ, что все уже высказалъ что зналъ, и затѣмъ, какъ и до колесованья, произнесъ болѣе ни слова. Наконецъ его, все еще живого, повлекли къ тому мѣсту, гдѣ отрублены были головы тремъ другимъ, положили лицомъ въ нихъ кровь и также обезглавили. Девять человекъ получили каждый по пятидесяти ударовъ кнутомъ ; четверымъ изъ нихъ щипцами вырвали ноздри и т. д.

Весь этотъ кровавый спектакль былъ явленіемъ обычнымъ ; съ нимъ свыклись и пришлые нѣмцы, свыклись дотого, что наприимѣръ Берхгольцъ, безстрастно записавши подробности курьезнаго зрѣлища, сейчасъ же вносилъ въ дневникъ замѣтку о погодѣ. — Были ли при казнѣ взяточниковъ нашъ взяточникъ-дипломатъ, Владимиръ Ивановичъ ? Едвали, такъ какъ государыня не изволила присутствовать ; онъ, зная о казни, толковалъ разумѣется о правосудіи великаго монарха и нисколько не думалъ, что и онъ не-

тотъ именно день, когда Рокентинъ объявилъ свою выдумку, онъ два раза былъ у Монса ; о чемъ они толковали, неизвѣстно. Деньги помогли остаться Монсу внѣ всякаго подозрѣнія по соучастію въ дѣлѣ съ мошенникомъ-иноземцемъ, но едвали межъ ними не было какихъ-нибудь тайныхъ сдѣлокъ, если не по этому, то по другимъ дѣламъ. (Письмо Девіера къ Монсу 18 янв. 1724 г. о присылкѣ въ полицію, по указу государя, людей Монса.)

делаетъ отъ такой же катастрофы. Да и могъ ли, имѣлъ ли онъ время думать объ этомъ? Ему все такъ радостно улыбается, его съ такой любовью осыпаютъ любезностями, предлагаютъ услуги и дорогие презенты; во всей аристократіи, среди всѣхъ вѣзнавшихся персонъ мужского и женскаго пола онъ не имѣетъ враговъ, да и не можетъ ихъ имѣть: такъ всѣмъ онъ нуженъ, всѣ въ немъ ищутъ подателя, заступника, челоуитчика, милостивца по всѣмъ ирравымъ и неправымъ, честнымъ и нечестнымъ дѣламъ. Ему ли наконецъ, счастливому фавориту, въ виду политическаго торжества «премилостивой монархіи» задумываться надъ трагическою смертію русскаго вайточичкова?

Торжество близко: съ первыхъ же чиселъ февраля придворные чиновники и служители отправились въ Москву; въ послѣднихъ числахъ сего мѣсяца «отправили» дочерей царицы Прасковьи Катерину и Прасковью; пріѣхала изъ Митавы герцогиня курляндская съ небольшою свитой, среди которой былъ и камеръ юнкеръ Биронъ; незамедлилъ отъѣздомъ герцогъ голштинскій; наконецъ выѣхали и государь съ государыней: они отправились въ Олонецъ, съ тѣмъ, чтобы проѣхать оттуда въ Москву. 27 февраля всѣ съѣхались въ первопрестольную столицу.

Съ пріѣздомъ въ Москву весь дворъ сталъ нетерпѣливо ждать дня коронаціи. Въ кремлевскихъ палатахъ ежедневно толкались придворные, дивившіеся коронѣ императрицы: она была сдѣлана съ большимъ изяществомъ, осыпана дорогими камнями; оснащены были разными старинными короны и драгоценности, какъ-то сосуды и тѣмъ подобныя дары иноземныхъ посольствъ московскимъ царямъ. Голштинскій герцогъ съ своимъ дворикомъ съ особеннымъ любопытствомъ спрашивалъ то Монса, то сестру его: когда именно предполагается коронація? Но ничего небыло извѣстно положительныхъ, такъ какъ большія приготовленія разныхъ принадлежностей торжества отсрочивали возжеланный день. И тутъ, среди этихъ приготовленій, Петръ заявилъ свой своеобразный взглядъ на личныя права каждаго человѣка: частная собственность, по мнѣнію Петра, всецѣло принадлежала государю. На основаніи этого убѣжденія, отданъ былъ приказъ, чтобы всѣ иностранные и русскіе купцы присылали къ князю Меншикову своихъ лошадей; князю поручено было выбрать изъ нихъ самыхъ лучшихъ шестьдесятъ лошадей для лейбъ-гвардіи (роты кавалергардовъ) на время коронаціи. Нѣкоторые купцы должны были дать отъ четырехъ до шести лошадей, а у другихъ собственно для себя не осталось ни одной.

Всѣ придворные съ необыкновенной озабоченностью толковали о уборахъ, о томъ, кто поведетъ государыню на тронъ и съ трона,

какъ разставлены будутъ обѣденные столы и разсѣжны присутствующіе, будутъ ли приглашены иностранные министры, какія будутъ роботы на дамахъ, привезутъ ли изъ Петербурга великого князя, сына злополучнаго Алексѣя; словомъ — толкавъ, пересудавъ, новостямъ небыло конца, пока наконецъ 5 мая все это прервалось трубными звуками герольдовъ. Москва узнала, что коронаваніе государыни Екатерины Алексѣевны будетъ въ четвертъ, 7 мая.

Мы не станемъ передавать подробности этого дня, быть-можетъ наиблаженнѣйшаго и безъ сомнѣнія наипотрешествѣннѣйшаго въ жизни Екатерины. Не станемъ рассказывать о церемонномъ шествіи всѣхъ синонниковъ съ разными регалиями въ церковь, въ костюмахъ дѣйствующихъ лицъ, о убранствѣ кремлевскихъ палатъ, о общемъ видѣ войска и народа, громаднѣйшими толпами наводившихъ кремлевскія площади и улицы, прилежавшія къ Кремлю; не поведемъ насъ въ соборъ, не умилимы при видѣ нѣсколькихъ слезинокъ, скатившихся по лицу колѣнопреклоненной Екатерины, когда императоръ положилъ корону на ея голову; не останемся на обѣдѣ, на которомъ недурно было бы полюбоваться на ласковость, съ которой услуживали императрицѣ ея камеръ-юнкеры. Монохъ и Балкъ, — а предложимъ охотникамъ до выскотржественныхъ празднествъ развернуть «Дѣлія Петра» Голицева или дѣянія Берггольца и усладиться чтеніемъ длиннѣйшихъ описаній этого дня (1).

«Ты, о Россія! възвѣдалъ въ этотъ день Феоданъ Пропоповичъ: — не засвидѣтельствуюши ли о богомвѣчанной императрицѣ твоей, что прочіишъ раздѣленные дары (т. е. добродѣтели и достоинства Семирамиды вавилонской, Тамары скифской, Пенфесилеи амазонской, Елены, Пульхеріи, Евдокіи императрицы римской и другихъ знаменитыхъ жонъ) всѣ раздѣленные дары Екатерина въ себѣ имѣетъ совокупленные? Не довольно ли видиши въ ней нелицемѣрное благочестіе къ Богу, неизмѣнную любовь и вѣрность къ мужу и государю своему, неусыпное призрѣніе къ порфиророднымъ дщерямъ, великому внуку (т. е. сыну царевича Алексѣя!) и всей высочайшей фамиліи, щедроты къ нищимъ, милосердіе къ бѣднымъ и виноватымъ, матернее ко всѣмъ подданнымъ усердіе? И зри вещь весьма дивную: силы помянутыхъ добродѣтелей виновныя, которыя по

(1) Особенно обстоятеленъ рассказъ Берггольца IV, 44—58. Онъ съ особенною любовью и тщаніемъ, какъ чиновникъ наипотрешествѣннѣйшаго дворика, описалъ всѣ мелочи праздника 7 мая и даже сдѣлалъ планъ Грановитой-палаты съ ея обѣденными столами и убранствомъ.

мѣткію аки огонь съ водою совокупитися не могутъ, въ сей великой душѣ во всесладкую армонію согласуются: женская плоть не умаляетъ великодушія, высота чести не отменитъ умѣренности нравовъ, умѣренность велелѣпію не мѣшаетъ, велелѣпіе икономіи не вредитъ: и всякихъ красотъ, утѣхъ, сладостей изобиліе мужественной на труды готовности и адамантова въ подвигахъ терпѣнія не умагчаютъ. О необычная!.. великая героиня... о честный сосудъ!.. И яко отецъ отечества, благоутробную сію мать російскую въичавый, всю нынѣ Россію твою въичаешь еси!.. Твое, о Россія! сіе благодѣаніе, твоя красота, твой верхъ позлащенъ солнца аснѣ просіалъ.» ⁽¹⁾

Лучъ отъ этого яснаго купола, несогрѣвъ и неожививъ никакимъ чувствомъ Россію, согрѣли однако и «влили радость въ сердца» лицамъ приближеннымъ къ свѣтилу. Въ числѣ первыхъ изъ награжденныхъ былъ Виллиамъ Ивановичъ Монсъ. «Былъ онъ — читася въ оѣціалномъ документѣ — былъ онъ... при нашей любезнѣйшей супругѣ ея величествѣ императрицѣ... неотлучно, и во всѣхъ ему повѣренныхъ дѣлѣхъ съ такою вѣрностью, радѣніемъ и прилежаніемъ поступалъ, что мы тѣмъ всемилостивѣйше довольны были, а нынѣ для вящаго засвидѣтельствованія того, мы съ особливой нашей императорской милости, онаго Виллиама Монсо въ камергеры всемилостивѣйше пожаловали и опредѣлили... и мы надѣмся, что онъ въ семъ отъ насъ... пожалованномъ новомъ чинѣ такъ вѣрно и прилежно поступать будетъ, какъ то вѣрному и доброму человеку надлежитъ.» ⁽²⁾

VII

ДОНОСЪ

1724

Между тѣмъ, въ то время когда Россія, по увѣренію льстеца-Феофана, въ его лицѣ умилялась предъ «неизмѣнной любовью, вѣрностью къ мужу» и предъ другими превысокими добродѣтелями

⁽¹⁾ См. Слово въ день коронаціи г. и. Екатерины Алексѣевны, говоренное въ Москвѣ, въ Успенскомъ соборѣ, 7 мая 1724 г. Соч. Феофана Прокоповича, Спб. 1761, ч. II, 103—111.

⁽²⁾ Патентъ В. И. Монсу. Одновременно съ нимъ награжденъ былъ знаніемъ камергера Петръ Федоровичъ Балкъ-Полевъ; отецъ его Федоръ Балкъ произведенъ въ генералъ-майоры.

Екатерины; въ то время, когда фаворитъ ея получалъ «вищее свидѣтельствованіе особенной милости», — надъ ними подымалась гроза. Тучи скоплялись не со стороны какихъ-либо сановниковъ, не со стороны напимѣръ «великихъ инквизиторовъ» и тому подобныхъ лицъ, которые въ другихъ случаяхъ тщательно доносили о всемъ Петру: нѣтъ, туча надъ Монсомъ исходила изъ самыхъ низшихъ слоевъ дворцоваго общества, — со стороны его служителей и мастеровыхъ.

Главнѣйшимъ изъ служителей, лучше-сказать изъ чиновниковъ, канцеляріи Монса былъ Егоръ Михайловичъ Столѣтовъ. Простой служитель царицы Марфы Матвѣевны, потомъ писецъ адмирала Апраксина, малый весьма и весьма неглупый, пронырливый, вороватый, бойкій на языкъ и письмо, онъ сумѣлъ втереться на службу къ Виллиму Ивановичу; и стоило то ему теплое мѣсто недорого: онъ заплатилъ за него Монсу пицалю въ шесть червонныхъ, антелемъ венгерскаго вина, англійскими шолковыми чулками, кускомъ краснаго сукна и лисьимъ мѣхомъ въ двадцать рублей. Всѣ эти издержки онъ посчиталъ окупить сторицей. Дѣло въ томъ, что послѣдніе годы Монсъ былъ заваленъ всевозможными просьбами; невѣжла въ русской грамотѣ, весь погруженный въ хлопоты объ устройствѣ своихъ домовъ, скопленія состоянія, занятый поддержкой своего фавора, онъ естественно нуждался въ челоуѣкѣ, который бы взялъ на себя трудъ принимать, прочитывать челобитья, входить въ разныя соглашенія съ просителями (разумѣется болѣе мелкими) относительно презентовъ, составлять доклады, словомъ — быть его первымъ секретаремъ и чиновникомъ разныхъ *особыхъ* порученій. Такимъ и сдѣлалъ онъ Егора Столѣтова, «канцеляриста корешпонденціи ея величества». Канцеляристъ скоро появля въ какой степени нуженъ онъ фавориту и незамедлительно закрѣпить за собой разныя права, точно обозначавшія степень его власти и значенія; для этого онъ самъ составилъ инструкцію, Монсъ ее утвердилъ: всѣ приходящія и отходящія письма ея величества вѣдать ему одному, а другого къ нимъ не допускать; онъ одинъ являлся въ коллегіи для объявленія разныхъ указовъ государыни, указовъ, составлявшихся подъ руководствомъ его патрона — Монса; на немъ лежала обязанность составлять докладъ для государыни изъ разныхъ челобитень просителей и просительницъ, и т. д.

Подобная инструкція ясно очерчивала сферу дѣятельности и власти Столѣтова; скоро почувствовали это почти всѣ искатели милости Монса; всѣ они, отъ мелкихъ придворныхъ служителей до свѣтлѣйшаго князя Меншикова — въ 1723—1724 годахъ, отправляя подарки Монсу, не обходили и его дѣлопроизводителя.

Хлопоты Столѣтова состояли въ напominаніяхъ Монсу о тѣхъ или другихъ просьбахъ, въ отводѣ имъ поболѣе мѣста во всеподланный-шихъ докладахъ, въ ходатайствахъ у разныхъ предсѣдателей коллегій, эти въ свою очередь стали оказывать знаки *дружескаго* расположенія къ канцеляристу (1). Служба Столѣтова покупалась разнообразными подарками: тутъ были бѣлье, галстуки, камзолы, тулупы, серебряные чайники, кофейники, сукна, мѣха, бахрама, камка, золотая парча, овесъ, дорожная коляска, лошади, наконецъ деньги отъ 50 до 220 рублей одновременно. Въ числѣ просителей и дарителей, кромѣ множества разныхъ слугъ дворцовыхъ, приказчиковъ, воставщиковъ, управителей дворцовыми нѣбными, чиновниковъ, мы встрѣчаемъ Льва Измайлова, Ив. Шувалова, Степана Лопухина, князя Гагарина, кн. Василія Лукина Долгорукова, князя Алексѣя Долгорукова — столь неутомимаго, задарившаго семейство Монса, князя *Щербатова* — глухого, князя Меньшикова и царевну Прасковью Ивановну. Подарки Столѣтовъ, какъ наивно увѣрялъ впоследствии, «вымѣнялъ не во взятки, но въ благодареніе и въ пріязнь», за исключеніемъ впрочемъ царевны Прасковьи Ивановны, которая жаловала его за то, «чтобъ онъ приводилъ Монса, а тотъ государыню императрицу, чтобъ та ее содержать въ милости своей изволила и домашнее бы имъ (царевнѣ и ея сестрѣ) опредѣленіе учинила».

Секретарь былъ малый хвастливый, тщеславный, болтливый на языкъ, какъ человѣкъ вышедшій изъ ничтожества — чрезвычайно зазнавался и вообще велъ себя крайне неосторожно. Какъ Монсъ дѣйствовалъ именемъ императрицы, такъ Столѣтовъ, бродя по разнымъ канцеляріямъ и коллегіямъ по дѣламъ своихъ «милостив-

(1) Приведемъ перечень лицъ, оказывавшихъ пріязнь Столѣтову, т. е. обращавшихся къ нему съ письменными просьбами и нѣкоторые изъ нихъ съ подарками: Ардыбушевъ, иноземецъ Амандеръ, Воронинъ, Гладковъ, Грузинцовъ, кн. Юрій Гагаринъ, Брончаковъ, Грибодовъ, Генингъ, Дмитріевъ, Федоръ Зеленой — другъ и родственникъ Столѣтова, Левъ Измайловъ, Калугинъ, Константиновъ, Кашкаровъ, Литвиновъ, Ст. Лопухинъ, Фед. Масловъ, Мишуковъ, Мошковъ, Нестеровъ, Носовъ, Павловъ, Василій Поспѣловъ, Рукінъ, Родіоновъ, Розановъ, Селетренниковъ, Марфа Столѣтова, Суровцевъ, Стрельниковъ, иноземецъ Хнибидъ, Ив. Шуваловъ, купецъ Янковъ, протопопъ Ярмѣжковскій и другія лица, фамиліи которыхъ неразборчивы. Всѣхъ дошедшихъ до насъ писемъ къ Столѣтову 114; всѣ они на русскомъ языкѣ. Въ нихъ между прочимъ просили Столѣтова о передачѣ того или другого прошенія его высокогосударскому сіятельству Монсу, просили похлопотать у П. А. Толстого, А. И. Рѣпина, Д. И. Татищева, Ф. М. Апраксина, В. П. Поспѣлова и у другихъ лицъ о разныхъ дѣлахъ: о деревняхъ, о вершеніи тяжбъ, о жалованьѣ, объ отсрочкѣ долговъ и проч.

цевъ» и пріятелей, употреблялъ имя Монса въ видѣ популѣзнаго средства. Все это сдѣлалось извѣстнымъ родственникамъ камергера; объ этомъ же говорили адмиралъ Апраксинъ и Павелъ Ивановичъ Ягужинскій.

— Столѣтовъ у меня жилъ, рассказывалъ адмиралъ Петру Балку, — и Столѣтова я знаю: онъ бездѣльникъ, я имъ былъ недоволенъ и сбѣжалъ его съ двора.

— Брось ты Егора, убѣждалъ Ягужинскій Монса: — онъ твоимъ именемъ много шалить, чего ты и незнаешь.

— Ради-бога брось его отъ себя! со слезами умоляла Виллима Ивановича вся его фамилія: — буде не бросишь, то этотъ Столѣтовъ тебя укуситъ и ты отъ него пропадешь.

— Висѣлицъ—то много! самоувѣренно отвѣчалъ Виллима Ивановичъ: — если Егоръ какую пакость сдѣлаетъ, то... не миновать ему висѣлицы.

Не одна увѣренность въ своей силѣ мѣшала Монсу «отбросить» болтливаго, вороватаго и заносчиваго Столѣтова: этому мѣшало то обстоятельство, что онъ посвятилъ секретаря во всѣ тайны взяточничества; на его попеченіе возложены были многія дѣла, по которымъ Монсъ уже взялъ презенты и которыя слѣдовательно надо было привести къ благополучному исходу; наконецъ Столѣтовъ вообще заявлялъ большія способности къ секретарской должности и былъ человѣкъ по своему времени довольно образованный: такъ онъ зналъ языки нѣмецкій, польскій, а на русскомъ кропалъ даже чувствительные романсы:

О, коль тягость голубю безъ перья летати,

Столь мнѣ безъ друга мила тошно пребывати. 2.

И теперь я младенька въ слезахъ унываю,

Что я друга сердечна давно не выдаю. 2.

Никакой въ сердцѣ своемъ радости не маю,

Ниже коей утѣхи въ себѣ обрѣтаю. 2.

Только всегда младенька горько болѣваю,

Что я безъ друга мила въ свѣтѣ семъ горюю. 2.

Не могу въ сердцѣ своемъ радости имѣти,

Доколѣ друга мила не возмогу зрѣти. 2.

Языкъ бо мой не можетъ ни съ кѣмъ говорити

И очи мои не могутъ на инаго зрити. 2.

Точію азъ слезами себя утѣшаю,

Своего мила друга часто воспоминаю: 2.

Чтѣ ты, любезный друже, меня покидаешь,

Никогда мя горькую не воспоминаешь! 2.

Спомяни мя, сердечный другъ, вѣрную дѣвицу,

Аки згибшую въ темномъ дѣстѣ голубицу, 2.

Ахъ также по всякъ часъ тебя вспоминаю

И всегда непрестанно о тебѣ мысль мою! • 2. ⁽¹⁾

Несмотря на чувствительность, высказываемую въ романахъ, Столѣтовъ не являлъ чувствительности въ обращеніи съ высшими; напротивъ, онъ велъ себя съ крайнею заносчивостью и «гордилъ» съ ними, такъ что его никто не любилъ.

Кромѣ Столѣтова, пособника во взяткахъ, Монсъ имѣлъ другого весьма полезнаго для себя помощника въ дѣлахъ чисто-дворцовыхъ: то былъ извѣстный Балакиревъ ⁽²⁾.

Стряпчій Хутынского монастыря Иванъ Балакиревъ вѣдалъ въ 1703 году сборомъ подушныхъ денегъ съ крестьянъ и монастырскими дѣлами по разнымъ приказамъ ⁽³⁾; нѣсколько лѣтъ спустя мы его видимъ гвардейскимъ солдатомъ. Солдатская лямка была тяжела Балакиреву; въ неисчерпаемой веселости своего характера, въ остроуміи, въ находчивости и способности ко всякаго рода шуткамъ и балагурству онъ нашолъ таланъ «принять на себя шутовство» и этимъ самымъ, при посредствѣ Монса, втереться ко двору его императорскаго величества. Вамъ извѣстны многочисленные анекдоты о проницательности, умѣ, находчивости, смѣлости, правдолюбіи, добротѣ, честности и т. под. достоинствахъ придворнаго шута Балакирева. Все это рассказано въ нѣсколькихъ изданіяхъ «анекдотовъ» и все это болѣе нежели на-половину выдумка досу-жнихъ издателей площадныхъ книжонокъ. Вѣрно одно: что Балакиревъ умѣлъ пользоваться обстоятельствами, умѣлъ дѣлаться полезнымъ разнымъ придворнымъ, былъ дѣйствительно изъ шутовъ не

⁽¹⁾ Въ бумагахъ Столѣтова сохранилось много стихотвореній; всѣ они въ чувствительномъ родѣ: въ нихъ воспѣвается супружеская вѣрность, любовь, высказывается ревность дѣвицы-голубицы, тоска, или мольба къ Богу. Въ прилож. XI № 1 и 2 помѣщено два образчика имъ написанныхъ стихотвореній. Есть стихотворенія — буквальный переводъ чуть ли не съ нѣмецкаго, быть-можетъ съ тѣхъ виршей Монса, которые не дошли до насъ; есть наконецъ пѣсни малорусскія: вѣроятно Столѣтовъ, какъ любитель поэзіи, записалъ ихъ со словъ какого-нибудь парня или дѣвицы. Въ его же и монсовыхъ бумагахъ сохранился длинный реестръ разныхъ книгъ богословскаго и преимущественно историческаго содержанія, на нѣмецкомъ и латинскомъ языкахъ. Кому принадлежали означенныя въ реестрѣ книги — Монсу ли, его ли секретарю, или кому-нибудь другому — неизвѣстно.

⁽²⁾ Замѣтимъ кстати, что даже дворецкій Монса, Иванъ Кузьминъ, получалъ иногда подарки, доходившіе до 50 руб. одновременно, зато что брался обдѣлывать кой-какія дѣлишки чрезъ своего могучаго господина.

⁽³⁾ Роспись Хутынъ монастыря стряпчаго Ивана Балакирева издержаннымъ имъ деньгамъ по монастырскому дѣлу на приказные расходы; роспись его же о сборѣ съ крестьянъ подушныхъ денегъ. 1703 г. № 491, 504.

люживныхъ, но всё его высокія добродѣтели и высокое значеніе его шутокъ — для разсѣянія черныхъ думъ Петра, для спасенія невинныхъ и проч., — все это разлетается дымомъ при первомъ знакомствѣ съ подлинными документами.

Какъ умный человѣкъ, Балакиревъ втерся подъ крылышко Монса; у него онъ былъ домашнимъ человѣкомъ, служилъ разсылнымъ между имъ и Екатериной, высматривалъ и выслушивалъ для него о разныхъ дворцовыхъ дѣлахъ, словомъ былъ его кліентъ, расторопный, но къ нее счастью Монса, подобно Столѣтову, невоздерженъ на языкъ.

Таковы были главные изъ ближнихъ кліентовъ Монса. Познакомившись съ ними, заѣдемъ съ однимъ изъ нихъ, съ Балакиревымъ, къ его пріятелю — обойнаго дѣла ученику, къ Ивану Ивановичу Суворову.

Балакиревъ не въ духѣ.

— Письма я вожу нѣкоторые изъ Преображенскаго къ Виллиму Монсу нужны, говорилъ шутъ, — а мнѣ такія письма скучили, и опасенъ отъ нихъ: мнѣ (вѣдь) первому пропадать будетъ.

— Отъ кого-жъ тѣ письма и какія?

— А вотъ Егоръ Столѣтовъ домогается ключи у Монса отъ кабинета его (взять), продолжалъ Балакиревъ послѣ нѣкотораго молчанія и уклоняясь отъ прямого отвѣта: — а въ томъ кабинетѣ нужны письма лежатъ, и Монсъ еще Егору въ томъ не вѣрить. Я же вотъ — хвасталъ шутъ — въ великомъ кредитѣ у Монса: что хочу у него, то и дѣлаю.

Разговоръ этотъ происходилъ 26 апрѣля 1724 года въ селѣ Покровскомъ, гдѣ проживалъ въ то время Монсъ и куда приносились записки изъ Преображенскаго, резиденціи Екатерины (1).

Суворовъ зналъ не отъ одного Балакирева о «опасномъ» романѣ. Былъ у него однажды «Мишка», слуга царскаго деньщика Поспѣлова. Между прочею болтовнею Суворовъ замѣтилъ:

— Кула-де какія причины дѣлаются во дворѣ! Какъ это Монсъ оченъ (-то ужъ) силенъ сталъ!

— Я еще лучше причину знаю, отвѣтилъ Мишка: — Кобылаковой женѣ (служанкѣ государины) табакерку дали. И она ту табакерку бросила, говоря: «мнѣ-де въ этомъ пропасть! я-де донесу, какъ хотите!»

Подобныхъ извѣстій Суворовъ, какъ надо думать, понабрался и отъ другихъ служителей и служанокъ; свѣдѣніями своими онъ не

(1) Кто писалъ эти записки? Не Матрена ли Ивановна Балкъ, неотлучно бывшая при государынѣ?

замедлялъ подѣлаться съ своимъ товарищемъ Михѣемъ Ершовымъ. Михѣй заочевалъ съ 26 на 27 апрѣля у Суворова; въ ночной тишинѣ между пріятелями завязалась интимная бесѣда.

— Нѣкоторое письмо — говорилъ хозяинъ — перелетѣло нужное изъ Преображенскаго въ Покровское къ Монсу. Я самъ видѣлъ у него подмоченныхъ писемъ много; онѣя не опасно лежали, такъ что люди, которымъ не вадлежало видѣть тѣхъ писемъ, могутъ смотрѣть, чего секретарю, какъ Столѣтовъ, не надлежитъ дѣлать; а когда сушили тѣ письма, тогда унесъ Егоръ Михайловъ (Столѣтовъ) изъ тѣхъ писемъ одно письмо сильненькое, что и рта разинуть боится. И говорили Монсу сестра его Балкина, Петръ Балкъ и Степанъ Лопухинъ, чтобъ онъ Егора отъ себя отбросилъ.

— А что то за письмо? спрашивалъ Ершовъ.

— Хорошенькое письмо! Отдалъ его Егоръ Алексѣю Макарову, а Алексѣй отдалъ Василию Поспѣлову.

Нѣсколько дней спустя, въ первыхъ числахъ мая 1724 года встрѣтился Суворовъ съ своимъ знакомымъ — Борисомъ Смирновымъ у сената, который былъ въ то время въ Покровскомъ.

— Гдѣ ты былъ? спросилъ Смирновъ.

— Въ сенатѣ, для подавнія челобитной о себѣ прозительной, о приченіи къ добрымъ людямъ.

— Ты бы челобитную-то подалъ Монсу.

— Опасаюсь, отвѣчалъ Смирновъ: — чаю его себѣ неблагодытелемъ, повеже и въ панинѣ дѣлѣ Монсъ его, паниной, стороны былъ.

— Виллимъ (—то Монсъ)? Хорошъ! говорилъ Суворовъ. — Хорошо его подѣли на арканъ! Живетъ (вишь) у него секретарь его, который все что онъ ни дѣлаетъ — записываетъ.

— Чтѣ во многихъ искать! передавалъ потомъ эту новость Смирновъ Ершову: — чтѣ во многихъ искать! И лучшаго-то — Монса — Егорка подѣпилъ на арканъ.

Странно было бы, еслибы въ тогдашнее время изъ всѣхъ этихъ собесѣдниковъ о вещахъ «вельми противныхъ» не нашлось бы ни одного извѣтчика. Такимъ объявился Михѣй Ершовъ. Страхъ ли наказанія за то, что о слышанныхъ словахъ не донесъ, вадлежала ли на награду, желанье ли погубить ненавистнаго всѣмъ имъ Егорку Столѣтова изъ чего-бы то нибыло, только Ершовъ рѣшился подать доносъ.

Рѣшеніе его однако не могло скоро осуществиться: этому помѣшала коронація. Начался рядъ празднествъ, всѣ были заняты и едали кому охота была принимать, а тѣмъ болѣе розыскивать по доносу. Но вотъ шумъ и суетня великихъ торжествъ угмонни-

лись, придворные заговорили о скоромъ отъѣздѣ царской фамилии въ Петербургъ, начались сборы; государыня и ея дочери принимали уже прощальные визиты герцога голштинскаго и другихъ знатныхъ персонъ. Ершовъ побоялся далѣе мѣшкать, и во вторникъ 26 мая подалъ доносъ.

«Я, Михѣй Ершовъ, — писалъ извѣтчикъ, — объявляю: сего 1724 года апрѣля 26 числа ночевалъ я у Ивана Иванова-сына Суворова, и между прочими разговорами говорилъ Иванъ мнѣ, что когда сушили письма Виллима Монса, тогда де унесъ Егоръ Михайловъ изъ тѣхъ писемъ одно письмо сильненькое, что и рта разинуть боятся...» Наконецъ добавилъ замѣчаніе Смирнова: Егорка-де подцѣпилъ Монса на арканъ.

Допросили Смирнова; тотъ подтвердилъ о своемъ разговорѣ съ Суворовымъ у сената. Дѣло первой важности. Тутъ не извѣтъ на какое-нибудь пьяное слово, будтобы вредительное къ чести его императорскаго величества: тутъ дѣло идетъ нешуточное, указывается на письменный документъ, называются лица, и лица все близкія, доверенныя Петру. Чтожъ, въ тотъ же день ихъ призывали къ допросу, арестовали, застѣнокъ огласился воплями истязуемыхъ? — Ничего небывало. Кому поданъ доносъ, кто выслушивалъ объявленіе Ершова, гдѣ происходило съ нимъ объясненіе, наконецъ почему немедленно не допрѣсили оговоренныхъ въ немъ, если не Макарова и Поспѣлова, то менѣе важное лицо — Ивана Суворова, — всѣ эти вопросы остаются неразрѣшенными. Доносъ точно канулъ въ воду. Петръ не узналъ о немъ. Но чело-вѣкъ, рѣшившійся скрыть извѣтъ и наложить молчаніе на Ершова и Смирнова, какъ кажется, немедленно далъ знать о всемъ случившемся Екатеринѣ.

Она въ это время наслаждалась полнѣйшимъ счастіемъ. Каждый день маленькій домикъ Преображенской слободы наполнялся именитыми гостями; угощеніе не прекращалось; самъ государь былъ какъ нельзя болѣе въ духѣ все время, щеголялъ — ради коронованной хозяйки — въ новыхъ французскихъ кафтанахъ, и ради веселья и собственнаго счастья радушно принималъ всѣхъ и каждого изъ собственныхъ рукъ. Словомъ Екатерина была весела, спокойна, довольна и пользовалась вожделѣннымъ здоровьемъ. Вдругъ 26 мая, во вторникъ, когда Петръ былъ гдѣ-то въ отлучкѣ, съ Екатериной дѣлается сильнѣйшій припадокъ, родъ удара. Больной немедленно пустила кровь; она очень ослабѣла, такъ что отданъ былъ приказъ по церквамъ — въ продолженіи недѣли имѣть молебны за ея выздоровленіе. 31 мая ей опять стало хуже.

Государь, не зная причины болѣзни, былъ довольно спокоенъ,

ѣздилъ на желѣзные заводы, и 16 іюня, лишь только замѣтилъ, что женѣ лучше, оставилъ ее оправляться, а самъ поспѣшилъ въ дорожное для него петербургское болото.

Здѣсь-то, шесть мѣсяцевъ спустя, вновь вынырнулъ страшный доносъ Ершова.

VIII

ПРЕДЪ РОЗЫСКОМЪ

1724 г.

16 іюня 1724 года, какъ мы видѣли, государь оставилъ Москву, а въ ней недужную супругу. Деньщикъ Древникъ получилъ приказаніе выждать ея выздоровленія, и лишь только она подымется въ отъѣздъ, ѣхать впередъ и извѣстить о томъ императора. По всему было видно, что государь ничего не зналъ о роковомъ доносѣ: Петръ попрежнему былъ внимателенъ, вѣженъ и заботливъ къ Екатеринѣ. «Катеринушка, другъ мой сердешинькой, здравствуй! — привѣтствовалъ онъ ее съ дороги въ Петербургъ. — Я вчера съ прибылъ въ Боровичи слава-богу благополучно, здорово, гдѣ нашолъ нашихъ потрошонковъ (т. е. дѣтей) и съ ними вчера съплылъ на одномъ суднѣ;зѣло мучился отъ мелей, чего и тебѣ опасуюсь, развѣ съ лождей вода прибудеть; а ежели не прибудеть и сносно тебѣ будетъ, лучше-бъ до Бронницъ ѣхать (тебѣ) сухимъ путемъ; а тамъ ямы (т. е. станціи) частые, — не надобно волостныхъ (подводъ). Мы въ запасъ въ Бронницахъ судно вамъ изготавимъ... дай-боже васъ въ радости и скоро видѣть въ Питербурхѣ.» На любительной грамоткѣ, безъ сомнѣнія по желанію Петра, приписывали и «потрошонки» — Анна и Елисавета.

Вѣхалъ государь въ дорогой для него Петербургъ и незамедлилъ въ цидулкѣ подѣлиться чувствами съ «Катеринушкой». «... нашолъ все — писалъ онъ между прочимъ — какъ дитя въ красотѣ растущее, и въ огородѣ (т. е. въ Лѣтнемъ саду) повеселились; только въ палаты какъ войдешь, такъ бѣжать хочется: все пусто безъ тебя... и ежелибъ не праздники зашли (т. е. годовщина полтавской битвы и день Петра и Павла), уѣхалъ бы въ Кронштатъ и Питергофъ. ... дай-богъ васъ въ радости здѣсь выдѣть вскорѣ! Кораблей чужестранныхъ здѣсь 100 въ приходѣ.»

Только-что отправился гонецъ съ цитованной нами грамоткой,

какъ на другой день государь самъ получилъ письмецо отъ «Катеринушки»: та писала, что пришла въ «старое» здоровье, что она отправляется изъ Москвы, и шутила въ прежнемъ родѣ. Какъ обрадовался государь вѣсточкѣ, можно судить изъ того, что онъ въ тотъ же день послалъ ей навстрѣчу суда, а на нихъ обычные презенты: «венгерское, пиво, помаранцы, лимоны и соленые огурцы». Та немедленно отвѣтами, писала съ пути, поздравляла съ празднествами 27—29 іюня, заявляла «сердечное желаніе въ радости васъ скорѣе видѣть» (1).

Между тѣмъ какъ государыня, оправившись отъ неожиданнаго удара, сиѣшила въ Петербургъ на радостную встрѣчу, втеченіи пути въ толпѣ ея многочисленной свиты шло шушуканье о вещахъ для нея опасныхъ.

— Монсова фамилія, — рассказывалъ придворному стрижену Константину знакомый уже намъ Суворовъ — Монсова фамилія вся приходила къ Монсу просить со слезами, чтобъ онъ Егора Столѣтова отъ себя отбросилъ, а то можетъ онъ, Монсъ, отъ Егора пропасть. Монсъ отвѣчалъ, вѣжливецъ де много. Егоръ, свѣдавъ про то, сказалъ: «онъ, Монсъ, прежде меня попадетъ на вѣслицу». И достигалъ Егорка у него, Монса, изъ кабинета одного письма, однако не досталъ.

О силѣ того письма Суворовъ по незнанію или по осторожности промолчалъ.

Суворовъ спросилъ у Константина: «А знаешь ли ты Балакирева?»

— Не очень знаю.

— Этотъ Балакиревъ хотя и шалуномъ кажется, однако не промахъ!

Разговоръ, какъ кажется, ничего не заключалъ въ себѣ интереснаго, а между тѣмъ кто-то имъ очень заинтересовался; кто былъ этотъ любопытный, изъ-за чего онъ чутко прислушивался къ подобнымъ толкамъ — неизвѣстно. Зато извѣстно, что въ тотъ же день составлена была «записка для памяти, что Иванъ Суворовъ рассказывалъ Андрею Константинову, ѣдучи въ дорогъ отъ Москвы

(1) На прогоны государынѣ отъ Москвы до Вышняго-Волочка выдано было изъ кабинета 1000 руб. Макаровъ, препровождая деньги въ распоряженіе Монса, просилъ давать ямщикамъ по 1 деньгъ на версту за лошадь, а то императрица въ прежнія потѣзки платила по 1 алтыну на 10 верстъ: «и того было гораздо мало, отъ чего бѣдные зѣло скучаютъ». Письмо Макарова къ Монсу 17 іюня 1724 г.

до Петербурга». Записка спрятана. Кто ее доставилъ, кому подаль, почему она исчезла до времени; все это остается загадкой.

Интрига какъ-виднo обдуманная, осторожная, велась противъ Мовса; надъ нимъ скопалась гроза. Отношенія же между тѣмъ государя къ государынѣ, а слѣдовательно и значеніе нашего героя оставались прежнія.

Такъ 8 іюля 1724 г. Екатерина была встрѣчена съ большимъ торжествомъ: цѣлая флотилія буеровъ выплыла къ ней настрѣчу за Александроневскую лавру, и немало пороку было разстрѣляно, немало вина было распито, прежде нежели окончились поздравленія императрицы съ благополучнымъ прїѣздомъ. Но глазъ наблюдателя легко могъ замѣтить, что эти поздравленія, тосты, пушечные залпы, не могли придать силу и бодрость государынѣ; замѣтно было, что необъяснимый для двора припадокъ 26 мая сильно потрясъ организмъ Екатерины; она была еще очень слаба и даже не садилась за столъ. Впрочемъ это продолжалось недолго. Скоро послѣдовали обычные пиры съ обычными явленіями; пиры эти въ лѣто 1724 года задавались при дворѣ какъ-то особенно часто, такъ какъ поводовъ къ нимъ было много: безпрестанно спускали нововыстроенные корабли, фрегаты, мелкія морскія и рѣчныя суда. Рѣдкая изъ парусекъ при этихъ случаяхъ, особенно размашистыхъ, обходилась безъ присутствія императрицы. Государь, оживленный явленіемъ «новорожденнаго» адмиралъ-баса Головина (1), оживленный участіемъ въ его радости «свѣтъ-Катеринушки», былъ обыкновенно въ очень хорошемъ расположеніи духа. Прямымъ слѣдствіемъ было то, что «новорожденныхъ» окрещивали страшнѣйшими водкоблїянїями. Вино оказывало свое дѣйствіе: возникали осоры, дѣло не обходилось безъ затрещинъ; то птенцы клевали другъ друга... Если «новорожденное» судно было невелико, то государыня иногда не принимала участіе въ пирѣ, но объѣхавъ судно въ своей баркѣ, осушала бокалъ за здоровье «свѣтъ-батюшки», и этого было довольно: «государь опять былъ въ очень хорошемъ расположеніи духа». А запируется онъ и жена ѣдетъ къ нему съ «напоминаеміемъ»: «нора домой, Батюшка.» Батюшка слушается и оставляетъ сотоварищей.

Бывали ли въ это время свадьбы придворныхъ чиновниковъ и служителей — и на нихъ, по обыкновенію, почти всегда можно было встрѣтить Петра и Екатерину: ихъ величества бывали очень веселы.»

(1) «Новорожденными» дѣтками Головина назывались новые корабли.

На государя особенно часто въ это время находила шутливость и онъ шутилъ грубо, цинически, но по своему времени остроумно. Что Монсы и Балки ⁽¹⁾ нисколько не теряли «кредита», видно изъ того, что государь съ государыней посѣщали ихъ семейные праздники: такъ 11 августа высочайшія особы были на крестинахъ дочери Балки *Екатерины*; нѣсколько дней спустя мать Балки фигурировала на свадьбѣ тайнаго кабинетъ-секретаря Макарова въ качествѣ «сестры жениха»; словомъ положеніе этого семейства при дворѣ, какъ относительно державныхъ супруговъ, такъ и въ кругу вельможъ и аристократовъ, нисколько не умалилось.

30 августа, въ воскресенье, все блестящее петербургское общество вслѣдъ за государемъ и государыней и во главѣ многочисленнаго скопища народа принимало участіе въ религіозно-политической процессіи. Въ этотъ день Петербургъ вышелъ во срѣтеніе мощей св. Александра-невскаго. Страстный охотникъ до катаній по волѣ, Петръ и эту церемонію устроилъ на рѣкѣ: многочисленная флотилія пушечными залпами встрѣтила мощи славнаго князя. «Звонъ колоколовъ неумолкалъ — повѣствуетъ Верхголецъ: — необъятное множество зрителей крестились и кланялись. Большая часть изъ нихъ, проникнутая глубокимъ благоговѣніемъ, горько плакала. Императрица съ двумя дочерьми, затѣмъ обѣ герцогини Анна и Екатерина и всѣ дамы, въ великолѣпнѣйшихъ нарядахъ, находились на переднемъ монастырскомъ дворѣ (въ Александроневской лаврѣ), у архіерейскаго дома, и тамъ ждали приближеній мощей. Увидѣвъ ихъ, онѣ также начали креститься и кланяться, причемъ нѣкоторыя старыя дамы заливались слезами неистощимости. Какъ скоро мощи пронесли мимо ея величества императрицы, она послѣдовала за ними въ часовню со всею своею свитою и впереди духовенства» и проч. За религіозными церемоніями слѣдовалъ пиръ; отшельники Невской лавры явились радушными хозяевами. Гостямъ подавалось мясо, провозглашались тосты, въ стѣнахъ мирной обители гремѣли пушки.

Словомъ всѣ церемоніи, празднества, спуски кораблей, свадьбы придворныя, рѣчныя катанія и прогулки въ «огородѣ» рѣдко обходились и въ это время безъ присутствія государыни. Ее всегда можно было видѣть подлѣ ласкающаго ее супруга, всегда можно было видѣть и знаки вѣрнопопавшичества, расточаемые ей вельможами; такъ напримѣръ при провозглашеніи тоста за ея здоровье на од-

(1) Петръ Федоровичъ Балкъ одновременно съ Монсомъ пожалованъ былъ камергерствомъ.

ной изъ пирушекъ, 25 октября 1724 года, всѣ старые и именитые сановники пали къ ея ногамъ. Подобныя заявленія «рабской преданности» были нерѣдки.

Въ виду чувствительныхъ сценъ, въ виду нѣжныхъ цидулокъ государя ⁽¹⁾, словомъ при прежнемъ значеніи Екатерины не уменьшалась власть и сила ея фаворита.

Послѣ удара надъ Екатериной и по отъѣздѣ Петра изъ Москвы, Монсъ скоро былъ обрадованъ грамоткой Василья Поспѣлова: «Государь мой братецъ вилимъ Ивановичъ, — писалъ Поспѣловъ — покорно прошу васъ, моего брата, отлат мой долшій поклонъ моеи милостивой государыне матушке, императрице Екатерине Алексѣевне; и слава богу, что слышимъ еѣ величество в лутчемъ состояніи; дай Боже і вперед благополучне слышат. Остаюсь вашъ моего друга и брата слуга Петровъ Поспеловъ.»

Кто былъ Поспѣловъ, мы уже видѣли; понятно, что ласковая цидулка отъ него не могла не быть пріятной Монсу; «на верьху» значить все благополучно, могъ думать онъ, — если любимѣйшій деньщикъ царя пишетъ столь любительно.

И Монсъ, безъ сомнѣнія встревоженный вначалѣ доносомъ, мале-помалу успокоился. Занятія по службѣ, хлопоты по дѣламъ чедобитчиковъ, милость государыни и ласкательство двора, быстро разсѣяли его опасенія. Служебныя занятія оставались прежнія: онъ вѣдался съ поставщиками какихъ-нибудь «гданскихъ» волокъ для двора ея величества», подряжалъ «живописцевъ для нѣкотораго исправленія комедіи», рассчитывался съ разными дворцовыми подрядчиками, списывался съ управляющими по имѣніямъ государыни, выслушивалъ ихъ жалобы другъ на друга ⁽²⁾, отставлялъ отъ мѣста

⁽¹⁾ Последняя (напечатанная) цидулка Петра къ «Катеринушкѣ, другу сердешниному» была отъ 31 октября 1724 года.

⁽²⁾ Жалобы эти были весьма не мягкаго свойства: напримѣръ нижегородскій приказчикъ государыниныхъ имѣній, Киселевской, доносилъ, и главноуправляющій Палибинъ подтверждалъ доносъ, что другіе приказчики тѣхъ же имѣній, Грузинцовы «чиняютъ крестьянамъ обиды и разореніе». Грузинцовы, подаривъ Монсу, Столѣтова, Балкшу (последней дано было 100 руб.) и имѣя ходатаевъ въ лицѣ богатыхъ помѣщиковъ Горскихъ, писали къ Монсу въ качествѣ оскорбленной невинности: «со слезами просимъ васъ, своего государя, къ принятію доношенія отъ насъ нижайшихъ на вора и душегубицу Киселевскаго, и разбойника, и церковнаго мятежника, и многихъ показанныхъ дѣлъ при розыскѣ доказано свидѣтелями» и т. д. въ томъ же родѣ, въ тѣхъ же крѣпкихъ словахъ, ведущихъ къ слезному моленію; «сотвори государь съ нами божескую милость, чтобъ отъ такого вора напрасно не разорится; со слезами и рабски просимъ» и проч.

однихъ , принималъ другихъ , и разумѣется чинилъ все то не безъ малыхъ презентовъ . Въ получкѣ послѣднихъ , какъ уже извѣстно , принималъ участіе обреченный Монсомъ на висѣлицу , тѣмъ немнѣе все-таки довѣреннѣйшій его секретарь Столѣтовъ : «Васъ нижайше прошу , — писалъ напимѣръ Степанъ Лопухинъ къ Егору Михайловичу : — посланъ человекъ отъ моего друга , князь Алексѣя Григорьевича Долгорукова къ дядюшкѣ , котораго прошу неоставить и дядюшкѣ въ дѣлѣ его (Долгорукова ; о дѣлѣ см. выше) воспоминать... и представъ онаго (посланнаго) всегда дядѣ (Монсу) по всякой возможности , чтобъ онъ отъ него все выслушавъ съ покоемъ , за что я вамъ истинно самъ служить потщуся сердечно , и онъ (Долгоруковъ) вамъ будетъ благодарить.» Знатнѣйшіе аристократы , впрочемъ изъ опальныхъ семействъ , въ лицѣ напимѣръ князя Юрія Гагарина , заискивали у «канцеляриста корешпонденціи» : «въ надеждѣ вашей дружеской милости прошу васъ , ежели возможно , вамъ пожаловать облещитца ко мнѣ сей день откушать ; ежели же невозможно , вѣдаю , что вамъ многія суеты (т. е. заботы) , то прошу хотя на одинъ часъ...» и проч . Свиданія этого жаждетъ князь для узнанія о судьбѣ своей и женивой челобитной , вѣроятно по дѣлу о конфискованныхъ имѣніяхъ кого-нибудь изъ своихъ родственниковъ : «я трижды прѣзжалъ ко общему нашему милостивому патрону Виллиму Ивановичу , только не получилъ видѣть , и иногда и на дворѣ не пускають : по истиннѣ я вѣдаю , что нынѣ дѣло ему суетно» и пр . Какъ однако ни было суетно , но Виллимъ Ивановичъ все-таки имѣлъ время принимать подарки ; такъ втеченіе времени съ мая по октябрь въ 1724 году — помѣщикъ одинъ прислалъ ему изъ Симбирска персидскую кобылу ; въ то же время московская купчиха иноземка просила его «воспріять во благо» два куса тончайшихъ кружевъ да 500 червонныхъ ; крестьянинъ подмосковный , по своему дѣлу , поднесъ 400 рублей ; другой челобитчикъ , «въ несумнѣнной надеждѣ , послалъ къ Виллиму Ивановичу , отцу и государю , иноходца карева , съ просьбой , какое-то прошеніе всенижайшее принять , равно какъ и убогое дарованіе , принесенное отъ усердія...» Кунецъ иноземецъ билъ челомъ сотней бутылокъ понтану да вѣсколькими бутылками пива , бочкой базарака , ящикомъ бургонскаго , ящикомъ

Въ той же надеждѣ «высокой его превосходительства къ себѣ милости , беретъ на себя смѣлость» (такъ говоритъ Монсу не простой приказчикъ , а князь Хованской) — «по незаслугамъ своимъ утруждать его превосходительство , милостиваго своего патрона Виллима Ивановича» по одному своему семейному дѣлу . Въ этихъ просьбахъ важно не содержаніе , но тонъ ихъ и безпрестанныя извиненія , «что такъ осмѣлился ваше превосходительство утрудить , ту смѣлость принялъ» и проч .

шампанскаго и проч. винъ; Александръ Нарышкинъ подарилъ ему на заводъ двѣ кобылы; Нарышкинъ дарилъ ради «новой пріязни»; другой нашъ знакомый, помѣщикъ Отлевъ, подарилъ по «старой дружбѣ» двухъ собакъ да *охотника*. Мошковъ еще въ маѣ презентовалъ для вновь строящагося дома Монса бесѣдку изъ дома царевича Алексѣя; царица Прасковья, хлопоча о домовомъ съ сестрами раздѣлъ, посылала ему восточно съѣстные запасы. Словомъ Виллимъ Ивановичъ попрежнему не брезгаетъ ничѣмъ, и точно предчувствуя близкій расчётъ, беретъ все больше и больше, чаще и чаще. Семѣ бѣла — одинъ отвѣтъ!

«Особливому отцу въ нуждѣ» падаютъ въ ноги цѣлыя товарищества, депутація: такъ слезно молятъ его нѣсколько крестовыхъ дяковъ «не отринуть ихнаго прошенія отъ *своего высочества* (!)»... о ходатайствѣ ихъ за долговременную службешку «жалованья»; такъ пишутъ къ нему и донское казачество въ лицѣ «старшинъ своихъ съ товарищи»: «вамъ, нашему премилостивому государю и патрону, — пишутъ козаки — зѣло благодарствуемъ, что вы насъ милостиво содержите, и впредь покорно просимъ, о чемъ посланной нашъ есаулъ будетъ вашего благородія просить, дабы его прошеніе оставлено не было, за что должествуемъ вамъ, нашему премилостивому... патрону сослужить.»

Дѣло казаковъ, какъ кажется, касалось размежки земель ихъ съ владѣльцами сосѣднихъ жалованныхъ помѣстій. Виллимъ Ивановичъ незадумываясь хлопоталъ въ пользу казацкихъ старшинъ, и одновременно съ тѣмъ же *безкорыстіемъ* радѣлъ о удовлетвореніи просьбы лейбъ-кучера Возжинскаго. Послѣднему пожелалось получить чинъ и дворянство; чрезъ кого достать и то и другое? ну разумѣется чрезъ Монса. Государыня дала указъ, камергеръ отписалъ къ Остерману: «сочините-де патентъ»; тотъ сочинилъ, препроводилъ къ Монсу на разсмотрѣніе, и тутъ же явилъ обычную осторожность: «ежели оный (патентъ) — писалъ Остерманъ Монсу 7 августа 1724 г., — его величество изволить апробовать, то надобно его напечатать, ибо всѣ патенты имѣютъ быть печатные. Впрочемъ вашему благородію доношу, что понеже, по указамъ и регламентамъ его императорскаго величества, на дворянство патенты опредѣлено давать изъ сената, то не изволите-ль ваше благородіе о помянутомъ лейбъ-кучерѣ, что онъ во дворѣ пожалованъ, сообщить прямо въ сенатъ, дабы намъ въ сочиненіи такихъ патентовъ не учинить никакой противности указамъ и регламентамъ, въ чемъ я не безонасенъ.»

Но какъ трусливъ и осмотрителенъ былъ Андрей Ивановичъ,

такъ напротивъ того самонадѣянтъ Виллиамъ Ивановичъ; пожалованіе дѣйствъ-вчера дворянствомъ принадлежало къ числу неважныхъ для него операций; вѣтъ, онъ не затруднился вмѣшаться въ дѣло первой важности, въ «сочиненіе брачнаго союза единой изъ дочерей великаго государя». Монсъ былъ ревностнымъ ходатаемъ герцога голштинскаго.

Герцогъ голштинскій Карлъ-Фридрихъ прибылъ изъ Германіи въ Ригу въ началѣ 1721 года. Это былъ молодой человѣкъ двадцати одного года, слабаго сложенія, маленькаго роста и бѣдный; жертва сѣверной войны, лишенный своихъ владѣній королемъ датскимъ, герцогъ сохранилъ за собой только небольшую територію съ главнымъ городомъ Килемъ. Между тѣмъ Петръ исходомъ сѣверной войны дѣлался сильнѣйшимъ государемъ Европы, и вотъ герцогъ, въ качествѣ бѣднаго претендента, претендента однако съ большими претензіями, является въ Россію искать денегъ, связей, войска. Претендентъ на отнятія у него голштинскія владѣнія, претендентъ (въ качествѣ племянника Карла XII) на шведскій престолъ, Карлъ-Фридрихъ искалъ защиты и помощи въ Петрѣ; а чтобъ получить и то и другое, онъ сталъ добиваться руки одной изъ дочерей государя. Въ годъ его пріѣзда Аннѣ было тринадцать, Елисаветѣ одиннадцать лѣтъ. Гости приняли хорошо; государь ласкалъ его, приглашалъ на всѣ празднества, время отъ времени, особенно подъ веселую минуту, являлъ знаки своего расположенія, но дѣла герцога все-таки не подвигались ни въ отношеніи предполагаемаго брака, ни въ отношеніи его династическихъ притязаній. Все оканчивалось полубѣщаніями. Петръ смотрѣлъ на него какъ на орудіе, которое можетъ при случаѣ пригодиться, чтобъ пригрозить кому-нибудь или запутать и затянуть какіе-нибудь дипломатическіе вопросы. Дневникъ Берхгольца, безъ сомнѣнія вопреки желанію самого автора, служитъ лучшимъ матерьяломъ для представленія себѣ личности голштинскаго претендента и для представленія себѣ той роли, какая выдалась ему съ 1721 по ноябрь мѣсяцъ 1724 года.

«Во все это время Петръ съ нимъ шутитъ, поитъ и спиваетъ его, и болѣею частью во всемъ вѣтомъ просвѣщаетъ какое-то небрежное покровительство; а иногда онъ не только не церемонится съ гостемъ, но и не обращаетъ на него никакого вниманія... Всѣ (т. е. собственно приближенные герцога) считаютъ его женихомъ великой княжны, а дѣло ограничивается неловкими реверансами или этикетнымъ цѣлованьемъ ручки. Вотъ кажется блеснуть лучъ надежды и объявятъ ихъ обрученіе. Не тутъ-то было; внезапно великихъ

княжонъ увозять куда-нибудь, или герцога перестаютъ звать во дворецъ за отъѣздомъ Петра, или по другимъ причинамъ. Герцогъ едва имѣетъ средства къ существованію, не знаетъ какъ помочь плѣннымъ шведамъ, которыхъ забываетъ передъ отправленіемъ ихъ въ Швецію. Но на дары Петра много рассчитывать нечего. Они заключаются по большей части въ красномъ яйцѣ, подаренномъ въ свѣтлое воскресенье, или въ присылкѣ какихъ-нибудь продуктовъ натурой къ обѣду, за что надо отблагодарить напримѣръ сереналой въ именины Екатерины, для чего нужны деньги на музыкантовъ и проч. Нужда въ деньгахъ и безъ того настоятельная, а тутъ вдругъ сюрпризъ: царскій приказъ шить костюмы на всю свиту для предстоящаго маскарада, или строить подмостки для какихъ-нибудь иллюминацій, или готовиться къ немедленному отъѣзду въ Москву. Въ награду за все это герцогъ получаетъ улыбку, или шуточку, или нѣсколько стакановъ вина изъ рукъ Екатерины и ея дочерей: и какъ онъ и всѣ его придворные радуются, какому предаются восторгу, если на него обращено хоть малѣйшее вниманіе! Чтобы вызвать его, герцогъ напрягаетъ силы на царскихъ пирушкахъ. Страсть къ пьянству является главнымъ пунктомъ его соприкосновенія съ русскими вельможами. Многочисленные свои досуги Карлъ наполняетъ или попойками, или препровожденіями времени, въ которыхъ проявляются нелѣпыя вкусы тогдашнихъ карикатурныхъ и миниатюрныхъ германскихъ двориковъ, формальность и этикетъ, растворенныя казарменностью. Онъ учреждаетъ изъ своихъ придворныхъ то форшвейдеръ-колегію, то тостъ-колегію, уставъ которой опредѣляетъ мельчайшія подробности всякаго ужина, то какое-то обыкновенное свое общество, гдѣ участвуютъ только избранные. Вдругъ устанавливается имъ какой-нибудь орденъ «винограднои кисти», а черезъ нѣсколько времени — «тюльпана», или «дѣвственности», и онъ съ важностью жалуетъ шутовскіе ихъ знаки нѣкоторымъ приближеннымъ. Лѣтомъ на дачѣ герцогъ составляетъ изъ своей свиты войско, которое располагаетъ въ лагерь и мучитъ ученьями, а иногда играетъ имъ въ войну, и т. п. Таковы были преимущественно... упражненія молодого человѣка, имѣвшаго желаніе и даже шансы не только властвовать въ Голштиніи, но царствовать въ Швеціи или управлять Россіей.» (1)

(1) Дневникъ камеръ-юнкера Берхгольца, веденный имъ въ Россіи въ царствованіе Петра-великаго съ 1721 по 1725 годъ. Перевелъ съ нѣмецкаго И. Аммонъ. 4 ч. 8 д. М. 1857—1860 г. Критическая статья по поводу этого изданія М. Н. Лонгинова, въ «Русск. Вѣстн.» 1860 г. кн. XII, с. 448—450.

Въ 1724 году надежды герцога особенно окрылились; онъ съ нетерпѣньемъ ждалъ коронаціи Екатерины, твердо вѣруя съ своими голштинцами, что одновременно съ нею объявятъ его обрученіе. Надежды эти поддерживалъ Монсъ. Голштинцы умѣли свискать пріязнь фаворита, что имъ, какъ вѣмцамъ, было нетрудно; Монса и Балку принимали они съ почетомъ, герцогъ дарилъ какъ ихъ, такъ и Матрену Ивановну золотыми табакерками, лентами, собаками и т. п. игрушками, насколько то позволялъ его скудный достатокъ ⁽¹⁾; ходатайству Монса надо приписывать то, что Екатерина также являла чувство любви и расположенія къ герцогу, посылала ему время отъ времени подарки и вообще смотрѣла на него несравненно милостивѣе и была къ нему внимательнѣе, нежели государь.

Льстя себя надеждой, что время осуществленія его желанія близко, эксъ-женихъ съ января 1724 года рѣшился познакомиться съ русскимъ языкомъ. Учителемъ его былъ переводчикъ шведъ, но кажется на первыхъ урокахъ занятія остановились, покрайнеймѣрѣ акуратный Берхгольцъ не говоритъ далѣе о нихъ ни слова. Да и до ученія ли было человѣку, котораго, какъ самъ онъ рассказывалъ, съ малолѣтства еще отучили отъ всякаго ученія безсмысленнымъ заучиваніемъ кучи предметовъ; до ученія ли было тому, кто каждый день, незная чѣмъ убить время, волновалъ себя мечтами: состоится или не состоится соблазнительно выгодное для него сватовство? Но ктоже его невѣста? А ему все равно — Анна или Елисавета; послѣдняя даже больше ему нравится, но все равно онъ готовъ по первому указанью государя воспылать страстью къ любой изъ его дочерей, а пока онъ одинаково нѣжно цѣлуетъ имъ ручки и отвѣшиваетъ глубочайшіе поклоны.

3 февраля 1724 года, въ день ангела Анны Петровны на обѣдѣ и на балѣ государь былъ очень ласковъ съ ея величествомъ: этого было довольно, чтобъ дать надежду голштинцамъ, бывшимъ тутъ же съ герцогомъ, что-де въ этотъ день будетъ объявлено что-нибудь положительное о бракѣ Карла Фридриха; «но увы! ожиданія наши не сбылись, — такъ писалъ по возвращеніи домой Берхгольцъ: — и теперь остается только надѣяться, что авось наконецъ въ корона-

(1) Любимцу царицы голштинцы постоянно расточали знаки особенной пріязни. Такъ еще въ 1721 году тайный совѣтникъ Бассевичъ давалъ обѣдъ иностраннымъ 2 министрамъ и камеръ-юнкерамъ царицы, Монсу и Балку; наконецъ самъ герцогъ нерѣдко бывалъ у «генеральши Балкъ», гдѣ онъ по нѣскольку часовъ проводилъ въ пріятной болтовнѣ съ хозяйкой, съ ея прелестной дочерью Натальей Лопухиной и съ другими членами этого семейства.

цію, съ божією помощію, все приведено будетъ къ желанному окончанію.»

За справками, обнадеживаніями, вообще для переговоровъ по этому и другимъ дѣламъ голштинцы обращались къ Монсу. Такъ между прочимъ 17 февраля оберъ-камергеръ герцога, графъ Бонде отправился къ Монсу, чтобъ узнать, когда его королевскому высочеству можно будетъ пріѣхать проститься съ государыней, по случаю ея отъѣзда въ Москву. Камеръ-юнкеръ самъ явился къ герцогу съ извѣщеніемъ отъ государыни, что проститься теперь она не можетъ, причемъ Екатерина послыдала поклонъ и соболѣю шубу въ 1500 рублей. Герцогъ успѣшилъ отдарить посланнаго золотой табакеркой.

Прошолъ февраль, кончался мартъ, — дворъ давно гостилъ въ Москвѣ, шлѣ оживленныя приготовленія къ коронаціи, но объ обрученіи герцога со стороны государя не было и помину. Тѣмъ не менѣе Карлъ-Фридрихъ провозглашалъ тосты съ похвальными для всѣхъ намеками на его желанія; государь отвѣчалъ на нихъ весьма охотно и смѣялся надъ ними. Тосты эти были: за успѣхъ всего хорошаго, за желанія и надежды наши; весна приноситъ розы; чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше и т. п. Тостъ *«чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше»* герцогъ провозгласилъ неидяче какъ предварительно посоветовавшись съ Ягужинскимъ. Послѣдній сказалъ о томъ на ухо императору, который отвѣчалъ на своемъ голландскомъ языкѣ: почему же нѣтъ? и тотчасъ же самъ потребовалъ стаканъ вина.

Наконецъ наступилъ день коронаціи; кончились торжества. Герцогъ въ нетерпѣливомъ ожиданіи встрѣчалъ каждый день; вдругъ 21 мая узналъ онъ, и то совершенно случайно, что императорскія принцессы непременно выѣдутъ изъ Москвы въ Петербургъ въ будущій вторникъ. Это было ему очень непріятно, потому что какъ самъ онъ, такъ и почти вся Москва (безъ сомнѣнія только въ воображеніи голштинцевъ) считали за вѣрное, что въ день рожденія императора, т. е. 30 мая, будетъ слѣдано что-нибудь въ пользу его высочества. «Теперь — восклицалъ Берхгольдъ — всѣ наши надежды разрушатся этимъ внезапнымъ отъѣздомъ!» На другой день голштинцы съ великимъ сожалѣніемъ увѣрились, что цесаревны дѣйствительно уѣдутъ изъ Москвы еще до рожденія императора. Опечаленный герцогъ сообщилъ о своемъ горѣ своему оберъ-камергеру графу Бонде. Тотъ поспѣшилъ къ общему ихъ пріятелю Монсу. Было 7 часовъ по полуночи. Бонде не засталъ Монса дома и оставилъ у него на вѣмецкомъ языкѣ записку. Представляемъ любопытный документъ въ современномъ переводѣ:

«Мой любезный братъ! Охъ горе! я теперь у васъ былъ, да не засталъ тебя. Государь мой (герцогъ) во всю ночь въ безпокойствѣ у меня былъ и не можно его утѣшить. Онъ вчерашняго числа слышалъ, что принцесы отъѣзжаютъ, и онъ еще ничего не имѣетъ, и ничего не слышитъ, что къ его спасенію принадлежитъ. Сердечный братецъ! попроси ея величество императрицу, чтобъ она умилосердилась надъ бѣднымъ, опечаленнымъ и влюбившимся государемъ. Онъ по истинѣ исчезаетъ въ сей неподлинности; и остается истинно деспераненъ, ежели до отъѣзду принцесъ обѣдной не будетъ обнадеженъ. Ради Христа, братецъ дорогой, не покинь! И матушку нашу попроси, чтобъ помиловала она. Ей, ей, смерть хозяина моего, ежели милости вашей и божіей не будетъ. Я не могу его утѣшить. И ежели ему и нынѣ изъ Москвы ѣхать, и никакой изъ принцесъ, которой за нимъ быть наречено не будетъ, и я заклинаю тебя предъ Богомъ, и всѣми святыми, доложи о сей нуждѣ нашей всемогуществѣйшей матушкѣ, Генеральшѣ (т. е. Матрена Болка) всевозможное заѣзъ чинить, чтобъ меня съ утѣшеніемъ въ домъ къ государю моему отпавить; только я ничего не могу принять, развѣ ты мнѣ дашь лучшее извѣстіе. Я пребываю, дражайшій мой братъ, весь вашъ Боише. Въ 8-мъ часу.»

«Монъ, и самъ не думалъ, что дѣло влюбленнаго герцога затянется еще на неопредѣленное время; онъ еще недавно говорилъ Бѣлосельскому да секретарю своему Столѣтову: «вотъ, государыня цесаревна (Анна Петровна) — какой человекъ хорошій, а отдають за голштинскаго герцога; а онъ ей по человѣчеству не придетъ. То-то чины-то будутъ...» Говорилъ онъ эти рѣчи быть-можетъ и не безъ укоризны, такъ какъ видно, что герцогъ дѣйствительно по человѣчеству не стоитъ цесаревны, хотя самъ же и радѣлъ о его дѣлѣ; а еще вѣроятнѣе говорилъ онъ то не «къ поношенію, но къ одному нѣмецкому обхожденію». (1)

Какъ бы то нибыло, но всѣ толки и хлопоты не повели пока ни къ чему. «Весьма удивляюсь — писалъ не безъ горечи шведской канцларіи совѣтникъ и сторонникъ герцога, баронъ Цедергильмъ къ графу Веллингу — весьма удивляюсь, что о совокупленіи брачномъ еще ничего неслышно, и два срока: яко коронація и день Петра и Павла въ семъ случаѣ напрасно прошли; сіе возбуждаетъ у нѣкоторыхъ мнѣніе, что все пересечется, а у нѣкоторыхъ сумнѣіе и недовѣрку. А какъ оное потребно есть общему интересу, то оставляю мудрѣйшихъ зрѣлому разсужденію. И такимъ образомъ всякъ принужденъ колебаться, когда объявленія безъ дѣйства

(1) Дѣло Столѣтова 1736 г., показаніе Бѣлосельскаго.

остаются. Миѣ мнится, ежелибъ я сказать смѣлъ, что императора собственный кредитъ и интересъ въ томъ претерпѣваетъ.»

«Я имѣлъ честь прошлой почтой вамъ объявить — писалъ тотъ же Цедергіельмъ три дня спустя ⁽¹⁾ — въ какомъ я состояніи обрѣтаюсь и о неспокойствѣ, которое миѣ приключаютъ пункты, интересованные о маріажѣ и... Въдая такъ, какъ я извѣстенъ его императорскаго величества разумъ и твердость, менѣ бы насъ тревожило въ продолженіи помянутаго маріяжу, ежелибъ не чинились нѣкоторыя интриги, чтобъ опровергнуть взятыя мѣры и пубдику обольстить такимъ образомъ, дабы доброжелательные не знали, на что имъ надѣяться. А между тѣмъ противники надеждою себя флатируютъ, что по заключеніи (между Швеціей и Россіей) аліанціи, императоръ объ интересѣ герцога болѣе попеченія имѣть не будетъ, отчего онъ можетъ придти въ посмѣяніе и на жертву отданъ быть. И начинаютъ уже сомнѣваться, какое окончаніе дѣла его воспріимутъ. Сіе отъсылаетъ куражъ и останавливаетъ горячесть, и подаетъ случай къ разнымъ разсужденіямъ, и кажется будто блекнетъ тѣмъ слава монарха, который ему протекцію свою обѣщалъ. Я признаваю, что сіе суть токмо проводы, обѣщанія и паролу императорскаго не держится. Но по что сіе продолженіе? Подается токмо тѣмъ пріятелямъ омбращъ, а непріятелямъ случай всѣ свои способы къ помѣшательству употреблять. И во истину, когда непріатели о томъ радуются, то другіе весьма печалятся и не утѣшительны. И тако, которой партіи вынѣ хотятъ угодить, и отъ которой надѣются сентиментовъ сходнѣйшихъ? Никогда-бъ повѣрить не можно, чтобъ коронація и Петровъ день напрасно минулись безъ деклараціи. Во истинно, общій интересъ въ томъ такъ претерпѣваетъ, что словами оное изобразить не можно и экспрессіи на то нѣтъ. Многими продолжающимися выкрутками можно того къ паденію привести, котораго обѣщано поднять...»

О томъ же писалъ и графъ Велингъ въ мѣстечко Поль къ Бассевичу или къ Бонде ⁽²⁾; словомъ, вся голштинская партія была огорчена и оскорблена тѣми долгими «выкрутками», изъ-за которыхъ не объявлялось до сихъ поръ обрученіе герцога. Письма Цедергіельма и Велинга были доставлены Монсу кѣмъ-то изъ близкихъ герцога, вѣроятно графомъ Бонде, и безъ сомнѣнія для доклада государынѣ. Монсъ, какъ можно думать, не переставалъ хлопотать по этому дѣлу, государыня подъ его вліяніемъ продолжала являть свое рао-

(1) Медвн. Іюля 21 и іюля 24 дня 1724 г., современные переводы писемъ Цедергіельма.

(2) Мѣстечко Поль за Нарвою принадлежало Бассевичу, главнѣйшему совѣтнику герцога; въ іюнѣ 1724 г. здѣсь была свадьба графа Бонде.

положеніе къ герцогу, но государь попрежнему уклонялся отъ деклараціи. Явно, что она еще не входила въ его политическіе расчеты. Но вдругъ исканія герцога увѣнчались успѣхомъ; причиной того былъ возникшій въ ноябрѣ розыскъ.

IX

РОЗЫСКЪ

(1724)

5-ое ноября 1724 г. было роковымъ днемъ для Виллима Ивановича. Въ этотъ день объявился давнишній доносъ Ершова. Какъ это случилось, кто былъ передонощикомъ, изъ-за чего вновь возникло дѣло—эти интересные вопросы рѣшительно остаются загадками. Съ недоумѣніемъ останавливаешься предъ Поспѣловымъ, Ягужинскимъ, Макаровымъ, Меншиковымъ, Толстымъ, Анной Крамеръ: но нѣтъ, никто изъ нихъ не могъ сдѣлаться доносчикомъ на Монса, а слѣдовательно и на Екатерину. Почему этого не могло случиться, мы уже объясняли; и что они дѣйствительно не были виновниками розыска, это видно изъ награды и милостей, которыми ихъ осыпала Екатерина по восшествіи своемъ на престолъ ⁽¹⁾. Быть-можетъ Ушаковъ? Дѣйствительно онъ не былъ друженъ съ Монсомъ ⁽²⁾; ему и поручилъ Петръ чинить допросы, производить слѣдствіе, но все-таки и Ушакова нельзя заподозрить въ доносѣ: въ противномъ случаѣ онъ пострадалъ бы съ воцареніемъ Екатерины, чего, какъ извѣстно, не случилось. Словомъ, вѣришь всего, что государь узналъ о извѣстѣ Ершова путемъ тайнаго, безыменнаго письма. Въ ноябрѣ принесено было одному изъ его лакеевъ Ширяеву будтобы съ по-

⁽¹⁾ Такъ *Поспѣловъ* сдѣланъ былъ въ мартѣ 1725 г. камеръ-юнкеромъ; *Ягужинскій* въ томъ же мѣсяцѣ до такой степени пользовался благоволеніемъ Екатерины, что однажды пьяный сильно забушевалъ въ ея комнатахъ и не подвергся за то немилости; *Макаровъ* изъ ея рукъ получилъ орденъ Андрея-первозваннаго, жена Ягужинскаго сдѣлана статсъ-дамой, о Меншиковѣ и нѣкоторыхъ другихъ лицахъ мы не говоримъ: извѣстно, что они были щедро награждены преемницей Петра. — Незабита была и Анна Крамеръ. Одна изъ довѣреннѣйшихъ служанокъ государыни и другъ Монса (она вела черезъ него переписку съ разными лицами). Екатерина пожаловала Крамеръ деревней, что не могло бы имѣть мѣста, еслибъ справедливы были рассказы иностранцевъ о томъ, что Крамеръ была въ числѣ извѣтчицъ по дѣлу 1724 года.

⁽²⁾ Такъ отъ Ушакова было только одно письмо къ Монсу, и то совершенно оффиціальное.

что письмо. Въ чемъ оно состояло, куда исчезло — неизвестно ⁽¹⁾; но что оно было и относилось къ дѣлу Монсу, это видно изъ описи сего дѣла 1727 г. Въ ней рукою Черкасова между прочимъ помѣчено : «Пакетъ, а на немъ подписано : письмо подметное, принесенное въ пакетъ къ Ширяеву въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1724 г ; вмѣсто котораго указалъ его императорское величество положить въ тотъ пакетъ бѣлой бумаги столько же и сожжено на площади явно. А сіе письмо указано беречь ; а кресты на ономъ ставлены рукою его же императорскаго величества, блаженной и вѣчно достойной памяти.» Итакъ какъ ни свѣдалъ Петръ о доносѣ Ершова, но 5 ноября, по его повелѣнію, взятъ былъ въ тайную Иванъ Суворовъ.

Суворовъ, по выслушаніи доноса, показалъ, что Ершовъ дѣйствительно у него ночевалъ, говорилъ онъ съ нимъ про Егора Столѣтова, про то, что письма Монса сушили безъ опаски, что къ камергеру приходила его сестра съ сыномъ съ слезнымъ моленіемъ отбросить Егорку ; «говорилъ мнѣ о всемъ этомъ Балакиревъ, — рассказывалъ Суворовъ — тотъ самый Балакиревъ, что живетъ у Монса. А словъ, что написалъ Ершовъ : когда-де сушили письма Монса, тогда унесъ Столѣтовъ изъ тѣхъ писемъ одно сильненькое, что и рта разинуть боялся, и что-то хорошенькое письмо отдалъ Егоръ Макарову, а Макаровъ Пospѣлову — и (ничего этого) я не говорилъ ; чтоже до того, говорилъ я Смирнову : Столѣтовъ-де Монса поддѣлъ или поддѣнетъ на арканъ, — того подлинно не упомяну, и въ чемъ, того незнаю, только (говорилъ) примѣняясь къ словамъ Балакирева, что Егора не любятъ.»

На очной ставкѣ струсившій Суворовъ и доносчикъ Ершовъ — каждый стояли на своемъ.

Кажется государь еще не предугадывалъ, какое развитіе получить это дѣло; едвали онъ не смотрѣлъ на него какъ на обыденное слѣдо-

⁽¹⁾ Ширяевъ былъ однимъ изъ весьма неважныхъ дворцовыхъ слугъ. Въ первыхъ числахъ ноября 1724 г. къ нему явился незнакомецъ и вручилъ будтобы съ почты письмо на его имя. Податель немедленно удался. Распечатать пакетъ, Ширяевъ нашолъ въ немъ другой на имя государя. Онъ доставилъ его по адресу. Весь этотъ маневръ со стороны неизвестнаго извѣтника былъ употребленъ для того, что подметныя письма строго-настрого повелѣвалось жечь, пераспечатывая. Настоящій же способъ «подметыванія» правительствомъ не предвидѣлся и потому увѣнчался успѣхомъ : извѣтъ былъ принятъ къ свѣдѣнію и исполненію. Впрочемъ государь непреминулъ объявить указъ : «если къ кому впредь незнакомые люди станутъ приносить письма, то бы у нихъ просто оныхъ не принимали, но впусъта его въ покой, хозяинъ распечатать для того, чтобъ ежели такое явится, онаго взять и привезть бы въ полицмейстерскую канцелярію. Сіе накрѣпко заповѣдуются подъ жестокимъ наказаніемъ и ссылкой въ работу.»

ваніе о противныхъ словахъ. Такъ по крайней-мѣрѣ можно думать, глядя на препровожденіе имъ времени. Въ тотъ день на свадьбѣ одного нѣмецкаго булочника онъ пробылъ три часа, пируя въ обществѣ своихъ деньщиковъ съ нѣмцами-ремесленниками; и все это время онъ былъ «необыкновенно веселъ». Самъ Монсъ, ничего непредчувствуя, хлопоталъ о составленіи патентовъ на камергерство, пожалованное ему при коронаціи: патенты ему и Балку были написаны, но имъ не суждено было украситься подписями государя ⁽¹⁾.

Розыскъ продолжался. На другой день Суворовъ на новомъ допросѣ передалъ А. И. Ушакову извѣстный уже намъ разговоръ свой съ Балакиревымъ. Ершовъ объявилъ, что онъ слышалъ только то отъ Суворова, что показано въ доносѣ.

День 7 ноября прошолъ безъ допросовъ. Не въ этотъ ли день донесено было государю о важности начатаго по его указу розыска, не этотъ ли день таинственное лицо, которое вело интригу противъ Монса, употребило на то, чтобъ раскрыть глаза государю на странность власти и значенія камергера при ея величествѣ?

Къ сожалѣнію ни въ повседневномъ журналѣ того времени, ни въ извѣстномъ намъ рукописномъ календарѣ, гдѣ попадаются отмѣтки о препровожденіи времени государей, ни изъ записокъ наконецъ Берхгольца невидно, гдѣ былъ государь и чѣмъ былъ онъ занятъ въ этотъ день. Зато положительно извѣстны его занятія 8 ноября.

День былъ воскресный; государь отстоялъ обѣдню въ Троицкой церкви, что на Петербургской-сторонѣ, и оттуда прошолъ въ Цетропавловскую крѣпость. Въ одномъ изъ ея застѣнковъ Петра ожидали Андрей Ивановичъ Ушаковъ и Иванъ Черкасовъ, помощникъ кабинетъ-секретаря Макарова: Черкасовъ призванъ былъ для записыванія показаній; тутъ же трепетали отъ страху Суворовъ, Столѣтовъ и шутъ Балакиревъ. Дѣло было не до смѣху и шутокъ. Отъ него потребовали отвѣта на показанія Суворова.

«Я говорилъ только — отвѣчалъ Балакиревъ, скрывая все что было *опаснаго* въ его болтовнѣ съ Суворовымъ — я говорилъ только, что живу я у Монса въ милости, но всегда на посылкахъ, безъ покою; награжденія-жъ не имѣю. А про Столѣтова говорилъ только, что онъ ищетъ въ Монсѣ и чаесть у него быть въ кредитъ, и вынѣ письма всѣ у него на рукахъ. Такія слова, что монсова фамилія, вся пришедъ къ нему Монсу, со слезами просила, чтобъ онъ Егора отъ себя бросилъ и проч. (см. выше) я Суворову сказывалъ; говорилъ же ему и про отвѣтъ Столѣтова: что-де они мнѣ сдѣлаютъ?

(1) Такъ они сохранились до нашего времени. Они заканчиваются слѣдующими словами: «Данъ въ санктпетербургѣ лѣта 1724, ноября въ день.»

Они-де сами (т. е. Монсъ и Балки) прежде меня пропадутъ; про мисѣлицу упоминалъ ли или нѣтъ, того не помню.»

Затѣмъ Балакиревъ на всѣ показанія Суворова и записку неизвѣстнаго о разговорѣ съ Константиновымъ отвѣчалъ или отрицаніемъ, или увѣреніями, что не помнитъ, или наконецъ смягчалъ фразы: такъ по поводу разговора своего съ Константиновымъ, отчего Монсъ не женится, Балакиревъ такъ смягчилъ на допросѣ: «сказывалъ я просто: слышалъ я отъ Монса: начто-де мнѣ жениться, у меня-де ихъ много, лишь бы охота была.»

Дали очную ставку. Суворовъ стоялъ на своемъ; Балакиревъ заперся. Его величество велѣлъ вздернуть придворнаго шута на дыбу. Шутъ, повиснувши на вывороченныхъ рукахъ, новившись, «токмо силы письма», привезеннаго имъ (въ апрѣлѣ 1724 г.) изъ села Преображенскаго въ Покровское къ Монсу, не сказалъ, а вмѣсто того началъ было называть лица, съ кого его патронъ бралъ взятки. Назвалъ Якова Павлова, который за презентъ Монсу сдѣланъ былъ учителемъ царевны Натальи, жену Люпса; назвалъ купца Мейера, князей Меншикова и Алексѣя Долгорукова, подарившихъ Монсу лошадей, «а о прочихъ — объявилъ допрашиваемый — надлежитъ подробно написать». ⁽¹⁾

Спросили Столѣтова. «Вѣдалъ я — сказалъ Егоръ, завернись во всемъ, что показалъ на него Балакиревъ — вѣдалъ я только, что фамилія монсова ко мнѣ недоброхотлива; а Монсу на меня наговаривали. И говорилъ я, вѣдая все это: что они мнѣ сдѣлаютъ? я ихъ не боюсь! А быть-можетъ я и говорилъ, вѣдая ихъ недоброхотство, что сами прежде меня пропадутъ, а причины къ тому не знаю.» Очная ставка съ Балакиревымъ не раскрыла причины.

Откровеннѣе былъ Суворовъ. Онъ сообщилъ и то, о чемъ его и не спрашивали. Такъ онъ пересказалъ разговоръ свой съ Мишкой, слугой Поспѣлова.

Всего этого было довольно. Петръ отправился за объясненіями къ Поспѣлову. Что тамъ было, неизвѣстно; нѣсколько времени спустя государь возвратился въ зимній дворецъ. Казалось онъ былъ довольно спокоенъ, покрайней-мѣрѣ въ немъ ничего не замѣтили придворные, весело балагурившіе у Екатерины. Государь сѣлъ съ ними ужинать; Монсъ былъ въ ударѣ и «долго шѣлъ честь разговаривать съ императоромъ, неподозрѣвая и тѣни какой-нибудь немилости». «Минуту спустя (послѣ ужина) — такъ рассказываетъ

⁽¹⁾ Весьма вѣроятно, что самъ государь остановилъ дальнѣйшія показанія Балакирева до новаго вопроса, такъ какъ въ настоящемъ случаѣ Петру хотѣлось знать не о взяткахъ Монса, а о предметѣ болѣе интересномъ.

саксонскій посолъ Лефортъ ⁽¹⁾ — государь велѣлъ Монсу посмотрѣть на часы. — «Десятый часъ», сказалъ камергеръ.

— «Ну, время разойтись!» и съ этимъ словомъ Петръ отправился въ свою комнату.

Придворные разѣхались; Монсъ, придя домой, раздѣлся и закурилъ трубку. Вдругъ въ комнату вошелъ Ушаковъ. Страшный инквизиторъ объявилъ фавориту, что съ этой минуты онъ арестантъ; вzialъ у него шпагу, ключи, запечаталъ бумаги и отвезъ несчастнаго къ себѣ на квартиру. Здѣсь ждалъ ихъ самъ императоръ. «А! и ты тутъ!» сказалъ онъ, окидывая Монса презрительнымъ взглядомъ. Съ рѣдкимъ для себя самообладаніемъ государь удержалъ порывъ гнѣва, не сталъ и допрашивать. Онъ оставилъ Монса на всю ночь терзаться мученіями страха и угрызеній совѣсти; если та несовсѣмъ заглохла въ красавцѣ-камергерѣ. Въ ту же ночь арестовины были Столѣтовъ и Павловъ; обоихъ заперли въ лѣтнемъ дворцѣ. ⁽²⁾

Вѣсть объ арестѣ Монса какъ громомъ поразила сотни савоиниковъ и савоиницъ петербургскаго общества; Матрена Ивановна, до которой дѣло слишкомъ близко касалось, до такой степени испугалась, что слегла въ постель и была въ совершенномъ отчаяніи; ея семейство и всѣ пріятели, всѣ имѣвшіе извѣстнаго рода дѣла съ Монсомъ, были въ смущеніи: всѣмъ памятли были розыски Петра надъ царевичемъ Алексѣемъ и его сторонниками, слѣдствіе и судъ надъ Гагаринымъ, надъ нѣсколькими важнѣйшими изъ оберъ и провинціалъ-фискаловъ, надъ важнымъ Шафировымъ; всѣмъ были памятли, что въ каждомъ изъ этихъ розысковъ немного осталось неподмѣченнымъ, и почти никто изъ лицъ малозначительныхъ прикосновенныхъ къ дѣлу не остался безъ строгой отвѣтственности. Такъ и теперь: никто еще не зналъ, какъ взглянуть Петръ на взятки Монса? не взмахнетъ ли онъ мечемъ правосудія и по тѣмъ головамъ, которыя, склоняясь предъ фаворитомъ, подкупали его на разныхъ несправедливостяхъ и проиcкахъ?

Опасенія ихъ были напрасны: Петръ уже былъ не тотъ, что прежде. Эта желѣзная натура сдѣлалась какъ-то мягче, такъ что открытіе главной вины Монса глубоко его поразило; ударъ былъ такъ силенъ, что государь на всѣ остальные вины арестанта взгля-

⁽¹⁾ Geschichte des russischen Staats, von Dr. *Ernst Herrmann*. Hamburg, 1849 г. ч. IV. стр. 441—443. Рассказъ германскаго историка о «казни Монса» основывается на извѣстіяхъ графа Рабутина и камергера Лефорта; первый былъ вѣнскимъ посломъ, второй — саксонскимъ при дворѣ Петра I.

⁽²⁾ Зданіе у Лѣтнаго сада, на набережной Фонтанки и Невы.

нуть какъ-то слегка, только какъ на официальный предлогъ къ его осужденію; преслѣдовать же дававшихъ взятки, входившихъ въ постыдныя слѣпки съ фаворитомъ, это значило протягивать дѣло, откладывая казнь, словомъ — болѣе и болѣе растравлять свое сердце присутствіемъ ненавистнаго соперника.

Петръ рѣшился стереть его съ лица земли, и чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше.

Въ понедѣльникъ, 9 ноября, въ канцелярію кабинета внесли ворохи всевозможныхъ бумагъ Виллима Монса; пришлоу государь; ввели по его ордеру, арестанта. Камергеръ не вынесъ взора Петра: въ этомъ взорѣ было столько гнѣва, жажды мести и въ тоже время глубочайшаго презрѣнія, что Монсъ не выдержалъ, затрясся и упалъ въ обморокъ. Ему открыли кровь, государь велѣлъ его увезти назадъ подъ караулъ и дать ему время оправиться, а между тѣмъ съ жадностью принялся за пересмотръ его бумагъ. Надо думать, что при этомъ пересмотрѣ были и пособники, такъ что предъ государемъ скоро поднялась большая куча «противныхъ» документовъ, которые потомъ и перепелелись въ особую книгу; затѣмъ остальные бумаги остались въ двухъ громаднѣйшихъ связкахъ.

Книга и связки передъ нами; содержаніе первой особенно разнообразно; были ли подобраны сюда бумаги петровскими помощниками по суду, вплетены ли онѣ въ общій корешокъ гораздо позже такъ, случайно, — какъ бы то нибыло, но сюда вошли бумаги всевозможныхъ родовъ. Такъ здѣсь находятся челобитья о разныхъ дѣлахъ съ предложеніями презентовъ отъ Хитрово, Люпсовой жены, Льва Измайлова, кн. Алексѣя Долгорукова, документъ о передачѣ въ владѣніе Монса деревни царевны Прасковьи, письма и выписочки о дѣлахъ Отаева, Малевинскаго, архимандрита Писарева, Петра Салтыкова, Камынина, ростовскаго архіерея Дашкова и многія другія бумаги, касающіяся важнѣйшихъ взятокъ Монса. Тутъ же вплетена и нѣмецкая корреспонденція Монса съ матерью, съ сестрами, съ друзьями изъ нѣмецкой слободы, его стихи, письма «амурныя», гадальная книжка, памятные листки о перстняхъ, о травахъ: вообще содержаніе отобранныхъ «противнѣйшихъ» документовъ было, какъ я уже сказалъ, весьма разнообразно ⁽¹⁾. Нѣко-

(1) Изъ бумагъ на нѣмецкомъ языкѣ здѣсь находится около 30 писемъ, записокъ, стиховъ и разныхъ «амурныхъ» цидулокъ Виллима Монса; нѣкоторые изъ нихъ, какъ извѣстно, писаны на русскомъ языкѣ, но нѣмецкими буквами. Тутъ же вплетены 26 писемъ Модесты Монсъ, 23 письма Матрены Балка, 10 пис. Петра Балка, 5 пис. Анны фонъ Кейзерлингъ (урожд. Монсъ), гадательная книжка и листки изъ записной тетради Монса; затѣмъ есть по нѣскольку писемъ: Брей-тигана, Борицуса Ванденбурга, художника Ведекинда (1 п.), Витвера, Гер-

торые изъ документовъ — таковы всѣ *любовныя* записки Монса, письма той же матеріи къ нему отъ Петра Балка, Матрены Ивановны, или Функа и Бретингама, а также и письма голштинцевъ, относящихся до исканій герцога, — всѣ эти бумаги были по волѣ Петра немедленно переведены на русскій языкъ. Государь, по неволѣ ясному разумѣнію нѣмецкой грамоты, боялся прогладѣть какого-нибудь слова, мало-мальски разъясняющаго дѣло. Было ли найдено письмо *сильенькое* «съ рецентомъ о составѣ питья, ни про кого другого, что ни про хозяина» — неизвѣстно.

Невидно по дошедшимъ до насъ бумагамъ, имѣлъ ли Петръ объясненіе съ Екатериной; иностранцы разумѣется живописуютъ по этому поводу цѣлыя сцены, рассказываютъ какъ государь въ припадкѣ гнѣва раздробилъ громадное венеціанское зеркало, какъ грозилъ онъ при этомъ супругѣ, что онъ такъ же въ дребезги разобьетъ и ея существованіе, какъ фельдмаршалъ Рѣппинъ своимъ заступничествомъ спасъ Екатерину и проч. и проч. Подобными романическими подробностями намъ бы весьма легко было оживить нашъ рассказъ, но мы не хотимъ отступать отъ подлинныхъ документовъ, и тамъ гдѣ молчатъ они, смолчимъ и мы. Это будетъ лучше, нежели повторять рассказы иностранныхъ писателей, бравшихъ многіе факты изъ области собственной фантазіи (1).

Понедѣльникъ, 9 ноября, проведенъ былъ знатно петербургскою крайне смутно. Громовая вѣсть объ арестѣ Монса передавалась шопотомъ, по секрету; въ маленькихъ покояхъ зимняго дворца (на этомъ мѣстѣ нынче казармы лейбъ-гвардіи преображенскаго полка) какъ тѣни сновали испуганные денщики и перетрусившія Фрейлины; императрица заперлась во внутреннихъ апартаментахъ, а въ канцеляріи «кабинета» въ ворохѣ захваченныхъ бумагъ нетерпѣливо рылся государь. Этотъ день казалось не могъ не потрясти его души; въ разгарѣ настоящаго событія Петръ вспомнилъ, что онъ

Феля, Гольца, Дугласа Игамета, фонъ Кейзерлинга (изъ Гарца, 4 п.), Козена, Лунса съ женой, Мекса, Клинга, Мормора, Фрике, Функа, Фитингофа-Шеля, Шутца и нѣкоторыхъ другихъ лицъ. Всѣ они либо родственники и пріятели Монса, либо купцы, ремесленники и вообще разныя лица, имѣвшія нужду въ Монсѣ. Наконецъ въ книгу влетены, кромѣ русскихъ и нѣмецкихъ писемъ, рецепты лекарствъ, счета, росписи, описи, приходорасходныя тетрадки и т. п. бумаги. Общее заглавіе книги: «Уголовная сократная: разные черныя отпуски писаны къ Толстому, Румянцову, Монсу и другіе 1724 г.», листовъ 528.

(1) Въ настоящемъ эпизодѣ мы сдѣлали исключеніе только для Берхгольца и Дефорта; и тотъ и другой, какъ современники, писали то что сами видѣли или слышали отъ очевидцевъ. Затѣмъ нѣкоторые изъ рассказовъ позднѣйшихъ писателей, во многомъ ошибочные, какъ напримѣръ Гельбига и другихъ, см. въ моей статьѣ «*Итальянъ Домушина*» («Русск. Вѣстн.» 1860 г. № 17).

еще не сдѣлалъ никакого распоряженія насчетъ преемства престола, лучше сказать, что дѣти его еще «не пристроены», — и вотъ съ обычной ему энергіей, онъ въ нѣсколько часовъ рѣшается на то, что откладывалъ втеченіе четырехъ лѣтъ. Мы говоримъ о обрученіи его дочери Анны съ Карломъ-Фридрихомъ, герцогомъ голштинскимъ. Мы едвали ошибемся если скажемъ, что чтеніе переведенныхъ для него писемъ Цедергіельма, графа Велинга и графа Бонде ускорило его рѣшимость.

На другой день, во вторникъ, въ десять часовъ утра, къ герцогу, опечаленному арестомъ его сторонника Монса, неожиданно явился Остерманъ. Въ получасовой секретной аудіенціи съ его высочествомъ, Остерманъ именемъ императора объявилъ, что государь твердо рѣшился покончить дѣло герцога и что обрученіе должно совершиться въ катерининъ день. Назначеніе для этой церемоніи дня ангела государыни — дѣло непонятное. Хотѣлъ ли государь сдѣлать удовольствіе супругъ, давно уже желавшей этого брака, и въ такомъ случаѣ кажется нельзя сомнѣваться, что Екатерина имѣла съ мужемъ объясненіе и оно кончилось для нея какъ нельзя лучше; или же государь имѣлъ какіе-нибудь другіе виды? Вообще надо придти къ одному изъ слѣдующихъ заключеній: 1) Екатерина съ обычнымъ искусствомъ успѣла вновь возбудить любовь къ себѣ государя, сумѣла совершенно оправдаться; 2) Монсъ не показалъ ничего для нея опаснаго, прешолъ многое молчаніемъ, и жизнью запечатлѣлъ къ ней свою преданность, или же наконецъ 3) Петръ узналъ грустную тайну, до сихъ поръ извѣстную всѣмъ кромѣ его самого, но рѣшился не чинить страшнаго розыска надъ той, которой обязанъ былъ счастливыми днями своей жизни. Последнее заключеніе, какъ оно ни противорѣчитъ мстительному, ничѣмъ не сдерживаемому характеру Петра, тѣмъ неменѣе кажется вѣрнѣе другихъ.

Въ то же утро, какъ Остерманъ сообщалъ герцогу вожделѣнную вѣсть, Монсъ вновь приведенъ былъ къ государю. Допросъ произведенъ былъ среди величайшей тайны. На бумагу тайна не была передана; письменные допросы, отвѣты и отписки касались только взяточничества. Тѣ и другіе записаны Черкасовымъ. Вопросы очень коротки, дѣлались какбы нехотя, невольно, какбы единственно только для соблюденія формы слѣдствія; отвѣты Монса многословны, безпорядочны: ему видимо было не легко вспоминать о множествѣ лицъ, его подкупавшихъ, и вспоминая ихъ одного за другимъ, важнаго за неважнымъ, онъ облакалъ получаемые имъ презенты въ форму дружескихъ подарковъ. Камергеръ не зналъ, что лукавство ни къ чему не поведетъ, что необходимость его казни для Петра до та-

кой степени обозначилась, что даже не стануть дополнять и проверять его отвѣты показаніями лицъ, его дарившихъ.

«Скажи о челобитной Хитрово въ деревняхъ, — спрашивали Монса — о заемномъ письмѣ его тебѣ въ 500 рублѣхъ, также о письмѣ Макарова къ графу Матвѣеву, съ требованіемъ прислать то дѣло въ кабинетъ?»

— «Подавалъ ли самъ Хитрово свою челобитную ея величеству, — отвѣчалъ Монсъ, — или я у него принималъ, не помню; но Хитрово, (дѣйствительно) просилъ у меня вспоможенія въ дѣлѣ съ Дашковымъ и общалъ за то 500 рублей... ⁽¹⁾ Изъ нихъ привезъ 200 въ зачетъ даннаго имъ мнѣ заемнаго письма, а по окончаніи дѣла общалъ достальныя 300 р. дать. Только я у него тѣхъ денегъ не требовалъ, а привезъ онъ ихъ своею волею съ прошеніемъ, чтобъ принять, и письмо заемное такимъ же образомъ далъ. Что до письма Макарова (по дѣлу Хитрово), того не помню; о дѣлѣ же самошъ ни гдѣ не прашивалъ; только государыня-императрица изволила приказывать князю Ромодановскому о рѣшеніи того дѣла по указамъ государевымъ. А какъ дѣло изъ юстицъ-колегіи перешло къ князю Ивану Федоровичу (Ромодановскому), того не знаю.

«О Любсовой женѣ?»

— «Какъ Любсова жена была челомъ о своемъ отпускѣ (заграницу) тогда я какъ ее, такъ и ее челобитье, по указу государыни, ея величеству представлялъ. Тогда Любша мнѣ ничего не дарила, только въ прошломъ году на мои именины подарила: кусокъ кружевъ, потомъ еще два куса, да предъ отъѣздомъ своимъ 500 червонныхъ. Тогда-жъ къ именинамъ прислалъ Мееръ вина (слѣдуетъ исчисленіе бутылокъ и бочекъ). Послалъ я къ нему въ нынѣшнемъ году роспись, и по той росписи прислалъ онъ мнѣ еще вина (слѣдуетъ исчисленіе). А больше того ни отъ Любши, ни отъ Мейера я ничего не бировалъ.

«О письмахъ Льва Измайлова, что просилъ о указѣ въ вотчинную коллегію объ отдачѣ деревень и общалъ деньги?»

— «Тѣ деревни за государыней императрицей; а чьи были, того не помню; только слышалъ отъ Кошелева, что послѣ которой-то царевны ея величеству достались. И о тѣхъ деревняхъ Петръ Измайловъ былъ челомъ ея величеству на Воронежѣ, понеже (не знаю почему) имъ тѣ деревни надлежатъ. Ея величество изволила обѣщать отдать половину деревень, и о той половинѣ Левъ Измайловъ

⁽¹⁾ Мы приводимъ отвѣты Монса съ нѣкоторыми сокращеніями, такъ какъ сущность дѣла, по которымъ онъ бралъ взятки, изложена въ предыдущихъ главахъ.

за брата своего просилъ въ Москвѣ. Обѣщалъ (мнѣ) 1000 рублей; но ничего не давалъ, а я не бралъ, и нынѣ тѣ деревни не отданы.

«О искоемыхъ деревняхъ царевны Прасковьи Ивановны?»

— «Царевна отдавала мнѣ эти деревни, и я, поспешно на нихъ, вѣдалъ у ней духовную, которою крѣпки были онѣ ей, царевнѣ, царицею Прасковьей Федоровной. Однако видя, что ихъ невозможно за собой укрѣпить, я говорилъ царевнѣ: «ими не жалуйте, понеже онѣ не могутъ быть мнѣ крѣпки, а подлогомъ крѣпить опасенъ.» Она на то сказала: «Если деревень не возьмешь, то я тебѣ оброкъ съ нихъ притяну.» Я и отъ этого отрицаюсь. А потомъ, по прошенію царевны, государыня повелѣла приназвать онымъ деревнямъ, хотя она и о всѣхъ просила, въ вотчинной коллегіи справиться за ней царевной, ей же и отсылать съ нихъ оброкъ, что и учинено. 600 руб. оброкъ на прошлый годъ къ ней отослано, а она прислала ихъ ко мнѣ. Я принялъ. На сей годъ ничего не присылывала. Для отказа же тѣхъ деревень послалъ надворнаго суда прокурора Тимофея Кутузова, для того, чтобы о нихъ подлинную вѣдомость получить, что они стоятъ; я намѣренъ былъ ихъ купить. Печатавъ поминаны платилъ и отправлялъ для отказа изъ своихъ денегъ, а точнѣе по указу Прасковьи Ивановны.»

«О деревняхъ Стелыса, что перешли къ князю Алексѣю Долгорукову и противъ чего есть протестаціи Нестерова?»

— «Я въ этомъ дѣлѣ никакого старанія не употребилъ; я просилъ меня онъ же князь Алексѣй Долгоруковъ о справкѣ за ними, по указу, деревень отцовскихъ, чтобы ему въ томъ вспоможеніе учинить. И по тому прошенію, говорилъ я Сухотину, президенту Вотчинной коллегіи, чтобы по указу рѣшеніе въ дѣлѣ Долгорукова учинилъ. А понеже — Долгоруковъ мнѣ издавна другъ, то по дружбѣ подарилъ онъ мнѣ девять кобылъ вороныхъ на заводъ; и я ему отдалъ собаку во сто червонныхъ, что подарилъ мнѣ герцогъ голштинскій.»

«О письмѣ Корчмина, что имѣетъ дѣло съ сумскимъ полкомъ въ земляхъ?»

— «Письмо это далъ мнѣ Корчминъ для памяти того дѣла съ прошеніемъ: доложить о немъ ея величеству. Но я ничего по немъ не дѣлывалъ, понеже изслѣдовать о томъ велѣно полковнику Чернышеву.»

На общій вопросъ: что и отъ кого онъ получалъ? Монахъ отвѣчалъ слѣдующимъ, значительно имъ укороченнымъ спискомъ:

— «Какъ свободили Василья Юшкова изъ-за караула, тогда государыня послала меня съ вѣдомостью о томъ къ царицѣ Прасковьѣ Федоровнѣ. Царица дала мнѣ 1000 рублей, Юшковъ другую 1000

да сервизъ серебряный — въ іюль 1724 года, съ прошеніемъ : содержать его въ протекціи у государыни императрицы.

«Бывшій архимандритъ троицкой Писаревъ просилъ доложить императрицѣ объ отдачѣ ему сундука ⁽¹⁾; ея величество указала архіерею Феодосію отдать архимандриту сундукъ; архимандритъ далъ мнѣ (за это) 1000 рублей. Но потомъ, какъ эти деньги спросили въ синодѣ, то я ихъ паки отдалъ. Кто же принесъ мнѣ грамотку отъ Писарева съ обѣщаніемъ дать мнѣ 1500 рублей, если я возвращу ему на это время 1000, того не помню, и нигдѣ никакого старанія о томъ не прилагалъ, и отдалъ тому Писареву первые 1000 рублей, больше ничего не бирывавъ. Интересовался ли въ этомъ дѣлѣ Макаровъ — не знаю, и отъ него о томъ дѣлѣ не слыхалъ.

Въ нынѣшнюю бытность мою въ Москвѣ крестьянинъ села Тонинскаго — Солениковъ просилъ меня, чтобъ его по торгамъ и по богатству въ посадь не записывать; понеже онъ заводилъ игольный заводъ, купилъ къ нему деревню и въ магистратѣ подписался, что ничѣмъ не торговалъ. По указу государыни Солениковъ опредѣленъ въ стреланные конюхи и за то онъ подарилъ мнѣ 400 рублей.

«Яковъ Павловъ, какъ взять ко двору въ пажи, далъ мнѣ на именины часы. Я ихъ продалъ.

«Свѣтлѣйшій князь (Меншиковъ) прошлаго лѣта подарилъ лошадей съ уборомъ.

«Князь Василій Долгорукой далъ парчу на верхній кафтанъ.

«Александръ Нарышкинъ — двѣ кобылы на заводъ.

«Архимандритъ троицкой Гавріилъ меня ни о чемъ не прашивалъ и ничѣмъ не даривалъ.

«Малевиной просилъ меня по своему дѣлу, чтобъ доимки не править; но я по тому прошенію ничего не дѣлывалъ, ничего не бирывалъ, а что онъ обѣщалъ, того не помню.

«Отяевъ просилъ меня въ гажбѣ его съ Волковымъ, говорилъ я о томъ Ягужинскому. По цидулкѣ своей, Отяевъ 100 червонныхъ не давалъ, только по старой дружбѣ подарилъ онъ мнѣ двухъ собакъ, да съ ними охотника на время. А Павла Ивановича (Ягужинскаго) просилъ я о неоставленіи Отяева, рекомендуя его только добрымъ человекомъ.

«По меморіямъ о Брячаниновѣ, Войновѣ, о Васильѣ Глѣбовѣ ⁽²⁾ ничего не дѣлывалъ и они мнѣ ничего не давали.

⁽¹⁾ Вѣроятно съ вещами, опечатанными при его арестѣ, по извѣстному дѣлу. См. выше.

⁽²⁾ Монаху представили, при допросахъ свѣдку болѣе подовѣрительныхъ къ нему просьбъ и записокъ, съ тѣмъ чтобы онъ объяснилъ ихъ значеніе.

«Петръ Салтыковъ просилъ о деревняхъ, взятыхъ у него ко дворцу. Но я ничего для него не производилъ; онъ меня не дарилъ, а дарилъ ли кого изъ моей фамиліи, того незнаю.

«О выморочныхъ деревняхъ Мартемьянова, по челобитной Ка мынина — нигдѣ не прашивалъ, колпакъ, да камзолъ тканый да 1000 рублей съ него не бировалъ; взялъ только, хвала мастерство, кошелькъ работы ихъ домового ткача.

«За архіерея Дашкова никого не прашивалъ; двухъ же чалыхъ лошадей подарилъ онъ мнѣ безъ всякаго дѣла ⁽¹⁾.

«О Яковъ Павловъ просилъ я государыню, чтобъ отпустилъ его отъ двора сержантомъ, но за это я ни съ отца Павлова, ни съ него и съ брата ничего не бировалъ.

«Левъ Челищевъ подарилъ иноходца, чтобъ исходатайствовать ему чинъ и заслуженное жалованье.

«Денегъ моихъ лежачихъ, ни въ торгу, ни у кого нѣтъ, кромѣ того, что обрѣтается въ моемъ домѣ. Подписалъ: «De Monso.»

Спросили подтвержденія показаній только у одной царевны Прасковьи; потому ли, что взятка данная ею душами и крестьянскими животами была крупнѣе прочихъ, или по другимъ какимъ соображеніямъ, неизвѣстно. Смущенная царевна призвана была къ государю; въ его присутствіи она должна была вывести своимъ крайне дурнымъ почеркомъ слѣдующія слова:

«дала я Монцу деревну для того што все в немъ искали што-бы добръ...»

На послѣднемъ словѣ государь остановилъ Прасковью: достаточно было для суда и трехъ словъ, остальное царевна могла дополнить устно; притомъ же Петру, въ его нетерпѣливомъ желаніи завершить дѣло возможно скорѣе, было вовсе не до Прасковьи.

Привели между тѣмъ Балка. Его не мучили длинными вопросами; государь удовольствовался однимъ:

«Балакиревъ объявилъ, что вы всею фамиліею приходили къ Монсу и со слезами просили его, чтобы онъ Столѣтова отъ себя бросилъ; буле же не бросить, то Столѣтовъ его укуситъ и Монсъ можетъ отъ него пропасть; а на тѣ слова Монсъ отвѣчалъ: вистѣлицъ-то де много! Вы всею фамиліею къ нему приходили ли, такіа слова говорили, отвѣтъ отъ него былъ ли и для чего вы ему тѣ слова говорили?»

⁽¹⁾ Понятно, что вѣрить Монсу никакъ нельзя: еслибы онъ ни отъ кого ничего не бралъ, а главное не усердствовалъ по дѣламъ дарителей, то число ихъ не возрастало бы годъ отъ году. А мы видѣли, что это было такъ: Монса стали задаривать съ 1719 года и это продолжалось въ прогресіи чуть не до дня его ареста.

— «Такія слова говорилъ я со всей фамиліей Монсу для того, что о Егорѣ сказывалъ адмиралъ, у котораго Егоръ прежде служилъ: «Егоръ—де бездѣльникъ, я имъ недоволенъ и хотѣлъ его сбить со двора». Такожъ Ягужинскій говорилъ Монсу: «брось Егора, онъ твоимъ именемъ много шалить, чего ты и не знаешь». А я съ фамиліей — продолжалъ Балкъ — за Столѣтовымъ никакой не видали шалости, а говорили такъ со словъ адмирала да Ягужинскаго; на что и отвѣтилъ намъ Монсъ: «ежели Егоръ какую пакость сдѣлаетъ, то висѣлицъ много!»

Монса увели; Балка отпустили. Государь, утомленный допросами, ушолъ обѣдать, послѣ стола по обыкновенію отдохнулъ и вечеромъ отправился на иманіи къ капитану Госелеру. Пирושка длилась долго; государь — такъ свидѣтельствуешь очевидецъ — «былъ очень веселъ».

А въ кружкахъ петербургскаго общества не смолкалъ говорить о арестѣ и допросахъ Монса; старшии говорили осторожно, молодые болтали смѣлѣе. Такъ 11 ноября сержантъ Апраксинъ рассказывалъ любопытному Берхгольцу:

— «Монсъ эти дни сидѣлъ подъ арестомъ въ своей комнатѣ, стерегутъ его часовые; теперь перевезли его въ зимній дворецъ, гдѣ засѣдаетъ верховный судъ ⁽¹⁾; допросъ дѣлаютъ подъ большою тайной. Монсъ въ эти дни страшно измѣнился; съ нимъ отъ страху былъ ударъ; впрочемъ онъ стоитъ на томъ, что не знаетъ за собой никакой вины. Матрена Ивановна Балкъ отъ страху все еще очень больна и не встаетъ съ постели.»

Такъ рассказывали при дворѣ герцога голштинскаго; другія свѣдѣнія въ тотъ же день собралъ саксонскій посолъ Лефортъ: «Сегодня, во вторникъ — писалъ онъ къ своему двору — Монса опять приводили къ допросу. И онъ, какъ говорятъ, *тотчасъ во всемъ признался*, такъ что неужно было употреблять пытку. Въ тотъ же день императрица просила у государя помилованія Монсу; ей отвѣчали просьбой разъ навсегда — не выѣзживать въ это дѣло. Впрочемъ та велѣла сказать генералшѣ Балкъ: «не заботьтесь о своемъ братѣ, арестъ его не будетъ имѣть дурныхъ послѣдствій.»

Извѣстія Лефорта едвали не достовѣрны: Монсъ вполнѣ повиновался. Если показанія его на бумагахъ были несовсѣмъ чистосердечны, то мы вправѣ думать, что онъ былъ искреннѣе на словахъ. Иначе — рѣшительно непонятно, какъ онъ могъ избѣжать пытки? Если пытали по дѣламъ совершенно ничтожнымъ, то могли ли обои-

(1) Подъ этимъ названіемъ съ 1719 года была постоянная коммиссія по разнымъ судебнымъ дѣламъ первой важности.

тись безъ истязаній въ дѣлѣ первой важности? Такимъ по крайней мѣрѣ считали дѣло Монса. Но немудрено, что попытка на этотъ разъ оказалась дѣломъ лишнимъ: въ самомъ дѣлѣ, тотъ кто отъ единого страху упалъ въ обморокъ, тотъ кто велъ жизнь среди роскоши и пѣги, могъ ли вынести мысль о томъ, чтобы перенести пытку? Понятно, что недождавшись ея, онъ принесъ полное сознание. Только имъ онъ могъ спасти какъ себя, такъ и придворныхъ служителей и служительницъ отъ кнута и жегенія.

Между тѣмъ допросы продолжались. 11 ноября, въ среду, дошла очередь до Столѣтова; поданное имъ своеоручное показаніе относилось до взятковъ Монса.

Такъ Столѣтовъ рассказалъ нѣкоторыя подробности относительно крупной взятки царевны Прасковьи. «Когда царицы Прасковьи Федоровны не стало, тогда ея дочь Прасковья Ивановна отдала Монсу духовную мамы своей, боярыни Бутурлиной; а въ той духовной мама была челомъ царевнѣ вотчинною своей селомъ Оршо съ деревнями въ пусторжевскомъ уѣздѣ. Виллимъ Монсъ объявилъ духовную мнѣ да секретарю вотчинной ея величества канцеляріи Арцыбушеву и требовалъ резону: какимъ образомъ по этой бумагѣ можно получить деревню? Я, разсмотрѣвъ духовную, объявилъ: «надо молъ справиться, закрѣплена ли та деревня за Прасковьей Ивановной, и если еще за ней не справлена, то она васъ жалуетъ чужимъ; а узнать о справкѣ надо въ вотчинной коллегіи». По моему объявленію, Монсъ докладывалъ государынѣ, и ея величество позволить высокоблаготворила въ той коллегіи справиться. Я справливался, и нашолъ, что вотчина нигдѣ и никакъ за царевной не справлена. Тогда это поручили сдѣлать Арцыбушеву, понеже весь того дѣла порядокъ чрезъ него обращался. А и я посыланъ былъ, по тому-жъ дѣлу, въ вотчинную коллегію, съ указомъ императрицы, чтобъ (ежели надлежитъ), то за ея величествомъ ту вотчину справить. И вотчинная коллегія о справкѣ чинила немедленно исправленіе.»

Изъ этого сказа виднo, какъ домогался Виллимъ Ивановичъ подарка царевны Прасковьи; никакихъ слѣдовательно отказовъ съ его стороны и особенной навязчивости со стороны дарительницы не было и въ поминѣ. Судя по этому, можно быть увѣреннымъ, что и остальные показанія Монса по поводу его взятковъ не менѣе имъ смягчены и искажены.

Къ сожалѣнію о другихъ не много сказалъ его пособникъ Столѣтовъ. Назвавъ князей Алексѣя Григорьевича да Василя Лукича Долгорукихъ, секретарь объявилъ затѣмъ: «что принадлежитъ до взятковъ съ партикулярныхъ персонъ, ничего не знаю, понеже отъ всѣхъ дѣлъ таковыхъ, кромѣ партикулярныхъ ея величества, всяма

чуждъ отъ Мойсы учиненъ, по зависти и обнесенію ему на мою фамилію его, которая такъ его преогорчила на меня, какъ извѣстно, что онъ и вѣстнику общалъ.»

Уклонившись такимъ образомъ отъ разъясненій продолжатель Менса, секретарь пояснялъ, что онъ принужденъ былъ искать своего изъ должности опредѣленія. «А опредѣленія сего — писалъ Столѣтовъ, — и доныпѣ у него не сыскалъ. Взялъ меня Монсъ въ свою команду⁽¹⁾, общалъ всякое благополучіе, вмѣсто котораго и весьма неравнаго обрѣлъ себѣ таковое заключеніе, отъ котораго принужденъ всякой въ моей жизни надежды лишиться, точно житью на великодушное его величества милостивое равноудѣленіе надежду; и для того, въ чемъ я собственнѣе виновенъ, приношу мое чистѣйшее покаяніе.»

Въ перныя покаянія Столѣтовъ представлялъ небольшой списокъ своихъ «виновностей», всего только три: 1) Принялъ я отъ служителей государственны, двухъ Грузинцовыхъ, двѣ лошади съ тѣмъ, чтобы современнѣ въ приключившихся нуждахъ ихъ, по возможности своей, помогать; что я и чинилъ по совѣсти, безъ утраты интересу ея величества.» 2) Князь Алексѣй Долгоруковъ благодарилъ меня за старанія по его дѣлу объ отцовскомъ наслѣдствѣ (та дѣлу я донынѣ за нимъ несправлено для нѣкоторой претензіи одного изъ его братьев.); прислалъ онъ мнѣ на нашомъ парчи золотной, бахрму и сукно, да потощъ подарилъ жеребчича; а принималъ все то невѣстная по шитки, но въ благодареніе и признаніе, для того что услуги мои были ни по его прошенію, ни по указу ея величества.» 3) царица Прасковья Ивановна за объявленное мое стараніе (въ дѣлѣ о передачѣ отчины Монсу) пожаловала мнѣ 320 рублей въ равное время, съ тѣмъ: «чтобы я приводилъ Менса, а онъ бы государыню, чтобъ ее царевну, содержать въ милости своей изволила и домашнее бы мнѣ опредѣленіе учинила. Въ вышеписанномъ во всемъ — заключалъ исповѣдь Столѣтовъ — прошу у его величества великодушнаго равноудѣленія и милостиваго помилованія.»

Помилуванія небыло. 12-ое ноября проведено было судьями, какъ кажется, въ окончательной переборкѣ захваченныхъ бумагъ, бытъ-можетъ и въ допросахъ; но онѣ либо не дошли до насъ, либо вовсе небыли записаны. Монсъ продолжалъ содержаться подъ карауномъ, по однимъ извѣстіямъ въ домѣ Ушакова, по другимъ — переведенъ былъ въ свой собственный домъ; Столѣтовъ и Балакиревъ (послѣдній послѣ прогулки въ крѣпость) все еще заперты были въ пустомъ

(1) Предъ поступленіемъ къ Монсу Столѣтовъ жилъ у царицы Марфы Матвѣевны, урожденной Апраксиной.

лѣтнемъ дворцѣ (тамъ еще недавно можно было видѣть темную коморку съ рѣшотчатымъ оконцемъ въ дверяхъ). Въ пятницу, 13 числа, рано по утру страшный вѣстникъ несчастія Ушаковъ предсталъ предъ Матреной Ивановной, измученной страхомъ и надеждой. Генеральша волею-неволею должна была подняться съ постели; ее увезли въ домъ инквизитора и — такъ говорили въ городѣ — заперли въ той самой комнатѣ, гдѣ сидѣлъ нѣсколько дней ея братъ. Множество чело-вѣкъ оцѣпляло зданіе, видъ котораго невольно внушалъ страхъ и трепетъ въ жителяхъ Петербурга. Вслѣдъ за Матреной Ивановной арестовали и ея сына, придворнаго шеголя и красавца Петра Федоровича Балка. Ему пока объявленъ былъ арестъ въ своемъ домѣ или въ домѣ матери. Вообще нельзя не подивиться той необычной *деликатности*, если можно такъ выразиться, которую явилъ государь въ настоящемъ случаѣ. Арестаціи были невелики, дѣлали ихъ «безъ великаго поспѣшенія»; взятыхъ подъ арестъ не влекли въ крѣпостные казематы; ноги взятыхъ персонъ, искусившіяся въ асамблейныхъ танцахъ, не ставили въ ремень, нѣжныя ручки не ввертывали въ хомутъ, кнутъ не бороздилъ ихъ спины. Словомъ, государь или стыдился являть жестокость по дѣлу слишкомъ близкому его сердцу, или же Екатерина, по народному выраженію, «своимъ волшебнымъ корнемъ» продолжала и въ эти страшныя минуты «обводить», т. е. смягчать, улаживать государя.

Въ чемъ состоялъ устный допросъ Матренѣ Ивановнѣ со стороны государя, мы не знаемъ; то-же, что было записано съ ея словъ, отличается необыкновеннымъ лаконизмомъ. По всему видно, въ такой «объявившейся за ея семействомъ материн», каковы взятки, ей не позволили много распространяться. Перепуганная до-мельзла, Матрена Ивановна втеченіе двухъ дней 13 и 14 ноября вспоминала и диктовала Черкасову имена своихъ дарителей. Въ этомъ спискѣ были лица всѣхъ состояній, званій и обоего пола. Представляемъ имена ихъ въ нѣкоторой постепенности.

«Брала я взятки — винилась Матрена Ивановна — съ:
Служителей *Грузинцовыхъ* 100 рублей, съ тѣмъ чтобъ говорить Монсу о разсмотрѣніи ихъ дѣла.

Купецкой чело-вѣкъ *Красносельцовъ* далъ 400 рублей за заступленіе въ дѣлѣ князя Василя Долгорукова, назадъ тому лѣтъ десять (вѣрнѣе въ 1718 г.).

Купчина *Юринской*, бывшій съ посломъ въ Китаѣ, подарилъ два косяка камки и китайскій атласъ.

Купецъ иноземецъ *Месеръ* 300 червонныхъ.

Капитанъ *Альбрехтъ* долгу своего на мнѣ уступилъ 120 рублей.

Сынъ игумены, князь *Василій Ржевскій* закладныя мои серьги

въ 100 рублѣхъ отдавъ безденежно, въ то время, какъ мыѣ дѣю съ княземъ Хованскимъ.

Посолъ въ Китаѣ *Левъ Измайловъ* по приѣздѣ оттуда, подарилъ три косяка камки да 10 фунтовъ чая.

Петръ *Салтыковъ* — старый недорогой возокъ.

Астраханскій губернаторъ *Волынский* — полпуда кофе.

Великій канцлеръ графъ *Головкинъ* — двадцать возовъ сѣна.

Князь Юрій *Гагаринъ* — четыре серебряныхъ флаши.

Князь *Федоръ Долгоруковъ* — полпуда кофе.

Князь *Алексѣй Долгоруковъ* далъ, по моему прошенію, старую коляску да шестерикъ недорогихъ лошадей.

Свѣтлѣйшій князь *Меншиковъ* на именины подарилъ мнѣ маленькій перстень алмазный, а потомъ 50 четвертей муки.

Его высочество герцогъ *Голштинскій* — два флеровыхъ платка, шитыхъ золотомъ и ленту.»

Неменьше обильна была жатва генеральши съ прекраснаго пола. Ей презентовали :

«Купчиха *Любъ* — парчу на кастанъ, штофу шолковаго на самаръ.

Баронеса *Строганова* — балбереку 30 аршинъ.

Баронеса *Шафирова*, жена бывшаго вице-канцлера, — штофъ шолковый.

Княгиня *Черкасская* — атласъ китайскій.

Княгиня *Долгорукова* (жена неслы *Василья Лукича*) — онахало.

Княгиня *Анна Долгорукова* — запасу разнаго.

Княгиня *Анна Ивановна Голыцина* — тоже.

Княгиня *Меншикова* на именины ленту, шитую золотомъ.

Царевна *Прасковья Ивановна* — 400 или 500 рублей, того не помню, за убытки мои, что въ Мекленбургѣ получила (въ бытность при *Екатеринѣ Ивановнѣ* гофмейстериней); отъ нел-жъ кусокъ холотна варандорскаго и запасы съѣстные въ разное время; запасы тѣ за то, чтобъ просила о ея домовомъ раздѣлѣ съ сестрами.

Царевна *Анна Ивановна*, герцогиня курляндская, прислала старое свое платье.

Царица *Прасковья Федоровна* подарила 200 червонныхъ за убытки мои въ Мекленбургѣ.

Да мыѣ (1724 годъ), — казалась Балиша — въ Москвѣ, изъ многихъ господскихъ домовъ присылывали мнѣ овса, сѣна и протчаго всякаго запаса домашнего, а сколько и когда, не помню.»

Чтобъ помочь ослабѣвшей памяти сестры и брата, обратились — къ гласности !

Въ ту же пятницу, 13 ноября, по полудни кортежъ солдатъ, мыѣи

по главѣ нѣсколькихъ барабанщиковъ и одного чиновника, прешоу по улицамъ и площадямъ столицы. На барабанный бой сбѣжался народъ; ему велегласно объявили, что такъ-какъ камергеръ Монсъ и сестра его Балкъ брали взятки и за то арестованы, то каждый кто что-нибудь знаетъ объ этомъ или кому доводилось давать имъ, то тотъ, подѣ страхомъ тяжкаго наказанія, долженъ непремѣнно заявить о себѣ. Такія же извѣщенія прибили на стѣнахъ.

«Послѣ такихъ публикацій, — въ тотъ же день заговорили въ публикѣ, — послѣ такого объявленія дѣло арестантовъ приметъ весьма опасный оборотъ. Говорятъ, что они во многомъ уличены изъ собственныхъ ихъ писемъ.»

Уликъ дѣйствительно оказался такъ много, что арестантовъ безъ дальнѣйшаго слѣдованія предали *«вышнему суду»*. Непремѣннымъ результатомъ этихъ засѣданій (этого желалъ государь, того же требовали его указы) должна была быть.

X

КАЗНЬ КАМЕРГЕРА МОНСА

(1724)

Утромъ въ субботу, 14 ноября, члены суда съѣхались въ великій дворецъ. Пока не привели еще подсудимыхъ, а потому намъ имена грозныхъ судей; всѣхъ ихъ девять человекъ; Иванъ Ивановичъ Бутурлинъ, Иванъ Бахметевъ, Александръ Бредихинъ, графъ Яковъ Брюсъ, Семенъ Блеклый, Иванъ Головинъ, Иванъ Дмитриевъ Мамоновъ, графъ Иванъ Мушинъ-Пушкинъ, и нашъ старый знакомый, Андрей Ивановичъ Ушаковъ.

Желаете вы познакомиться съ ними поближе? Заглянуть въ ихъ прошлое, узнать значеніе каждаго изъ нихъ при Петрѣ, его характеры, — все это для того, чтобъ вѣрнѣе могли бы вы обсудить тѣ мнѣнія, которыя услышите въ засѣданіи? Если таково ваше желаніе, то мы не возьмемся его выполнить. Не потому, чтобы это было не по нашимъ силамъ, — нѣтъ, со всѣми этими лицами мы неразъ встрѣчались въ нашихъ очеркахъ петровскаго времени, вы ихъ знаемъ близко, но здѣсь рисовать ихъ портреты было бы совершенно напрасно.

Мнѣній, толковъ, споровъ, разсужденій мы не услышимъ со стороны вышняго суда. Да не для нихъ онъ и созданъ. Дѣло вышняго суда было слѣпое выполненіе указовъ. Вотъ все что имъ требовалось.

Чтеніе и засѣданіе замкнулось общимъ опредѣленіемъ: писать указы его императорскаго величества, по которымъ тѣ дѣла судить, и сѣхаться всѣмъ для того завтрашняго, то есть 15 числа сего мѣсяца, въ 5 часу по полуночи.»

Къ то время какъ въ одной изъ низкихъ, темныхъ палатъ тогдашняго зимняго дворца идетъ чтеніе «омерзительнаго дѣла», по улицамъ вновь трещитъ барабанный бой, вновь вызываются доносчики на взысканіе Монаха, Балхи и всѣхъ изъ семьи. Отнынѣ никто не сомнѣвался, что дѣло кончится плохо. Въ «дубавникѣ» говорили, что объявлено много лицъ, дающихъ Монаху подарки.

Къ сожалѣнію намъ неизвѣстно кто именно далъ? И дали ли тѣ бароны и баронессы, князья и княгини, которымъ такъ безцеремонно омерзѣлъ указъ 13 февраля плутиши?

Едвали кто-нибудь изъ нихъ дерзнулъ «не обязавшись» такимъ каузомъ, казѣ двукратнаго, всенароднаго вызова. Каждый и каждая, столь плутовыми онъ были, а не могли расчитывать, что сумѣютъ вывернуться въ случаѣ заперевѣстнаго отъ новарнаго гнѣва.

Ночная полно покрывала еще своимъ чернымъ пологомъ Пиллерс-буржъ. Сквозь закрытыя ставни деревянныхъ домиковъ рѣдкорѣдко гдѣ начиналъ брѣжить свѣтъ свѣчи или лампы; подъ навѣсами гостиныхъ дворовъ да за запертыми воротами лавки темны. Король только-что просыпался, а высшіе судьи спѣшили уже во дворецъ.

Распорядившійся Чаркасовъ еще не успѣвъ поспѣть приличныя дѣла указы и составилъ по нимъ приговоръ. Подойдемъ поближе, и прочтемъ его вслѣдъ за судьями, расскажемъ всѣхъ содержаніе.

Судьи, какъ видно изъ этого документа, признали за Монахомъ слѣдующія преступленія въ его должности: 1) возлѣзъ онъ у царевны Прасковьи Ивнновны село Оршу съ деревнями; исправилъ ихъ сначала за деревней, а потомъ одну деревню перенесъ въ дѣлѣніе вотчинной ея величества канцеляріи; обрѣлъ съ той деревни бѣдѣ себя. 2) Для отказа той деревни посылалъ онъ бывшаго прокурора воронежскаго наводнаго суда — Кутузова, безъ сенатскаго разрѣшенія. А до указа 5 февраля 1722 года, безъ повелѣнія сената дворяне ни къ какимъ гражданскимъ дѣламъ не должны были опредѣляемы; прежде къ какому дѣлу опредѣляется дворянинъ, то онъ на то дѣло долженъ имѣть письменный указъ. Кроме того Кутузовъ сумелъ по нѣкоторому дѣлу въ московскомъ наводномъ судѣ и обязанъ быть податской. Никуда ни выѣзжать; Монахъ на то не по-

смотрѣлъ и именемъ государыни императрицы послалъ въ Москву указъ: Кутузова по тому дѣлу не истязывать и отлучку его въ вину не ставить. 3) Взялъ онъ, Монсъ, четыреста рублей съ посадскаго человека Соленикова, и сдѣлалъ его за то стремяннымъ конюхомъ ея величества; по указу же 13 апрѣля 1722 г. велѣно всѣхъ выходцевъ изъ посадскихъ выслать въ посады, за которыми ихъ и записать.»

Вотъ три преступленія, которыя, по изслѣдованію вышняго суда, объявились за Монсомъ. Первое изъ нихъ подтверждено было собственноручнымъ показаніемъ царевны Прасковьи, второе сознаниемъ Монса, третье — свидѣтельствомъ Столѣтова. Судьи не тратили время на розысканіе о множествѣ остальныхъ статей камергерскаго взяточничества; первыхъ трехъ, было достаточно для законности приговора и онъ завершился небольшою выпиской изъ законовъ. Прочтемъ и ее:

«Вышеписанныя преступленія учинилъ Монсъ въ своей должности; понеже онъ надъ всѣми вотчинниками ея величества и надъ всѣмъ управленіемъ командиромъ былъ. А въ указѣ е. и. в., 25 октября 1723 года, написано: кто въ какомъ ни есть дѣлѣ, ему повѣренному, и въ чемъ его должность есть, а онъ то неправдою дѣлать будетъ, по какой страсти, вѣдѣніемъ и волею, такого, яко нарушителю государственныхъ правъ и своей должности, казнить смертію натуральною или политическою, по важности дѣла и всего имѣнія лишить.» На основаніи слѣдующей затѣмъ выписки изъ генеральнаго регламента (гл. 50): взяточникъ за великія посулы долженъ быть казненъ смертію или сосланъ вѣчно на галеры съ вырѣзкой ноздрей и отнятіемъ имѣнія.

«А такъ какъ Монсъ — заключалъ судъ — по дѣлу явился во многихъ взяткахъ и вступалъ за оныя въ дѣла, непринлежащія ему, и за вышеписанныя его вины (мы) согласно приговорили: учинить ему, Виллиму Монсу, смертную казнь, а имѣнье его, движимое и недвижимое взять на его императорское величество. Однако нишеподписавшихся приговоръ предается въ милостивое разсужденіе его императорскаго величества. Подписали:

«Иванъ Бахметевъ, Александръ Бредихинъ, Семенъ Блеклой, Иванъ Дмитріевъ Мажоновъ, Андрей Ушаковъ, Иванъ Головинъ, графъ Иванъ Мускинъ-Пушкинъ, Иванъ Бутурлинъ, графъ Яковъ Брюсъ.»

Петръ на полѣ доклада начерталъ: *учинит по приговору.*

Достойно замѣчанія, что подобныхъ конфирмацій менного у Петра; я хочу сказать, что многочисленныя оброченія на плаху либо висѣлицу въ его время обыкновенно объявлялись: по словес-

ному указу его величества кѣмъ-нибудь изъ интенцовъ: Ушаковымъ, Толстымъ и другими лицами. Но здѣсь дѣло было близко сердцу; съ одной стороны являлось желаніе личнаго удовлетворенія за свое оскорбленіе, съ другой — хотѣлось прикрыть непохвальное чувство соблюденіемъ всѣхъ формальностей. Первое однако рѣшительно выбивалось изъ законной формы; такъ напримѣръ боясь замедлить исполненіе приговора, государь не сталъ дожидаться ни опредѣленія, ни доклада суда о союзникахъ ненавистнаго ему камергера: онъ въ тоже воскресенье, 15 ноября, написалъ:

«Матрену Балкину — бить кнутомъ и сослать въ Тобольскъ.

«Стольтова — бить кнутомъ и сослать въ Рогервикъ на десять лѣтъ.

«Балакирева бить батогами и въ Рогервикъ на три года.

«Пажа Соловова — въ судѣ высѣчь батогами и написать въ солдаты.

«Павловыхъ — въ солдаты безъ наказанья.

«Послать указъ въ военную коллегію: Петра Балкова — капитаномъ, а брата его (пажа Балка) урядникомъ въ гиланскіе новонаборные полки» (¹).

Въ этомъ спискѣ мы находимъ четырехъ лицъ, которыхъ даже не допрашивали; покрайней-мѣрѣ допросы ихъ не были записаны: это младшій Балкъ, Яковъ да Никита Павловы и пажъ Григорій Солововъ. Что первый невинный двѣнадцатилѣтній мальчикъ обреченъ былъ въ ссылку, тутъ нѣтъ ничего удивительнаго. Въ то страшное время, если туча государевой опалы разражалась надъ семьей, то громъ и молнія разили, за немногимъ исключеніемъ, членовъ семействъ виновныхъ и невинныхъ; что касается до Павловыхъ, то ихъ безъ сомнѣнія ссылали за посулы Монсу, а главное за буйство и драки, о которыхъ мы знаемъ изъ предыдущихъ главъ, а государь могъ узнать при пересмотрѣ бумагъ Виллима. Но за что высѣченъ мальчикъ, пажъ Соловово — неизвѣстно... (²) Но некогда теряться въ догадкахъ. Иванъ Антоновичъ Черкасовъ, проводивши вышнихъ

(¹) Въ словарь Бантыша-Каменскаго имена Балковъ спутаны: старшій названъ Павломъ, младшій Петромъ. (Изд. 1836 г. т. I. с. 82.) Вообще эти братья смѣшаны и у Гельбига, и въ нашей статьѣ «Н. Ф. Лопухина», составленной по печатнымъ источникамъ.

(²) Солововъ Григорій стоялъ первымъ между пажами Екатерины. Такъ въ «реестрѣ падамъ», какъ кажется 1724 года, мы читаемъ: «Григорій Солововъ»; отмѣчено: «въ Москвѣ». Далѣе: Петръ Сумароковъ, Андреянъ Шуваловъ, Григорій Самаринъ, Иванъ Кологривовъ, Иванъ Самаринъ, Левъ Кайсаровъ, Федоръ Ватковской, Иванъ Ватковской, Дмитрій Кочетовъ, Петръ Кошелевъ, Петръ Шуваловъ. Итого 12 человекъ.

судей, пишеть указъ въ полицмейстерскую канцелярію для «публикованія заблаговременнаго».

И вотъ, еслибы мы могли пройтись въ тотъ день, мы бы прочитали на стѣнахъ домовъ слѣдующую публикацію :

«1724 года, ноября въ 15 день, по указу его величества императора и самодержца всероссійскаго объявляется во всенародное вѣдѣніе : завтра, то-есть 16 числа сего ноября, въ 10 часу предъ полуднемъ, будетъ на Троицкой площади экзекуція бывшему камергеру Виллиму Монсу, да сестрѣ его Балкшѣ, подъячему Егору Столѣтову, камеръ-лакею Ивану Балакиреву — за ихъ плутовство такое : что Монсъ, и сестра его, и Егоръ Столѣтовъ, будучи при дворѣ его величества, вступали въ дѣла противныя указамъ его величества не по своему чину, и укрывали *винныхъ плутовъ* отъ обличенія винъ ихъ, и брали зато великія взятки ; и Балакиревъ *въ томъ* (?) Монсу и прочимъ служилъ. А подлинное описаніе винъ ихъ будетъ объявлено при экзекуціи.»

Балакиревъ никѣмъ и не былъ обличенъ во взяткахъ ; онъ былъ виновать въ другомъ : въ переносѣ да въ болтовнѣ о сильненькомъ письмѣ ; предать это гласности нашли неудобнымъ, и вмѣсто того ему *присочинили* вину.

Одновременно съ извѣстіемъ о предстоящей экзекуціи, арестантовъ перевели въ крѣпость. Утромъ отведены были Балкша, Столѣтовъ и Балакиревъ ; послѣ обѣда отправили изъ кабинета Монса. Когда проводили его по дворцовому двору, онъ увидѣлъ у оконъ великихъ княжонъ. Камергеръ раскланялся съ ними и благодарилъ за оказанныя ему милости. Монса посадили въ одинъ изъ домовъ, бывшихъ внутри крѣпости, едвали не въ тотъ самый, въ которомъ скончался Алексѣй. Въ тотъ же день въ городѣ говорили, что самъ государь былъ у Монса. «Ich bedauere es sehr — сказалъ ему Петръ — dich zu verlieren, aber es kann nun einmal nicht anders sein» (мнѣ очень жаль тебя лишиться, но иначе быть не можетъ).

Было уже темно, когда въ комнату заключеннаго вошелъ тотъ, кто бесѣдою во имя милосердаго Христа долженъ былъ усладить послѣднія минуты несчастнаго : этотъ утѣшитель былъ пасторъ Напціусъ.

Послѣ христіанскаго напутствія въ жизнь загробную ⁽¹⁾ Монсъ остался одинъ. Кругомъ царствовала тишина ; лишь взрѣдка къ аре-

(1) Напутствіе изъ устъ Напціуса едвали было хорошо понято Монсомъ : пасторъ имѣлъ чрезвычайно непріятный, дурной выговоръ ; онъ кому-жъ говорилъ такъ тихо, что даже трудно было слышать его и понять.

станту доносились оклики часовыхъ да бой крѣпостныхъ пушечниковъ...

Многое Теперь, въ предсмертную ночь, среди тяжкаго раздумья о прошломъ, могло придти ему въ голову. Между тѣмъ надежда на прощеніе весьма естественно не оставляла его. «Неужели премилосердая Екатерина — могъ думать Монсъ — покинетъ меня, вѣкогда ея фаворита?.. Но поддастся ли государь ея мольбамъ? Строгость и твердость его извѣстна. Нѣтъ, видно смерти не избыть!..» И въ думкахъ о ней несчастный прощался съ жизнью, съ свѣтомъ:

.....

 Welt, ade! ich bin dein müde,
 Ich will nach dem Himmel zu.
 Da wird sein der rechte Friede
 Und die stolzste Seele Ruh.
 Welt! bei dir ist Krieg und Streit,
 Nichts denn lauter Eitelkeit;
 In dem Himmel alle Zeit
 Friede, Ruh und Seligkeit!.. (1)

Оставимъ Монса одного съ его думами, стихами, его надеждами и отчаяніемъ.

Между тѣмъ по ту стороны Невы, близъ Лѣтнаго сада, въ домѣ занимаемомъ герцогомъ голштинскимъ, царствуетъ довольство, веселье. Герцогъ, услаженный вѣстью о предстоящемъ обрученіи, весь исполненъ счастья; его ужъ поздравили сановники русскіе, до сихъ поръ задушевные его пріатели только на перепойкахъ; теперь и въ трезвыя минуты сдѣлались они привѣтливыѣ, любезныѣ. Герцогъ занятъ расчетами о подаркахъ для невѣсты, увлеченъ мечтами о своемъ значеніи, о тѣхъ средствахъ и томъ могуществѣ, которое получить съ русской царевной. Одно только непріятно ему, мечта его двоится: онъ не знаетъ еще которую изъ великихъ княжонъ выдастъ за него Петръ — старшую или младшую? Въ грезахъ то о той, то о другой засынаетъ герцогъ... Туманилась ли радость голштинскаго гостя мыслью о Монсѣ, главнѣйшемъ виновникѣ его счастья (2)? Сомнительно: дѣло вѣдь обычное, что тѣ, кому

(1) -Свѣтъ, прощай! Ты мнѣ наскучилъ. Я стремлюсь на небо, туда, гдѣ истинная отрада, гдѣ гордая душа моя успокоится. Свѣтъ! на тебѣ лишь вражда и ссора, пустая суета, а тамъ, тамъ — отрада, покой и блаженство!.. (Стихи Монса: см. Прилож. III, № 4.)

(2) Мы хотимъ сказать, что дѣло Монса ускорило рѣшеніе государя выдать дочь за Карла-Фридриха.

улыбнулось счастье, забываютъ тѣхъ, отъ которыхъ отвернулась fortuna. Не печалился даже и Берхгольцъ; счастливый счастьемъ своего господина, онъ только *дивился* внезапности катастрофы, поразившей его бывшего пріятеля :

«...Извѣстіе о казни Монса — записалъ Берхгольцъ вечеромъ 15 ноября 1724 года — на всѣхъ насъ произвело сильное впечатлѣніе : мы никакъ не воображали, что развязка послѣдуетъ такъ быстро и будетъ столь опаснаго свойства. Молодой Апраксинъ говорилъ (сегодня) за вѣрное, что Монсу на слѣдующій день отрубать голову, а госпожу Балкъ накажутъ кнутомъ и сошлютъ въ Сибирь.»

Въ понедѣльникъ 16 ноября, рано утромъ на Троицкой площади, предъ зданіемъ сената ⁽¹⁾ все было готово къ казни. Среди сбѣжавшагося народа подымался высокій эшафотъ; на немъ лежала плаха да ходилъ палачъ съ топоромъ въ рукахъ; мастеръ ждалъ своей жертвы. У помоста торчалъ высокій шестъ : онъ ждалъ шапки, т. е. головы красавца-камергера. Тутъ же можно было видѣть другого заплочнаго мастера съ кнутомъ, да молодцовъ выхваченныхъ изъ сѣраго народа : они должны были замѣнить, по обычаю того времени, полставки; на спины ихъ вскидывали осужденныхъ на кнутабойню ⁽²⁾.

Въ 10 часовъ утра конвой солдатъ показался изъ-подъ «Петровскихъ» воротъ крѣпости; за нимъ слѣдовалъ Монсъ, исхудалый, измученный, если не физическою болью, то нравственными страданіями. Камергеръ былъ въ нагольномъ тулупѣ, шолъ въ сопровожденіи пастора и повидимому былъ довольно твердъ.

Если вѣрны вѣмцу Берхгольцу (а на этотъ разъ въ рассказѣ о казни единоземца онъ могъ пожалуй и подкрасить рассказъ), то Монсъ при выходѣ еще изъ тюрьмы явилъ замѣчательную твердость. Онъ совершенно спокойно простился со всѣми окружающими. При этомъ очень многіе, въ особенности же близкіе его знакомые и слуги, горько плакали, хотя и старались, сколько возможно, удерживаться отъ слезъ ⁽³⁾.

⁽¹⁾ На томъ же мѣстѣ, гдѣ нѣкогда повѣшенъ былъ Гагаринъ.

⁽²⁾ Объ этомъ обычаѣ свидѣтельствуетъ извѣстный путешественникъ Аббатъ Шаппъ, посѣтившій Россію въ концѣ тридцатыхъ годовъ XVIII вѣка. Можно догадываться, что этотъ обычай существовалъ и при Петрѣ, хотя есть также свидѣтельства, что преступниковъ для наказанія кнутомъ привязывали къ столбамъ.

⁽³⁾ Къ сожалѣнію, мы не знаемъ, были ли здѣсь тѣ изъ «задушевныхъ друзей

На эшафотѣ прочитали тотъ длинный приговоръ, съ содержаніемъ котораго мы уже знакомы. Выслушавъ его, Монсъ поблагодарилъ читавшаго, простился съ пасторомъ, отдалъ ему на память золотые часы съ портретомъ Екатерины, самъ раздѣлся, попросилъ палача какъ можно поскорѣй приступить къ дѣлу и легъ на плаху. Палачъ исполнилъ просьбу... Нѣсколько минутъ спустя голова красавца мертвыми очами смотрѣла съ шеста на народъ; кровь сочилась изъ-подъ нея и засыхала на шестѣ.

У братниного трупа генеральша, бывшая гофмейстерина и статсъ-дама выслушала слѣдующее :

«Матрена Балкова! Понеже ты вступала въ дѣла, которыя дѣлала черезъ брата своего Виллима Монса при дворѣ его императорскаго величества, (дѣла) непристойныя ему, и зато брала великія взятки, и за оныя твои вины указалъ его императорское величество: бить тебя кнутомъ и сослать въ Тобольскъ на вѣчное житье.»

Проводимъ въ ссылку предшествовало пять ударовъ кнутомъ по обнаженной спинѣ.

«Егоръ! провозгласилъ подъячій тайной канцеляріи, обращаясь къ Столѣтову: — понеже черезъ дачу (т. е. взятку) добился (ты) къ Виллиму Монсу въ подъячіе съ намѣреніемъ дѣлать при дворѣ его императорскаго величества дѣла, противныя указамъ его императорскаго величества изъ взятокъ, что такъ и учинилъ, въ чемъ и обвиненъ. И за оное твое плутовство указалъ его императорское величество бить тебя кнутомъ и сослать въ Ровервикъ въ работу на десять лѣтъ.»

Пятнадцать ударовъ.

«Иванъ Балакиревъ! продолжалъ чтецъ, обращаясь къ камеръ-лакею: — понеже ты, отбывая отъ службы и отъ инженернаго, по указу его величества, ученія, принялъ на себя шутовство и чрезъ то Виллимомъ Монсомъ добился ко двору его императорскаго величества; и въ ту бытность при дворѣ во взяткахъ служилъ Виллиму Монсу и Егору Столѣтову, чего было тебѣ, по должности твоей, чинить не надлежало. И за ту твою вину указалъ его величество высѣчь тебя батоги и послать въ Ровервикъ на три года.»

Дано шестьдесятъ палокъ.

Были ли наказаны тѣ, которые «дачею взятку» втягивали фамилію Монса и его слугъ въ дѣла «непристойныя»? На этотъ вопросъ можно отвѣтить утвердительно; накануне камергерской казни за архимандритомъ троицкимъ Писаревымъ посланъ былъ гвардей-

и сердечныхъ братцевъ», которые такъ еще недавно расточали Монсу лстивыя завѣренія въ вѣжныхъ къ нему чувствахъ?

скій солдатъ ; архимандрита требовали къ отвѣту въ синодѣ ; точно также подвергнули допросу Кутузова ; затѣмъ остальнымъ «дачникамъ» взятокъ государь устроилъ казни, дѣлавшую честь и его уму, и его времени. Допросы, пытки, заточеніе и тѣлесное штрафованіе относительно всѣхъ ихъ замѣнены были характеристическимъ распоряженіемъ :

На особыхъ столбахъ, близъ эшафота, въ тотъ же день прибили «росписи взяткамъ». Безъ сомнѣнія, была прибита роспись взятокъ Монса, но до насъ дошли только Балкии и Столѣтова. Объявленія эти были въ слѣдующей формѣ :

Роспись взяткамъ Матрены Балкии :

1. Съ Еремѣя Моера — 300 червонныхъ.
2. Съ Любсовой жены — парчу на кафтанъ, да штофъ шолковый на самаръ.
3. Съ Льва Измайлова — три косяка камки да 10 ф. чаю.
4. Съ царевны Прасковьи Ивановны — 500 рублей, да кусокъ полотна варандарфскаго, да всякіе столовые запасы.
5. Съ князя Алексѣя Долгорукова — 6 лошадей, да коляску.
6. Съ Петра Самтыкова — возокъ.
7. Съ свѣтлѣйшаго князя (Меншикова) — перстень золотой, нуши 50 четвертей, да съ княгини его ленту, шитую золотомъ и т. д.

Всѣхъ номеровъ въ росписи двадцать-три. Здѣсь на публичный позоръ, вполнѣ заслужонный, были выставлены между прочими лицами имена князей и княгинь : Долгорукихъ, Голицыныхъ, Черкасскихъ, Гагарина, графа Головкина, баронесы Шафировой, Артемія Волынскаго и другихъ лицъ менѣе важныхъ.

Этихъ менѣе важныхъ лицъ больше значилось въ «росписи взяткамъ Егора Столѣтова». Но и здѣсь, въ перечнѣ четырнадцати именъ подъячихъ, управляющихъ, приказчиковъ, кунцовъ, чиновниковъ, выставлены были на общій съ ними позоръ князья : Алексѣй Долгорукій и Щербатовъ-глухой, да царевна Прасковья Ивановна, столь неудачно расщедрившаяся на всѣхъ, кто только имѣлъ значеніе при Монсѣ.

Что было сильнѣе противъ взятокъ : плеть, кнутъ, топоръ да каторга, или преданіе гласности именъ взяточниковъ и ихъ дарителей ? Въ глазахъ Петра необходимо было и то и другое средство ; и въ настоящемъ случаѣ, если всѣ эти князья и княгини отдѣлались одной оглаской, то это случилось вовсе не потому, чтобы Петръ нахотѣлъ излишнимъ приструнить ихъ допросами и истязаніями (въ случаяхъ заpiresательства) : нѣтъ, а просто потому, что ему въ настоящее время былъ недосугъ, да и истомилась его душа. Петръ видимо изнемогъ подъ бременемъ заботъ, сильной болѣзни и душе-

внаго огорченія; ему было уже не по силамъ затѣять новый бойшой розыскъ, притомъ на этотъ разъ не надъ сторонниками сына, а надъ своими собственными лукавыми и корыстными птенцами.

Какъ бы интересно было подслушать толки и пересуды, возникшіе 16 ноября въ тогдашней *публикѣ* и въ простомъ *народѣ* надъ теплымъ еще трупомъ Монса? Въ этихъ пересудахъ вѣроятно выразилось бы многое для характеристики того времени... Къ сожалѣнію, за неимѣніемъ матерьяловъ, мы должны ограничиться тѣмъ, что думали и писали о Монсѣ и его дѣлѣ нѣмцы-современники и нѣмцы позднѣйшаго времени (1).

«Монсу прочитаны были — пишетъ Берхгольдъ — только *нѣкоторыя* пункты его вины... Вообще — продолжаетъ голштинскій камеръ-юнкеръ — многія лица знатнаго, средняго и низшаго классовъ сердечно сожалѣютъ о добромъ Монсѣ, хотъ далеко не всѣ осмѣливаются показывать это. Вотъ ужъ на комъ какъ нельзя болѣе оправдывается пословица, что кто высоко стоитъ, тотъ и ближе къ паденію! По характеру своему Монсъ хотъ и не былъ большимъ человекомъ, однакожъ пользовался немалымъ почетомъ и много значилъ; имѣлъ конечно, подобно другимъ, и свои недостатки; можетъ-быть ужъ слишкомъ надѣялся на милость, которую ему оказывали; но со всѣмъ тѣмъ онъ многимъ дѣлалъ добро, и на вѣрно никакъ не воображалъ, что покончить такъ скоро и такъ плачевно.»

Берхгольдъ, какъ пріятель, наконецъ единоземецъ Монса, не могъ иначе и отозваться о немъ. Отзывъ его пристрастенъ. Монсъ положительно не могъ вызвать *сердечныхъ сожалѣній* многихъ лицъ, а тѣмъ болѣе истъ *всѣхъ* сословій. Такъ напримѣръ подъ *низшимъ* классомъ общества едвали можно разумѣть кого-нибудь кромѣ нѣсколькихъ дворцовыхъ лакеевъ, имѣвшихъ въ Монсѣ ходатая по ихъ чедобіямъ; подъ среднимъ классомъ можно ли разумѣть кого-нибудь кромѣ подрадчиковъ, приказчиковъ, управляющихъ, обкрадывавшихъ императрицу и Монсомъ закрывавшихся отъ преслѣдованія? Жалѣли наконецъ *птенцы*, но жалѣли разумѣется до тѣхъ поръ, пока не нашли другого «патрона», новаго «милостивца» къ ихъ сутяжничеству, воровству, честолюбивымъ и властолюбивымъ пронкамъ.

Пристрастный, хотъ и осторожный отзывъ Берхгольца въ началѣ нынѣшняго столѣтія былъ разлутъ Гельбигомъ въ выспрен-

(1) Французскихъ баснословцевъ Левека, Леклерка, Вильбоа, Шантеро и даже Вольтера (онъ въ своей исторіи Петра могъ бы сказать правду, такъ какъ имѣлъ много матерьяловъ, но не сказалъ) мы оставляемъ въ сторонѣ.

нія похвалы. Издатель «Russische Günstlinge» такъ же умилился предъ *благороднымъ* характеромъ Монса, какъ восторгался нравственностью его сестры Анны Ивановны ⁽¹⁾.

Спокойно и безстрастно рассказалъ дѣло Монса только одинъ нѣмецъ, новѣйшій историкъ Россіи — Германъ.

«Въ ноябрѣ 1724 года — говоритъ онъ въ рассказѣ о царствованіи Петра — государь этотъ испыталъ въ нѣдрахъ собственнаго семейства глубокое огорченіе; оно не могло остаться безнаказаннымъ. Довѣреннѣйшими и приближеннѣйшими особами его супруги были: первый ея камергеръ Монсъ и его сестра, *вдова* генерала Балка. Монсъ приобрѣлъ такое значеніе и такую благосклонность у Екатерины, что всякій, кто только обращался къ нему съ подарками, могъ быть увѣреннымъ въ исходатайствованіи ему милости у императрицы. Петръ свѣдалъ наконецъ о взяточничествѣ Монса. Монсъ и его фамилія были арестованы, преданы суду, обвинены въ лихоимствѣ. Впрочемъ — продолжаетъ Германъ — изъ донесенія австрійскаго посла, графа Рабутина, очевидно, что это обвиненіе служило лишь предлогомъ къ казни Монса и его слишкомъ услужливой сестры; преступленія ихъ были гораздо гнуснѣе» и проч. ⁽²⁾

И наказанія вполнѣ заслуженныя постигли преступниковъ. Петръ былъ неумолимъ. Матрену Ивановну, по истеченіи шести дней, только-что оправившуюся отъ страха и боли, отправили въ Тобольскъ. Ее конвоировали сержантъ съ двумя солдатами. Оба сына ея высланы въ Гиланъ — одинъ капитаномъ, другой унтеръ-офицеромъ; пажы Соловово и оба Павловы, первый послѣ сѣченія розгами, послѣдніе *безъ наказанія*, опредѣлены рядовыми въ преображенскій полкъ. Долѣ другихъ задержали въ крѣпости Балакирева и Столѣтова. Послѣдній, четыре дня спустя послѣ казни своего патрона, представилъ (вѣроятно по требованію) новое добавочное показаніе о взяткахъ Монса. Въ этомъ запоздаломъ обвиненіи Столѣтовъ сообщилъ о лхонтѣ въ 15,000 рублей: подарилъ его Монсу Левъ Измайловъ «съ такимъ договоромъ, чтобъ исходатайствовать ему за подарокъ чинъ и деревню».

Какъ ни интересны были подобные рассказы, но тайная канце-

⁽¹⁾ Отзывы Гельбига, введенія и насъ въ заблужденіе до знакомства съ подлинными документами, приведены въ статьѣ: «Наталья Федоровна Лопухина», стр. 20—22. Тутъ же смотр. извѣстіе Гельбига о сохраненіи головы Монса въ спиртъ до временъ Екатерины II. Пока это курьезное извѣстіе не подтвердится свидѣтельствомъ современныхъ документовъ, до тѣхъ поръ оно едва ли заслуживаетъ вниманія.

⁽²⁾ Geschichte des russischen Staats, von Dr. Ernst Herrmann. Hamburg, 1849 T. IV, отд. V, стр. 441.

лярія не стала требовать новыхъ подробностей , и въ декабрѣ того же года Столѣтовъ съ Балакиревымъ отправлены въ Рогервикъ въ каторгу ⁽¹⁾.

Тѣло Монса съ недѣлю лежало на эшафотѣ , а когда помостъ стали ломать , трупъ взволокли логнивать на особо устроенное колесо.

Между тѣмъ дворъ оживился официальными празднествами по случаю обрученія герцога съ цесаревной. 22 ноябля подписанъ былъ свадебный контрактъ ; только въ этотъ день женихъ достоверно узналъ , что изъ двухъ княжонъ ему *достанется* старшая. Полный восторга Карлъ на другой же день устроилъ серенаду подъ окнами государыни и невѣсты. Екатерина милостиво пригласила его въ покой , поила изъ собственныхъ ручекъ виномъ , а государь ласково звалъ къ домашнему столу обѣдать.

Въ катерининъ день совершенно было обрученіе ⁽²⁾. 7 декабря Петръ Андреевичъ Толстой въ собственномъ домѣ на Петербургской-сторонѣ , недалеко отъ крѣпости , давалъ торжественный обѣдъ. На немъ была императрица съ дочерьми , придворными дамами и кавалерами , былъ разумеется и герой праздника — герцогъ съ своей свитой. Не было только государя , потомучто онъ еще накануне обѣдалъ у Толстого. Промъ заправлялъ Ягужинскій. «По глазамъ императрицы — отмѣтилъ Берхгольцъ — видно было , съ какимъ удовольствіемъ она смотрѣла на дружбу и любовь обоихъ высокихъ обрученныхъ.»

Удовольствіе не могло не омрачиться другимъ зрѣлищемъ: на обратномъ пути изъ дома Толстого , Екатерина, Анна, Елисавета, Карлъ , а за ними и вся свита , проѣзжали мимо колеса , съ котораго видѣлся трупъ , одѣтый снѣгомъ ; съ шеста угрюмо смотрѣла на лышный поѣздъ голова Монса. ⁽³⁾

(1) Рогервикъ — гавань въ семи верстахъ отъ Ревеля. Въ послѣдніе годы царствованія Петра здѣсь шли большія фортификаціонныя работы.

(2) «...И былъ въ этотъ день фейерверкъ: на планѣ изображена была Венусъ на колесницѣ , которую везли лебеди съ поднесеніемъ счастливаго согласія. И сидѣли въ палатѣ , съ зало , до двѣнадцатаго часу при ихъ величествахъ и ихъ высочествахъ всѣ господа , гдѣ была рзрядна музыка , и танцовали.» Отмѣтка въ «Календарѣ» на 1724 годъ , хран. при каб. дѣл. Петра.

(3) Очень жаль , что неизвестно сохранился ли гдѣ-нибудь портретъ Монса? Что онъ былъ , это видно изъ письма старухи-Монсъ: «любезное дитя , — писала она къ нему въ 1716 году : — ты меня чрезвычайно обрадовалъ присылкой твоего

Нѣтъ сомнѣнія, что дѣло Монса, какъ мы уже говорили, ускорило рѣшимость Петра выдать дочь за герцога. Но говоря словами Цедеркрейца: кромѣ «возстановленія своего кредита», не имѣлъ ли при этомъ государь другой, болѣе важной цѣли? Неужели онъ обрекалъ любимую старшую дочь на незавидную судьбу быть герцогиней небольшого клочка Германіи? Не имѣлъ ли онъ въ виду завѣщать ей Россію? Не съ этой ли цѣлью началъ онъ было писать завѣщаніе, изъ котораго сохранилось нѣсколько строкъ? Строки эти какъ видно, прямо относились къ Аннѣ Петровнѣ:

«1) Вѣру і законъ, въ ней же радилася, сохрани до конца неотмѣнно.

«2) Народъ свой не забуди, но въ любви і почтении імѣй паче протчихъ.

«3) Мужа люби и почитай, яко Главу, і слушай во всемъ, кромѣ вышписаннаго»... ⁽¹⁾

Намѣренію государя (если только оно было) завѣщать императорскую корону не женѣ, а старшей дочери, не суждено было осуществиться ⁽²⁾: этому воспрепятствовало событіе, которое и составитъ предметъ главы:

XI

СМЕРТЬ ИМПЕРАТОРА ПЕТРА

(1725)

Государь сталъ недомогать задолго еще до смерти. Въ письмахъ его къ Екатеринѣ довольно часто встрѣчаются извѣстія о его болѣзняхъ. То онъ страдаетъ «чечуемъ», то завалами или разстройствомъ желудка, отсутствіемъ аппетита, то припадаетъ съ нимъ «рѣст», вообще ему «мало можется». Въ январѣ 1716 года, убѣждая

портрета; я повѣсила его надъ своей крогатыю и бесѣдую съ нимъ, проливая горькія слезы. Посылаю тебѣ въ обмѣнъ свой портретъ на память.» Въ описи вещей старухи, заготовленной ею предъ смертью, значится: «портретъ сына моего.»

⁽¹⁾ Собств. зап. Петра. Каб. дѣл., кн. LXIV, л. I.

⁽²⁾ Правда, во второй статьѣ трактата о супружествѣ герцога мы читаемъ: «царевна, равно какъ и герцогъ, отказываются за себя и за всѣхъ своихъ потомковъ отъ всѣхъ правъ, требованій, дѣлъ и притязаній на корону російской имперіи.» Но изъ этого пункта вовсе нельзя выводить заключенія, чтобы Петръ не имѣлъ намѣренія завѣщать Аннѣ корону: онъ только лишалъ ихъ права притязать, и за собой оставилъ произволъ завѣщать.

сына или «нелицемерно удостоить себя наследникомъ», или быть монахомъ, государь прямо говорилъ: «безъ сего духъ мой спокоенъ быть не можетъ, а особливо что *нынѣ мало здоровъ сталъ*». По совету врачей Петръ прибѣгалъ къ пособію минеральныхъ водъ, пользовался ими и за границей, пивалъ воды и у себя, въ Олонцѣ, да въ девяноста верстахъ за Москвой «на заводахъ», но вообще мало берегся. Сытныя яства, или «Ивашка Хмѣльницкій» съ батареями хмѣльныхъ напитковъ сокрушали его твердость. Воздержаніе было не въ его характерѣ; да при его кипучей дѣятельности, при его порывистой, страстной натурѣ, ищущей широкаго разгула, трудно было и совладать съ требованіями діеты и регулярной жизни. Въ 1722 году, во время персидскаго похода, у него открылись первые симптомы той болѣзни, которая низвела его въ могилу ⁽¹⁾. Съ этого времени недуги государя участились, и въ 1724 году мы особенно часто находимъ его на лекарствахъ, одного, въ теплой комнатѣ, подъ запретомъ выходить на воздухъ. Трудно было Петру выносить несносный докторскій арестъ: его такъ и тянуло обойти свое хозяйство, полазить по верфи, испробовать ходъ того или другого изъ вновь выстроенныхъ судовъ, либо махнуть куда-нибудь на свадьбу, отвести душу на асамблеѣ. И вотъ, лишь только чувствовалъ онъ себя легче, тотчасъ запреты забыты, съ крѣпостныхъ верковъ петербургской «бастиліи» раздавались выстрѣлы — сигналъ, что государю легче и онъ разрѣшилъ себѣ кататься по рѣкѣ. Слѣдствіемъ же преждевременныхъ прогулокъ и кутежей было возобновленіе недуга.

Возобновленія дѣлались чаще и чаще; лѣто и осень 1724 года государь очень страдалъ; волею-неволею онъ не разставался съ лекарствами, но помощь отъ нихъ была небольшая. Извѣстный случай съ нимъ осенью того же года на Лахтѣ имѣлъ слѣдствіемъ сильнѣйшую простуду. До декабря недугъ его то утихалъ, то снова увеличивался. Кажется не будетъ смѣлымъ предположеніемъ, если мы скажемъ, что дѣло Монса, глубоко оскорбивъ государя, сильно потрясло его организмъ; а тутъ въ день крещенія новая сильнѣйшая простуда — и государь окончательно слегъ въ постель.

⁽¹⁾ Рихтеръ въ сочиненіи: «Исторія медицины въ Россіи», М. 1820, т. III, стр. 84—94, опровергаетъ разныя свѣдѣтельства о томъ, будтобы Петръ умеръ — но однимъ отъ яду, принятаго имъ въ молодости, по другимъ отъ каменной болѣзни, по третьимъ отъ сифилиса, отъ чирья въ мочевомъ пузырьѣ и т. д. По мнѣнію Рихтера, основанному на свѣдѣтельствѣ извѣстнаго Штелина (авторитетъ далеко не надежный), государь умеръ отъ затрудненія мочи, которое обратилось въ воспалительное задержаніе и наконецъ въ мѣстное разстройство мочевого пузыря. Антоновъ огонь ускорилъ смерть.

Такимъ образомъ смерть сразила его не въ одинъ ударъ. Она подкрадывалась къ этому колоссу исподволь, въ видѣ разныхъ болѣзней. Народъ это видѣлъ и въ лицѣ своихъ «вѣдуновъ» еще въ началѣ 1719 года предвѣщалъ скорую кончину.

Такъ однажды въ весенній день 1719 года, въ десяти верстахъ отъ Петербурга, вверхъ по Невѣ, на кирпичныхъ заводахъ, въ кабачкѣ угощалось нѣсколько человѣкъ: тутъ были служители великой княжны Натальи и пѣвчіе князя Меньшикова. «Здравствуй государь-царь Петръ Алексѣевичъ!» вскрикнулъ цѣловальникъ, осушая стопу пива.

— Здравствовалъ бы свѣтлѣйшій князь, раздался голосъ одного изъ присутствовавшихъ, — а государю недолго жить!..

Или вотъ зайдемте напримѣръ въ вольный домъ (т. е. въ трактиръ) на Выборгскую-сторону, въ приходѣ Самсонія-страннопріимца. 15 января 1723 года мы застали бы здѣсь веселую «вечерину» у хозяина заведенія, шведскаго полоненника Вилькина. Множество гостей, угощаемые хозяиномъ, услаждались пѣніемъ и игрой на гусляхъ и скрипичахъ императрицыныхъ пѣвчихъ. Съ ними-то и велъ «непотребную» бесѣду Вилькинъ:

— А сколько лѣтъ его императорскому величеству? спросилъ онъ ихъ между прочимъ.

— Пятьдесятъ четыре.

— Много, много ему лѣтъ! молвилъ въ отвѣтъ шведъ-вѣдунъ: — а вишь непрестанно онъ въ трудахъ пребываетъ; надобно ему нынѣ покой имѣть; а ежели и впредь — продолжалъ Вилькинъ — въ такихъ же трудѣхъ станетъ государь обращаться, и какъ такую же болѣзнь занеможетъ, какъ четыре года тому назадъ былъ боленъ, то *больше трехъ лѣтъ не будетъ его жизни...*

— Врешь ты все, дуракъ! изругали вѣдуна испуганные музыканты.

— Цѣтъ, слова мои не отъ дурости, а который человѣкъ родился на рождество христово или на пасху въ полночи, и тотъ, какъ вырастетъ, можетъ видѣть діавола и станетъ признавать сколько кому лѣтъ жить; самъ я напримѣръ проживу лѣтъ съ десять... — И пошолъ говорить отъ библіи...

— Цѣтъ, сказывали межъ тѣмъ въ колодничыхъ палатахъ Петропавловской крѣпости, — императорскому величеству и *нынѣшняго года не пережить.*

— Смотрите, одновременно шептались солдатики, — государя у насъ скоро изведутъ, а послѣ и царицу всеконечно изведутъ же. Великій князь (сынъ Алексѣя) малъ, стоять некому. И будетъ у

насть великое смятеніе, — пророчески замѣчали вѣщуньи. — Посмотрите, скоро сіе сбывается!

Съ одной стороны подобныя предсказанья, съ другой разныя видѣнья давали обильную пищу народному говору. Да и какъ было не говорить: на колокольнѣ троицкаго собора, что на Петербургской-сторонѣ, объявилось привидѣніе. То не были сказки, толковала чернь да духовенство мелкой стати: — часовые-де сами слышали стукъ и бѣготню этого духа: то кто-то бѣгалъ по трапезѣ, то что-то стремглавъ падало. «Недѣли эдакъ за три до николина дня (1723 г.) — рассказывалъ одинъ изъ часовыхъ — ночью, подлинно мѣ довелось слышать превеликой стукъ въ трапезѣ; побѣжалъ я въ камору, разбудилъ псаломщика и солдатъ караульныхъ, и въ то время въ трапезѣ застучало опять такъ, якобы кто упалъ.»

Ночь на 9 декабря проходила спокойно; предъ часовымъ, смѣнившимся прежняго рассказчика, лежала пустая площадь; въ амстеріяхъ и въ вольныхъ домахъ (тогдашнихъ трактирахъ и кабакахъ) потухали огни, умолкли брань и пѣсни бражниковъ, и на соборной колокольнѣ «ординарные» часы глухо прогудѣли полночь.

Вдругъ заслышались странные звуки. По деревянной лѣстницѣ въ колокольнѣ кто-то бѣгалъ; ступени дрожали подъ тяжелыми шагами; привидѣніе перебрасывало съ мѣста на мѣсто разныя вещи. «Великій стукъ съ жестокимъ страхомъ, подобіемъ бѣгавья» то умолкалъ, то снова начинался. Такъ продолжалось съ часъ.

На утро оглядѣли колокольню; стремянка лѣстница, по которой обыкновенно лазили къ верхнимъ колоколамъ, оторвана и брошена наземь; «порозжій» канатъ перенесенъ съ одного мѣста на другое; наконецъ веревка, спущенная для благовѣста въ церковь съ нижняго конца на трапезѣ, на прикладѣ обернута вчетверо.

— Никто другой какъ кикимора! говорилъ въ тотъ же день за обѣдней соборный попъ, относясь къ своему дякону.

— Не кикимора, возражалъ тотъ, — а возится въ той трапезѣ чортъ.

— Нѣтъ, пожалуй что кикимора, а не чортъ, замѣчаетъ отецъ протопопъ.

— Питербурху, Питербурху пустѣтъ будетъ! пророчествуетъ дяконъ...

И вотъ молва о томъ, что объявилась-де на троицкой колокольнѣ кикимора, не къ добру-де она, электрическою искрою пробѣжала по площадямъ и задворкамъ столицы.

Пророчества вѣдуновъ, вѣщуней, знаменательныя въ глазахъ черни шалости кикиморы скоро осуществились.

28 января 1725 года «Питербурхъ опустѣлъ». Государь Петръ

Алексѣевичъ послѣ мучительной тринадцатидневной агоніи испустилъ духъ.

За нѣсколько дней до рокового расчета его съ жизнью «во всемъ дому — такъ повѣствуетъ Феофанъ — не ино что, токмо печаль общую видѣть было и слышать. Сенаторы, архіереи, архимандриты, фельдмаршалы, генералы, штабъ и оберъ-офицеры, и отъ коллегій члены первѣйшіе, а иные изъ дворянства знатные присутствовали; словомъ-сказать множество народа, кромѣ дворцовыхъ служителей, палаты наполняло. И въ такомъ многолюдствѣ не было ни единого, кто видѣ печаль на себѣ не имѣлъ бы: иные тихо слезили, иные съ стenanіемъ рыдали, иные молча и опустясь, аки-бы въ изумленіи бродили, или посиживали. Разный позоръ былъ печали — по разности, чаю, натурѣ, не аффектовъ; ибо не надѣюсь, чтобы и единъ такой сыскался, котораго бы не уязвила смерть настоящая толикаго государя, героя и отца отечествія!

«Печаль же болѣзни — продолжаетъ вѣлерживый Феофанъ — самой государыни изобразить словомъ невозможно! Всѣ виды страждущихъ и болѣзнующихъ въ ней единой смѣшанные видѣть было: ово слезы безмѣрныя, ово нѣкакое смутное молчаніе, ово стenanіе и воздыханіе; временемъ слова печальныя проговаривала, но честныя и приличныя; иногда весьма изнемогала. Такъ бѣдно и разнообразно страждущи, день и ночь мужеви больному присѣдала и отходить не хотѣла.»

Государь межъ тѣмъ леденѣлъ все болѣе и болѣе, и въ четвертомъ часу по полуночи 28 января, подъ шопотъ благочестивыхъ папутствій и молитвъ тверскаго архіерея, испустилъ послѣдній вздохъ.

На одрѣ лежалъ посинѣлый трупъ, но присутствующіе все-еще думали, что въ этомъ тѣлѣ таится еще жизнь. Наконецъ сомнѣніе исчезло.

«И тотчасъ вопль, которые ни были, поднялся; сама государыня отъ сердца глубоко вздохнула чуть жива, и когда-бъ не поддержана была, упала бы; тогда же и всѣ комнаты плачевный голосъ издали, и весь домъ будто ревѣть казался, и никого не было, кто бы отъ плача могъ удержаться!..»⁽¹⁾

«Вообще всѣ люди безъ исключенія предавались неопisanному плачу и рыданіямъ. Въ это утро не встрѣчалось почти ни одного человѣка, который бы не плакалъ или не имѣлъ глазъ, опухшихъ отъ слезъ. Говорятъ, что во всѣхъ трехъ полкахъ (двухъ гвардей-

⁽¹⁾ Кратк. пов. о смерти Петра-великаго, соч. Феофаномъ Прокоповичемъ. Спб. изд. 1831 г.

скихъ и въ одномъ гренадерскомъ , составлявшихъ гарнизонъ столицы) не было ни одного человѣка , который бы не плакалъ объ этой неожиданной и горестной кончинѣ какъ ребенокъ...» ⁽¹⁾

Среди «осиротѣлыхъ дѣтей» сложилась пѣсня :

Ахъ ты батюшка свѣтелъ мѣсяцъ!
 Что ты свѣтишь не постарому,
 Не постарому и не попржежнему?
 Что со вечера не до полуночи,
 Со полуночи не до бѣла свѣта;
 Все ты прячешься за облаки,
 Укрываешься тучей темною?
 Что у насъ было на святой Руси,
 Въ Петербургѣ въ славномъ городѣ,
 Во соборѣ петропавловскомъ,
 Что у праваго у клироса,
 У гробницы государевой,
 У гробницы Петра-перваго,
 Петра-перваго, великаго,
 Молодой сержантъ Богу молится:
 Самъ онъ плачетъ, какъ рѣка льется,
 Не кончинѣ вскорѣ государевой,
 Государя Петра-перваго.
 Въ возрыданье слово вымолвилъ:
 «Развступись ты мать сыра земля,
 Что на всѣ на четыре стороны!
 Ты раскройся, гробова доска,
 Развернися, золота парча!
 И ты встань-пробудись, государь,
 Пробудись батюшка, православный царь!
 Погляди ты на свое войско милое,
 Что на милое и на храброе;
 Безъ тебя мы осиротѣли,
 Осиротѣвъ обезсильяли...»

Умолчимъ о другихъ проявленіяхъ печали всего служилаго сословія отъ сената до солдатства включительно ⁽²⁾. «Но да отыдетъ

⁽¹⁾ Берггольцъ IV, 118.

⁽²⁾ См. «Петриду или описаніе стихотворное смерти Петра-великаго, написанное Кантемиромъ въ 1730 году.» (Лѣтоп. рус. литературы. М. 1859, I. 16—22). Краткая повѣсть о смерти Петра-великаго, соч. О. Прокоповичемъ. Изд. 1831 г. Берггольцъ IV, 118—119. Сахаровъ, изд. Спб. 1839, ч. IV, стр. 199. Порошинъ, стр. 128. Росказни иноземцевъ см. въ «Russische Günstlinge», стр. 38—40. Оеоданъ Прокоповичъ: слово на погребеніе Петра-великаго, 1 марта 1725 г., въ изд. соч. Оеодана. Спб. 1761, ч. II, стр. 127—133 и проч. Въ «Пам. в. р. нар. Акад.» стр. 154 см. варьянтъ приведенной пѣсни на смерть

скорбь лютая, скажемъ словами Феофана : — Петръ, въ своемъ вѣнчаніи отшествіи, не оставилъ россіянъ сирыхъ. Како бо весьма осиротѣлыхъ насъ наречемъ, когда державное его наслѣдіе видимъ, пріаго по немъ помощника въ жизни его и подобнаго владѣтеля по смерти его въ тебѣ, милостивѣйшая и самодержавнѣйшая государыня наша, великая героиня и монархиня и мать всероссійская? Міръ весь свидѣтель есть, что женская плоть не мѣшаетъ тебѣ быти подобной Петру-великому. Владѣтельское благоразуміе и матернее благоутробіе твое и природою тебѣ отъ Бога данное кому неизвѣстно?» ⁽¹⁾

Кому неизвѣстно и то, что вопреки широковѣщательнымъ и льстивымъ глаголамъ Феофана, Екатерина не была наименована умирающимъ государемъ его преемницею? «Восшествіе ея на престолъ — по словамъ современника — довольно чуднымъ образомъ воспослѣдовало, ибо Петръ-великій не съ тѣмъ ее вѣнчалъ царскимъ вѣнцомъ, чтобъ ее наслѣдницею своею учинить, ниже когда того желалъ... А между тѣмъ, государь еще не охладѣлъ мертвый, а уже не воля его, не право наслѣдственное и привязанность къ крови, но самовольное желаніе вельможъ рѣшило важнѣйшую вещь въ свѣтѣ, то-есть наслѣдство его престола.» ⁽²⁾

Такъ или иначе, но Екатерина сѣла на престолъ, окруженная кн. Меншиковымъ, гр. Толстымъ, Остерманомъ, Ушаковымъ, Феофаномъ и другими свѣтскими и духовными птенцами ея предшественника ⁽³⁾...

Въ то время, когда бушуютъ страсти примученныхъ поборниковъ старины и народности, когда изрыгаются слова ненависти уже безсильному властелину, чтѣ дѣлаетъ его преемница? Она пре-

Петра Алексѣевича: молодой солдатъ, въ слезахъ о его кончинѣ, приглашаетъ покойника встать, пробудиться да посмотреть на гвардію, да на «армеешкѣ, хорошо ображенную», въ нейже всѣ чины на своихъ мѣстахъ, нѣтъ только полковника преображенскаго, капитана бомбандирскаго, то-есть Петра I и проч.

⁽¹⁾ Слово на погребеніе императора Петра, 1 марта 1725 г. Изд. 14 марта 1725, Спб.

⁽²⁾ *Щербатовъ*. О поврежденіи нравовъ въ Россіи.

⁽³⁾ Иноземные дворы спѣшили поздравить Екатерину I съ восшествіемъ на престолъ. Особенно интересно поздравлялъ персидскій шахъ: «Я надѣюсь, моя благоволюбленная сестра, что Богъ не одарилъ тебя любовью къ крѣпкимъ напиткамъ; я, который пишу къ тебѣ, имѣю глаза подобные рубинамъ, носъ похожій на карбункулъ и огнемъ пылающія щеки; и всѣмъ этимъ обязана несчастной привычкѣ, отъ которой я и день и ночь валяюсь на своей бѣдной постелѣ» и т. д. Зап. *Дашковой*, стр. 18—19.

доставляетъ первыя необходимѣйшія распоряженія по внутреннимъ и внѣшнимъ дѣламъ сенату, который и собирается въ ея покояхъ; ласкаетъ и осыпаетъ подарками и почестями нареченнаго своего зятя, возвышаетъ друга молодости — князя Меншикова, сидитъ запершись въ своихъ апартаментахъ, куда, по ея указу, никого не допускаютъ безъ доклада, кромѣ Меншикова, Бутурлина, Ягужинскаго, Девіера, Макарова и Нарышкиныхъ; «съ доклада же пуцаютъ по регламенту» только «по шестой класъ»; выходитъ же сама Екатерина только къ гробу супруга.

Первые мѣсяцы ея царствованія, по исконному обычаю, ознаменовались наградами ея приближенныхъ, а также прощеніями преступниковъ и возвратомъ ссыльныхъ прежняго царствованія. Нѣсколько иноземцевъ, затѣмъ извѣстные птенцы Петра, бывшіе въ немилости — баронъ Шафировъ, Скорняковъ-Писаревъ, докторъ Лестокъ получили прежніе чины и отличія. Протопопы, попы и дьяконы покровско-суздальско-дѣвичьяго монастыря, всего шесть человѣкъ, страдалцы за преданность царицѣ Авдотѣ, были возвращены изъ дальней ссылки и распределены по церквамъ на мѣста. Сторонницы той же царицы Авдотьи и ея сына, вдовы: Варвара Головина, княгиня Настасья Троекурова, княгиня Марья Львова, разосланныя въ 1718 году по монастырямъ въ заточеніе, нынѣ получили право жить въ какихъ угодно монастыряхъ, хотя бы въ московскихъ. Вологодскимъ шести духовнымъ особамъ разнаго чина, судившимся по важнымъ противнымъ словамъ «раздѣлкова вологодскаго собора Непейна», и нѣкоторымъ другимъ колодникамъ смягчены наказанія, либо и вовсе сказано прощеніе. Изъ Сибири, по свидѣтельству современника, въ мартѣ 1725 года ввезли человѣкъ двѣсти ссыльныхъ, возвращенныхъ на родину: это были лица, пострадавшія за непринесеніе присяги въ 1722 году установленному Петромъ порядку престолонаслѣдія. Надо думать, что прощеніе было имъ объявлено еще по случаю коронаціи Екатерины, въ маѣ 1724 года.

Какъ бы то нибыло, но въ числѣ возвращающихся изъ разныхъ мѣстъ ссылокъ неужели не было нашихъ близкихъ знакомыхъ — Матрены Ивановны съ ея сыновьями, неужели забыли и другихъ пособниковъ камергера Монса? Нѣтъ, о нихъ вспомнили, и вспомнили довольно скоро. Еще тѣло императора стояло во дворцѣ, еще только-что воздвигалось по улицамъ столицы о предстоящемъ церемоніалѣ его погребенія, а Екатерина изрекла милостивое прощеніе своей довѣреннѣйшей подругѣ. Прощеніе дано было въ формѣ указа ея величества изъ сената на имя генераль-майора и лейбъ-гвардіи майора Ушакова. Что это за ловкій чело-

вѣкъ Андрей Ивановичъ! Давно ли на него, какъ на надежнѣйшаго сыщика и застѣпочнаго инквизитора, возлагалъ Петръ щекотливое дѣло Монса — и вотъ по прошествіи четырехъ мѣсяцевъ тотъ же Андрей Ивановичъ не только не вызываетъ на себя мненія Екатерины, — нѣтъ, его любятъ, ему довѣряютъ, и ему же поручаютъ озаботиться о возвратѣ лицъ, такъ недавно имъ арестованныхъ, допрашиваемыхъ и преданныхъ въ руки заплечныхъ мастеровъ!

Прощеніе изрекалось Екатериной подъ обыкновенную форму: «ради поминовенія блаженнаго и вѣчно достойнаго памяти его императорскаго величества и для своего многолѣтняго здравія: Матрену Балкшу несылать въ Сибирь, какъ было опредѣлено *по дѣламъ вышняго суда*, но вернуть съ дороги и быть ей въ Москвѣ. Дѣтей ея, Петра да Якова, вмѣсто ссылки въ гиланскій гарнизонъ опредѣлить въ армию тѣми же чинами, въ какихъ посылали ихъ въ Гиланъ.» Не забыли Балакирева; вспомнили также о Столѣтовѣ. Тотъ и другой освобождены отъ каторжной работы и возвращены въ столицу. Иванъ Балакиревъ опредѣленъ въ лейбъ-гвардію преображенскій полкъ въ солдаты, а Егоръ Столѣтовъ свободенъ на волю, а у дѣла ея величества нигдѣ не быть! (1)

Освободили героевъ и героинь трагедіи, но самую хронику, мѣтопись событій, посѣщили запрятать подъ замки и печати. Извѣстный уже намъ Иванъ Антоновичъ Черкасовъ, выполняя безъ сомнѣнія высочайшую волю, запечаталъ своею печатью четыре пакета. На первомъ изъ нихъ написалъ онъ своеручно: «дѣло Монсоно»; на второмъ: «письма, подлежащія къ дѣлу Монсову»; на концѣ въ четвертый кувертъ спряталъ онъ письмо, подброшенное къ Ширяеву въ ноябрѣ 1724 года. Къ сожалѣнію столь важный документъ не сохранился. Быть-можетъ какая-нибудь «высокая персона» въ XVIII вѣкѣ перебирала для собственнаго любопытства секретнѣйшія дѣла своихъ предшественниковъ и предшественницъ и нашла нужнымъ уничтожить эту бумагу; или же самъ князь Александръ Даниловичъ повелѣлъ соизволить сжечь документъ (2).

Запрятали бумаги; долго и долго довелось имъ лежать подъ спудомъ; но не зарыли Балки своихъ талановъ въ землю. Семей-

(1) Въ распоряженіи екатерининскаго правительства, относившіяся до дѣствующихъ лицъ монсовой матеріи, шли въ слѣдующемъ порядкѣ: 1725 годъ: 13 февраля возвращены царевнѣ Прасковѣ ея имѣнія, нѣкогда подарокъ ея Монсу; 22 числа — освобожденъ Балакиревъ; 6 марта свободенъ Столѣтовъ; два дня спустя — указъ о возвращеніи двухъ Балковъ съ матерью; 26 марта — извѣстіе изъ Москвы, что за Матреной Балкш послано, и т. д.

(2) Запечатаніе документовъ дѣла монсона произведено было Черкасовымъ въ царствованіе Петра II, 20 июня 1727 года.

ство это, какъ мы видѣли, всосало въ плоть и кровь умѣные происками, интригами, заискиваніями достигать цѣлей своего тщеславія и честолюбія. Балки, достойные питомцы своей маменьки и дяди, не упали: нѣтъ, они продолжали скользить среди отмелей и камней придворной жизни. Искусонные опытомъ, они были чрезвычайно осторожны. Извѣстно, что одинъ изъ нихъ, и именно нашъ пріятель Петръ Федоровичъ, вмѣстѣ съ оберъ-шталмейстеромъ Куракинымъ шутками своими имѣлъ способность развеселять имени-тыхъ особъ, льстить Барону, и хотя ни къ какимъ уже дѣламъ допускаемъ не былъ, но получалъ за свои способности чины и скончался 4 октября 1743 года въ чинѣ генераль-лейтенанта и дѣйствительнаго камергера (1). Дочери младшаго Балка (2) слѣдали прекрасныя партіи: одна вышла за оберъ-егермейстера Нарышкина, а другая вышла за извѣстнаго Сергія Салтыкова.

Что до сестры Балковъ, дочери Матрены Ивановны — Натальи Федоровны Лопухиной, то трагическая судьба ея извѣстна (3): Матрена Ивановна не дожидая до катастрофы, постигшей Наталью Федоровну въ 1743 году. Дѣти Лопухиной видѣли возвращеніе матери изъ Сибири и при императрицѣ Екатеринѣ II сами выдвинулись на служебномъ поприщѣ: такъ второй сынъ Лопухиной былъ генераль-поручикомъ, третій дѣйствительнымъ камергеромъ и проч. Затѣмъ упомянемъ также и о томъ, что фамилія *Монса* встрѣчается еще разъ въ первой половинѣ XVIII вѣка. Такъ въ царствованіе Анны Ивановны на скамьяхъ «рыцарской академіи» (нынѣшній первый кадетскій корпусъ), среди сыновей аристократіи и дѣтей разныхъ иноземцевъ мы встрѣчаемъ *Бернгарда Монса*. Поступилъ онъ въ кор-

(1) Описаніе Алекс.-невск. лавры, соч. *Павлова*, Спб. 1842 г., стр. 91.

(2) Въ «Russische Günstlinge» и запискахъ Екатерины называютъ его Павломъ, но въ указѣ 8 марта 1725 года о возвращеніи Балка младшаго изъ ссылки онъ названъ *Икономъ*.

(3) «Русск. Вѣстн.» 1860, кн. XVII. — «Русск. Рѣчь» 1861, статья: «гр. А. Ш. Бестужевъ-Рюминъ». Въ высшей степени интересенъ слѣдующій фактъ, относящійся до Натальи Лопухиной (урожденной Балк): сосланная въ 1743 году въ Селенгинскъ, она въ нетерпѣливомъ ожиданіи, возврата на родину измѣнила лютеранской вѣрѣ и приняла православіе. Подобное *обращеніе*, нѣтъ сомнѣнія, совершенно было въ надеждѣ привлечь къ себѣ милость государыни, но оно только привлекло вниманіе читателей «Петербургскихъ вѣдомостей», такъ какъ онъ лишь ошестветили объ этомъ событіи: «1756 годъ. № 24, вторникъ 24 марта. Навѣстіе изъ синода о обратившихся въ грекороссійскую вѣру: таковыхъ за 1681, 82, 85 и 87 года было изъ сибирскихъ инородцевъ 2720 человекъ, да въ томъ же 1757 году, 21 июля, обратилась въ православіе содержащаяся въ Селенгинскѣ Степана Лопухина жена Наталья Федорова». — Указаніемъ на это извѣстіе мы обязаны князю Н. Туркестанову.

пусть въ 1735 году, выпущенъ въ 1741 г. въ армію прапорщикомъ. Какъ доводился новый прапорщикъ знаменитому камергеру: былъ ли онъ племянникомъ его или находился въ болѣе отдаленной связи родственной, намъ неизвѣстно ⁽¹⁾; неизвѣстна также и судьба этого, едва ли не послѣдняго изъ Монсовъ, имя котораго встрѣчается въ числѣ именъ разныхъ знатныхъ и старинныхъ дворянскихъ фамилій. Рыцарская академія, какъ извѣстно, съ самаго начала была чисто *шляхетскимъ* заведеніемъ.

Оставляя главнѣйшихъ членовъ фамилій Балкши и Монса и ихъ потомство, скажемъ нѣсколько словъ о послѣдующей судьбѣ двухъ невольныхъ виновниковъ монсовой и собственной гибели. Судьбы Балакирева и Столѣтова въ послѣдующія царствованія совершенно различны: на долю перваго выпалъ вѣчный смѣхъ и шутовство во дворцѣ, на долю второго — долгое скитанье по тюрьмамъ и позорная смерть на плахѣ.

Причины этого явленія лежали не только въ обществѣ, въ которомъ они жили, но и въ ихъ собственныхъ характерахъ: Балакиревъ былъ шутъ по профессіи, по страсти; если онъ «привалъ на себя шутовство» еще при Петрѣ и этою «спеціальностью» успѣлъ проложить себѣ дорогу во дворецъ, то въ послѣдующее время, при Биронѣ, онъ тѣмъ скорѣй нашолъ возможнымъ обратиться къ прежней профессіи: она его кормила, олъвала, вообще съ избыткомъ обезпечивала его содержаніе. Въ это время дѣйствительно житье было разнымъ шутамъ, шутихамъ, дуракамъ и дурамъ, карламъ и карлицамъ. Ими полнились темненькіе и низенькіе покои «зимняго

(1) Бернгардъ Монсъ получилъ при выпускѣ слѣдующій интересный аттестатъ: «геометрію и практику скопчалъ, регулярную фортификацію началъ, рисуетъ тушью, пороссійски говоритъ хорошо и переводитъ съ нѣмецкаго на руссійскій языкъ, скопонируетъ легкаго французскаго автора, универсальную исторію до новѣйшихъ временъ обучилъ, всѣ генеральныя карты Гиберава мамага атласа прошолъ; сочиняетъ нѣмецкія письма безъ диспозиціи хорошо, фектуетъ въ контру, верховой ѣздѣ и танцовать обучался». См. *Имлинъ, списокъ всѣмъ бывшимъ и нынѣ находящимся въ Сух. шлях. кад. корп. штабъ-офберъ-офицерамъ и кадетамъ*. Спб. 1761 г. стр. 130. Говоря о послѣднемъ изъ извѣстныхъ намъ Монсовъ, сдѣлаемъ кстати замѣтку, дополняющую скудные наши свѣдѣнія о родителяхъ Виллима Монса и вообще о его семьѣ въ первыхъ годахъ XVIII вѣка: 9 ноября 1703 года, какъ значится въ купчей помѣстного приказа, жильцы Петръ и Сидоръ Уколовы продали иноземкѣ, *вдовѣ* Матренѣ Еенимовѣ, иноземца Ивановской жены монсова, да дѣтямъ ея, капитану Филимону, да брату ея Виллиму Ивановичу, да дочери ея дѣвицѣ Аннѣ Ивановнѣ Монцовымъ, вотчины свои въ курскомъ уѣздѣ (слѣдуетъ перечень четырехъ деревень) за 1550 руб. Изъ этой замѣтки видно 1) что отца молодыхъ Монсовъ и третьяго брата Виллима въ 1703 году небыло на свѣтѣ, 2) достатокъ вдовы такъ былъ великъ, что она покупала уже деревни. (Дѣла по имѣніямъ частн. лицъ, к. LXXXVI.)

дома». Скоморошническій орденъ имѣлъ своими членами представителей разныхъ старинныхъ княжескихъ фамилій. Въ обществѣ столь знатныхъ и столь талантливыхъ особъ могло ли быть «досадительно» Балакиреву? Правда, частенько доводилось ему таскать за волосы сотоварищей, бить другъ друга по щекамъ, колотить другихъ палками и быть въ свою очередь битымъ по икрамъ, кувыркаться, кататься по полу, драться до крови: но въдь все это дѣлалось въ высокомъ присутствіи герцога Бирона и другихъ вельми знатныхъ персонъ для общей потѣхи; въ этой потѣхѣ наконецъ принимали дѣятельное участіе многіе аристократы. Впрочемъ и отказываться-то отъ участія въ потѣхѣ было несовсѣмъ удобно: современникъ свидѣтельствуетъ, что Балакиревъ однажды за подобный отказъ былъ «жестоко битъ батоги». Шутъ же онъ былъ добрый, остроумный, и шутки его никогда никого не язвили, но еще многихъ часто рекомендовали (1).

Въ то время, когда Балакиревъ смѣхомъ заглашалъ слезы, шутками облегчалъ боль отъ княжескихъ пиньковъ и затрепичъ, кувырканьями и прыганьемъ разминалъ ноги, избитыя палками, въ это время пріятель его Егоръ Михайловичъ Столѣтовъ короталъ дни въ Нерчинскѣ.

По возвращеніи изъ Рогервика въ 1725 году Столѣтовъ проводилъ время на «свободѣ», потомъ служилъ при дворѣ цесаревны Елисаветы и постоянно вращался въ мірѣ сплетень, интригъ и разныхъ козней придворныхъ чиновъ мелкой стати. Съ этимъ міромъ онъ издавна обихся. Онъ не обращалъ вниманія на то, что аристократы «гордили» съ нимъ, вообще отпосились къ нему, къ каторжнику, весьма презрительно, Впрочемъ не зато что онъ былъ въ каторгѣ (въ то время многимъ была она знакома), но за его низкое происхождение. Столѣтовъ не обращалъ вниманія на ихъ презрѣніе, онъ все-таки продолжалъ соваться въ кружки князя Бѣлосельскаго, князя Куракина, князей Долгорукихъ и др.; находилъ себѣ милостивцевъ, старался быть имъ полезнымъ. Человѣкъ не безъ способностей (2), но тщеславный, самоуверенный, болтливый, онъ скоро поплатился за то, что вновь отдался интригамъ и сплетнямъ дворцоваго міра. Въ 1731 году, по розыску, за вины Столѣтова сослали въ

(1) «Ледяной домъ, шуты и забавы при дворѣ Анны Ивановны». «Общез. Вѣстн.» 1837 г. № 16.

(2) Такъ Столѣтовъ интересовался современной литературой, попросту — любилъ книги, читалъ, списывалъ разные стихи и чуть ли самъ не кропалъ ихъ въ подражаніе своему покойному патрону, Монсу. Нѣкоторые, по времени, недурны. См. въ Приложеніи XI, №№ 1 и 2, два стихотворенія, писаныя рукою Столѣтова.

Нерчинскъ. Вины его на этотъ разъ вполне неизвѣстны; пострадалъ онъ вообще за связи и службу Долгорукимъ. Въ отдаленномъ Нерчинскѣ онъ пользовался свободой, былъ принятъ въ домъ начальника, могъ заниматься чѣмъ угодно, ходить куда угодно; но бездѣйствіе, а главное жизнь вдали отъ той сферы, среди которой онъ выросъ, скоро его озлобили и вызвали на рядъ опрометчивыхъ поступковъ. Онъ сталъ рассказывать важныя тайны дворцоваго быта, хорошо ему извѣстныя. Говорилъ о царевнѣ Катеринѣ Ивановнѣ и князѣ Михаилѣ Бѣлосельскомъ, о Аннѣ Ивановнѣ и герцогѣ Биронѣ, высказывалъ сочувствіе къ цесаревнѣ Елисаветѣ, заявлялъ надежды на ея востшествіе на престолъ, и къ довершенію же собственнаго несчастія поссорился съ комендантомъ Нерчинска, своимъ непосредственнымъ начальникомъ. Результатомъ всего этого были: доносъ, судъ и пытки въ Екатеринбургѣ и страшный розыскъ въ Петербургѣ; завязалось толстѣйшее дѣло ⁽¹⁾, продолжавшееся облѣе года. Столѣтовъ, столь же малодушный въ бѣдѣ, сколь самонадѣянный и заносчивый въ счастіи, оговорилъ знакомыхъ, пріятелей, прилепелъ къ дѣлу родную сестру и зятя, являвшихъ къ нему во время ссылки чувства глубокой привязанности; клепалъ и на себя, то запирался, то приносилъ повинныя не только въ противныхъ словахъ, когда-либо сказанныхъ, но даже въ мысляхъ, какія только зарождались въ его головѣ и служили «къ умаленію чести ея императорскаго величества».

Развязка, по своему времени, была обыкновенная: 12 іюля 1736 года колодникъ Егоръ Столѣтовъ казненъ смертію: отсѣчена голова на с.-петербургскомъ островѣ, на рынкѣ. Тѣло его зарыто, по указу ея величества, тамъ же на Петербургской-сторонѣ, близъ церкви Спаса-преображенія господня, въ Колтовской ⁽²⁾.

Читатели наши, надѣюсь, не упрекнутъ насъ за то, что мы такъ долго удерживали ихъ вниманіе на такихъ личностяхъ, каковы камергеръ Монсъ, его сестра, племянники, секретарь, слуги и проч. Безъ сомнѣнія достаточно было ясно, что герой настоящаго очерка интересовалъ насъ не потому, что самъ по себѣ заслуживалъ бы вниманіе изслѣдователя старины: нѣтъ, а потому, что рассказъ о

(¹) Дѣло о Столѣтовѣ на 367 листахъ; въ немъ довольно много подробностей для знакомства съ дворомъ Анны Ивановны.

(²) При постройкѣ новой каменной церкви на этомъ мѣстѣ въ 1861 году найдено нѣсколько скелетовъ въ цѣпяхъ.

немъ и его семействѣ выдвигаетъ нѣкоторыя новыя стороны въ жизни и характерахъ Петра и Екатерины, а главное — новыя черты для знакомства съ петровскимъ обществомъ.

Такія личности, какъ Виллимъ Монсъ, ничтожныя въ нравственномъ отношеніи, но брошенныя случайностью въ водоворотъ дворцовой жизни, поднятыя счастьемъ и интригами придвинутыя къ императорскому престолу — всегда интересны именно въ томъ отношеніи, что характеристики ихъ даютъ возможность ближе ознакомиться съ обществомъ того времени, заглянуть, такъ-сказать за пышныя декорации и вообще перенестись въ ту среду, въ которой подвизались того времени полководцы, деньщики, министры, посланники, важныя духовныя лица и т. под. дѣятели. Въ отношеніяхъ своихъ къ фавориту всѣ они, стоящіе по официальнымъ источникамъ, на какихъ-то ходуляхъ, разоблачаются — и мы видимъ предъ собою не автоматовъ, начиненныхъ громкими фразами панегиристовъ, — нѣтъ, а людей изъ плоти, костей и крови, живыхъ, то-есть съ человѣческими страстями и слабостями.

Наша родная историческая литература, вообще говоря, мало еще представляетъ очерковъ и рассказовъ, преслѣдующихъ одну цѣль: вскрывать завѣсу надъ частнымъ бытомъ нашего общества за ту или другую эпоху и лицомъ къ лицу ставить съ характеристическими его представителями и представительницами. Мы съ недоумѣніемъ и даже съ насмѣшкой смотримъ иногда на изслѣдованіе о какой-нибудь личности, имя которой не попало въ тѣ учебники да обзоры, по которымъ мы узнали родную исторію.

Мы осуждаемъ подчасъ этихъ дерзкихъ, которые осмѣливаются «останавливать просвѣщенное вниманіе достопочтенныхъ читателей и читательницъ» на какихъ-то фрейлинахъ, статсъ-дамахъ, мелкихъ сторонникахъ — какого-нибудь царевича или посвящать многія главы на знакомство съ безвѣстнымъ вырождакомъ какой-нибудь нѣмецкой слободы.

Но мы забываемъ одно: что наша исторія рано или поздно должна же обхватить общественный и частный бытъ каждой эпохи со всѣми ея характеристическими *мелочами*, повидимому столь *неважными*, что при этомъ неминусемо должны же мы будемъ приблизиться къ личностямъ, хотя и не заявившимъ себя государственной дѣятельностью, но зато игравшимъ роль въ обществѣ своего времени; мы забываемъ, что очень часто какой-нибудь, теперь неизвѣстный, камергеръ или забытая фрейлина, или царица, неигравшая роли политической, въ лицѣ своемъ несравненно скорѣе дадутъ намъ возможность ознакомиться съ образованіемъ, съ нравственнымъ развитіемъ, съ тѣмъ кодексомъ правилъ и взглядовъ тогдашнихъ на об-

пщественныя приличія, отношенія другъ къ другу, къ низшимъ и къ высшимъ себя и т. под., нежели всѣ «патентованныя» историческія лица. Словомъ, мы не хотимъ вѣрить, что первыя лица зачастую несравненно ярче знакомятъ насъ съ общимъ видомъ той *среды*, надъ которой подымались только нѣкоторыя исключительныя личности.

Итакъ, если что иногда и можетъ по этому поводу вызвать наше осужденіе, такъ это отнюдь не та задача, не тѣ лица, съ которыми дерзають знакомить насъ нѣкоторые изслѣдователи старины, но развѣ неумѣнье, неискство ихъ въ составленіи историческихъ картинъ.

Къ этому предмету мы однако еще возвратимся, а теперь позвольте сказать послѣднее прости Виллиму Ивановичу Монсу. Трупъ его убранъ, снята и голова съ позорнаго шеста, и мы, невозмущенные страшнымъ зрѣлищемъ, можемъ съ спокойнымъ духомъ сказать слѣдующее :

Монсъ есть одинъ изъ первыхъ по времени нумеровъ въ той длинной фалангѣ фаворитовъ-временщиковъ, которые отъ времени до времени являются въ русской исторіи XVIII вѣка. Для нихъ (за немногими исключеніями) ничего не существовало кромѣ произвола, направленнаго къ достиженію своекорыстныхъ цѣлей, предъ ними все кланялось, все ползало; для нихъ небыло законовъ, небыло нравды, небыло отчизны...

Монсъ еще дѣйствовалъ сравнительно съ своими преемниками скромно, робко; онъ не могъ вполне развернуться, потомучто въ глазахъ его постоянно гуляла по спинамъ именитыхъ птенцовъ дубина царская, либо брызгалъ кровью кнутъ заплочнаго мастера, сверкала сѣкира палача, да болталось на висѣлицѣ гниющее тѣло какого-нибудь сановника. И все-таки, при этихъ *нравственныхъ сдержкахъ*, фаворитъ Екатерины *восемь лѣтъ* неустанно нарушалъ указы, былъ приточникомъ и прибѣжищемъ всякой неправды, имѣвшей только возможность повергать къ его стопамъ богатые презенты...

ПРИЛОЖЕНИЯ

I

Письма попа Александра 18 июня 1698 года къ Петру I о стрѣльцкомъ возстаніи (1).

Милостивый Государь!

... достоинству вашему писалъ, государь, къ Москвѣ изъ полку своего князя Михаила Григорьевича, о непослушаніи и о зачатіи воровства четырехъ полковъ стрѣльцкихъ, о чемъ уже чрезъ прежнюю почту милости вашей отсюда не безвѣстно, нынѣ же государь та ихъ окаянныхъ зачатая воровская злоба ясно ими показана; писали государь тѣхъ четырехъ полковъ всѣ полковники, что они вышедъ изъ Торопца, пошли къ рѣкѣ Двинѣ, и стали быть всѣмъ полковникамъ во всемъ непослушны, и случась всѣ четыре полка въ одно мѣсто, забунтовали на указныя мѣста, гдѣ имъ велѣно стоять до указа не пошли, и полковниковъ отъ себя отбили, и выбрали ко всякому полку по четыре человека выборныхъ своихъ стрѣльцовъ, кому ихъ въ томъ воровствѣ управлять, и пошли всѣ къ Москвѣ, и здѣсь, государь, бояре приговорили, видя ихъ всеконечное воровство, посылать противъ такихъ плевосѣяльниковъ и враговъ креста Христова твои государевы рати, за нихъ бунтъ; и если непокаратся, то мечъ гнѣвомъ твоимъ да смиритъ ихъ; и Алексѣй Семеновичъ съ ратными людьми, которые прилучились при семъ зломъ случаѣ на Москвѣ, и которые послѣдвали по грамотамъ изъ ближнихъ городовъ; да съ ними жъ, государь, съ пѣхотными полки генералъ Петръ Ивановичъ, и пошли съ Москвы июня 16. дня, а станъ былъ сего государь числа въ Тушинѣ, и сего жъ числа пошелъ съ того стана Алексѣй Семеновичъ къ Воскресенскому монастырю;

(1) Въ одинъ день съ этимъ письмомъ духовника государева отправлено донесеніе князя Федора Юрьевича Ромодановскаго. Посл. помѣщено въ III т. соч. Устрялова, стр. 474. Письмо попа Александра, приложение къ I главѣ нашего очерка, является впервые въ печати, также какъ и всѣ послѣдующіе документы, служащіе приложениями къ III, IV, V, VI, VII и XI главамъ.

а про нихъ бунтовщиковъ слухъ есть, что они сего числа будутъ на Волокъ ламскій отъ Москвы за девяносто верстъ; а воскресенскій, государь, монастырь на половинѣ, какъ отъ Москвы, такъ и отъ Волока, по 45 верстъ; а котораго, государь, случатся числа, и что въ томъ дѣлѣ учинится, и то время покажетъ; и отъ насъ милости вашей о томъ впредь небезызвѣстно будетъ, и о всемъ пространствѣ донесено тебѣ, премилостивому моему государю, будетъ, чрезъ другія письма, и въ которыхъ приказѣхъ то дѣло обрѣтается со всякою вѣдомостію хотѣли послать выписки до лица милости вашей. Пространно, государь, писать о возвращеніи къ намъ милости вашей, за склонною волею твоею не смѣю, понеже приспѣло время для избавленія христіанскаго народа, ко устроенію въ лучшую пользу, тебѣ моему премилостивому государю, нынѣ быть при послахъ, для совершенія зачатого своего дѣла.

Однакоже государь отъ всего своего сердечнаго рвенія, тебѣ моему государю, по должности моей, доношу, что вѣло государь и заѣсь крайняя нужда зоветь тебя премилостиваго моего государя, не остави насъ сырыхъ своихъ до конца, дабы намъ не погрязнуть во глубинѣ сии нашедшія на насъ напасти, и чтобъ воровскіе бунты и всѣ ихъ замыслы разорвать безмедленно, неодождѣвша къ нимъ предводителя, и чтобъ впредь домы то ихъ воровство жажжиться не попустилось.

О корабельномъ государь заѣшнемъ поведеніи о всемъ къ тебѣ, моему государю, писалъ прежь сего числа. Пожалуй премилостивый государь прикажи о манжерахъ меня по милости своей утѣшитель, мастеровъ ии инѣ отъ милости вашей, кому ихъ дати, ожидать, или готовые ихъ за моремъ промышлять, и каковымъ быть нашихъ бомбардирахъ и на галерахъ, а объ иномъ корабельномъ дѣлѣ пространнѣе донесетъ тебѣ государю господинъ адмиралъ комисарь.

За сими желая здравія твоего премилостиваго моего государя, подѣ Александръ Вота моля челоюмъ бьетъ.

Съ Москвы, юня 17 дня (1698 г.)

II

Письмо Екатерины къ Петру I, 7 декабря 1708 г.

Allerdurchleuchtigster und gnädigster Herr Ohnemb.
Ich gratulire Ew. Majestet zu den erhaltenen Siegen und wünsche, dass ich bald alhier die Gnade haben möge Ew. Majestet aufzuwarten und zu versichern, dass ich mit einem tiefestem respect alle Zeit verharre,

Gnädigster Herr Ohnemb,
Ew. Majestet

unterthänigste
Catharina

Ismaelof, den 7 December 1708.

III

*Стихи Виллима Монса на нѣмецкомъ языкѣ; одинъ куплетъ,
первый.*

1

Wo ist Mein freier sinn
Ach das ich nicht mehr, Mein Eigen bin
Balt gehe ich, balt steh ich
Und weiss doch nicht wohin
Wass hat der Völker Macht
Vor ein Verhängniss auf mich bedacht
Hier sindt zur Stelle, all Unglücksfälle
Die mich allein, erregen solchen Pein, и т. п. (¹)

Стихи Виллима Монса на словободскомъ языкѣ.

2

Ach eto gest svet i swete, ach fso prafifnaje,
ne magu schit, ne umerty, seriza tasklywaja,
Dolgo ty mutzilsa, net upokoy seriza,
Kupido wor proklaty, welmy radagitsa.

Prohij streloyu seriza, leschu bespamety,
ne magu ja atznutza, i otzi my plakaty,
taska welykaja, schnotze krawawaja,
rudoju sapeklosa, i fso prabitaja. (²)

Стихи Виллима Монса

3

Welche Hoffnung, dass zu Kriegen,
Was mich mit Flammen überstreut,
So gewillet dennoch Mein Vergnügen,
Auch noch auss der Unmöglichkeit,
Den darf ich gleich den platz nicht nennen,

(¹) Изъ записной тетради Монса; приводится какъ образчикъ его стихотворства: всѣ ошибки орфографіи подлинника сохранены.

(²) Изъ записной тетради Монса; приведено какъ образчикъ его стихотворства на русскомъ языкѣ; за незнаніемъ автора писать порусски написано имъ нѣмецкими буквами.

Will ich doch in gedanken Brennen,
Biss an Mein Letzes Lebens Zeit.

4

Welt ade ich bin dein müde
Ich will nach dem Himmel zu
Da wird sein der rechte friede,
Und die stoltze seele ruh ;
Welt bei dir ist Krig und streit
Nichts denn lauter eitelkeit.
In dem Himmel alle Zeit
Friede ruh und seligkeit.

.....

IV

Письмо Алексѣя Петровича Бестужева-Рюмина къ Монсу 3 августа 1717 г. (1)

Благородный господинъ камеръ-юнкеръ государь мой Вилимъ Ивановичъ.

Униженно вашему благородию благодарствую за комплиментъ вашъ, который отъ васъ господинъ Бестужевъ дмитрей Петровичъ мне справилъ; при семъ прилагаю письмо отъ одного господина Бестужева по которому прилежно прошу его и меня одолжитъ не замѣнявъ сто червонныхъ изходатайствовать и также деньги вручитъ сему листоподателю с роспискою имянно господину Авраму Фаннотену (H. Abraham von Notten), онымъ ваше благородіе по прежнему меня обяжете за что напротивъ вамъ государю моему отслужитъ потщуся, и всегда неотменно со многими почтениемъ пребуду вашимъ государь мой всепокорно послушнымъ слугою Алексей Р. Бестужевъ.

Гамбургъ августа -3- S. H. 1717.

P. S. (Помѣщенъ адресъ Алексѣя Бестужева).

На оборотѣ: • A monsieur Monsieur de Monss gentil homme de la
Chambre de la Majesté Czarinne à Amsterdam.

(1) Въ приводимыя письма тщательно провѣрены нами съ подлинниками.

V

Александры Салтыковой, урожденной кн. Долгоруковой, къ Матрени Ивановнѣ Балкѣ (17 окт. 1719).

1

Государыня мая матрена ивановна много летно здравѣствуй купно са всеми вашими! письмо милости вашей получила, въ которомъ изволите отвѣтствовать на мое письмо, которое я къ вамъ писала из кенезъ Берха; за что я вамъ, матушка мая, Благодарствую и въпретъ васъ прошу неизволте оставить и чаще писать, что свеликою моею радостію ожидать буду (1) прошу на меня и неизволте прогневатьца, что мешкала за нещастіемъ моимъ, на оное ваше письмо отвѣтствовать; понежа у меня батюшка канешню болѣею огреваю четьри недели истейно въ бедахъ моихъ несносныхъ не магу вамъ служить шайми писмами; ежели дастъ Богъ Батюшку лехъча, буду писать пространно на будущей почте Сердешню сердешню сожелею о вашей балеэне изволька мѣне отъ писать если вамъ лехъча до сего времени изволте ка мѣне отписать если вамъ лехъча до сего времени изволте ка мѣне отписать письмо мое отъ егана изволить получить такошъ надеюся, что онъ вамъ занесетъ обавсемъ прастранно, которая чедьбитная послана къ царскому величеству такошъ и всемиластивой государыне царице екатерине алексеевне, изволте осведамитьца и какине отписать, какъ изволать принять; а я въ бедахъ свайхъ инога претъстательства веимею кромя ея величества и ане какине пишути, что мушъ мой хочетъ на меня бить чаюшъ, что бутъа я ево покрала и ушла; я егава не баюса извесна всемъ въ митаве и много на то свидетелей сыщу не толка ныне что будетъ я неимела въ чемъ батюшке доехать принуждена была себе делать до послѣдней рубашки сие (?) онъ увезъ ссобою ту бабу, которая завъсемъ хадила; она снимъ уехала ссобою ли ане забрали или у людей оставили пускай его людей стой бабаю пыдаютъ мне быца ничако негде брѣтъ я уже была давню савъсемъ обрана и отъ нево разъбита токмо имела при себе, несколько из маихъ алмазаявъ и то, у меня наломалъ, аграбилъ, какъ поехалъ въ Петербурхъ сказалъ мне: ежели не дашь хатѣ до смерти, убить, я ему с великою радостію и то отдала толка, обобраъ и самъ билъ (?) на что есть свидетели. Въ протъчемъ астаюся на милость вашу, благодежна что по своему обещанію меня оставиши неизвольте слуга, верная, до смерти.

Изваршавы октября 17, 1719 г.

(1) Неразобрано слово.

Къ М. И. Балкъ, 14 ноября 1719 г.

Гасудараня моя матрена иванавѣна многолѣтню здравствуй купно со всѣми вашими! о себе моя гасудараня донашу, еще въ бедахъ своихъ зъживыми обретаюся; писмо ваша, чрезъ господина белашницкова которое послано, я здѣсь получила; за что вамъ, матушѣка мая, благодарствую и прошу меня неоставить въпретъ, чѣво срадастию мою желаю; токмо выразумеа из писма вашева, что вы еще въ болѣзне своей обретаитесь, о чѣмъ серъцомъ моимъ сажелею и желаю, светъ мой, какъ наискорее притѣти до савершеннаго здаровья; а что вы изволите писать, что писма ка мне будите посылать чрезъ Белашницкова, я чаю дутче чрезъ господина Бестужева, понежа я ево просила, которые писма вы изволили чрезъ него посылать верѣно камѣне дохадити, а что вы мне изволите писать, что бы я остерегалася дашѣкова, его ныне у насъ нѣтъ, отпущенъ къ москве, желею, что я прежде не ведала я бы варошню при немъ гаварила, что надлежитъ другимъ ведать.

Пача дѣсево васъ прошу, изволте меня сдержать, по своему обещанию, верѣно такошъ где вазъможно упоминать въ миласти ея величеству, гасударане циа (?), въчѣмъ на миласть вашу безсумнензную надежду имею, такошъ пращу матушѣка мая изволте камѣне писать пространней, что изволите услышитъ въ деле моемъ какое будетъ са мой миласердие и какую силу будетъ спротивной стараны делать, а я надеюся, что вы извесны, отъ егана нашева желанія, и ежели миластивое будетъ решеніе на нашу суплику, то надеюся васъ скоро видѣть, остаюсь вамъ верѣная до смерти александра.

Прошу от меня покланитьца ея миласти анѣне длиннѣшнѣе.

Матрени Ивановнѣ Балкъ, 25 октября 1720 г. (1)

Государыня моя матрена ивановна многолѣтню здравствуй купно со всѣми своими!

Крайняя моя нужда принуждаетъ меня васъ, мою государыню, своимъ моимъ писаніемъ трудить и просить, дабы по своей ко мне склонности, се приложенное мое просителное письмо ея величеству всамилостивѣйшей государыне царице вручить изволивши, чрезъ которое я ея величеству рабски доносила о приезде моемъ к москвѣ. О семъ і вамъ, моей государыне, объявляю, что я то учинила неведая об отпу-

(1) Все письмо за исключеніемъ подписи — рукою секретаря.

ске тиранскаго моего мужа изъ санктъ-петербурха, ради великой нужды, а именно чтобъ мне сыскатъ верныхъ свидетелей, и очиститъ себя в сносныхъ животахъ, в чемъ на меня мужъ напрасно бьетъ челомъ, о которой моей нуждѣ прошу донести словесно всемилостивѣйшей государыне царице понеже я об оной вышеупомянутой моей рабской суплике именно еѣ величеству необъявила; при семъ васъ, мою государыню, прошу содержать меня в прежней любви вашей, и упоминатъ в милости всемилостивѣйшей государыне царице. Такожде и не оставить меня безвестну въ дѣлѣ моемъ; понеже я ныне кроме васъ приятелей въ санктъ-Петербургѣ неимѣю, а наипаче васъ, мою государыню, прошу уведомитъ меня, какъ еѣ величество, всемилостивѣйшая государыня царица изволитъ принять отъ васъ мою нижайшую суплику, даждо вамъ, моей государыне, всегда благодарить и служить, по своей должности буду; впротчемъ остаюсь вамъ, моей государыне, служебною должнаго Александра.

Р. С. Сего моего посланнаго человека отдаю в волю вашу; прошу не изволите одного ко мнѣ отлучать напрасно безъ всякой ведомости приидти, токмо мне приидеть пущую печаль. Такожде васъ, мою государыню, прошу изволте об отпуске одного человека согласна съ зной ездоровою юшковою, понеже я той стороны имѣю некоторую нужду.

Из Москвы « 25 » септября 1720 г.

VI

Виллиамъ Монсъ подѣ видомъ женской персоны къ Александру Салтыкову 1719 или 1720 г. (1).

Sprawstajou matouska alessandra grigorgefna, hose dai wam dobrago edrowije; sa fse samajwa wassei, selaju dabie piessange etage was magu, goschudarinu flogrom; stratga sastalla, sa katorrom al fsewo fsewo smogemo sertsza selaju, praschu wasse maju gaschudarinu, dabie ja ne sastajenna bicha piessangei wassem, koturaja primaju sebe sa weliekaja slasge, kogda ja wieschu al wasse kashe piesmo wasche, to bog moi swidetele, sto ja sweliekoi radassiu wosprimagu i trut fsej stolka priлагaju gellu wassemu, sto bogu annomu fsejam, i storgjuscha, stobie skore akonsat srobrum, sastajange, kf samu selanju, i nadejusa sio fskore posle prasnika, tokmo was praschu ne iswolde pezallitsa, i sebä be wremena sakrusat ab ouom dele, fso bogom budet ustraeua, ponege gege weliezeswo welmi kwam milasliewa, i ni wies kak saselegiet ab was, takkosde i ob radiedeie wassem, pri schem astajus wam magei gaschudarine wernaja wam uschufnesza.

(1) Собственной рукой Монса, на свободскомъ языкѣ.

VII

Петръ Михайловичъ Бестужевъ—Рюминъ къ Монсу

1

2 ноября 1719 г.

Государь мой Вилимъ Ивановичъ!

Прошу васъ, государя моего, быть о мнѣ всенадежнымъ, и во всепочтѣннѣйшихъ писаніяхъ вашихъ неоставить меня, въ чемъ есть весьма благонадежеть, изволте, государь мой, мнѣ поверить, что я zelo обязуюсь вернымъ по услугамъ вашимъ быть, при вашей корошпанденціи изволте оныя писма ко мне при всеприятномъ вашемъ писаніи присылать; я оныя в надлежащее место верно и во всякой сохранности отправлять буду; понеже мнѣ оное извѣсно и весьма секретно содержать буду; в чемъ изволте быть паки всенадежны и я в томъ вамъ весьма услужитъ потщусь и сестру вашу, государыню мою, утруждать онымъ неизволте ⁽¹⁾. При семъ же полученное писмо прилагаю и со многими почтениемъ пребываю вамъ государю моему слуга вѣрный Петръ Вестужевъ.

Из Митавы « 2 » Ноября, 1719 г.

2

6 февраля 1722 г.

Государь мой, Вилимъ Ивановичъ!

Понеже здесь каргопольского драгунскаго полку при дворѣ государыни царевны (рота) (?) весьма плохо і еѣ высочества повелела мне васъ проситъ чтобъ вы изволили доложить еѣ императорскаго величества государыне царіце Екатерине алексеевне і о томъ ваше стараніе приложитъ чтобъ его императорскаго величества доложитъ дабы повелено было на смену каргопольской роты изъ гранадерскихъ конныхъ полковъ роту с офицеры определитъ воособливаю службу ей высочества, которую б могли называть здесь еѣ высочества гвардіею і чтобъ до генералитета такъ и до полку дела неимела, но толкобъ подъ еѣ высочества указомъ была, а провиантомъ і фуражемъ довольствоватъ оную роту изволитъ отъ своихъ амтов, но толкобъ жалованье офицерамъ і редовымъ изъ военной коллегии или отъ камисаризта ⁽²⁾ присылалосъ понеже (и жунди-

⁽¹⁾ Дѣло идетъ о секретной корреспонденціи Монса съ А. Г. Салтыковой; какъ видно Матрена Ивановна писала къ ней отъ имени брата, доколѣ Бестужевъ не предложилъ безопаснѣйшаго способа къ передачѣ писемъ непосредственно отъ самого Виллима Ивановича.

⁽²⁾ Два слова неразобрано.

ровъ и стола) хотя своего прибавитца здесь полутчей делат; во истинну еѣ высочеству не без стыда, что оберраты употребляют за собою княжескую гвардію с изрядным убором; за что еѣ высочество обещает вамъ удовлетворитъ честно посему⁽¹⁾ покорно прошу какъ скорай уведомит і пребываю вамъ государя моего слуга вѣрный петръ бестужевъ. Из митавы 6 февраля 1722.

VIII

Артемій Петровичъ Волинскій къ Виллиму Монсу 1720—1724 г.

1

14 іюня 1720 г.

Государь мой і любѣзныи другъ

Я за особливое несчастіе себѣ прічитаю, что неведаль вашего отъезду и zelo уділяюся что вы такъ тайно збѣжали, і что за прічина не знаю! Прощу васъ, Государя моего, уведомитъ, когда ихъ величество сюда изволятъ прібыть, чтобъ мнѣ о томъ вѣдать а я zelo жажю, что неведаль васъ прі отезде, понеже и яб неотсталъ, также изволтъ с моей стороны попенять Петру Федоровичу, чтобъ онъ забылъ мою прозбу; сімъ окончавъ остаюсь

вашъ Государя моего
вѣрно обизанныи слуга
А : волинскоі.

Из S. P. B. Іюня 14-го 1720 г.

Прі семъ кланяетца вамъ слѣпюи бандорка и репортомъ ожидаетъ, куда повѣлено будетъ репортовать, однакожъ за слѣпотою одному ему невозможно ехать, но проситъ, чтобъ мнѣ проводить.

2

30 декабря 1720 г.

Государь мой любезныи другъ и братъ виліимъ івановичъ

Письмо ваше, государя моего, от 21 декабря, я получилъ, за которое zelo благодарствую, а о себѣ доношу, что я несчастливъ моимъ сюда пріездомъ, понеже такъ немогу, что девятон день, и надворъ не могу выттит, нетокмо куда ездить, от чего в превеликомъ страхе, чтобъ не пришлося мнѣ въ иное, однакожъ свидѣтельствуюся богомъ і всеми, кто меня видел, понеже жалеютъ, хто здес есть все посещаютъ истинно такова себѣ мученья нікогда не видалъ : завалила у меня мокротою

⁽¹⁾ Слово неразобрано.

горло і грудь, такъ что нетокмо свободно есть і спат немогу, и уже от сидѣня спиною тронутца немогу, а ежели лягу, то такъ заливаетъ мокрота, что и духъ захватить, і такъ в сутки мнѣ развѣ достаетца уснуть два часа, и то сіда, оклався подушками, однакожъ кто у васъ можетъ поверить, еще бѣ ежели сія болѣзнь мнѣ приключилася в Петербурхе, тобѣ предъ глазами відімо было; пожалуй мой батюшка донеси премилостивой матери, всемилостивейшей царіце Государонѣ, что сотворила со мною рабомъ своімъ милость, ежели случитца в слову, чтобъ милостиво предстательствовала, кленуся богомъ, что неімѣю німалой прічіны, за чемъ бы могъ до сего времени здѣс медлѣть; однакожъ канѣ скоро нетокмо свѣожусь, но хотя мало полегче будетъ, поеду, а теперѣ сижу какъ уролъ, облепленъ в пластыряхъ, і голова, и горло, и на грудяхъ и обвязанъ весь. Пожалуй, мой батюшка, неоставитъ меня писмами своїми, ибо мнѣ ніхто такъ неудевителенъ, что андреянъ, которой такъ меня збылъ, какъ недоброй человекъ, сколько пропустилъ оказей, хотябъ от него стрѣжу выделъ; между тѣмъ же приехалъ к нероному человекъ, с которымъ онъ и мнѣ писалъ, а но мнѣ нічево. Извольте меня по совѣсти разсудить, с нимъ, такъ же и сестрѣ извольте обзвѣтъ, которой прѣмну отдать в благодареніемъ мой вижайшей поклонъ, прітомже и всѣмъ вашей любезной вѣщаніи, а на особливое писма чтобъ непрогневалася, истинно і к вамъ пішу черезъ силу, также пожалуй поклонись отъ меня дмитрею андреевичу ⁽¹⁾, которой с вами водномъ списке здѣс записанъ в бѣглоцахъ, а протчіе во временщикахъ, о чемъ извольте уведомитца от другихъ, а паче от князя авдрея ⁽²⁾. Также разглашено здѣс про василья дмитревича, что онъ лишень весьма милости Государыни царіцы, і бутто уже нікуды не годѣтца, что ему изволъ сказать, і отъ меня отдать поклонъ.

Что же, Государь мой, изволили писать об дошедѣ, по которую я нарочно в деревню послалъ, толко какъ слышу, сказывалъ мнѣ матвей и люди мои, что очень хороша стала і чиста, і ежели такову увижу, то я человеку степана василевича ⁽³⁾ неотдамъ, ибо какъ бы нісмотрели, однакожъ такъ нельзя, какъ в глазахъ, того ради посмотрю, ежели можно, то пошлю к вамъ; будеже еще неискрепчала, то отдамъ князь андрею вязимскому, у котораго бережнѣе будетъ, а онъ прішлетъ к вамъ по лѣту, о калмыке князь Ніколаю я посылалъ, а самъ ево невідалъ, понеже и онъ спостелѣ недостаетъ, такъ бѣденъ, также і князю александру черкасскому посылалъ, и свѣрхъ того князь грігорью алексѣвичу говсрѣлъ и своїмъ людемъ пріказалъ, чтобъ искали. Инаго вамъ, моему государю, доноситъ неімею, токмо прошу неперемѣнно меня в вашей милостѣ і любви содержать, почітая истиннымъ і вѣрнымъ вашимъ слугою, яко есмь і пребуду.

⁽¹⁾ Шеншелеву; «путевой маршалъ» двора Екатерины.

⁽²⁾ Вяземскаго.

⁽³⁾ Лопухина.

Вашъ, Государя моего, покорный і вѣрнообязанный слуга і братъ

А : волынской.

Изъ москвы. Декабря .30. дня. 1720 г.

На томъ же листкѣ записка къ Петру Балку :

Государь мой Петръ Федоровичъ

Сего часу прислалъ ко мнѣ князь Николай, что люди ево калмыка твоего поимали, я ево велѣл, и себѣ привести, і буду держать скова- нова у себя в домѣ, а когда будетъ оказіа велю к вам отослать.

Вілім Ивановичъ изволь покрічат на андреяна полѣхче, ибо я тепер получилъ от него письма, только чтоб впредь так недѣлалъ и оказей не пропускалъ.

3

2 февраля 1721 г. (1)

Государь мой и любезный другъ и братъ Виліимъ Ивановичъ !

Ваше, государя моего, благопріятнѣйшее писаніе, отъ .21. прошедшаго генваря отправленное, исправно принять получилъ, за которое вамъ, государю моему, вѣло благодарствую. Такожъ и за показанные ваши, заочныя мнѣ дружескія милости и благодѣянія; прошу и впредь меня неоставить, въ горестномъ моемъ отлученіи, въ чемъ я на васъ моего друга вѣрную надежду имѣю. О себѣ доношу, что я намѣренъ былъ конечно ѣхать отсюда тридесятаго или тридцать перваго числа, прошедшаго, какъ и къ ихъ величеству чрезъ мои всеподданнѣйшіе доносилъ, однакожъ ене удержала меня покупка лошадей и протчаго, что мнѣ здѣсь принять надлежитъ, для посылки въ Персію. О чемъ хотя ежедневно посылалъ къ здѣшнимъ управителямъ, которымъ то отправить и отдать мнѣ повелѣно, однакожъ немогъ и по сіе время сдѣлать, того ради принужденъ здѣсь затѣмъ остаться, но хотя отладутъ или нѣтъ, только далѣе седьмага числа сего мѣсяца не буду мѣшкать, и бросаю все поѣду всеконечно, понеже слава вышнему отъ болѣзни моей имѣю нѣкоторую свободу, а здѣсь живучи уже отъ страха сердце надсѣлось. Однакожъ прошу васъ, моего государя и друга, въ томъ меня охранить, что я послѣ того термина здѣсь остался, въ чемъ вѣрно васъ обнадеживаю, что ниодного дня больше жить небуду, токмо сіе для прочихъ прошу умолчать; симъ окончивъ остаюсь вашъ, государя моего, вѣрный другъ и покорный слуга

Артемей волынской. (2)

Изъ москвы 2 февраля 1721.

(1) Письмо писано рукой секретаря.

(2) Отсюда собственноручно.

Прі сем прошу ѣе величеству доложит понеже я увидѣлъ, что в можайскихъ вотчинахъ бѣзделные жеребцы, того радѣ отдаю грузинцову ⁽¹⁾ двухъ жеребцовъ, которые нынѣ покупаютца, ибо обѣ лошади изрядныя, а сторгованы за триста за трѣтцетъ рублевъ, вместо которыхъ бѣру у него такіхъ коі тощъ негодны. Обѣ серые и грѣвы свалілись а отдаю одиъ вороной а другой саврасоі, от которыхъ чаю, обновѣтца тамошнѣи заводъ.

Прості ⁽²⁾ мой батюшка, друг мой вілімъ івановичъ, прошу вас ежели буду живъ, неоставитъ, а буде умру поминать.

Також прошу отдат поклон мой сестре вашей милостивой Государынѣ моей і всемъ вашей любезной еамілі.

4

9 февраля 1721 г.

Государь мой и любезный другъ и братъ вілімъ івановичъ

Увѣдавъ нашу истинную дружбу и любовь, просилъ меня іванъ петровичъ талстой, чтобъ я его вамъ, государю моему и другу, рекомендовалъ и просилъ вас; того радѣ прошу, дабы вы, государь мой, изволилі его в свою дружбу и любовь прінять, і такъ содержать, за котораго я безсумненія общаюсь порукою быть, что онъ вашу дружбу, какъ і сомною имѣетъ чисто содержать будет и можетъ быть протчемъ верный вамъ слугою, вчемъ и тядя твоі слепецъ общей нашъ камратъ вамъ порукою будетъ; ибо я здесъ между ими дружбу добрую сосводничелъ; а слышалъ я, что и с вами у него хотя прямой дружбы, однакожъ пріятелями были, того ради дай боже, чтобъ я впрямую дружбу васъ сосводничалъ, какъ и надѣюсь, что можетъ быть постоянна собѣ стороны, сімъ прекратя остаюсь, вашъ, государя моего, вѣрно обязанный и чѣстосердечный другъ і братъ і покорный слуга А. волинской кланяюсь. в москвѣ 9 есвряля 1721.

доношу вамъ только тайно

Получилъ я ведомость изъ астрахані, что идуть къ терку незваные гости, которыхъ, хотя нехочетца, однакожъ встречать надобно, ибо оставитъ нельзя, чтобъ непотчивать; хотя у меня и мало такіхъ с кемъ потчивать, только конечно надобно ітѣтъ туда, хотя мнѣ і небѣзтруда будетъ, понеже слышу, что ихъ немало, о чемъ донесено и военной колѣгні, которой бы надлежало послать указъ къ кропотову, чтобъ онъ комнѣ хотя два полка отправилъ, также чтобъ і къ донскимъ казакамъ послалъ указъ послушной; а безъ того я могу и пропасть, ежели итѣтъ только своїми, понеже у меня болше 3000 нѣтъ, а ихъ съ 30,000. однакожъ хотя ко мнѣ прѣбавокъ будетъ ілі нетъ, однакожъ мнѣ нейтѣтъ невозможно

(1) Управляющему можайскихъ вотчинъ государыни.

(2) Отсюда на двухъ отдѣльныхъ лоскуткахъ, вложенныхъ въ письмѣ.

жно и пойду конечно, хотя пропаду; а то причтут, что у меня матушкино сердце, которое во мнѣ и с робятскихъ лѣтъ не бывало.

5

23 июня 1721 г.

Государь мой и любезный другъ відѣль ивановичъ.

Хотя я от васъ чрез андреяна писма і непблучилъ, однакожъ несумѣваю премены в вашей, государя моего, любви і пріязни, но імею всегда на васъ верную надѣжду; о себѣ доношу, что встраханы прібыль, которую нашолъ пусту і совсемъ разорену, а іменно крепостей здешнихъ стены во многихъ местахъ развалились а худы все; также и башни некоторые чаю изволятъ упасть скоро; гварнізонъ здешней такъ справенъ, что в пяти полкахъ выбралъ я с небольшимъ с 2000 годныхъ оузей, и то на сію; драгунскихъ лошадей по табѣлю только одна, а мундіры, какъ на драгунахъ, такъ и на салдатахъ ні на одномъ, и адиннатцет лѣтъ не давано; от чего многие ходят в балахонахъ, а вычтено у нѣхъ съ 34.000 которые денги в казані і селі; также провианту по пріезде моемъ нашолъ я только съ 300 четвертей, да прі мнѣ вывезлі съ 5000; и тако, до істиннѣ, что нівіжу, все надобно вновь дѣлат і такая прішла на меня напасть, что незнаю, за что прінята, ктомууж особлівої на меня божей гневъ, что аюіперы здесь такіе, что въ редкомъ путь, а протчие и дуракі, и пьяницы, которымъ невозможно быть ні над бѣстією, нетокмо над людьми, і ктому теперь прішло, что ні послат, ні пріназат нічего невозможно. Еще ж ведомості здес непрестанно изъ терка подтверждаютъ, что непріятелі такъ прішлі в сію, что уже и проевалъ струдом; которыхъ (непріятелей) сначала было несколько сотъ но нынѣ умножілос и до 6000 которые какъ около терка, такъ и около гребѣнскихъ казаковъ все разорілі и пограбілі, о чемъ какъ в сенат, такъ і в кадегію чаю не одну стопу бумаги намарали, но ревалюцій о томъ віоткуда мѣтъ; но знат што не нашу тысячю рубять! однакожъ я нехота оставить принужденъ зделат туда транспорты забравъ отсюды всехъ салдат і драгунъ, і самъ с німі, а здесь покину только для наразуду і то ссоломенымъ ружьемъ; я васъ, мой батюшка, прошу показат ко мнѣ милость і внушит о томъ всемилостивейшей царіцѣ государынѣ, чтобъ показала надомною, рабомъ своїмъ, милость, о чемъ я і чрезъ мое всеподданнѣйше просілъ, которое прі семъ посылаю и прошу вручит; ибо я віжу, что нарочно такъ делаютъ і оставлі, чтобъ я пропасть, чего и искат самъ еду; я віжу, что идомъ тѣ больше делаютъ добра, нежели господа наши, ибо, хотя я не імелъ указу, однакожъ відя сію напасть, принужденъ проситъ аюку хана, чтобъ онъ помогъ мнѣ, которой тотчасъ обѣщалъ мнѣ от пяти и до шти тысячъ казмыкъ послать тудажъ к терку, на что у меня и лутчая надежда, а что тамъ зделаю, незнаю; поістиннѣ я теперь в такой дісперациі, что самъ себѣ не рад, понеже здесь дѣла тма, а тамъ пропа-

даеть; однакожь оставя все, принужденъ туда ехат, чтоб там і всего непотерять; болше сего писать к вам неимѣю. токмо прошу показать ко мнѣ какую нѣбудь милость нынѣ кропотов скомандою бѣз всякаго дѣла, хотяб от него мнѣ уже далі олінъ полкъ, понеже я ні с чем еду, то бѣ я с помощію вышняго надѣялся, что нѣбудь зделать а теперь, хотя и еду, токмо напрасно, понеже у меня регулярныхъ и дву тысячъ nebudeтъ, которыми можетъ быт от терка отбѣтъ мочно, но чтож в том ползы. ежели на нѣх неітѣть і неучинѣть им такова разоренья в жѣліщах ихъ, какое чинят оні нам; то чем я от терка отступлю, а оні накі тожь будутъ делать, того раді, по моему мнѣнію, ежели на нѣх не ходѣтъ, то бы мнѣ лучше и на терке быть уже незачемъ, понеже когда я им прїездом моим нічего неучиню, то відімо будетъ звакъ, что мы ихъ бутто боимся, что увѣда могутъ к нѣм и другіе многи пристат, которые теперь бутто еще держатца, бутто под страхом, и тако, Боже сохрани, может оттого прѣмая война родѣтца, однакож у нас того несмотрѣтъ что впередъ будет; сімъ окончавъ, остаюсь вашъ, моего государя, верный другъ і покорный слуга Артемей волинской. Из астрахани іюня «23» д. 1721 г.

6

25 сентября 1721 г. (1)

Государь мой вѣрный другъ и любезный братъ!

Вопервыхъ благодарствую вамъ, государю моему, за ваши учивенныя мнѣ заочныя дружескія благодѣнія, и потомъ доношу, понеже послалъ я къ ея величеству, всемилостивѣйшей царицѣ государынѣ Араба съ Арабкою и съ двумя Арабченками, съ поручикомъ Карповымъ, который посланъ съ нѣкоторымъ репортомъ въ военную коллегію, а притомъ и мои ему нужды поручилъ; того ради, васъ моего государя и друга, прошу, о чемъ онъ васъ будетъ просить, въ томъ меня неоставить, такожь и его въ вашей милости содержать. А что здѣсь дѣлается, ссылаюсь на его вамъ изустное довошеніе, ибо онъ на здѣшнее на все самовидецъ, а и на постороннія дѣла отчасти извѣстенъ, между тѣмъ и о моемъ каторжномъ житѣ онъ вамъ доноситъ; симъ окончивъ, паки васъ, государя моего и друга, прошу меня въ прежней вашей милости и дружбѣ содержать, въ которую вручая мя и тако остаюсь вамъ государя моего и друга вѣрный и покорный слуга А. Волинской, изъ Астрахани, сентября «25» д. 1721 г. (2)

Р. S. Прі семъ которую я подарилъ вам дощель, надѣюсь, что на весну можно вамъ на ней будетъ ездить, того раді посылаю вамъ, моему другу, турецкой мушкетъ серебряной і с наперстью и с ренною: прошу в память услугъ моѣхъ і верной любви прїятъ.

(1) Рукой секретаря.

(2) Отсюда собственноручно.

• За тем прошу вас, государя моего, облить мої должної поклонъ, хотя я и словесно приказывалъ государю моему Петру Федоровичу такожъ государю моему Степану Василевичу съ Натальею Федоровною ⁽¹⁾.

7

5 декабря 1721 г.

Государь мої і любезный другъ і братъ!

Не распространяя инаго, токмо прилагаю прї сем мое всеподданнѣйшѣ прошеніе ко всемилостивѣйшей матері царіцѣ государонѣ, ис котораго все мої нужды изволіте увидѣть, и прїтомъ васъ, моего государя и друга, прошу, оное ѣ величеству на единѣ вручить; а прочель-бы алексѣй васильевичъ ⁽²⁾ того радї, изволте излучить, чтоб онъ тутъ былъ; я самъ чрезъ Бога прошу показать свою дружескую ко мнѣ милость впрѣдстательствѣ къ еѣ величеству; а о делахъ здешнихъ пропастныхъ много васъ трудитъ нехочу, токмо ссылаюся на посланные мої писма къ алексѣю васильичу, общего нашего друга, такожъ и князъ Григорья алексѣевича, которые изволіте увидѣть, чаю и узнатъ, каково мое бѣдное житѣе; за темъ немогу васъ много трудитъ, толко прошу, для милости божьей, зделайте со мною милость, чтобъ я вечно вотчаянїи не пропасть, сімъ прекратя остаюсь вашъ; государя моего и друга, верный і покорный слуга А. волинской ізъ гребѣнскова казачья щадрина городка. 5 декабря 1721 г. Прї семъ прошу, отдать поклонъ мої милостивой моеї государонѣ, сестре вашей, і всей вашей оамилїи моїмъ милостивымъ.

Намерень я былъ подъ вашимъ ковертомъ послатъ государонѣ царіцѣ мое писмо, но сказалъ мнѣ блеклой, что вы посланы къ городу, того радї оное послалъ подъ ковертомъ Алексѣя василевича.

8

28 января 1722 г.

Государь мой любезный братъ і верный другъ вїлімъ івановичъ дружеское ваше, государя моего и брата, писаніе изъ москвы здѣсь прїнато, я получилъ, нонемогу написати, чтобъ беспечалї было, тогда однакожъ всегда вамъ, моему другу, благодарствую за ваше дружеское истинное неоставленїе, за что всевѣнний самїхъ васъ милостиво неостави. Прї семъ доношу, что я по окончанїи известныхъ вамъ терскихъ дѣлъ, съ которыми довольно было труда, но, слава вышнему, вїдїтца что надобно было, то все неупущено. Чего и я вїстиннѣ не-

⁽¹⁾ Лопухинимъ.

⁽²⁾ Макаровъ.

чаялъ, ибо незапное дело было и вооженося (?) рядъ дѣлу. Олиакожъ порубилі и вполоть побралі сколко змоглі и бродилі по болотам и по степямъ, какъ хотелі и такъ сщастливо сію начатую на востокъ компанію окончал, а шпаги из ноженъ невынімалъ (однакожъ трудовъ моіхъ і вамъ из взятыхъ в пленъ малчіка изряднаго челом бью) потомъ, мнѣ прішло ктому, что ні там зімовать стало (бес хлеба дурно), ні сюда итѣ с малыми людьми нелзя, і такъ уже прішла мнѣ бѣда не шутка, понеже оакцією детахъ моіхъ калмыковъ намеренъ былъ итѣ на меня бахта гирей бѣшеной салтанъ кубанскоі, вчемъ меня одінъ владелець престерегъ, что я уведавъ, прінужденъ політчно дати знат хану, что я оакцію ихъ знаю, и чтоб онъ ведал, что если будетъ мнѣ от кубанцевъ, пакость то онъ в томъ ответъ дастъ: і с темъ отважася, положіся на волю божію и 22 декабря (с свірепым войском убрався) пошелъ, что ні будетъ; и хотя по істиннѣ с такимъ трудом, какова еще сроду невідалъ, однакожъ бѣзбѣдно, и сюда сего, генваря 8 числа, со всеми, слава вышнему, прибылъ, токмо дни празданіка рожества до смерти мнѣ незабыть, а день новаго года прілучілося торжествоват на голой степі бѣзводы и бѣздровъ; но за все прошедшіе труды и бѣзпокойствы нынешняя почта прінесла мнѣ великую радость, а то уже со всемъ было укореніся здесь зімовать і для того пріпасать было сталъ я местічко теплінкое, понеже моі хоромы зело бѣспокойны. По слава всевышнему, что мілостію всемілостівѣйшей Государони нашей милостиво свободілъ; за что незнаю, какое благодареніе могу пріписати, понеже сіе выше моего ума дѣло; и тако неотменно отсел с первой недели поста поеду; естлі дастъ богъ, поуправася, неотложилбы я ні до завтрея, токмо некоторые бѣзделіцы навязаліся, которые неучредя, ехати нехочетца; дай всевышній прібыть и чтоб уже не токмо руки, но слѣды ногъ ихъ императорскаго величества получить радуюся всеподданнѣйше целовать; болѣе сего распространять нехочу ні о чемъ нынѣ, понеже самъ буду к вамъ непісанная, но живая грамотка, тогда изволте читать о всемъ беспотпіси, а сказывать есть что, хотяб кто былъ і на томъ свѣтѣ, стоко ж сталъ бы сказывать, а я и терекъ держу недутче ада, около котораго живутъ илі звері илі черті; о чемъ донесетъ вамъ пространно Господінь блеклой; сімъ окончивъ, остаюсь вашъ, государя моего і друга, верный братъ і покорный слуга Артемей вольинскоі. Из астрахані 28 дня генваря 1722.

9

8 февраля 1722 г. (1)

Государь мой благонадежный другъ и братъ!

Нынѣ инаго вамъ государю моему и другу доносить не имѣю, токмо посылаю ко всемілостивѣйшей императрицѣ государынѣ къ употре-

(1) Рукой секретаря.

блєнію стола здѣшніе дичи; сколько сыскать могъ, пять драпъ, и 21 фазанъ, да кабаньихъ поросятъ шесть, которой заводъ у меня въ домѣ отъ дикихъ кабановъ завелся. И ежели въ цѣлости сіе привезено будетъ, прошу васъ, государя моего пристойнымъ образомъ ея императорскому величеству донести, и экскузовать меня, дабы непрогѣвлася, что такую бездѣлицу дерзнулъ послать, въ надеждѣ ихъ величества кониѣ рабу матерней милости, и отъ простоты моего усердія, чтобъ милостиво изволили принять и кушать, о чемъ я просилъ и Алексѣя Васильевича; сямъ окончивъ, остаюсь вашъ, государя моего и друга, верный и покорный слуга Артемей волинской. Изъ Астрахани. Февраля 8 дня 1722 г.

10

• 28 февраля 1722 г. (1)

Государь мой и истинный другъ и братъ Вильгельмъ Ивановичъ! Доношу вамъ, что я сего февраля 21 дня, изъ Астрахани выѣхавъ и сюда въ Царицынъ вчера прибылъ, до котораго верстъ за десять недѣжая дошолъ было конца такимъ образомъ, что и ночью спалъ, и такъ привезли меня къ полыньѣ, подлѣ которой подъ моими саними съ двумя коренными лошадьми ледъ проломился, и понесло меня, какъ бы на плоту въ полынью прямо, но еще тѣмъ Богъ спасъ, что передніе лошади удержались на крѣпкомъ льду, и потомъ вытащили и сани; токмо такихъ я добрыхъ товарищей имѣлъ, что не хотѣли отстать отъ меня, кои за мною ѣхали, одни за другими пятеро сани вляполися въ воду и поплыли, и такъ билися нѣсколько минутъ, доколѣ прибѣжали оставшіе съ оглоблями и съ возжами, и такъ слава-богу вытаскали людей и возы; однакожъ что было перепортили такъ, что рѣдко что годится, а прочее все пропало; и такъ мнѣ сдѣлало убытка около 400 рублей; чего ради принужденъ перемѣшкать здѣсь два дня; а потомъ такимъ же путемъ ѣхать до Саратова; но что дѣлать, хотя съ убыткомъ и бѣдами, однакожъ дай только Боже видѣть ихъ императорское величество; и потомъ васъ, чему обрадуясь все сіе забвенію предамъ; симъ прекратя и остаюсь вашъ, государя моего и друга, вѣрный и покорный слуга А. волинской.

Изъ царицына. Февраля 28, 1722 г. (2)

Р. S. Паче другога убытка зело мнѣ жаль перуковъ, понеже что было все, тутже и любимые ваши два, никуда негодятца. Тутже перуки все полінали толко осталис черные и те без глянса; я вас, моего друга и брата, прошу, потрудитца два перука, тупе, и около полюбю-

(1) Рукой секретаря.

(2) Отсюда собственноручно.

жини чулковъ (если у васъ цветныхъ нѣтъ) ссыкать, однакожъ я слышу, что и васъ заставила неволя щеголять и рубашки уже слышу, что почали вы смажетами носить, что за великое удивление почитаю и вовсе небуду верить, нежели глазами моими увижу.

Ежели, государь мой братецъ, не сыщется для меня нова двора в слободе, не мошноль вамъ поговорить господину бѣлоу, чтобъ онъ перѣхалъ на загородной свой дворъ, а мнѣ слоботцкой уступилъ, понеже, какъ вамъ известно, что мнѣ конечно надобно быть къ преображенскому ближе; а ктому жъ, когда буду (въ) слободе, то надеюсь, что и выѣз со мною ждѣи. однакожъ, какъ і вы знаете, что докторъ скупъ, то невозможноль, хотя съ наймомъ, яб и тѣмъ былъ благодаренъ, только чтобъ бытъ къ вамъ ближе.

11

28 іюля 1723 г.

Государь мой и благонадѣжный другъ і братъ вилѣмъ івановичъ!

Я за особливое несчастье себѣ причитаю, что неединого писма отъ васъ, государя моего, неполучилъ, хотя многократно къ вамъ писалъ, однакожъ вины моей никакой незнаю, что отдаю на ваше разсужденіе, прѣ семъ доношѣ анета моя ротѣла мнѣ трепѣцу, которой далѣ имя анна, и девка изрядная естѣи будетъ жива, чаю карлица будетъ, чѣмубъ я и радъ былъ, понеже когда будетъ неглуна тобъ уповалъ, что будетъ вместо авдотьюшки (') в милости и ябъ болше нежелалъ, чтобъ она со всемъ была такова, какъ она, чтобъ себѣ за особливое счастье причѣталъ, мнѣ бы бѣзубытку. Предъ симъ я просилъ всеподданнѣйше всеимилостивѣйшую государыню нашу императрицу о милостивомъ позволеніи, чтобъ государыня цесаревна анна петровна соизволила оную подъ свою высокую протекцію принятъ отъ купели, о чѣмъ такожъ и еѣ высочество всеподданнѣйше просилъ, однакожъ до сего времени несподобилася того высокаго указу получить, что за особливое несчастье причитаю; и имею великую печаль, непростегивалъ ли тѣмъ? того ради, васъ, государя моего і друга, прошу уведомитъ меня о томъ, по милости своей, нетъ ли на меня гнева, отъ котораго, боже сохрани, куда я годенъ буду, лучше хочу умереть, нежели чѣмъ прогневатъ и пакѣ васъ, государь мой прошу пожаловать ко мнѣ отписать и изъ сего сумненія меня вывести: вашъ, государя моего и друга верный і покорный слуга А. вольинской. Изъ астрахани іюля 28 дня 1723 г.

При семъ отдаю должной поклонъ мой милостивой государынѣ еяей, матрентѣ івановнѣ и всей вашей любѣзной оамиліи.

Надѣюсь я, что вы, государь мой, извѣстны о произошедшей адесъ бѣзделицѣ? понеже какъ слышу, что уже ихъ величеству донеслося, того радѣ принужденъ я всеподданнѣйше трудѣи еѣ величество, всеми-

(') Любимая карлица Екатерины.

достигъйшую императрицу государюю и донестъ подробно, какъ было из чего; і вы изволіте увидетъ, естлі моя хотя малая вина. богъ свидѣтель, что я сіе за особливое несчастіе почітаю, паче же печалюся смертельно, можетъ быть, что ихъ императорскому величеству нетады донесено, какъ было; того ради, боюся ихъ величества гнева.

12

28 мая 1724 г. (1)

Мой милостивой государь, Вилимъ Ивановичъ!

Который пакетъ я вамъ, государю моему, при отъѣздѣ моемъ, вручилъ, для самаго бога пожалуй, государь мой, покажи со мною милость, изволте неумелля вручить всемилостивѣйшей государынѣ, и притомъ побить челомъ, чтобъ показала на ло мною, разомъ своимъ, божескую милость, изволила бы подать его императорскому величеству и притомъ милостиво объявить: что понеже я желалъ, чтобъ его величество, по первому моему меморіалу, изволилъ спросить меня, однакожь такъ сдѣлалось, что изволилъ подписать, въ такой силѣ, что ни правды, ни вины моей знать *неизволитъ, кромѣ дѣсу и людей* (2).

И тако сіе склоняется къ тому, чтобъ я *показалъ, что моя правда, и что моя вина* (3). Того ради, какіе я посылалъ жестокіе указы о дѣсу въ Сибирскъ, и сколько разъ посылалъ, и зачѣмъ онѣй дѣсъ въ Астрахань не бывалъ, тому, всему въ прошломъ еще году прислана отъ меня въ кабинетъ обстоятельная вѣдомость; чтобъ изволилъ приказать, кому изволитъ вѣрить, а собливо желалъ бы я, чтобъ высмотрѣлъ Павелъ Ивановичъ. (4)

Людей, что я оставилъ 1000 человекъ въ Астрахани: первое не для моей прихоти, а если то сыщется, приказалъ бы меня за то хотя четвертовать; второе: такая крайняя нужда была, что Михаилъ Аѳонасьевичъ людей у меня побралъ съ 400 человекъ, и естлибъ не онъ, тобъ ни провантъ отправлять, ни судовъ таскать было нечѣмъ; третье: что я и оставилъ не собою, но по письму Михаила Аѳонасьевича, съ котораго копію тутъ приложилъ (5), а въ прочихъ дѣлахъ я такъ дѣлалъ, какъ вѣрному рабу надлежало; и для того и правду и вину мою написалъ тутъ, чтобъ показала государыня божескую милость, изволила бы его императорскаго величества попросить, чтобъ самъ изволилъ прочесть, а потомъ какъ его воля, ибо изволитъ изъ того усмотрѣть: добрый ли я человекъ или нѣтъ?

Также прошу и о другомъ меморіалѣ, который я, по приказу все-

(1) Рукой секретаря.

(2) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

(3) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

(4) Ягужинскій.

(5) То-есть приложилъ при меморіалѣ.

милостивѣйшей государыни, вручилъ вамъ, о томъ припоминуть ⁽¹⁾, а что с шурьями ⁽²⁾ зделается о томъ вамъ жена моя донесетъ і паки васъ, государь мой милостивой, прошу показат надо мною милость вчемъ я благонадѣженъ пребывая и остаюсь вашъ, государя моего, покорный і верный слуга А. волинской. Изъ села Петровскаго. Мая 28 дня. 1724.

13

Года и числа неизвѣстнаго.

Государь мой, любезный братъ и истинный другъ вілгельмъ ивановичъ.

Прошу вас, государь мой, припомнить о поданіи меморіала, і по немъ о ісходатаіствованіи мнѣ жалованья: понеже управляю я свое дѣло уже 16 мѣсяцовъ, а жалованья нікакова не получаю; того раді, чтоб оное повелено было выдать; и впред учиніть мнѣ окладъ денежной и хлѣбной, дабы могъ себя там содержать, ибо как вам известно, что мнѣ бес того содержать себя невозможно; к тому ж будутъ мнѣ непрестанные отлучки, которые требуютъ особліво излишнихъ расходовъ.

второе прошу, чтоб опредѣлитъ ко мне таварыща, понеже какъ віжу нынѣ, что у меня больше дураковъ, нежели умныхъ. И тако с трудомъ дѣла и прі мнѣ будутъ, а ежели мнѣ куда отлучитца, то, по истинѣ, некому вручить будетъ. Того раді, везде возможноль одною головою все зделать, естлі не будетъ несколькихъ добрыхъ помощниковъ; а я-бы уже и одному радъ былъ. Також, мой батюшка, прошу вас особліво припамятовать о том, что мнѣ прі отпускѣ обещано, понеже мнѣ нічто такъ непотребно, какъ сія милость.

А затем уже прошу і об извезстом вам дѣлѣ, чтоб о склонности дѣлушкіной доложитъ, і к совършенію сіе прівестъ, такъ какъ вамъ с той стороны говорено; а больше и я нынѣ не требую .. ⁽³⁾

IX

Иванъ Максимовичъ Шуваловъ къ Виллиму Монсу: 13 апрѣля 1722 г. ⁽⁴⁾.

Милостивый государь мой, Вилимъ Ивановичъ!

Доношу вамъ, моему государю, въ лапстандѣ съ господиномъ Ливеномъ обрѣтаемся всегда въ спорахъ о зачатіи границы. Надлежитъ начать отъ кирки Вироласкъ, понеже другога мѣста такимъ званіемъ нѣтъ; а онъ толкуетъ, называя отъ себя заливъ: виролоскомъ. По

⁽¹⁾ Отсюда собственноручно.

⁽²⁾ Слово это неразборчиво.

⁽³⁾ Конецъ письма отрѣзанъ.

⁽⁴⁾ Рукой секретаря, кромѣ подписи.

приходу тое кирки такожъ новыми милями продолжать границы нехочетъ, а представляетъ старыя мили, которыя въ половину новыхъ, или мало больше. Прошу, милостивый государь, неоставить меня въ своей милости. Иного къ доношенію неимѣю, токмо остаюсь въ вашей милости моего государя нижайшій слуга Иванъ Шуваловъ. Лап-странцъ. 13 апрѣля 1722 года ⁽¹⁾.

X

Петръ Андреевичъ Толстой къ Виллиму Монсу

1

9 Декабря. 1723 г.

Государь мой вилим ивановичъ!

Прошу вас, государь мой, вначе ⁽²⁾ ея величеству всемилостивѣйшей наше государынѣ императрице при моемъ рабскомъ поклонѣ довести, что для которыхъ дѣлъ я отправленъ въ Москву, оныя началъ исправлять и с помощью божію уповаю быть исправнымъ. Токмо зѣло мнѣ печально, что се время вещи, которые выписаны изъ италиі въ Москву, еще непривизѣны; однакожъ ожидаемъ ихъ вскоре; а прочіе здѣсь начали дѣлать, и прошу вас, государь мой, неумедля прислатъ ко мнѣ рисунокъ кавалеріи ея величества, безмерно трудно здѣсь сыскать мастерицъ, которыя шить умѣютъ, хотя и есть некоторые, токмо плохи, однакожъ буду и о томъ стараться по возможности; еще мой государь, прошу довести, что, по указу ея величества, дворы, где стоятъ государынямъ царевнамъ, по требованію василья салтыкова, очищены и ему опые вручены, а именно на чистомъ прудѣ дворъ полковника Петра Иванова сына лачинова, на которомъ жилыхъ теплыхъ 9 покоевъ; другой подле тогожъ, иноземцовъ вахрамѣя да Петра меллеровъ, на которомъ 8 покоевъ. Я опасаясь либо вещи изъ италиі умедлятся, сыскалъ здѣсь въ запасъ бархатовъ красныхъ одного цвѣту съ шесть сотъ аршинъ также и другихъ цвѣтовъ немало и заказалъ ихъ до указу продавать, грановитая полата, хотя и сделана была до моего сюда пріезду, но нынѣ все велелъ переделатъ, и вскоре чаю поспѣетъ, также и другіе полаты, для ея величества будутъ готовы, и впрочемъ сколько богъ поможетъ уповаю изправится и пребываю вашего благородія покорной Петръ Толстой.

Изъ Москвы, декабря • 9 • дня 1723 г.

(1) Иванъ Максимовичъ Шуваловъ, отецъ знаменитаго фаворита Елисаветы Петровны — Ивана Ивановича, отправленъ былъ Петромъ въ Выборгъ въ 1718 г. для описанія и доложенія на планъ морскихъ береговъ до устья рѣки Урпалы и чрезъ рѣку Воксу до Ладожскаго озера. Въ 1722 году онъ былъ оберъ-комендантомъ Выборга и размежовывалъ земли между Швеціей и Россіей согласно нейштадскому договору.

(2) Слово неразборчиво написано.

2

18 декабря 1723 г.

Государь мой вилим ивановичъ! Свеликою моею горестию услышал я здѣс, что их величество неизволят быт в москву, к празнику рождества христова, и по истиннѣ, гоударь мой от тяжких размышленей едва жизнь моя нескончается. Того ради, свеликим прилежанием вас, мой гоударь, прошу отписат ко мнѣ причину, для чаго их величества походъ свой изволили отложить, притом же прошу донестъ ея величеству, всемилостивейшей нашей гоударынѣ императрице, что здесь предуготовление чинятсѣ с великим поблещением, и вещи из италіи привезены преизрядные, токмо неможем кроит платъя на пажеі и на гайдуковъ без мѣры, такъже, прошу неумедди прислат ко мнѣ рисункъ кавалеріи ея величества, за тем остановилос дѣло, о чем я к вам, гоударь мой, писал и напред сего; впрочѣмъ с почтением пребываю покорной вашъ слуга Петръ Талъстой. Изъ москвы, декабря 18. дня 1723 года.

3

Неизвѣстнаго года и числа.

Государь мой вилимъ Ивановичъ. Сига часа были у меня дербенды, которые присланы от тамошняго наипа, и объявили мне, что наипъ прислалъ сними къ ея величеству, всемилостивой напей гоударынѣ императрице, одну девочку горского народа; того ради прошу вас, моего гоударя, доложить ея величеству, понѣже оныя дербенды желают, чтобы им самим оную девочку ея величеству представить. А присланной от наипа — племянникъ ево, каторого и ея величество знатъ изводитъ. И что ея величество изволитъ повелет, прошу, гоударь мой, меня уведомить покорной слуга П. Талъстой.

XI

Стихи, писанные рукой Егора Столтова, найденные въ его бумагахъ.

1

Охъ свѣтъ мой горкій моей молодости,
Печально терпѣть, не имѣю радости,

Мои утѣхи въ плачь ся превратились,
Мои роскоши уже пременились,

Тяжкая туга меня сокрушаетъ,
Злая же печаль жизни мя лишаетъ,

Хоть пойду въ сады или въ виноградъ,
Не имѣю въ сердцѣ ни жалой отрады,

Другъ мой сердечный прочь отъѣзжаетъ,
Меня блдную въ горѣ оставляетъ,

Иже обязавъ союзомъ сердечнымъ,
Въ любви сопряжень, въ вѣрности нечестной,

Который во всемъ хотѣлъ быть вѣрнымъ,
Мнѣ же до смерти никакъ неотвѣтнымъ,

Нынѣ отъ очей моихъ онъ сокрылся,
Ахъ горе, горе, уже удалился.

Кого бѣдная сердечнѣ любила,
Того несчастьемъ своимъ утратила,

Возьму съ печали преострые мечи,
Промолвлю въ горѣ такія азъ рѣчи :

Безчастный той день, въ онъ же азъ рожденна,
Почто на свѣтѣ тако сотворенна,

За вѣрность мою легко мнѣ умрети,
Вѣчный слухъ будетъ ахъ ! объ моей смерти.

Пробью на мечи свои бѣдныя перси,
Отъ чего умру, ты самъ другъ мой вѣси.

2

Охъ ! жалю несносны, гдѣ златыя лѣта
Очи, которые заживаютъ свѣта
Зѣло убо тяжело оныхъ погубити
О коль есть прискорбно, безъ зрѣнія жити.
Не жаль ли то тяжело утраты зраки
Да быся вернули во обитель паки,
Кто убо-бы не радъ сипевой годинѣ,
Кто убо-бы зѣло не тѣшился нынѣ,
Днесь-же азъ презѣльно оными страдаю,
Сердцемъ, всѣми члены, въ полы умираю.
Понеже вся радость отъ мене лишена
Яко глава моя лютѣ уязвлена,

О злобное время не полно-ль ти было,
Что и въ прежнія лѣта тѣмъ меня явило.
Нынѣ наипаче горестъ мнѣ являетъ,
Ясности пріятной отлучить желаетъ.
Убо-азъ надежду полагаю въ Бозѣ,
Онъ мя да врачуетъ въ милости на мнозѣ,
Аще и зла болѣзнь меня обложила,
Главу, умъ, мысль, волю жестоко смирила,
Аще и никто мнѣ о семъ не поможетъ,
Но Ты, о всещедрый и всекрѣпкій Боже,
Ибо всю надежду на тя полагаю,
И отъ тебя пріяти всяку благость чаю.

К О Н Е Ц Ъ

Mr. 2025/86

106

134

752
019152

7/85

